

С.С. Алексеев

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА

том II

«Юридическая литература»

*«Юридическая
литература»*

С.С.Алексеев

*ОБЩАЯ
ТЕОРИЯ
ПРАВА*

Курс в двух томах

Москва 1982

С.С.Алексеев

ОБЩАЯ
ТЕОРИЯ
ПРАВА

том II

«Юридическая литература»

Рецензенты:

В. Н. КУДРЯВЦЕВ, член-корреспондент АН СССР
С. Н. БРАТУСЬ, доктор юридических наук

Алексеев С. С.

А47 **Общая теория права. В двух томах. Т. II — М.:
Юрид. лит. 1982.— 360 с.**

Книга является продолжением т. I курса «Общая теория права» (Юрид. лит., 1981), в котором рассматривались проблемы теории философского (общесоциологического) характера. На основании анализа механизма правового регулирования в т. II освещаются преимущественно вопросы технико-юридического содержания права, имеющие не только общетеоретическое значение, но и значение для практики работы юридических органов: норма права, правоотношение, правовые акты, технико-юридические вопросы применения права. Все эти вопросы характеризуются в книге на материале советского права с учетом положений, разработанных в т. I.

Рассчитана на ученых-юристов, аспирантов и студентов юридических вузов.

А 1202000000-007 6-82
012(01)-82

67

Раздел седьмой

Механизм правового регулирования 9

Глава 21

Механизм правового регулирования.
Аспекты проблемы 9

Глава 22

Основные элементы механизма правового
регулирования 24

Раздел восьмой

Норма права 31

Глава 23

Норма права: понятие, основные черты 31

Глава 24

Структура нормы права 53

Глава 25

Виды норм права 64

Раздел девятый

Правоотношение 82

Глава 26

Правоотношение: понятие, основные черты 82

Глава 27

Виды правоотношений 102

Глава 28

Содержание правоотношения. Субъективное право 112

Глава 29

Субъект права 138

Глава 30

Объект правоотношения 154

Глава 31

Юридический факт. Фактический состав 163

Раздел десятый

Правовой акт 192

Глава 32

Правовой акт: понятие, основные черты, виды 192

Глава 33

Нормативный юридический акт 201

Глава 34

Система нормативных юридических актов 214

Глава 35

Действие нормативного юридического акта 237

Глава 36

Систематизация в праве 251

Глава 37

Юридическая техника 267

Глава 38

Толкование в праве 290

Раздел одиннадцатый

Правоприменительная деятельность 317

Глава 39

Правоприменительная деятельность: понятие, основные черты 317

Глава 40

Правоприменительные действия 332

Послесловие 351

Предметный указатель 354

В т. II курса продолжено рассмотрение проблем, содержащихся в т. I: здесь, по замыслу автора, получили свое воплощение и развитие идеи и теоретические положения, выдвинутые на основе общефилософских, общесоциологических соображений в первом томе (М., Юрид. лит., 1981).

Однако материалы т. II имеют и самостоятельное значение. Основанные на обобщении фактических данных, которые относятся к догме права и технике юриспруденции советского права, они охватывают важнейшие разделы общетеоретических правовых знаний, непосредственно связанные с конкретными юридическими науками, юридической практикой.

Как и в т. I, автор не стремился исчерпывающе осветить соответствующие проблемы. Главным и в т. II является определение исходных методологических позиций и разработка отправных общетеоретических положений, прежде всего выражающих концепцию курса — органическое соединение философского (общесоциологического) подхода с углубленным специально-юридическим анализом. В связи с характером содержащегося в настоящем томе материала при рассмотрении специально-юридической проблематики за основу взяты общетеоретические идеи и конструкции специальной юридической теории, обоснованные в т. I. Наиболее существенные из них — положения о правовом регулировании, функциях права, способах и типах регулирования, нормативном и индивидуальном регулировании, о содержании и форме в праве — составляют теоретические предпосылки для рассмотрения вопросов в данном томе. С учетом указанных особенностей содержания тома общие социально-политические, идейно-теоретические характеристики, изложенные в т. I, не воспроизводятся: они рассматриваются как уже известные читателю, и это позволяет сосредоточить внимание на технико-юридических проблемах догмы права и техники юриспруденции.

Значение же такой, преимущественно специально-юридической характеристики правовых вопросов в т. II,

по мнению автора, в полной мере согласуется с положениями Отчетного доклада ЦК КПСС XXVI съезду партии о том, что новые законы позволяют регулировать общественные отношения «тоньше, точнее». Ведь точность и «утонченность» правового регулирования означают не только его соответствие назревшим потребностям социальной жизни, но и такое его построение, при котором достигается умелое, искусное сообразно этим потребностям применение специального юридического инструментария. А к последнему наряду и в соответствии с особенностями методов, способов и типов правового регулирования (отраслевых и специальных юридических режимов, централизованных и децентрализованных методов, запрещающих и предписывающих способов, общедозволительных и разрешительных типов и др.) относятся как раз разнообразные, отличающиеся подчас уникальной спецификой юридические нормы, правоотношения, правовые акты — все то, что образует тонкости механизма правового регулирования, а также правоприменительной деятельности.

Т. II включает пять разделов: механизм правового регулирования (разд. седьмой), норма права (разд. восьмой), правоотношение (разд. девятый), правовой акт (разд. десятый), правоприменительная деятельность (разд. одиннадцатый).

Автор глубоко признателен рецензентам тома — заслуженному деятелю науки РСФСР профессору С. Н. Братусю и члену-корреспонденту Академии наук СССР В. Н. Кудрявцеву — за ценные замечания и конструктивные предложения.

МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Глава 21

МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ. АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

1. **Понятие механизма правового регулирования.** Наиболее общим образом механизм правового регулирования (в последующем — МПР) может быть определен как *взятая в единстве система правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения.*

Понятие МПР производно от понятия правового регулирования. Этим прежде всего определяются место и значение понятия МПР в ~~марксистско-ленинской~~ общей теории права. Как и понятие правового регулирования, оно в рамках правоведения представляет собой методологическую категорию, конкретизированно выражающую требования материалистической диалектики по отношению к явлениям правовой действительности. В соответствии с этим понятие МПР обеспечивает такое четко философски сориентированное видение правовых явлений, которое дает возможность провести в общей

теории права специально-юридический анализ философского уровня (I.17.I).

Понятие МПР позволяет:

не только собрать вместе явления правовой действительности — нормы, правоотношения, юридические акты и др. и обрисовать их как целостность (это достигается также и при помощи понятия «правовая система»), но и представить их в «работающем», системно-динамическом виде, что характеризует результативность правового регулирования, его способность гарантировать с правовой стороны достижение поставленных законодателем целей;

высветить в связи с этим специфические функции, которые выполняют те или иные юридические явления в правовой системе, показать их связь между собой и взаимодействие.

Вместе с тем понятие МПР, хотя и производно от понятия правового регулирования, имеет самостоятельное высокозначимое место в категориальном аппарате марксистско-ленинской общей теории права. Оно призвано отразить анатомию правовой действительности с ее динамической стороны и, следовательно, обрисовать саму субстанцию права, т. е. элементы правовой системы, через которые осуществляется правовое регулирование.

Это обстоятельство в высшей степени важно при рассмотрении тех вопросов теории права, которые относятся в основном к догме права и технике юриспруденции и по своему содержанию являются общими для отраслевых юридических наук. Поскольку за исходные при таком рассмотрении взяты положения о МПР, постольку здесь, при освещении специальных проблем теории права, обеспечивается последовательное проведение метода материалистической диалектики. Таким путем общетеоретическая трактовка вопросов догмы права и техники юриспруденции может быть поднята на философский (общесоциологический) уровень и интегрирована в единое содержание общей теории.

2. Различные подходы, или аспекты. Приведенные определение и краткая характеристика МПР нацелены в основном на инструментальную, специально-юридическую его интерпретацию, при которой внимание сосредоточивается на средствах юридического воздействия,

образующих в своей последовательной связи единую цепь правовых явлений.

Вместе с тем понятие МПР является достаточно емким и многогранным, допускающим и другие подходы к освещению средств правового воздействия. Эти подходы, позволяющие в ряде случаев использовать научный потенциал иных наук — психологии, общей социологии и др., — направлены на то, чтобы раскрыть те или иные, подчас весьма существенные, стороны процесса правового регулирования, свойственные ему механизмы.

Важно лишь, чтобы престижность соответствующего понятийного аппарата в терминологии не привела к неоправданному их использованию, а отсюда обесценению этой проблемы, утрате ею необходимой определенности: к такой ее постановке, при которой всякая последовательная связь между правовыми явлениями служила бы основанием для конструирования понятия механизма¹, к тому же подчас связанного со стремлением представить его чуть ли не единственно оправданным в научном отношении. Ведь при всей емкости и многогранности понятия МПР оно во всех случаях призвано показать системно-динамический срез правовой действительности, анатомию юридического воздействия.

Среди подходов к МПР, имеющих конструктивное значение, следует выделить три: инструментальный, т. е. специально-юридический механизм, психологический и социальный механизмы действия права.

Можно предположить, что сам факт наличия обособленных друг от друга подходов к проблеме МПР — свидетельство еще недостаточно высокого состояния ее разработки. В этом плане, по-видимому, наиболее теоретически значимых и практически важных выводов можно

¹ Это, надо полагать, и получилось в той трактовке МПР, которая предложена Б. В. Дрейшевым. Охарактеризовав в качестве «системы правового регулирования» то, что другими авторами рассматривается как его «механизм», Б. В. Дрейшев сводит последний к системе одних правоотношений (правотворческих, регулятивных, охранительных) (см.: Дрейшев Б. В. Правотворческие отношения в советском государственном управлении. Л., 1978, с. 26, 52). Однако правоотношения, между разновидностями которых действительно существует связь, представляют собой лишь одно из звеньев сложного процесса правового регулирования, и оно как таковое не способно отразить все богатство юридического инструментария, участвующего в этом процессе.

ожидать от исследований, в которых удастся соединить указанные выше подходы. Уже сейчас видна органическая связь между особым построением глубинных элементов правовой системы, которая характеризует специально-юридические функции права и выражается в соотношении дозволений, запретов и обязываний, с психологическим механизмом, мотивами поведения людей, а отсюда с теми социальными явлениями, которые можно отнести к социальному механизму действия права (правовыми установками, ориентациями участников общественных отношений и др.). В связи с этим появляется ряд новых социально-политических, юридических и психологических моментов в освещении элементов МПР — юридических норм, правоотношений и др. Некоторые из изложенных далее соображений призваны отразить такого рода соединение подходов, или аспектов, к проблеме МПР.

3. Инструментальный, специально-юридический аспект МПР. Этот аспект охватывает весь комплекс средств, весь юридический инструментарий, который «работает» в процессе правового регулирования.

Наряду с выделением в МПР юридических норм, правоотношений и других аналогичных средств воздействия в нем может быть выделен и более глубокий слой — то, что условно может быть названо *функциональным* МПР (функциональным в том смысле, что перед нами правовые явления, в которых непосредственно выражаются специально-юридические функции права).

На этой стороне МПР следует остановить внимание читателя. Можно предположить, что здесь раскрываются исходные юридические начала и «пружины» правового регулирования, а главное, юридический инструментарий непосредственно связывается через функции права с объективно обусловленными требованиями экономического базиса данного классового общества.

Известные наметки подхода к МПР с данной стороны сделаны В. М. Горшеневым. По его мнению, МПР складывается из двух основных полярных элементов: во-первых, это — способы воздействия, дозволения и запреты (активная сторона), во-вторых, это — способы реализации, которые проявляются в фактическом поведении людей, в совершении действий или в воздержании от действий (результативная сторона); между указанными «чистыми» способами расположены, как полага-

ет автор, промежуточные звенья — правосубъектность, юридические факты, правоотношения, представляющие собой последовательные стадии перевода нормативности права в упорядоченность общественных отношений.

Правда, пытаясь совместить в одном ряду разнопорядковый юридический инструментарий, В. М. Горшенев упускает из виду нормы права, акты реализации и др. Неоправданно отрицает он и существование такого способа правового регулирования, как позитивные обязывание (автор отождествляет его с «предписанием»)².

Но если сосредоточить анализ на дозволениях и запретах и держать в поле зрения третий способ правового регулирования — обязывание, то, надо полагать, может быть найден конструктивный путь освещения МПР с данной стороны.

Дозволения и запреты, а также обязывания — наиболее глубокий слой МПР. Превращаясь в процессе правового регулирования в реализацию права, они как бы проникают во все звенья МПР — юридические нормы, правоотношения, акты реализации, во многом предопределяя их черты и особенности.

Это один из ключевых моментов. В сочетании способов регулирования проявляются особенности специально-юридических функций права — регулятивной динамической и регулятивной статической. Обязывание, с одной стороны, дозволения и запреты — с другой, выступают проводниками особых специально-юридических функций: обязывание — динамической, дозволения и запреты — статической (I.12.4). Хотя в обоих случаях правовое регулирование предполагает активную деятельность людей, их коллективов, но в социальном и юридическом отношениях принципиально важно, что в первом случае (динамическая функция) на лицо возлагаются обязанности к активному действию, а во втором (статическая функция) — к воздержанию от определенных действий. Именно это и обуславливает специфику юридического инструментария на каждом из указанных участков правового регулирования, специфику столь су-

² См.: Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972, с. 50—55.

щественную, что перед нами разные, подчас несопоставимые пласты правовой материи.

Отмеченная специфика тем более существенна, что обязывание, с одной стороны, и рассматриваемые в единстве дозволения и запреты — с другой, обладают различным, во многом неоднозначным потенциалом воздействия на социальную жизнь. Внешней силой, имеющей, так сказать, «навязывающий» характер, отличается способ позитивного обязывания, выражающий динамическую функцию. Но эта потенциальная мощь правового регулирования имеет и теневую сторону (существует довольно широкий простор для волюнтаризма, для «навязывания» участникам общественных отношений обязанностей, не соответствующих социальным потребностям).

По-иному характеризуются взятые в единстве дозволения и запреты, выражающие статическую функцию права. Правовое регулирование обладает здесь куда меньшей потенциальной мощью внешнего «навязывания». Его регулирующая сила состоит главным образом в том, чтобы при помощи субъективных прав дать простор для действия всей системы социальных регуляторов — экономических, духовных и др. И тогда, когда дозволения и запреты находятся в органическом единстве с этой общей системой социальных регуляторов, конечный эффект правового регулирования нередко более значителен, чем при обязывании, в большей мере согласуется с объективными потребностями жизни данного классового общества. Вместе с тем — и это обстоятельство нужно особо оттенить — взятые в единстве дозволения и запреты органичны для права, полностью отвечают его природе, важнейшим, определяющим сторонам его социальной ценности. Именно в данном случае классовая сущность права раскрывается через нормативно-организованную социальную свободу, право в качестве нормативной системы противостоит произволу, своеволию, субъективизму, а его социальная ценность отчетливо проявляется как упорядоченная социальная активность.

Понятно, что все эти черты и особенности, плюсы и минусы способов правового регулирования, их сочетаний весьма по-разному выражаются в зависимости от классовой сущности, исторического типа права. В условиях социалистического и коммунистического строи-

тельства правовые формы призваны обеспечить значительные преобразования в экономике, во всех сферах жизни общества и потому в социалистическом праве, базирующемся на подлинно научном, марксистско-ленинском мировоззрении, намного возросло значение и стало более органичным для правовой сферы регулирования при помощи позитивного обязывания, которое вместе с системой дозволений и запретов способствует развертыванию социальной активности трудящихся. Да и самое соотношение дозволений и запретов, выраженное в двух типах регулирования — общедозволительном и разрешительном, приобрело при социализме такой характер, который обеспечивает большие возможности для социальной активности на основе высокой организованности общественных отношений (I.17.6).

4. Психологический аспект МПР. МПР в рассматриваемом аспекте характеризует происходящие в результате правового регулирования *формирование и действие мотивов поведения людей* — участников общественных отношений.

Перед нами, в сущности, своего рода проекция способов правового регулирования на психологическую сферу личности. Даже при самом общем освещении психологического механизма можно отчетливо проследить, как по-разному «работают» в сфере психики людей, с одной стороны, позитивное обязывание, а с другой — дозволения и запреты.

Позитивное обязывание, опосредствующее динамическую функцию, направлено на то, чтобы сформировать *побудительные мотивы поведения* и обеспечить (в конечном счете преимущественно принудительными мерами) их действие. Разумеется, в социалистическом обществе такое обеспечиваемое правом формирование и действие побудительных мотивов поведения согласуется, как правило, с формированием и действием аналогичных мотивов под влиянием экономических, политических, духовно-нравственных факторов и потому органически вплетается в закономерные социальные процессы.

И все же взятый в чистом виде данный способ правового регулирования предназначен для того, чтобы даже независимо от влияния иных факторов добиться при помощи многообразного комплекса юридических средств нужного эффекта.

С сугубо юридической стороны возложение обязанностей к активному поведению представляет собой мощную «навязывающую» силу и поэтому наиболее надежное средство, направленное на достижение намеченного социального эффекта. Однако оценка этого способа правового регулирования и меры его надежности неоднозначна.

Учитывая известную ценность данного способа правового регулирования, ярко проявляющегося в условиях революции и необходимости проведения глубоких социальных преобразований, следует принять во внимание и то, что он сам по себе не сориентирован на *собственную* социальную активность участников общественных отношений. Здесь, следовательно, не получает развития социально ценное в психической жизни людей, достигаемое при помощи юридического регулирования, — разворачивание потенциальных возможностей человека, основанных на собственной инициативе, сознательном выборе цели и средств ее достижения. К тому же надо иметь в виду, что положительный психологический эффект обязывания (выработка привычки к дисциплине, организованности) связан с известными издержками, величина которых возрастает в той степени, в какой обязывание не согласовывается с действием иных факторов, влияющих на поведение людей, — экономических, политических, духовно-нравственных. Ведь психологическая основа побудительного мотива в данном случае состоит в том, чтобы избежать неблагоприятных последствий: страх, боязнь и т. д. — явления, не способствующие развитию наиболее ценных психических качеств личности. Да и с точки зрения надежности позитивное юридическое обязывание имеет слабые стороны. Если отсутствует нужная согласованность с действием иных факторов и тем более если позитивное обязывание носит волюнтаристский, субъективистский характер, то даже при неизбежном в данном случае непомерном нарастании государственно-принудительных обеспечительных мер намеченный социальный эффект достигается не всегда, не полностью, порой лишь по формальным показателям, а главное дорогой ценой — с большими потерями, издержками, увеличением негативных явлений в социальной жизни.

Иной характер имеет психологический МПР в плоскости дозволений и запретов.

Если подходить к рассматриваемой проблеме с сугубо юридической стороны, то на первый взгляд может сложиться впечатление, что здесь основное, чего можно достигнуть при помощи юридических средств, — это формирование при помощи запретов *сдерживающих мотивов* поведения участников общественных отношений и обеспечение их действия.

Между тем правовое регулирование, осуществляемое при помощи дозволений и запретов, — решающий канал воздействия права на общественную жизнь, прямо согласующийся с его особенностями и ценностью и — что не менее важно — способствующий развитию побудительных мотивов поведения, причем таких, которые вытекают из материальных и иных определяющих процессов в жизни общества и соответствуют наиболее ценным психическим качествам личности.

Прежде всего юридический запрет, хотя имеет в основном сдерживающий характер, может оказывать немалое воздействие на поведение людей: ставить преграду возникновению тех или других видов поведения, ориентировать на возникновение иных видов поведения и т. д. Такое воздействие во многих случаях органично для социальной жизни, ибо юридический запрет со всем сопровождающим его довольно жестким юридическим инструментарием нередко лишь подкрепляет уже существующий моральный запрет и потому (как это характерно для социалистического общества) в большинстве своем вообще не может рассматриваться в качестве «навязываемого» участникам общественных отношений.

Самое же существенное заключается в том, что юридическое регулирование, осуществляемое при помощи дозволений, призвано дать простор материальным, духовным и иным внеправовым стимулам. Оно, следовательно, органически вплетаясь в экономические и другие основополагающие социальные процессы и тем самым обеспечивая закономерное, естественное функционирование всего социального организма, направлено на то, чтобы развивались наиболее важные духовные, психические качества личности, связанные с самостоятельной, инициативной деятельностью участников общественных отношений, с их социальной активностью, творческим отношением к делу. Тем более, что в ряде случаев (правда, в прямой зависимости от социального строя, от содержания правового регулирования и его

соотношения с моралью) само предоставление тем или иным лицам в порядке дозволения субъективных прав ориентирует людей на желательный, одобряемый обществом и государством образ поведения и, стало быть, в какой-то мере может способствовать формированию социально оправданных побудительных мотивов такого поведения.

Практика социалистического и коммунистического строительства в странах социализма свидетельствует о том, что при всей важности способа позитивного обязывания (он, в частности, сохраняет существенное значение в области народнохозяйственного планирования), определяющей тенденцией в развитии правового регулирования является все более широкое использование взятых в единстве, в органическом сочетании дозволений и запретов. Происходит это потому, что в полном согласии с общими закономерностями развития системы социального стимулирования в социалистическом обществе указанные способы правового регулирования обеспечивают широкое проявление всего позитивного потенциала материальных, моральных и иных духовных стимулов, вытекающих из социалистических общественных отношений³.

Существен и такой момент. Если теоретически возможно охарактеризовать особенности психологического МПР в зависимости от способов правового регулирования, взятых в «чистом виде», то в реальных жизнен-

³ В юридической литературе уже обращено внимание на значение для поведения людей стимулов, которые выражены в праве и мощность которых должна превышать мощность антистимулов (см.: Эффективность правовых норм. М., 1980, с. 96—97). Вряд ли, однако, правильно рассматривать в одном ряду в качестве положительных стимулов все правовые средства воздействия на осознанные интересы, включая юридическую ответственность (там же, с. 96). Здесь как раз нужен четкий дифференцированный подход. И в социально-политическом и в специально-юридическом планах в высшей степени важно различать, с одной стороны, позитивное обязывание и следующие за ним меры государственно-принудительного воздействия — правовые средства «навязывающего» характера, а с другой стороны, дозволения и запреты — правовые средства, призванные в своем единстве давать простор для инициативы и самостоятельности субъектов, приводить в действие всю систему материальных и духовных стимулов. Изложенные в указанной книге правила о мощности стимулов, их действии до «порога ощущения» и др. (там же, с. 98—99) весьма по-разному проявляются в зависимости от упомянутых особенностей юридического инструментария.

ных отношениях, в самой ткани права они действуют в сочетаниях, в различных комбинациях. Специфику этих сочетаний, комбинаций в психологическом ракурсе можно уже проследить в основных типах правового регулирования — общедозволительном и разрешительном (каждый из которых отличается немалыми особенностями именно со стороны психологического аспекта МПР)⁴. Еще более наглядно она проявляется в отраслевых методах правового регулирования — в одновременном использовании как дозволений и запретов, так и позитивного обязывания для решения тех или иных социальных задач.

Например, комбинированные приемы регулирования с весьма сложным сочетанием позитивных обязываний, дозволений и запретов применяются для опосредования отношений в области социалистического хозяйства. Здесь нередко возложение строгой обязанности совершить те или иные действия (выполнить плановые задания по производству продукции, по повышению ее качества и т. д.) соединяется с предоставлением в общедозволительном порядке субъективных прав, открывающих простор для действия материальных и духовных стимулов (дополнительное вознаграждение, премии, нематериальное поощрение). Достижение же предусмотренных в плане и юридических нормах результатов является основанием для возникновения новой группы прав и обязанностей, связанных с назначением поощрений, их выдачей и т. д. Любопытно при этом, что побудительные мотивы к исполнению основной обязанности формируются не столько под влиянием возможности применения государственно-принудительных средств, сколько в результате действия материальных и духовных стимулов, которое обеспечивается в свою очередь целой системой позитивных обязываний, дозволений и запретов.

В советской юридической литературе наряду с тем, что продолжают исследования стимулирующего действия государственно-принудительных средств воздействия, уделяется возрастающее внимание поощрениям — материальным и духовным стимулам, занимающим все больший удельный вес среди факторов, которые влияют

⁴ См.: Тарасов Н. И. Роль социально-психологических факторов в правовом регулировании. — Автореф. канд. дисс. Свердловск, 1979, с. 12—16.

на формирование побудительных мотивов поведения тружеников в социалистическом обществе.

Думается, однако, что разработка правовых вопросов поощрения не должна ограничиваться выделением соответствующих юридических норм (и тем более локализацией данной проблемы на попытке конструирования в качестве особой разновидности поощрительных норм). Дело в том, что общественные отношения, связанные с поощрением, опосредствуются разными юридическими средствами, отличающимися специфическим воздействием на поведение людей, в том числе и с психологической стороны.

В рассматриваемой области общественных отношений следует различать:

а) закрепляемые в правовом порядке показатели, за добросовестное и качественное исполнение которых предусматриваются меры поощрения (поощрение устанавливается за достижение показателей, и это само собой приводит к исполнению обязанностей, регламентированных теми или иными нормами);

б) право лица, в соответствии с которым известные, одобряемые обществом и государством действия, соответствующие установленным показателям, могут служить основанием для поощрения⁵;

в) право компетентного органа назначать поощрительную меру в случае наступления предусмотренных результатов;

г) юридическая обязанность компетентного органа при наличии всех необходимых оснований реально осуществить поощрительную меру — выдать награду, выплатить сумму премии и т. д.

Знаменательно, что в каждом из указанных случаев те или иные способы правового регулирования и соответствующий им юридический инструментарий (нормы) достигают известного эффекта в социальной жизни, по-разному воздействуя на психические процессы.

По отношению к юридической обязанности, связанной с установленными показателями («а»), внеправовой стимул — мера поощрения — выступает как обеспечительный фактор, который не только действует наряду с государственно-принудительными мерами и конкурирует с ними, но и имеет в социалистическом обществе доминирующее значение. В рамках данных отношений можно наблюдать ослабление роли правовых средств (позитивного обязывания) в формировании побудительных мотивов поведения. Нужный эффект достигается, так сказать, прямым путем, минуя механизм юридической обязанности.

То дозволение, которое выражено в праве участников общественных отношений избирать «поощряемый вариант» поведения

⁵ Вряд ли прав В. М. Баранов, полагающий, что уполномочивающие (управомочивающие) нормы тем отличаются от конструируемых им поощрительных норм, что первые только позволяют определить вариант поведения (см.: Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978, с. 30). Между тем управомочивающие нормы в зависимости от всего комплекса находящихся с ними в связи юридических предписаний вполне могут содержать одобрение данного варианта поведения и, следовательно, предполагать возможность поощрения, обеспечиваемого, однако, иными юридическими предписаниями, в том числе обязывающими.

(«б»), нацелено на то, чтобы развивать социальную активность, творческие, инициативные начала в поведении участников общественных отношений и, следовательно, в известной степени способствовать формированию и действию побудительных мотивов в деятельности людей.

Иное значение имеет право компетентного органа назначить поощрительную меру («в»): оно дает возможность принимать компетентное решение с учетом разнообразных условий социальной жизни, конкретных жизненных обстоятельств.

И наконец, права и обязанности, опосредствующие выдачу и получение поощрения («г»), призваны оказать дисциплинирующее влияние на человеческие поступки, придать строгий, обеспеченный характер существующим здесь взаимоотношениям.

5. Социальный механизм действия права. Понятие «механизм» в области правовых явлений можно использовать и широко, применительно к правовому воздействию в целом.

С рассматриваемых позиций заслуживает внимания группа вопросов о *социальном механизме действия права*. В. П. Казимирчук (автор этой идеи) относит к такого рода вопросам следующие: доведение правовых норм и предписаний до всеобщего сведения; направление поведения субъектов путем постановки в правовых актах социально полезной цели; формирование правом социально полезных образцов поведения; социально-правовой контроль⁶.

Первоначально, при обосновании идеи социального механизма действия права, стало складываться впечатление, что данный ракурс при освещении правовой действительности является ключевым, доминирующим, имеющим первенствующее значение по сравнению со всеми ранее разработанными подходами к правовому регулированию⁷. В последующем, при более подробном анализе, выяснилось, что проблематика социального механизма действия права имеет важное, но строго определенное значение, которое нет оснований преувеличивать. Тем более нет оснований подменять данным подходом все многообразие органичных для юридической науки подходов и характеристик.

Суть дела в том, что указанная выше проблематика касается правового воздействия в целом, причем

⁶ См.: Казимирчук В. П. Социальный механизм действия права. — Сов. государство и право, 1970, № 10, с. 37—44; Право и социология. М., 1973, с. 69 и след.

⁷ См.: Казимирчук В. П. Указ. статья, с. 37—38.

во многих случаях неспецифических для права сторон или сторон, относящихся к психологическому механизму. Как отметил Л. С. Явич, «концепция правового регулирования, разработанная в советской общей теории права, отличается от более поздней идеи социального действия права только тем, что предполагает изучение не любого влияния права, а изучение его специфически-юридического воздействия, связанного с наделением субъектов юридическими правами и обязанностями»⁸. В рамках идеи социального действия права концентрация внимания на доведении норм до всеобщего сведения, на постановке в правовых актах социально полезной цели и др. свидетельствует о том, что соответствующие вопросы затрагивают в основном область правосознания, социально-психологические аспекты функционирования права. К тому же если при характеристике всех этих вопросов и уместно употребление понятия «механизм», то, пожалуй, только в условном смысле, так как перед нами — не целостное системное образование, рассматриваемое в действии, а скорее лишь стороны функционирования права, подчас не связанные или отдаленно связанные между собой.

В то же время важно подчеркнуть существенное методологическое и теоретико-прикладное значение изучения социального механизма действия права. В той мере, в какой подобное изучение соответствует профилю, месту и роли конкретно-социологических исследований в правоведении (I.2.5.), оно способно обогатить целостное, единое содержание общей теории права, а также содействовать формированию (появлению) собственной проблематики, относящейся к социологии права. Важно, однако, с необходимой строгостью определить круг вопросов, который касается социального механизма действия права, отграничив его от вопросов психологического механизма (последние в отличие от собственной социологической проблематики затрагивают не взаимодействие людей, их коллективов, а мотивы поведения личности). Имеет существенное значение выделение в качестве наиболее широких

⁸ Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976, с. 246. Автор справедливо замечает, что по ряду вопросов подобный подход лишний раз подтвердил то, что марксистской теории известно давным-давно (там же).

сторон социального механизма действия права таких, как социальная среда функционирования права, с одной стороны, а с другой — социальные последствия действия юридических норм, а также более частных характеристик, в том числе правовая информация, правовая установка и ориентация субъектов⁹.

6. Основной аспект. При всем различии в возможных подходах к МПР и вытекающем отсюда разнообразии аспектов проблемы следует постоянно держать в поле зрения тот из них, который соответствует профилю правоведения как теоретико-прикладной области специальных общественных знаний.

Это — инструментальная, специально-юридическая характеристика МПР, при которой в единстве рассматривается вся система правовых средств, призванная обеспечить результативное правовое воздействие на общественные отношения.

Как бы ни была важна сама по себе философская (общесоциологическая) сторона изучения тех или иных сторон правовой действительности, логика проводимых в правоведении исследований в соответствии с его теоретико-прикладным профилем неизбежно ориентирует эти исследования на проблемы прикладного, практически значимого характера. Последние же наряду с вопросами правовой политики, направлениями правотворчества и другими социально-политическими вопросами охватывают юридическую практику, т. е. практику, относящуюся к деятельности судебных и иных юридических органов. А это и есть не что иное, как вопросы догмы права и техники юриспруденции, т. е. конкретных средств юридического воздействия, — все то, что в общетеоретическом плане как раз и представлено в обобщенном виде в МПР, рассматриваемом в инструментальном ракурсе.

Отсюда следует вывод, что в правоведении как теоретико-прикладной области знаний инструментальная,

⁹ По мнению Ю. А. Тихомирова, «механизм действия права включает в себя процесс материального осуществления принципов, актов, норм в результате экономического, социального и научно-технического развития, процесс юридический, процесс организационно-структурной перестройки, процесс идеологического и социально-психологического воздействия правовой системы» (Тихомиров Ю. А. Правовая система развитого социалистического общества. — Сов. государство и право, 1979, № 7, с. 39).

специально-юридическая характеристика МПР является центральной. Освещение всех иных проблем МПР так или иначе, но всегда органически должно опираться на особенности специфически правовых средств юридического воздействия. В частности, все более углубляющееся исследование социального механизма действия права, по-видимому, окажется эффективным в той мере, в какой будут взяты на вооружение общетеоретические разработки, посвященные сложному и многогранному юридическому инструментарию, который призван обеспечить результативное правовое воздействие на общественные отношения.

Можно предположить, что понятие МПР (при инструментальной его интерпретации) наряду с понятием права представляет собой своего рода активный центр единого, целостного содержания общей теории права. Конкретизированно воплощая требования материалистической диалектики в правоведении, эта категория способна объединить весь разноплановый общетеоретический материал и, в частности,— что особенно важно— интегрировать в единое, целостное содержание общей теории права также обобщенные научные данные по вопросам догмы права и техники юриспруденции.

Глава 22

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

¹. **Структура МПР.** Вопрос об элементах МПР — это вопрос о его структуре, составе и соотношении входящих в него правовых явлений.

Поскольку речь идет об инструментальной характеристике МПР, то вполне понятно, что его содержание складывается из *средств (инструментов)* юридического воздействия, т. е. таких правовых явлений, которые «работают» в правовом опосредствовании общественных отношений.

Отграничивая элементы МПР от иных правовых явлений, важно обратить внимание на следующие их черты.

Институционность: к элементам МПР относятся средства — то, что выражает субстанциональную, статическую сторону правовой системы. Поэтому правовые явления-процессы (например, правотворчество и применение права) при всей их важности в правовом регулировании входят в МПР не непосредственно, а в виде актов, технико-юридических средств и т. д.

Конкретная функциональность: к элементам МПР относятся правовые явления, которые реально функционируют. Поэтому общие, глобальные правовые явления, например законность, правосознание, при всем их определяющем значении в правовой системе, выступают не в виде элементов МПР, а в виде, так сказать, его среды, общего фона — фактора, присоединяющегося к тому или иному элементу в процессе его функционирования.

2. Стадии правового регулирования и основные элементы МПР. Исходный пункт при анализе МПР — это выделение основных его элементов.

Правда, в юридической литературе была предпринята попытка при освещении МПР просто собрать разноплановые правовые явления вместе и охарактеризовать их в одном ряду, причем независимо от их особенностей и ранга, т. е. изобразить в качестве однопорядковых и правотворчество, и юридические нормы, и законность, и правоотношения и т. д.¹ Такой подход к МПР, однако, не позволяет обрисовать его в виде функционирующей системы, вычленив в ней определяющие структурные связи.

Первоочередная задача при системном анализе МПР как раз состоит в том, чтобы, обособив средства правового воздействия, выделить среди них узловые элементы, своего рода «пункты сосредоточения». И это вовсе не означает, что правовые явления, не отнесенные к основным, низводятся до уровня второстепенных. Суть вопроса в ином: выделение в МПР основных элементов позволяет выяснить главные специфические функции, выполняемые средствами правового воздействия, их «роли» в процессе правового регулирования, их определяющие структурные связи. А это дает возможность

¹ См.: Ш а б а л и н В. А. Системный анализ механизма правового регулирования. — Сов. государство и право, 1969, № 10, с. 124—125.

привязать все иные правовые явления к тому или иному основному звену, охарактеризовать их под углом зрения тех специфических функций, которые являются центральными на данном участке процесса правового регулирования.

Каков же критерий для выделения основных элементов МПР?

Здесь следует исходить из того, что правовое регулирование представляет собой длящийся процесс, распадающийся на ряд этапов, стадий. Последние и могут служить критерием для обособления ключевых элементов механизма правового воздействия.

В процессе правового регулирования весьма отчетливо выделяются как минимум три главные стадии:

а) *стадия формирования и действия юридических норм*, характеризующаяся тем, что введенные в правовую систему нормы общим образом регламентируют, направляют поведение участников общественных отношений, устанавливают для них тот или иной правовой режим;

б) *стадия возникновения прав и обязанностей (правоотношений)*, характеризующаяся тем, что на основе юридических норм при наличии предусмотренных обстоятельств (юридических фактов) у конкретных субъектов возникают права и обязанности — индивидуализированные меры поведения;

в) *стадия реализации прав и обязанностей*, характеризующаяся тем, что программы поведения, которые заложены в юридических нормах и затем выражены в конкретных мерах поведения для данных субъектов (в правах и обязанностях), воплощаются в жизнь, осуществляются в фактическом поведении участников общественных отношений, становятся реальностью.

Кроме того, нередко возникает необходимость в дополнительной, факультативной, четвертой стадии, которая либо предшествует возникновению правоотношений, либо призвана обеспечить их реализацию. Это — *стадия применения права*, характеризующаяся тем, что компетентный властный орган (прежде всего суд) издает властный индивидуальный акт.

В соответствии с указанными стадиями правового регулирования четко выделяются три, а с учетом особой, факультативной стадии — стадии применения права — четыре основных элемента МПР:

юридические нормы,
индивидуальные предписания применения права
(факультативный элемент),
правоотношения,
акты реализации прав и обязанностей (см. схему
16).

Каждый из основных элементов МПР выполняет в процессе правового регулирования свои, специфические функции.

Юридические нормы представляют собой основу, исходную юридическую базу регулирования, с которой в юридической области «все начинается». При их помощи вводится тот или иной режим, программируется, нормативно направляется поведение участников общественных отношений в соответствии с заложенной в нормах идеальной моделью такого поведения. В нормах, кроме того, предусматриваются все те последующие юридические средства, которые образуют иные элементы МПР. От того, каков вид нормы, ее характер, зависят юридическое содержание, весь строй регулирования.

Индивидуальные предписания применения права — объективные результаты властных действий судов и иных компетентных органов, которые обеспечивают реализацию требований юридических норм, а именно: во властно-принудительном порядке либо обеспечивают возникновение правоотношений, либо гарантируют осуществление прав и обязанностей, нередко выражая в то же время индивидуальное поднормативное регулирование общественных отношений (I.19.1.).

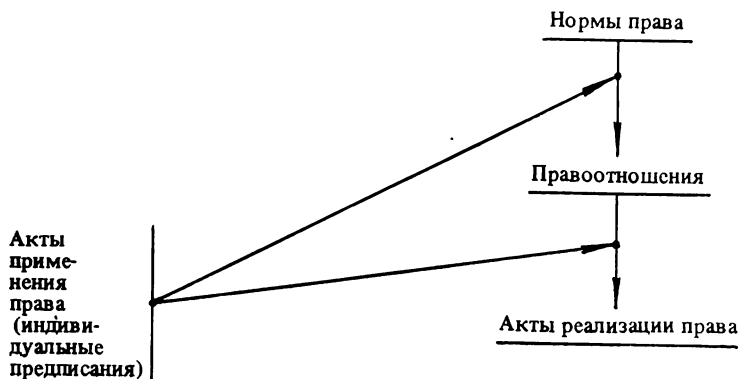
Правоотношения являются первым и притом важнейшим шагом в реализации общих программ поведения, заложенных в нормах. Правоотношения представляют собой главное средство, при помощи которого нормы воплощаются в жизнь, инструмент перевода (переключения) общих моделей поведения в плоскость конкретных мер поведения — субъективных прав и юридических обязанностей для данных субъектов. Правоотношение свидетельствует, что перед нами — точно определенные лица, которые что-то в юридическом отношении могут и что-то должны.

Акты реализации прав и обязанностей — это юридически значимые результативные действия субъектов, в которых реально осуществляются выраженные в правах и обязанностях меры поведения — возможности и тре-

бования. Здесь действие МПР завершается, происходит перевод общих предписаний юридических норм (на стадии правоотношения — конкретизированных в правах и обязанностях) в то фактическое, реальное поведение, на которое направлена воля законодателя².

Схема 16

ЭЛЕМЕНТЫ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ (МПР)

3. Подсистемы в МПР. Выделение главных элементов МПР, помимо того что позволяет очертить специфические функции на каждой стадии процесса правового

² Ю. Г. Ткаченко рассматривает правоотношение в качестве «модели», да притом такой, которая является средством индивидуального воздействия на поведение людей (см.: Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980, с. 106—107, 123). Это вполне логично привело автора к выводу о том, что правоотношения принадлежат к основе МПР. Тем самым в трактовке Ю. Г. Ткаченко из механизма выпало срединное звено со всеми специфическими функциями, ему присущими, и МПР оказался состоящим из двух основных частей: 1) моделирования поведения субъектов, 2) фактического поведения (там же, с. 124—125). Вместе с тем Ю. Г. Ткаченко при освещении МПР высказала ряд интересных соображений, в том числе о «регионах» правовых средств, связанных с передачей правовой информации (там же, с. 126—128).

регулирования, дает возможность сгруппировать правовые явления и, связав их с тем или иным из основных звеньев, найти им свою, соответствующую их природе клеточку, условно говоря, в периодической системе элементов правовой действительности.

Каждый основной, узловый элемент МПР вместе с примыкающими к нему элементами представляет собой своего рода подсистему, в рамках которой правовые явления функционируют в единстве и во взаимосвязи. Через подсистемы в МПР вовлекаются и такие правовые явления, которые, строго говоря, находятся за пределами правового регулирования, в частности юридический инструментарий, опосредствующий правотворчество. Следовательно, при таком подходе понятие МПР становится еще более теоретически значимым, емким, дающим инструментальный (анатомический) срез всей правовой действительности.

На стадии формирования и общего действия юридических норм целостную подсистему образуют вместе с нормами нормативные юридические акты — акты правотворческой процедуры, интерпретационные акты, систематизация, юридическая техника и др.; на стадии возникновения прав и обязанностей вместе с правоотношениями — юридические факты, правосубъектность; на стадии реализации прав и обязанностей вместе с актами реализации — обеспечительные правоприменительные акты.

Существование подсистем в структуре МПР позволяет с предельной четкостью распределить все средства правового воздействия по клеточкам целостной системы, а это, в частности, служит основанием для научно обоснованного распределения научного материала, установления последовательности при его систематическом изложении.

4. Элементы МПР, вопросы догмы права и техники юриспруденции. Определяющий критерий для отбора тех элементов правовой системы, которые должны быть предметом общетеоретической разработки в настоящем томе курса, связан с самой природой юридического инструментария, образующего МПР. Ведь это — те средства юридического воздействия, которые прямо относятся к практической деятельности юридических органов.

И именно принадлежность тех или иных юридических явлений к практике работы юридических органов

служит главным основанием отбора элементов правовой системы для последующего общетеоретического анализа. А элементы правовой системы, обращенные к практической деятельности юридических органов, предстают в основном как догма права и техника юриспруденции, т. е. как реально существующие объективированные нормативные положения действующего права, выражающие технико-юридическое, конструктивное содержание его отраслей (догма права), и как средства и приемы работы юридических органов по правотворчеству и реализации права (техника юриспруденции).

Вот почему в последующем изложении рассматривается не правовая система, взятая в общем виде, и ее элементы, а анатомия правовой действительности, выраженная в МПР, — юридические нормы, правоотношения, правовые акты, правоприменительная деятельность, т. е. правовые явления, каждое из которых рассматривается в ракурсе, имеющем значение для специфически правовой деятельности юридических органов.

НОРМА ПРАВА

Глава 23

НОРМА ПРАВА: ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ

1. Норма права. Отправные моменты ее характеристики. Норма права представляет собой институционное выражение нормативности права — его ведущего объективного свойства, свойства, для права не рядового, а такого, которое выявляет саму его социальную природу, его смысл, ценность¹.

Самым общим образом юридическая норма может быть определена в качестве *исходящего от государства и охраняемого им общеобязательного (общего) прави-*

¹ Когда утверждается, что существенным признаком права является нормативность, то, по справедливому мнению С. Н. Братуся, строго говоря, это — тавтологическое утверждение: если право — система норм, правил, предписывающих должное или возможное поведение тем, кому они адресованы, если норма — масштаб определенного поведения, то само собой разумеется, что суть права в его нормативности (см.: Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность (Очерк теории). М., 1976, с. 43).

ла поведения, которое предоставляет участникам общественного отношения данного вида юридические права и налагает на них юридические обязанности.

Главная особенность юридической нормы — ее государственно-властный характер. Даже в случаях государственного санкционирования того или иного правила (а не только прямого правотворчества) это правило исходит от государства. Исходит в том смысле, что оно признано государством и, следовательно, выражает государственную волю, представляет государство, опирается на его мощь. Разумеется, при этом нужно учитывать, что сила нормы, ее реальное воздействие на поведение людей, результативность зависят от соответствия юридических предписаний реальным потребностям социальной жизни, состояния законности, социально-психологической готовности людей соблюдать нормы и это внешне выражается в типичном, массовидном поведении участников общественных отношений².

Норма права — не просто разновидность социальных норм, а разновидность *особая*, по ряду сторон наиболее развитая, выражающая ту, в известном смысле высшую, нормативность, которая присуща праву. Это связано с государственно-властной природой права, с тем, что право представляет собой институционное образование, выражающее существенное совершенствование социального регулирования и в соответствии с социально-классовыми особенностями данного строя — прогресс

² Приведя сформулированное автором этих строк определение юридической нормы, В. Н. Кудрявцев замечает: «Здесь вовсе не упоминается о норме как типичном, массовидном процессе фактической жизнедеятельности» (Кудрявцев В. Н. Юридические нормы и фактическое поведение. — Сов. государство и право, 1980, № 2, с. 14). Между тем массовидность процесса фактического поведения выражает нормативность в ином, глубоко социальном смысле. Это, конечно, должно быть отмечено, но не в дефиниции нормы, призванной отразить специфику нормативного регулирования, а при одной из ее характеристик. К тому же, как дальше верно подметил сам В. Н. Кудрявцев, в данном случае речь идет о «праве в действии», о «реализации норм в адекватном поведении», т. е., строго говоря, не о самой норме, а о проблеме в иной плоскости — о функционировании права, о соответствии нормы и фактического поведения. Таким образом, вывод автора о том, что «правовая норма — всегда должное, но может быть и сущим, когда она реализуется в адекватном поведении» (там же), должен быть уточнен в том отношении, что «сущее» все же — не сама норма, а результат ее действия, фактического воплощения в жизнь.

в поступательном движении духовной жизни общества, действие специфических правовых закономерностей.

Все это предопределяет *отправные моменты* общетеоретической характеристики нормы права.

Юридическая норма — правило (общее), т. е. масштаб, образец, эталон поведения людей, их коллективов. Нормативность юридической нормы имеет особый, специфический для социального регулирования характер. Конечно, норма права прежде всего призвана выражать нормативность в глубоком социальном значении этого слова, т. е. в значении нормальности, социальной оправданности поведения — всего того, что относится к непосредственно-социальным правам, а через них к экономическому базису, политическому строю, другим объективным социальным потребностям. Юридическая норма тем жизненней и результативней и, стало быть, тем более соответствует массовидному поведению, чем она точнее и полнее согласуется с объективными социальными закономерностями и в этом отношении является социально оправданной, нормальной. Но как таковая, в своем непосредственном бытии, юридическая норма существует и функционирует в качестве общего правила, эталона, критерия правомерного и неправомерного поведения³.

Юридическая норма — правило абстрактного, обобщенного характера. Даже в примитивных правовых системах, отличающихся казуистическим построением нормативных предписаний, последние неизменно содержали известные моменты обобщенности, абстрагирования от тех или иных индивидуальных особенностей регулируемых отношений. Абстрактно же формулируемые нормы, характерные для развитых в технико-юридическом отношении правовых систем, прежде всего нормативно-законодательных, — это вообще результат выражения нормативных обобщений, которые с развитием кодифи-

³ Отмечая важность сравнительного анализа нормативных предписаний и реального поведения, В. Н. Кудрявцев одновременно обращает внимание на то, что «указанное стремление не должно приводить к смешению различного рода социальных и правовых явлений, в том числе юридической нормы и фактического поведения» (Кудрявцев В. Н. Юридические нормы и фактическое поведение. — Сов. государство и право, 1980, № 2, с. 19). В связи с этим автор весьма основательно возражает Г. В. Мальцеву, отрицающему абстрактный характер правовой материи (см. там же).

кации все более приобретают черты системных обобщений⁴.

Юридическая норма— *первичный исходный элемент права как системы*. Право в пределах каждой страны образует целостное системное образование, причем образование, отличающееся известными чертами ограниченности. Норма — начальная клеточка этого образования. Она является частью целого, в то же время каждая из норм не может изображаться в качестве «права в миниатюре», полного, исчерпывающего выражения всех его качеств и характеристик.

Юридические нормы — это уровень микроструктуры права, на котором в основном проявляются особенности его технико-юридического, конструктивного содержания.

При этом если все звенья данной правовой системы призваны юридически нормировать (определять) поведение участников общественных отношений, то функции норм права в рамках этой широкой социальной задачи более узкие: обеспечивать конкретизированное, детальное, точное и определенное нормативное юридическое опосредствование общественных отношений.

Юридическая норма— *государственно-властное предписание*. Юридическая норма исходит от государства, поддерживается его принудительной силой, и потому предписывающий характер нормы (присущий, в принципе, любой социальной норме) приобретает качественную специфику — властность. Норма права с данной стороны — это государственно-властное веление, но именно «с данной стороны», т. е. со стороны ее государственно-властной природы. В точном и строгом смысле государство предписывает известное поведение лишь в обязывающих нормах. В запрещающих же нормах определяются рамки возможного поведения, исключаются те или иные его варианты. А в управомочивающих нормах какого-либо предписывания поведения

⁴ Абстрактность, обобщенность юридических норм — качество, органичное для права, весьма существенное для понимания его регулятивной силы, ценности. Как правильно отмечено в литературе, абстрактный характер правовых норм демонстрирует мощь, глубину и социальную ценность нормативного способа руководства обществом, и именно в возможности охвата общим и обязательным правилом поведения заключена регулятивная функция права (см.: Судебная практика в советской правовой системе. Под ред. С. Н. Братуся. М., 1975, с. 18).

вообще нет: смысл управомочивающих норм — в предоставлении простора для самостоятельного, инициативного действия. Следовательно, рассмотрение нормы при помощи термина «предписание» не несет никакой иной смысловой нагрузки, кроме указания на государственно-властную природу нормы со всеми вытекающими отсюда представлениями об особенностях ее силы и действия. Если учесть все это, то едва ли есть основания для пересмотра сложившихся в нашей науке определений юридической нормы, неизменно отправляющихся от понятий «веление», «предписание» в указанном выше смысле (хотя использование в качестве дополнительного термина «установление»⁵ следует признать полезным).

Юридическая норма — явление широкое, многоплановое и в то же время конкретное по содержанию. Понятие «норма» при общем определении права отражает все проявления нормативности, все стороны нормативного содержания правовой системы, в том числе и такие решающие для права начала, как общие дозволения и запреты, правовые принципы. Вместе с тем необходимо с предельной четкостью разграничивать норму как принцип, общее начало и норму как конкретное формально-определенное правило. При несомненной значимости того или другого при рассмотрении общего понятия права важно учитывать, что наиболее полным набором свойств и характеристик отличается как раз норма во втором из указанных значений. Именно норма как формально-определенное правило — ближайшее проявление правовой реальности, ее конкретность, живая частица целостного правового организма. Призванная регулировать общественные отношения, юридическая норма в указанном ракурсе по самой своей внутренней логике должна отличаться строгой определенностью содержания (хотя в зависимости от классовой сущности права, развития правовой культуры и некоторых других обстоятельств это свойство юридических норм фактически далеко не всегда получает необходимое выражение). С конкретной юридической нормой имеет дело юрист-практик при применении права. Она и явля-

⁵ См.: Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права, с. 25.

ется прежде всего предметом общетеоретического анализа.

Юридическая норма (норма-предписание) — воплощение единства формы и содержания в праве. Особенности юридической нормы как первичной элементарной клетки права таковы, что она мыслима в первую очередь в виде реального фрагмента правовой ткани, фактического предписания (в указанном выше смысле), находящего прямое выражение в тексте нормативного или иного правового акта. Проводя строгие различия между текстом акта, словесно-документальным изложением воли законодателя, с одной стороны, и самой нормой — с другой, нужно не упускать из поля зрения и того, что конкретное нормативное предписание не существует вне определенного, структурно выделенного подразделения в тексте акта. Ведь в том-то и состоит высшая определенность содержания юридической нормы, что она доведена до уровня формальной определенности, т. е. до такого уровня, когда содержание нормы существует только в формально (в самом тексте) закреплённом виде⁶. К тому же надо помнить, что именно благодаря внешней форме юридическая норма является частицей права как институционального образования и через внешнюю форму (нормативный акт) она обретает силу *юридической* нормы. Здесь, кстати, и следует искать четкий критерий, отграничивающий нормы права от иных нормативных положений, существующих в правовой системе (например, правоположений практики).

2. Юридическая норма и специализация права. Из положения о праве как системе, отличающейся чертами органичности, следует помимо всего иного, что образующие его нормы не есть некая однородная безликая масса нормативных положений, каждое из которых по своим признакам и особенностям во всем соответствует другим предписаниям. Именно здесь, на уровне микрострук-

⁶ Видимо, это обстоятельство осталось вне поля зрения Г. Т. Чернобеля, который, высказав ряд интересных суждений о формализации норм права, неоправданно рассматривает в качестве различных явлений, с одной стороны, определенность содержания, с другой — определенность формы выражения юридических норм и полагает, что «формальная определенность правовых норм есть не что иное, как определенность формы их внешнего знакового (т. е. материального) выражения» (Чернобель Г. Т. Формализация норм права. — Сов. государство и право, 1979, № 4, с. 31).

туры права, весьма отчетливо, наглядно видна свойственная праву специализация.

Специализация — одно из проявлений «собственного правового» развития (I.8.4), воплощающего и внешние влияющие на право факторы, и внутренние потребности правовой системы. Суть этого процесса состоит в том, что в праве происходит и притом имеет тенденцию к усилению то, что условно может быть названо разделением труда между нормами, в результате которого те или иные нормы и их комплексы все более сосредоточиваются на выполнении определенных операций, конкретизируется содержание норм и одновременно происходит интеграция в регулировании общественных отношений. Развитие классового общества, сложность и многослойность свойственных ему отношений, нарастающее разнообразие общественных процессов, различие социально-классовых задач, выполняемых правом, — все это предопределяет необходимость дифференцированного, конкретизированного и вместе с тем интегрированного по содержанию правового регулирования.

Основными, частично перекрещивающимися разновидностями специализации права являются:

дифференциация (предметная и функциональная), т. е. разветвление нормативного содержания правового регулирования, приобретение той или иной его ветвью все более специфических черт;

конкретизация, т. е. детализация содержания нормативного регулирования, все более подробное регулирование отдельных сторон и элементов данных общественных отношений;

интеграция, т. е. обобщенная регламентация того единого, совпадающего, что свойственно группам общественных отношений, их принципам, началам и т. д.

В процессе специализации обособляются группы норм, выполняющих те или иные функции при осуществлении правового регулирования. Наиболее важное значение имеют обособление и развитие регулятивных норм и норм, регламентирующих основания применения, виды и объем правовых санкций (правоохранительных норм)⁷.

⁷ «Нормативные юридические предписания делятся на регулятивные, охранительные и другие специализированные предписания» (Система советского законодательства, М., 1980, с. 9).

Развитие процесса специализации в праве усиливается с ростом юридической культуры, повышением уровня обобщений, используемых при формулировании юридических норм. Выделяются нормы, призванные только закреплять общественные отношения, их основы (в частности, конституционные нормы). Законодатель все больше «выводит за скобки» общие, повторяющиеся моменты, касающиеся определенной группы норм (например, правосубъектности, условий совершения тех или иных правомерных действий и т. п.). В виде отдельных норм права формулируются определения некоторых юридических понятий, принципы права.

Специализация юридических норм и приводит к тому, что нормативное предписание выступает в элементарном, «усеченном» виде и внешне в ряде случаев, казалось бы, лишено полного набора признаков нормы. В связи с этим действие одной юридической нормы неизбежно связано с действием ряда других норм, и потому лишь в своей совокупности, в системе нормы права регулируют общественные отношения.

Таким образом, характеризуя юридическую норму, ее признаки и содержание (элементы), следует постоянно помнить, что право по своему юридическому строению *неоднородно*. Процесс специализации, разделения труда между нормами обуславливает превращение нормативной системы в конечном счете в комплекс главным образом специализированных нормативных положений⁸; отсюда — необходимость при анализе отдельной юридической нормы видеть ее специализированный характер и учитывать ее связи со многими другими нормами-предписаниями⁹.

⁸ С этой точки зрения вряд ли можно согласиться с В. М. Горшеневым, который, правильно выделив ряд специфических нормативных предписаний, рассматривает их в качестве «нетипичных» (см.: Горшенев В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве. — Сов. государство и право, 1978, № 3, с. 113—118). Дело обстоит в сущности наоборот. В развитой правовой системе, отличающейся высоким уровнем специализации, разнообразные специализированные нормативные предписания — это *типичное* явление.

⁹ А. Ф. Черданцев справедливо пишет, что система права относится к системам функциональным, складывается с самого начала из разнородных норм. Объединение норм в единое целое (систему права) придает новые качества как целому, так и его частям (см.: Черданцев А. Ф. Специализация и структура норм права. — Правоведение, 1970, № 1, с. 42).

3. Норма-предписание. Первичным подразделением, живой клеточкой права как институционального образования является норма-предписание.

Это — элементарное, логически завершенное государственно-властное нормативное веление (установление), непосредственно выраженное в тексте нормативного юридического акта.

Нормы-предписания — продукт специализации права. Ведь главная функция первичных подразделений в системе права состоит в том, чтобы обеспечивать в соответствии с назревшими потребностями экономического базиса данного классового общества конкретизированное, детальное, точно определенное регулирование общественных отношений. В связи с этим все большая дифференциация и конкретизация нормативных положений, подчинение их все более специализированным операциям в процессе правового воздействия, усиливающееся разделение труда между ними, возрастающее использование нормативных обобщений приводят к тому, что первичные частицы правовой материи становятся проще, выступают в виде элементарных и в то же время словесно-логически цельных формул. Это и есть нормативные веления, предписания.

Например, содержание действующего Кодекса о браке и семье РСФСР, в частности института, посвященного правам и обязанностям родителей по воспитанию детей, складывается из комплекса разнообразных нормативных предписаний, каждое из которых решает свою, подчас весьма узкую задачу при регулировании рассматриваемых отношений: в ст. 52 (ч. I) указываются принципы, определяющие содержание обязанности родителей по воспитанию детей, причем особо выделено предписание о том, что родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей (ч. II); в ч. I ст. 53 специально обособлена обязанность родителей защищать права и интересы несовершеннолетних детей, а в ч. II регламентирован статус родителей как законных представителей; в ст. 54 в четырех предписаниях решен ряд вопросов, связанных с равенством прав и обязанностей обоих родителей (ч. I—IV); в ст. 55 предусмотрена такая, казалось бы, «деталь», как место проживания детей при раздельном жительстве родителей; в ст. 56 группой разнообразных с юридической стороны предписаний регламентировано решение

непростых вопросов, которые связаны с участием отдельно проживающего родителя в воспитании детей, причем указаны четкие права и обязанности обоих родителей, правомочия органов опеки и попечительства, возможность решения спора судом (ч. I—IV), и т. д.

В юридической литературе понятие «нормативное предписание» сформулировано при анализе нормативного акта, т. е. внешней формы права¹⁰. Вот почему, видимо, сложилось впечатление, что рассматриваемое понятие касается одного лишь словесно-документального изложения в нормативном акте и сообразно этому им охватываются только исходные единицы текста акта (статьи)¹¹.

Между тем единство формы и содержания права на первичном уровне его структуры носит настолько глубокий характер, что статьи и другие исходные фрагменты текста акта являются внешним, в самом тексте проявляющимся выражением воли законодателя. В силу этого они, в принципе, соответствуют первичным единицам, из которых складывается само право. Такими первичными единицами, относящимися уже не к словесно-документальному изложению, а к содержанию акта, и являются предписания. Применение термина «предписание» оправдано здесь потому, что он по точному своему смыслу призван отразить именно выражение воли законодателя с его содержательной стороны (то, что *предписано*).

Так что по самому своему существу предписание — это веление, содержательное выражение воли правотворческого органа. Не случайно поэтому те авторы, которые обособляют предписания как элементы текста акта, в процессе конкретизированного анализа нормативного материала все же рассматривают, по сути дела, сами нормативные государственно-властные веления¹². Плодотворность именно такой, сориентированной на содержательную характеристику трактовки норма-

¹⁰ См.: Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. М., 1967, с. 34.

¹¹ См.: Правоведение, 1973, № 2, с. 27—32.

¹² См.: Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства.

тивных предписаний находит все более убедительное подтверждение в научных исследованиях¹³.

Что же касается нормативного акта как внешней формы права, то здесь иная плоскость: здесь имеется в виду текст акта, словесно-документальное изложение предписаний, и первичными единицами (фрагментами) в данной плоскости должны быть признаны не предписания, а статьи, пункты, параграфы, абзацы, части статьи и даже конкретные фразы текста.

Обращая внимание на соответствие, в принципе, первичных единиц содержания нормативного акта и его текста, надо заметить, что глубокое единство формы и содержания в праве проявляется с наибольшей полнотой именно по отношению к нормативным предписаниям. Через них право и конституируется как внешне объективированное, институционное образование. Через предписания нормативные положения обретают ту юридическую силу, которую имеют источники права, нормативные акты.

Научному положению о соответствии нормативного предписания и первичного фрагмента текста нормативного акта (статьи, пункта, параграфа, части статьи и др.) принадлежит существенное теоретическое и практическое значение¹⁴. Вместе с тем нормативное предписание и статью или иные подразделения текста нормативного акта нельзя отождествлять. Показательно уже то, что в одной статье закрепляется по большей части несколько нормативных предписаний и каждому предписанию соответствует, как правило, не статья в целом, а ее абзацы, пункты, части или даже отдельные фразы нормативного текста. Главное же заключается в том, что нормативное предписание и статья — явления разноросностные. Нормативные предписания — первичные явления развитой правовой системы, образующие самое содержание права. А текст нормативного акта, все его

¹³ См.: Алексеева Л. Б. Некоторые вопросы структуры уголовно-процессуального права. — Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 17, М., 1972, с. 86 и след.

¹⁴ Как отмечал А. С. Пиголкин, идея о принципиальном соответствии статьи и нормы дает четкое представление о юридической норме, показывает разнообразие ее содержания, облегчает анализ законодательства, его систематизацию (см.: Пиголкин А. С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР. — Автореф. докт. дисс. М., 1972, с. 23).

подразделения (статьи, пункты, фразы и т. д.) относятся к внешней форме права, представляют собой словесно-документальное изложение содержания нормативных предписаний.

4. Логическая норма. Углубляющаяся специализация права, приводящая к тому, что реальные, живые клеточки ткани права выступают в виде простых, элементарных, «усеченных» нормативных положений, не только не устраняет, но и делает более закономерной системность права.

Следовательно, специализация права еще в большей мере обуславливает необходимость подчеркнутого внимания к тому, что нормативные предписания функционируют не только как таковые, но и в единстве, в тесном сочетании и прежде всего в виде *логических норм*. В правовой системе, отличающейся высоким уровнем специализации, правовые предписания в полной мере проявляют свои особенности как *юридических феноменов* именно в рамках логических норм.

Логическая норма — это *выявляемое логическим путем общее правило, которое воплощает органические связи между нормативными предписаниями и обладает полным набором свойств, раскрывающих их государственно-властную, регулятивную природу*.

Именно логическая норма воплощает классическую композицию нормативного материала. Как раз к ней применима высказанная в литературе мысль о том, что «норма права является композицией классического нормативного обобщения, аккумулирующего в себе все типические черты нормативного указателя», «все основные свойства советского права, все основные способы воздействия на поведение людей»¹⁵.

Хотя логическая норма выявляется логическим путем¹⁶, она — не искусственное, произвольно конструируемое построение, а реальное образование, выражающее первичные связи в структуре права. Но логическая нор-

¹⁵ Горшенев В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве. — Сов. государство и право, 1978, № 3, с. 113—114.

¹⁶ Структура нормы является логической потому, что для ее выявления наряду со знанием систематизирующих связей права, его специфики, правил юридической техники требуется сложный мыслительный анализ (см.: Бабаев В. К. Логические проблемы социалистического права. — Автореф. докт. дисс. М., 1980, с. 28).

ма не представлена в тексте нормативного акта в виде одного, цельного фрагмента (единицы). В силу специализации права ее содержание, ее элементы «разбросаны», воплощены в ряде нормативных предписаний и в соответствии с этим расположены в различных статьях и других подразделениях текста акта или даже нескольких актов. Нужна логическая операция, включающая анализ и синтез, для того чтобы, рассматривая ряд фрагментов текста, собрать из нескольких предписаний логическую норму, увидеть ее. Невозможность скомпоновать из действующего нормативного материала такого рода норму — свидетельство неполноценности правового регулирования по тому или иному вопросу, просчета (а в эксплуататорском обществе нередко и намеренного действия) законодателя, который при формулировании нормативных предписаний не придавал им необходимых юридических качеств.

Таким образом, нормативность правовых систем, отличающихся высокой степенью специализации, раскрывается в *двух* взаимосвязанных понятиях — в норме-предписании и в логической норме. Разумеется, наиболее широким понятием, синтезирующим свойства права на уровне первичного звена системы права, остается общее понятие нормы, которое охватывает в различных своих ракурсах и норму-предписание и логическую норму (а также следует добавить — общие начала и принципы правовой системы)¹⁷. В то же время при детализированном анализе нормативного материала необходимо иметь в виду ракурс, в котором «работает» общее понятие нормы: обозначает ли оно элементарную, живую частицу правовой ткани (норму-предписание) или же первичные связи между предписаниями, выявляющими их государственно-властную природу (логическую норму)¹⁸. В дальнейшем термин «норма права» (если при

¹⁷ Отсюда помимо прочего следует, что характеристика нормативного предписания в качестве первичного звена правовой системы вовсе не означает необходимости какой-либо корректировки общего понятия права.

¹⁸ Возражая против теоретической конструкции «нормативное предписание» и «логическая норма», Г. И. Петров пишет, что наличие многих аспектов какого-либо общего понятия, в данном случае нормы права, не может служить основанием для дробления, т. е. образования множества понятий, выражающих различные аспекты того или иного явления (см.: Петров Г. И. Классификация актов

этом отсутствует слово «логическая») используется для обозначения именно начальных, элементарных частиц данной национальной правовой системы, т. е. норм-предписаний.

Использование двух понятий (нормы-предписания и логической нормы) при конкретизированном анализе нормативного материала дает значительный познавательный, теоретико-прикладной выигрыш.

При освещении содержания нормативных актов под углом зрения норм-предписаний оказывается возможным дать полное, исчерпывающее освещение всех сторон, деталей, тонкостей нормативного регулирования, всей суммы разнообразных частиц правовой ткани, отражающих данный уровень ее специализации. Например, в 15 статьях гл. 8 Кодекса о браке и семье РСФСР (ст.ст. 52—66) содержится около 40 различных предписаний, посвященных разным сторонам прав и обязанностей родителей по воспитанию детей. Ориентировка при анализе указанных статей на конкретные предписания дает возможность раскрыть все весьма важные при решении практических вопросов стороны и тонкости регулирования: и общий принцип (ст. 52), и порядок решения вопроса о месте проживания детей при раздельном жительстве родителей (ст. 55), и об участии отдельно проживающего родителя в воспитании детей (ст. 56), и права деда и бабушки на общение с внуками (ст. 57), и возможность отобрания ребенка без лишения родителей родительских прав (ст. 64) и др.

При рассмотрении же нормативного материала под углом зрения логических норм в полной мере устанавливается правовой характер нормативных положений.

Возьмем, к примеру, те же предписания, содержащиеся в гл. 8 Кодекса о браке и семье РСФСР. Каждое из этих предписаний (ст. 52 — предписания об обязан-

советских государственных органов. — Правоведение, 1976, № 2, с. 110). Между тем перед нами не просто аспекты одного понятия. Охватываемые разными (только двумя) ракурсами единого понятия нормы права «вообще», норма-предписание и логическая норма — это *реально существующие различные первичные явления структуры права*, и, следовательно, в данном случае следует говорить не о «дроблении» одного понятия, а о разных уровнях теоретической абстракции, на которых сначала фиксируется существование норм-предписаний и логических норм, а затем в одном понятии отражаются их общие черты.

ности родителей по воспитанию детей, ст. 54 — предписания о равенстве прав и обязанностей обоих родителей и т. д.) является логически законченным положением. Но правовой характер каждого из них в полной мере проявляется лишь во всей системе предписаний гл. 8, в том числе предписаний ст.ст. 59—66 о лишении родительских прав, последствиях лишения родительских прав и др. (см. схему 17).

Схема 17

НОРМЫ-ПРЕДПИСАНИЯ И ЛОГИЧЕСКИЕ НОРМЫ В ГЛ. 8 КОБС РСФСР

№ статьи	Нормы-предписания	Логические нормы
52	1. Родители обязаны воспитывать своих детей, заботиться об их физическом развитии и обучении, готовить к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества.	Если лица (родители) имеют детей, то они обязаны их надлежащим образом воспитывать, а в противном случае они могут быть лишены родительских прав.
56	2. Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. 1. Родитель, проживающий отдельно от детей, имеет право общаться с ними. 2. Он обязан принимать участие в их воспитании. 3. Родитель, при котором проживают дети, не вправе препятствовать другому родителю общаться с детьми и участвовать в их воспитании. 4. Органы опеки и попечительства могут на определенный срок лишать родителя, проживающего отдельно от ребенка, права на общение с ним, если это мешает нормальному воспитанию ребенка и оказывает на него вредное влияние. 5. Если родители не могут прийти к соглашению о порядке участия родителя, проживающего отдельно от детей, в их воспитании, то этот порядок определяется органами опеки и попечительства.	

№ статьи	Нормы-предписания	Логические нормы
56	6. Родители имеют право участвовать в решении органами опеки и попечительства вопроса о порядке участия родителя, проживающего отдельно от детей, в их воспитании.	Если родитель проживает отдельно от детей, то он имеет право и обязан участвовать в их воспитании в определенном порядке, а иначе (при нарушении порядка) судом могут быть применены принудительные меры.
59	7. В тех случаях, когда родители не подчиняются решению органа опеки и попечительства, последний вправе обратиться за разрешением спора в суд. Родители или один из них могут быть лишены родительских прав, если будет установлено, что они уклоняются от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей или злоупотребляют своими родительскими правами, жестоко обращаются с детьми, оказывают вредное влияние на детей своим аморальным, антиобщественным поведением, а также если родители являются хроническими алкоголиками или наркоманами (в ст. 59 содержатся еще четыре предписания).	

5. Норма права и индивидуальное государственно-властное предписание. Акты-директивы. Нормы права являются типовыми масштабами (образцами, эталонами, моделями), распространяющимися на всех участников отношений данных видов.

Индивидуальные же государственно-властные предписания — это веления, которые рассчитаны только на определенный, строго индивидуальный случай; они являются велениями, так сказать, «однократного действия», т. е. их сила исчерпывается наступлением тех фактов, последствий, которые ими предусмотрены; как правило, они персонифицированы, обращены только к данным, подчас поименно указанным лицам¹⁹.

¹⁹ Подробную характеристику внешних критериев юридических норм см.: Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства, с. 42—52.

Следует учитывать, что есть специфическая разновидность индивидуальных актов, которые, как и нормы права, связаны с регламентацией целого вида данных общественных отношений. Такой характер носят акты-директивы.

Акты-директивы (или распорядительные акты²⁰) — индивидуальные по содержанию властные веления, направленные на регламентацию вида общественных отношений путем обязывания субъектов к совершению комплекса точно определенных действий.

Теоретическая конструкция «акты-директивы» позволяет раскрыть юридическую природу властных предписаний, содержащихся при социализме в актах общего планирования. В них (в законах и постановлениях правительства о пятилетних и годовых планах, планах материально-технического снабжения и распределения товаров народного потребления и др.) могут содержаться предписания нормативного характера. Это — общие пропорции и нормативы, которые действуют постоянно, вплоть до отмены акта, например общий норматив прироста оборотных средств, нормы прибыли, соотношение развития тех или иных подразделений хозяйства. Надо полагать, что в социалистическом обществе по мере дальнейшего повышения научного уровня управления народным хозяйством и расширения хозяйственной самостоятельности предприятий удельный вес нормативных предписаний в актах общего планирования будет возрастать.

Вместе с тем социалистическое планирование, основанное на требованиях закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, конкретно по своему содержанию. Поэтому и акты планирования содержат в основном точные, конкретизированные плановые задания, касающиеся отрасли хозяйства, вида продукции, возводимых объектов и т. д. И хотя общим планированием нередко охватывается вид общественных отношений и в соответствующих предписаниях не указываются непосредственные исполнители, все же перед нами индивидуальные веления, сила которых исчерпывается однократным исполнением. Они не выступают в виде типовых масштабов, общих образцов (моделей) по-

²⁰ См.: Общая теория советского права. М., 1966, с. 180.

ведения. Они являются специфическими индивидуальными велениями — актами-директивами, содержащими общую установку и предполагающими совершение целого комплекса действий.

Правда, акты общего планирования (народнохозяйственного, бюджетного и т. д.), как и некоторые другие акты-директивы, обладают известными чертами общности: действуют более или менее длительный период времени, поименно не перечисляют всех исполнителей, предполагают согласованную и длительную деятельность многих людей, организаций, должностных лиц. Но это — иная «общность», нежели общий характер юридических норм. Здесь лишь отражается то своеобразное, что характерно для нормативных и индивидуальных актов, издаваемых применительно к основополагающей отрасли социалистического права — государственному праву (общий характер закрепления общественных отношений, решение вопросов в принципе, в главном).

Вопрос о понятии юридической нормы и ее отличиях от индивидуальных предписаний уже длительное время обсуждается в советской юридической литературе. Основной, положительный итог этих обсуждений состоит в признании большинством авторов того, что юридическая норма обладает *общим характером*. Это положение нашло в современной правовой литературе широкое теоретическое обоснование²¹.

Пожалуй, единственный трудный вопрос, который остается здесь решить, — вопрос о плановых актах. Дело в том, что ряд авторов стремится увидеть в плановых актах одни лишь нормы права. Было высказано даже мнение, что все плановые предписания, включая адресные и конкретные плановые акты, являются юридическими нормами²². И хотя такая точка зрения не получила поддержки в литературе, некоторые авторы с теми или иными оговорками принимали и предпринимают попытки квалифицировать конкретные плановые предписания-задания в качестве правовых норм. Так, по мнению И. С. Самощенко, основные предписания народнохозяй-

²¹ См.: Самощенко И. С. О понятии юридического нормативного акта. — Сов. государство и право, 1962, № 3; Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. М., 1962, с. 45 и след.; Общая теория советского права, с. 180 и след.; Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства, с. 30 и след.

²² См.: Хайдас Г. И. К вопросу о правовой природе государственных народнохозяйственных планов. — Сов. государство и право, 1961, № 1, с. 42; Лаптев В. В. Правовое положение государственных промышленных предприятий в СССР. М., 1963, с. 189—193; Правовые вопросы планирования промышленности в СССР. М., 1964, с. 22—35; и др.

ственных планов образуют сложные нормы²³. Еще дальше идет А. К. Кравцов, полагающий, что право в социалистическом обществе вообще состоит из норм и плановых предписаний²⁴.

Авторы, настаивающие на нормативности плановых предписаний в целом, упускают из поля зрения ряд существенных моментов рассматриваемой проблемы.

Признание плановых заданий нормами права абсолютизирует их юридическую роль. Если плановые задания являются нормами (или, как полагает А. К. Кравцов, хотя и не нормами, но все же частью содержания самого права), то отсюда следует, что они сами по себе служат правовым основанием хозяйственной деятельности. А это, по сути дела, снимает вопрос о правовом обосновании планирования, о необходимости подчинения плановой деятельности юридическим нормам (плановые задания — сами нормы!) и, надо думать, в какой-то мере может оправдывать существовавшее в прошлом стремление строить планирование на субъективистских, волюнтаристских основах. Между тем последовательное проведение научных начал планового руководства народным хозяйством, упрощение в этой области социальной жизни принципов законности требует не только закрепления в плановых актах общих пропорций и нормативов, т. е. своего рода плановых норм, но и существования весьма развернутых и точных общих правил, определяющих плановую хозяйственную деятельность. Поэтому нужно строго различать, с одной стороны, *юридические нормы о плане*, т. е. те юридические формы, в которых выражаются и закрепляются общие условия и порядок планирования, а с другой — *сами плановые предписания*; в последних же в свою очередь следует четко разграничивать общие пропорции и нормативы, имеющие характер нормативных предписаний, и конкретные плановые задания, относящиеся к индивидуальным государственно-властным предписаниям.

К тому же для обоснования высокого юридического значения плановых заданий, включая конкретные («план — это закон»), нет нужды непременно объявлять их юридическими нормами. Акты-директивы, являющиеся специфической разновидностью индивидуальных предписаний, играют не меньшую, чем юридические нормы, роль, а в чем-то, быть может, и роль незаменимую. Ведь выделение среди индивидуальных предписаний актов-директив оказалось необходимым, в частности, потому, что такого рода предписания имеют в рамках данных отношений основополагающее регулятивное значение. Продолжая функции юридических норм, регламентирующих хозяйственную деятельность по вопросам ее принципов, общих направлений, условий, рамок, плановые задания играют незаменимую индивидуально-регулирующую роль именно потому, что призваны конкретно определять хозяйственную деятельность, придавать ей четкость, точность, строго содержательную направленность.

Надо заметить в связи со сказанным, что рассмотрение плановых заданий в качестве юридических норм препятствует выяснению

²³ См.: Самощенко И. С. О понятии юридического нормативного акта. — Сов. государство и право, 1962, № 3, с. 79—80; Теоретические вопросы систематизации советского законодательства, с. 61—62.

²⁴ См.: Кравцов А. К. План и право. Воронеж, 1976, с. 59—79.

механизма действия планов. Государственные плановые задания обладают большой мобилизующей и организующей силой. Однако сами по себе они юридически не обязывают «всякого и каждого», работающего в области социалистического хозяйства, поступать определенным образом (как это характерно для юридических норм). Механизм действия государственных планов иной. Содержащиеся в государственном плане задания обязывают строго определенные организации (Советы Министров республик, Госплан СССР и др.), которые во исполнение этого плана, облеченного в форму закона, издают целый ряд более конкретных плановых заданий. Затем плановые задания принимаются министерствами, главными управлениями, объединениями и т. д. Причем во всех случаях плановые задания имеют конкретных адресатов, исчерпываются исполнением предусмотренных в них действий, т. е. обладают типическими признаками индивидуальных актов.

Главное же с позиций теории права состоит в том, что объявление плановых заданий нормами не согласуется с общими представлениями о норме. Такой подход приводит к тому, что наряду с общим понятием юридической нормы формулируется особое понятие, распространяемое только на планы. Почти все авторы, отстаивающие подобные взгляды, говорят о том, что план представляет собой норму «не в традиционном понимании», «не обычную, а особую норму» и т. д. При этом приходится прибегать к сложнейшим конструкциям, объясняющим якобы «нормативность» планов («сложные нормы», «общие начала» в конкретном и т. д.). В ряде случаев авторы, формулируя общее понятие юридической нормы, выбирают такие признаки, которые заранее «рассчитаны» на доказательство нормативности планов. А это неизбежно вызывает неточность при формулировании общего понятия нормы, приводит к утрате этим понятием необходимой определенности.

6. Принципы права, общие дозволения и запреты как нормативные явления. Для развитых национальных правовых систем характерно не только своеобразное, «двойное» проявление юридических норм (в нормах-предписаниях и логических нормах), но и существование специфических нормативных образований (явлений) — принципов права, а также общих дозволений и запретов.

Существование таких специфических явлений отмечено рядом авторов²⁵. Некоторые из них подчеркивают, что это — «необычные» или «нетипичные» явления и даже такие, которые требуют уточнения общего понятия права, в частности указания на то, что наряду с нормами в общепринятом смысле в право входят «общие по-

²⁵ См. например: Аюева Е. И. Взаимодействие единичного, общего и особенного в правовых явлениях. — Сов. государство и право, 1969, № 3, с. 12; Горшенев В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве. — Сов. государство и право, 1978, № 3, с. 113; Сов. государство и право, 1979, № 8, с. 59.

ложения и принципы»²⁶, или «исходные законодательные предписания»²⁷.

Вряд ли, однако, такая характеристика указанных специфических явлений может быть признана точной. И принципы права, и «исходные законодательные предписания», и общие дозволения и запреты — все это охватывается понятием юридической нормы или, во всяком случае, понятием «нормативное». Более того, есть достаточные основания утверждать, что указанные специфические явления по самой своей природе отличаются столь высокой степенью всеобщности и стабильности, что характеризуют главное, определяющее в праве как нормативном образовании. При высоком уровне специализации, свойственном юридически развитой правовой системе, принципы права, общие дозволения и запреты являются своего рода носителями интегративного в этой системе и, следовательно, высшим выражением свойственных ей нормативных начал.

Вполне понятно, что указанные специфические нормативные явления, выступая результатом специализации права, не только имеют «усеченный» вид, не обладают всем набором признаков и характеристик, свойственных юридической норме в ее классическом облике — логической норме, но и, что не менее важно, не всегда получают особое закрепление в той или иной конкретной норме-предписании.

В то же время существенным представляется и такой момент. Хотя принципы, общие дозволения и запреты как таковые отличаются от норм-предписаний и расположены в глубинных пластах структуры права, они находятся с ними в нераздельном единстве. Более того, они мыслимы как юридические явления и способны проявить свои качества регулирующих начал только тогда, когда сложилась достаточно развитая система норм-предписаний. И дело не в том, что рассматриваемые специфические правовые явления в той или иной мере закрепляются в конкретных нормах-предписаниях, и даже не в том, что функционирование общих дозволений и запретов должно сопровождаться действием конкретных запрещающих и управомочивающих норм. Главное

²⁶ См.: Аюева Е. И. Указ. статья, с. 12.

²⁷ См.: Сов. государство и право, 1979, № 8, с. 59.

состоит в том, что вообще направляющая, регулирующая роль принципов, общих дозволений и запретов может проявляться только в рамках целостной нормативной системы, непосредственное содержание которой образуют нормы-предписания, и через нее.

Признание права целостной системой, отличающейся известными чертами органичности, наводит на мысль, что в его содержании наряду с нормами-предписаниями, принципами и общими началами могут быть найдены «интегративные частицы» и структуры, которые хотя и не охватываются общим понятием нормы, однако представляют собой органические элементы нормативной системы в целом.

Это теоретическое предположение находит подтверждение при углубленном анализе нормативного материала.

Прежде всего в развитой системе права есть своего рода структурные схемы, модели нормативного материала, выражающие идеальную структуру права.

Кроме логических норм и основных подсистем права (регулятивной и охранительной), наиболее ярким их выражением являются *юридические конструкции*, воплощенные в нормативном материале.

К своего рода связкам в нормативном материале, обеспечивающим оптимальное функционирование правовой системы, могут быть отнесены *презумпции, юридические фикции*.

Сами по себе указанные «интегративные частицы» лишь с большой натяжкой могут быть названы нормативными предписаниями (характер нормативных предписаний имеют положения нормативных актов о презумпциях, фикциях и т. д.). Вместе с тем они представляют собой явления, неотделимые от нормативного содержания правовой системы, и, возможно, одно из наиболее ярких материализованных выражений особенностей права как системного образования²⁸.

Можно предположить, что углубляющееся познание сложного строения права позволит вычленить из его содержания и другие «интегративные частицы» и со временем дать им целостную общетеоретическую характеристику.

²⁸ Известный шаг в теоретическом осмыслении указанных частиц сделан В. М. Горшеневым (см.: Нетипичные нормативные предписания в праве. — Сов. государство и право, 1978, № 3, с. 113—118).

К сожалению, автор, не приняв во внимание специализацию права, попытался объединить их с рядом специализированных нормативных предписаний (дефинитивными, указаниями о сроках, рекомендациями и др.) и представить в виде «нетипичных» нормативных построений.

СТРУКТУРА НОРМЫ ПРАВА

1. **Понятие структуры нормы права.** Юридическая норма отличается единством, цельностью, своего рода неделимостью. Для нее характерна *особая структура*, т. е. специфическая компоновка содержания нормы, связь и соотношение ее элементов.

Вопрос о структуре нормы является составной частью более широкой проблемы — проблемы о структуре права в целом. Это обстоятельство важно подчеркнуть не только потому, что анализ структуры права на всех уровнях основывается на единых началах, но и потому, что между структурами разных уровней существует взаимозависимость, в частности, структура нормы зависит от развития и степени структурированности правовой системы в целом.

Глубокое, разностороннее влияние на структуру нормы права оказывает выделение правоохранительных правовых предписаний. Изучение истории законодательства показывает, что развитие правовых систем неизбежно выражается в обособлении предписаний, регламентирующих юридические санкции. Такого обособления требует дифференциация мер государственно-принудительного воздействия, необходимость нормативного закрепления разнообразных фактических условий — объективных и субъективных.

Выделение правоохранительных предписаний не только отражается на структуре регулятивных норм (из состава которых «выводятся» указания на государственно-принудительные меры обеспечения), но и влечет за собой формирование самостоятельных правоохранительных институтов, а следовательно, влияет на структуру права более высоких уровней. Существенное воздействие на структуру права оказывает и обособление общих правовых предписаний, в которых закрепляются правовые понятия, принципы, правовое положение субъектов, общие условия совершения тех или иных юридических действий и т. д.

Будучи составной частью более широкой проблемы, вопрос о структуре юридической нормы имеет свое, вполне самостоятельное значение. Здесь (как и при ха-

рактистике видов юридических норм) перед нами — микроструктура права. В ней в отличие от макроструктуры — подразделения права на отрасли и институты (система права) — не столь зримо и рельефно обнаруживаются социально-политические особенности правового регулирования. В то же время в структуре нормы и видах норм проявляются те специфические функции, которые выполняют юридические нормы как первичное звено структуры права, — обеспечение конкретизированного, детального, точного и определенного нормативного регулирования общественных отношений. А отсюда в рассматриваемых вопросах большее значение приобретают юридико-техническая сторона, конструктивные моменты организации содержания нормы, т. е. то, что относится к догме права.

Структуре нормы права свойственна своя типовая схема (модель) связи образующих ее элементов. Главное в этой типовой схеме — *нормативное построение* интеллектуально-волевого и юридического содержания государственной воли. Это нормативное построение состоит в том, что содержание нормы не только выражается при помощи таких категорий, как права и обязанности, но и имеет характер общего правила, особенно которого с конструктивной стороны заключены в одновременно существующих нормах-предписаниях и логических нормах.

Норма-предписание воплощает государственное веление в виде цельного нормативного положения, посвященного конкретному вопросу правового регулирования. Логическая же норма характеризует бытие и связь конкретных предписаний, их государственно-принудительное, нормативно-регулирующее качества.

Внутреннее строение, связь элементов, образующих структуру нормы, отличаются инвариантностью, жесткостью, «неразрушимостью». Причем эти элементы (гипотеза, диспозиция, санкция) объединены не на началах иерархической зависимости, как это характерно в основном для связи элементов внутри отраслей и институтов права, а на началах синтетической зависимости¹, при которой отсутствие хотя бы одного из необходимых элементов приводит к разрушению данной целостности — юридической нормы.

¹ См.: Сов. государство и право, 1976, № 2, с. 145.

2. Внешнее выражение структуры нормы права в тексте нормативных юридических актов. С внешней стороны (т. е. со стороны внешней формы) нормы-предписания и логические нормы получают языково-логическое, словесно-документальное изложение в тексте нормативного юридического акта: его статьях и иных структурных подразделениях акта.

Главное, что здесь необходимо отметить, это *различия между нормой права и статьёй нормативного акта*. Однако соотношение между нормой и статьёй во многом зависит от того, рассматривается ли это соотношение применительно к логической норме или же к норме-предписанию.

Логическая норма, призванная выразить в основном связи между специализированными нормативными предписаниями, их государственно-принудительное, нормативно-регулирующее качества, в большинстве случаев содержится в *нескольких статьях* нормативного акта или даже в статьях разных нормативных актов. Например, норма, регламентирующая правовое положение колхозника, выражена в ст.ст. 3 — 7 Примерного Устава колхоза, а также в статьях Гражданского кодекса, устанавливающих недопустимость ограничения правоспособности граждан, в положениях Конституции о правах личности и в нормах Особенной части Уголовного кодекса, предусматривающих ответственность за нарушения прав личности. Усиливающийся процесс специализации права приводит к тому, что элементы логических норм все более рассредоточиваются по многим статьям нормативных актов.

Норма-предписание, как правило, соответствует первичной структурной части текста нормативного акта (статье, пункту, абзацу статьи, конкретной фразе текста). Дробление нормы-предписания, распределение ее содержания между разными статьями, пунктами статьи и т. д. вообще невозможно. Норма-предписание — это цельное, логически завершённое и формально закреплённое государственно-властное веление. По своему словесно-логическому построению она представляет собой нерасчленимое единство по формуле «если — то». Практика законодательства показывает, что выделение части нормы-предписания возможно только путем самостоятельного ее формулирования в виде особого обще-

го правила (при этом качество самостоятельного правила сохраняет и «усеченная» норма).

Однако при характеристике соотношения нормы-предписания и статьи важно отметить, что полного совпадения здесь тоже нет. Норма-предписание — это правило, веление, нормативно-властное суждение, тогда как статья представляет собой лишь подразделение текста нормативного юридического акта. Следовательно, в данном случае возможно говорить только о *соответствии* нормы права и статьи или иной части текста акта, а не об их тождестве².

Чем выше уровень специализации права, тем более упрощаются правовые предписания, каждое из которых становится самостоятельным нормативным обобщением, посвященным отдельной операции в процессе правового регулирования. При этом нередко статья нормативного акта содержит несколько тесно взаимосвязанных правовых предписаний. Например, ст. 110 Кодекса о браке и семье РСФСР включает по меньшей мере четыре предписания: предписание-принцип («тайна усыновления охраняется законом»), управомочивающую норму («для обеспечения тайны усыновления по просьбе усыновителя может быть изменено место рождения усыновленного ребенка...»), запрещающую норму («воспрещается без согласия усыновителей... сообщать какие-либо сведения об усыновлении...»), правоохранительную норму-предписание («лица, разгласившие тайну усыновления против воли усыновителя, могут быть привлечены к ответственности в установленном законом порядке»).

3. Структура логической нормы. Эта структура выражается в жесткой, инвариантной связи таких элементов, которые в своем единстве обеспечивают государственно-властное регулирование общественных отношений. Набор элементов логической нормы таков, что он позволяет ей быть «автономным», относительно обособленным регулятором, аккумулирующим все то, что необходимо для юридического опосредования общественных отношений.

² На это положение необходимо обратить внимание читателя. К сожалению, некоторые авторы, возражающие против теоретической конструкции норм-предписаний, подчас ограничиваются бездоказательственным утверждением о том, будто бы указанная конструкция построена на «смешении» юридической нормы и статьи (текста) закона.

В соответствии с этим логическая норма включает в свой состав *три основных* элемента: гипотезу, диспозицию, санкцию.

Гипотеза — та часть нормы, которая указывает на условия ее действия. *Диспозиция* — та часть нормы, которая указывает на содержание самого правила поведения, т. е. на юридические права и обязанности, возникающие у субъектов. *Санкция* — та часть нормы, которая указывает на меры, применяемые при ее несоблюдении (юридические санкции)³.

Элементы логической нормы условно можно расположить по такой схеме: «если — то — а в противном случае». Например, логическую норму, которая состоит из предписаний, содержащихся в ст. 110 Кодекса о браке и семье РСФСР, можно представить в следующем виде: *если* имел место факт усыновления, *то* компетентные органы и лица обязаны обеспечить тайну усыновления, *а в противном случае* лица, разгласившие тайну усыновления, могут быть привлечены к ответственности.

В текстах нормативных актов, действующих в настоящее время, едва ли можно найти пример такого слоvesно-документального изложения нормативного материала, когда бы оно соответствовало приведенной выше схеме. Однако, если перед нами *юридическое* предписание, оно в ходе логического анализа должно неизбежно вписываться в структуру логической нормы, в состав того или иного ее элемента. Только при наличии всех своих основных элементов норма права может обеспечить государственно-властное, юридическое регулирование общественных отношений. Отсюда следует, что «под структурой нормы права понимается только логическая обусловленность названных трех элементов независимо от того, где и как они изложены. Не может быть норм права, лишенных правил, условий их применения и не обеспеченных государственной охраной.

³ Гипотеза, диспозиция и санкция — основные элементы логической нормы. При более строгом подходе следовало бы выделять в логической норме и четвертый элемент: ту часть, которая указывает на круг регулируемых отношений, или, иными словами, на субъектов. Не случайно, такого рода соображения уже высказывались в литературе. По мнению А. С. Пиголкина, в юридической норме существует часть, которая указывает на субъектный состав регулируемого отношения (см.: Пиголкин А. С. Нормы советского права и их толкование. — Автореф. канд. дисс. М., 1962, с. 5).

Только в этом и состоит смысл признания трех элементов у каждой правовой нормы»⁴.

В то же время структура логической нормы (как и сама логическая норма) — это реальное, объективное явление. «Структура юридических норм, как и структурность права, — писал Л. С. Явич, — объективные свойства внутренней формы права, существующие в реальной действительности, а не выдуманные юристами для удобства пользования или изучения закона»⁵. Наименование «логическое» в данном случае употребляется только для того, чтобы указать на способ обнаружения элементов нормы (логический анализ), их своеобразие (они выражают логику права) и тем самым отграничить нормы со всеми (тремя) элементами от конкретных норм-предписаний.

Выявление логических норм имеет важное теоретическое и практическое значение. Трехчленная схема позволяет видеть в норме права юридический, государственно-принудительный регулятор общественных отношений. В условиях все более усиливающейся специализации права только при таком подходе возможно раскрыть юридический, государственно-властный характер специализированных правовых предписаний (например, дефинитивных норм, норм-принципов и др.). Иначе может сложиться впечатление, что «норма исчезает» или что право включает не только нормы, но и теоретические положения, принципы, нетипичные предписания и т. д. Верно подмечено в юридической литературе: «Ценность трехчленной формулы состоит в том, что она побуждает практических работников к тщательному и всестороннему анализу нормативного материала во всем его объеме, к сопоставлению неразрывно связанных между собой статей закона и нормативных актов, к выделению и сопоставлению «элементов», образующих одно правовое положение, к определению условий применения правовой нормы, ее содержания, последствий ее нарушения»⁶. К этому следует добавить, что трехчленная

⁴ Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства, с. 39. В данном случае, отмечал П. Е. Недбайло, речь идет о логической структуре и логических ее элементах (см.: Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М., 1960, с. 67).

⁵ Явич Л. С. Право и общественные отношения (Основные аспекты содержания и формы советского права). М., 1971, с. 72.

⁶ Общая теория советского права, с. 197.

схема побуждает и законодателя при формулировании правовых предписаний видеть весь спектр юридического регулирования — держать в поле зрения все элементы логической нормы и, следовательно, в каждом случае четко решать вопрос и о самом правиле, и об условиях его действия, и о государственно-принудительных мерах его обеспечения.

4. Структура нормы-предписания. Это — структура первичных частиц правовой материи, находящихся в прямом выражении в тексте нормативного акта.

Нормы-предписания как клеточки единого организма выполняют внутри него различные задачи, разные операции. Поэтому трехчленная схема, имеющая существенное значение для характеристики логических норм, не соответствует структуре реальных норм-предписаний. Структурное построение норм-предписаний отражает главное, что свойственно первичному звену нормативной системы, — обеспечение конкретизированного, детального, точного и определенного нормирования поведения людей.

С учетом специализации права для юридической нормы-предписания характерно типическое структурное построение, выражающее жесткий закон организации ее содержания и состоящее из *двух основных элементов*:

а) *гипотезы* — части нормы, указывающей на те условия, т. е. фактические обстоятельства, при наступлении или ненаступлении которых норма вступает в действие;

б) *диспозиции* или *санкции* — части нормы, указывающей на те юридические последствия, которые наступают при наличии предусмотренных нормами условий. В регулятивных (правоустановительных) нормах эта часть нормы называется диспозицией; она образует содержание самого правила поведения, указывает на права и обязанности, которыми наделяются участники регулируемого отношения. В охранительных нормах рассматриваемая часть носит название санкции; она указывает на государственно-принудительные меры, применяемые к правонарушителю.

Элементы нормы-предписания условно можно расположить по схеме: «если — то».

Указанные две части нормы-предписания являются ее *обязательными элементами*. Правовое веление непре-

менно должно содержать указание на его суть, т. е. на юридические последствия, и на условия их наступления. Следовательно, норм-предписаний без гипотез существовать не может. В любых, самых специализированных правовых предписаниях так или иначе указывается на условия, при которых они действуют. Иными словами, любое правовое предписание можно изложить по формуле: «если — то».

Важно обратить внимание на то, что регулятивные нормы-предписания неизбежно, по неумолимой логике юридического регулирования, внутренне, а иногда и текстуально связаны, функционируют в единстве с охранительными предписаниями, которые их обеспечивают, охраняют. Так что в конечном итоге регулятивные и охранительные нормы-предписания выражаются в виде логических норм, где есть все три элемента — гипотеза, диспозиция, санкция. При этом нередко с несколькими регулятивными нормами-предписаниями скоординировано одно охранительное нормативное положение, которое выступает в виде самостоятельного предписания, а в рамках логических норм присоединяется то к одному, то к другому регулятивному предписанию (см. схему 18).

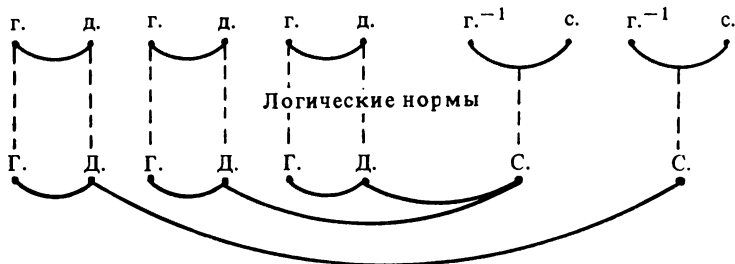
Своеобразное наименование имеют элементы нормы-предписания в науке уголовного права. Последняя изучает разновидности уголовно-правовых норм, относящихся в целом к числу правоохранительных. Советские криминалисты уже давно различают в уголовно-правовых нормах Особенной части только два элемента: условие действия нормы и санкцию. Однако условие (которое с общетеоретических позиций следовало бы именовать гипотезой) называется в уголовном праве диспозицией, т. е. так, как в правоустановительных нормах обозначаются правовые последствия. Указанный разницей в терминологии создает известные неудобства. Но все же в наименованиях, принятых в науке уголовного права, есть определенный резон: здесь отражается связь, существующая между регулятивными и охранительными нормами, обеспечивается широкая (для граждан) информация в едином нормативном положении и о запрещенном поведении, и о санкциях за допущенное нарушение. В самом условии уголовно-правовой нормы, именуемом диспозицией, в скрытом (снятом) виде содержится указание на запрет, нарушение

СООТНОШЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ НОРМ-ПРЕДПИСАНИЙ И ЛОГИЧЕСКИХ НОРМ

Нормы-предписания

Регулятивные

Охранительные

Структура нормы-предписания

- Г. — гипотеза
- Д. — диспозиция
- Г.⁻¹ — гипотеза
- С. — санкция

Структура логической нормы

- Г. — гипотеза
- Д. — диспозиция
- С. — санкция

которого приводит данную охранительную норму в действие, т. е. именно то указание, которое в регулятивных нормах действительно называется диспозицией⁷.

⁷ В литературе была предпринята попытка представить охранительную норму в качестве нормы с «тремя элементами». По мнению В. М. Горшенева, в самом содержании охранительной нормы имеется запрет, который образует диспозицию, расположенную, однако, впереди гипотезы, указывающей на противоправное поведение (см.: Сов. государство и право, 1978, № 3, с. 114). Вряд ли эту попытку можно признать удачной. Перед нами весьма искусственное построение, вызывающее ряд вопросов. Если диспозиция данной нормы указывает на запрет, то почему норма — охранительная? Почему ее гипотеза является условием не для диспозиции, а для санкции? Есть ли в ней гипотеза для диспозиции и т. д.? Эти вопросы возникают потому, что ради того, чтобы представить трехчленную схему в качестве единственно возможной для юридических норм, В. М. Горшенев попытался изобразить в виде «одной нормы» два связанных между собой, но все же разных нормативных предписания — регулятивную запрещающую и охранительную нормы.

Двучленной схеме элементов норм-предписаний принадлежит важное теоретико-прикладное значение. Она соответствует действительному уровню развития права, свойственной ему специализации содержания, особым функциям, выполняемым его подразделениями. Теория строения правовых норм, принимающая во внимание их функции, специализацию и дифференциацию, наиболее адекватно отражает структуру реально существующих норм права⁸. Двучленная схема позволяет видеть в каждом предписании права только те элементы, которые в нем действительно существуют, и, следовательно, проводить четкий, подробный и детализированный анализ норм⁹.

Вывод о двучленной структуре норм-предписаний правильно ориентирует законодателя. Он нацеливает его на то, чтобы четко формулировать в каждой норме-предписании два обязательных элемента — условие (гипотезу) и правовое последствие (диспозицию, санкцию). А это позволяет с предельной полнотой и четкостью регламентировать все стороны, все нюансы прав и обязанностей, правовых последствий, фактов, с которыми они связаны, и т. д.

Вывод о двучленной структуре норм-предписаний правильно ориентирует и работников практики. Он требует при анализе каждого конкретного правового предписания, не упуская из поля зрения его связи с другими нормативными положениями, находить и условие, и правовые последствия, а следовательно, конкретно, полно и определенно выявлять содержание предписаний.

Весьма симптоматично, что если попытаться свести структуру юридических норм только к трехчленной схеме (логическим нормам), то такая попытка приведет к обеднению содержания права, к выпадению из анализа

⁸ См.: Черданцев А. Ф. Специализация и структура норм права. — Правоведение, 1970, № 1, с. 46.

⁹ Интересный анализ структуры юридической нормы с позиций деонтической логики на базе обширного фактического материала проделал А. А. Эйсман. Он отметил, что нормативное предложение представляет собой сложное предложение, состоящее из двух логически неоднородных частей. Только вторая его часть является собственно «побуждением» (см.: Эйсман А. А. Вопросы структуры и языка уголовно-процессуального закона. — Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 15. М., 1972, с. 74). См. также: Алексеева Л. Б. Некоторые вопросы структуры уголовно-процессуального права. — Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 17, с. 86 и след.

существенных моментов этого содержания. Например, выше было показано, что предписания ст. 110 Кодекса о браке и семье РСФСР, посвященной обеспечению тайны усыновления, могут быть интерпретированы при помощи конструкции логической нормы. Однако при такой логической операции из поля зрения выпадают следующие существенные моменты, относящиеся к отдельным предписаниям: а) тайна усыновления охраняется законом (абз. 1); б) изменение места рождения и даты рождения производится по просьбе усыновителя (абз. 2); в) это изменение только *может быть* произведено; г) об изменении места и даты рождения должно быть указано в решении об усыновлении (там же) и т. д. Совершенно очевидно, что включить все эти важные моменты в схему логической нормы невозможно, а все они имеют существенное значение для регулирования данных отношений.

Таким образом, только при параллельной характеристике и элементов логической нормы (при которой выявляются юридические, государственно-принудительные свойства права), и элементов нормы-предписания (при которой с необходимой полнотой, детализированно и конкретно раскрывается реальное фактическое содержание каждого из них) обеспечивается всесторонний анализ содержания юридических норм.

Вопрос о структуре норм права относится к числу дискуссионных. Мнения правоведов разделились: одна группа авторов (П. Е. Недбайло, В. М. Горшенев и др.) полагает, что норма права имеет три элемента, другая (С. В. Курылев, Н. П. Томашевский, А. Ф. Черданцев и др.) — придерживается двучленной схемы.

Между тем если с достаточной четкостью провести разграничение между логическими нормами и нормами-предписаниями, то становится ясным, что теоретически оправдан и практически необходим анализ элементов *нормы* в обеих указанных плоскостях. Не нужно только абсолютизировать каждый из указанных подходов и представлять двучленную или трехчленную схему в виде единственно возможной¹⁰.

¹⁰ Интересно, что попытки спасти трехчленную классификацию в качестве единственно возможной с одновременным признанием системности права привели к фактическому отрицанию возможности нахождения в норме реальной структуры. О. Э. Лейст полагает, что санкции (а также гипотезы) вообще не являются составными частями отдельно взятой нормы, а выступают в качестве ее необходимого «атрибута» (см.: Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М., 1962, с. 12; *Общая теория советского права*, с. 193 и след.). Но санкция как «атрибут» — это уже не структурная часть, а *свойство нормы*.

Авторы, ограничивающие анализ структуры нормы трехчленной схемой, не замечают того, что при подобном подходе живая ткань права, его реальность, отличающаяся единством формы и содержания, исчезает. Исчезают также — что в высшей степени важно в практическом отношении — тонкости, детали, нюансы регулирования, столь существенные для юридического опосредствования общественных отношений, для решения юридических дел на практике.

К тому же если попытаться разложить все содержание права на логические нормы, то это приведет к тому, что выпадут из поля зрения многие важные моменты в содержании регулирования, в том числе все законодательные обобщения, выражающие достижения правовой культуры. Право окажется состоящим из описательных, повторяющихся формул, лишенных того влияния науки и результатов объективного процесса специализации, которое ему свойственно в настоящее время¹¹.

Глава 25

ВИДЫ НОРМ ПРАВА

1. Основания подразделения норм права на виды. Среди разнообразных делений норм права на виды исходное и определяющее значение имеют те, которые выражают существенные особенности права как социально-классового институционального нормативного регулятора общественных отношений, рассматриваемого с широких философских (общесоциологических) позиций.

Это, в свою очередь, является прочной основой для того, чтобы с правильных теоретических позиций подойти к решению вопросов догмы права и, следовательно, вопросов юридической практики, к правилам и рекомендациям эффективного применения правовых норм к конкретным случаям жизни.

Такой угол зрения на классификацию юридических норм означает, что *виды норм права рассматриваются прежде всего в качестве одного из выражений его*

¹¹ Развернутую критику трехчленной структуры правовой нормы дал А. С. Пиголкин. Вместе с тем, по мнению автора, различное назначение нормы (норма — принцип, легальное определение, норма — правило поведения и т. д.) определяет и разные связи внутри элементов нормы, несовпадающие ее части; единой, универсальной структуры, свойственной всем нормам, нет и быть не может (см.: Пиголкин А. С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР. — Автореф. докт. дисс., с. 23).

структуры. Перед нами, следовательно, не произвольно конструируемая классификация, а объективно существующее подразделение юридических норм, представляющее собой второй (после структуры нормы) уровень общей структуры права.

Подразделение юридических норм на виды хотя и относится к микроструктуре права, но характеризует более высокий уровень строения права. Поэтому здесь, при рассмотрении видов юридических норм, с большей отчетливостью проявляется зависимость структуры права от социально-юридических особенностей правового регулирования, в которых выражаются специфические закономерности права¹.

Четыре фактора оказывают наиболее существенное влияние на деление юридических норм: а) функции права, б) специализация права, в) способы правового регулирования, г) индивидуальное регулирование общественных отношений.

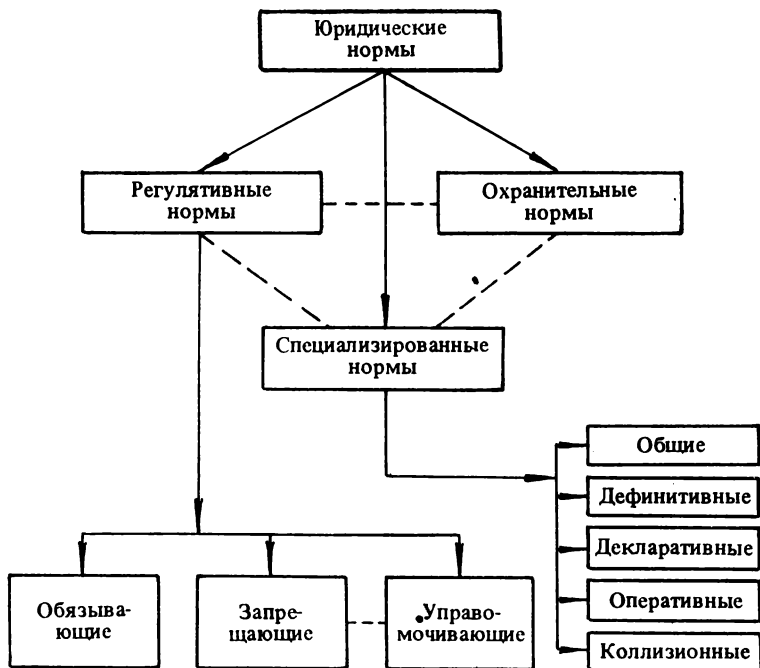
Наиболее важное место среди этих факторов принадлежит функциям права и его специализации. Деление норм в соответствии с функциями и специализацией права образует общую классификацию (см. схему 19).

Надо заметить, что предметом классификации являются первичные, реальные, живые нормы-предписания².

¹ Вопросы классификации юридических норм, как и многие другие вопросы специальной юридической теории, по своему характеру таковы, что их подлинно научное решение возможно лишь в том случае, если исходить из выводов, полученных в результате философского (общесоциологического) осмысления явлений правовой действительности. Если же при освещении видов юридических норм не выходить за пределы характеристик, относящихся только к догме права, то вряд ли возможно построение классификаций, имеющих сколько-нибудь заметное научное и практическое значение. Когда, например, Б. А. Деготь при классификации норм права исходит в качестве первичного основания из структуры норм (см.: Деготь Б. А. Классификация норм советского социалистического права по их структуре. Саратов, 1977), то в итоге наряду с верно подмеченными особенностями отдельных предписаний он формулирует довольно-таки искусственные построения (такие, в частности, как деление норм на императивные и правопредставляющие, — с. 6 и след.), пытается представить в качестве научно оправданных подразделений такие «разновидности» норм (поощрительные, рекомендательные и др.), каждая из которых сама нуждается в объяснении с позиций основополагающих идей общей теории права.

² Предметом классификации являются именно нормы-предписания, взятые в единстве всех присущих им элементов, а не изолированно рассматриваемые элементы нормы (гипотеза, диспозиция,

ОБЩАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ НОРМ В СООТВЕТСТВИИ С ФУНКЦИЯМИ И СПЕЦИАЛИЗАЦИЕЙ ПРАВА

Пунктирной линией показаны функциональные связи между видами норм.

Логические же нормы, как правило, вообще не подразделяются на какие-либо виды (разве только по сфере действия и юридической силе). Они отражают первичные связи в правовой материи, причем так, что каждая

санкция). Последние, разумеется, тоже могут быть предметом классификационных делений. Но это — уже иная проблема, относящаяся главным образом к технико-юридическому построению нормы, к вопросам юридической техники (II.37.5).

из этих норм выступает как бы правом в миниатюре, и следовательно, все они в принципе представляют собой равновеликие, юридически однозначные величины.

2. Регулятивные и охранительные нормы. Это — главное деление юридических норм, соответствующее делению специально-юридических функций на регулятивные и охранительную.

Регулятивные и охранительные нормативные предписания образуют костяк права как нормативного образования. Именно из них на последующих уровнях структуры в основном и складываются правовые общности — институты, объединения институтов, отрасли, семьи отраслей. И те и другие предписания служат нормативной основой возникновения особых правоотношений — регулятивных и охранительных.

Характерно, что с развитием процесса специализации регулятивные и охранительные предписания, сохраняя между собой прочные связи и неизменно функционируя в единстве, тем не менее все более обособляются друг от друга. Объединяясь в особые, самостоятельные регулятивные или охранительные общности (институты), они функционируют в своих системах, все более отдаляются друг от друга, связываясь между собой не прямо, а по большей части через соответствующие институты и даже отрасли.

К регулятивным (правоустановительным) принадлежат предписания, которые непосредственно направлены на регулирование общественных отношений путем предоставления участникам прав и возложения на них обязанностей. Рассматриваемый вид юридических норм является правоустановительным потому, что их роль в регулировании общественных отношений сводится главным образом к установлению субъективных юридических прав и обязанностей.

Охранительные предписания направлены на регламентацию мер юридической ответственности, а также специфических государственно-принудительных мер защиты субъективных прав (обобщенно — санкций). Необходимость обособленной и притом дифференцированной регламентации государственно-принудительных мер обусловлена различной тяжестью нарушений обязанностей, возлагаемых регулятивными нормами, спецификой задач, решаемых в правоохранительной сфере. Так, в советском праве общая обязанность не нарушать субъ-

ективные права, основанные на праве общественной социалистической собственности, едина. Но нарушения этой обязанности могут быть различными не только по своему фактическому содержанию (кража, грабеж, присвоение и т. п.), но и по степени опасности данных противоправных действий для общества (преступление, административный проступок). Охранительные юридические нормы в процессе специализации права потому и выделились в самостоятельную разновидность норм, что при установлении государственно-принудительных мер оказалось необходимым учитывать разнообразные особенности правонарушений (степень и форму вины правонарушителя, последствия деяния и др.), влияющих на вид и величину санкции³.

3. Разновидности регулятивных норм. В зависимости от специфики двух регулятивных функций — динамической и статической (I.12.4.) характер прав и обязанностей, устанавливаемых регулятивными нормами, различен. Он и предопределяет деление регулятивных норм на обязывающие, запрещающие и уполномочивающие.

Начнем с рассмотрения динамической функции. Основным юридическим средством осуществления динамической функции является возложение на лиц *активных* обязанностей — совершать определенные положительные действия. Например, согласно нормам советского трудового права рабочий или служащий должен осуществлять известную трудовую деятельность. Эта обязанность соответствует субъективному праву администрации требовать от рабочего или служащего исполнения трудовых функций. Следовательно, субъективное право не обладает здесь каким-либо особым содержанием: достаточно указать на содержание обязанности, как будет раскрыто и содержание права (требовать совершения положительных действий, возложенных на рабочего или служащего). Вот почему регулятивные нормы, устанавливающие права и обязанности данного типа, называются обязывающими.

Другую картину мы видим в правоотношениях, возни-

³ Этого не учитывают авторы, полагающие, что охранительные нормы не обособляются в структуре права и что лучше говорить о регулятивной и правоохранительной функциях «каждой нормы» (см.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М., 1973, с. 261—262).

кающих при осуществлении статической регулятивной функции. Основным юридическим средством проведения статической функции является такое построение правовых связей, в соответствии с которым на лицо возлагаются *пассивные* обязанности — воздерживаться от действий известного рода. Типический пример: правоотношения собственности, в силу которых все лица обязаны воздерживаться от нарушения прав собственника. В правоотношениях этого типа содержание субъективного права не может быть раскрыто только одним указанием на содержание обязанностей. Управомоченный не только вправе требовать от других лиц воздержания от действий известного рода, но и сам может совершать определенные положительные действия (например, собственник вправе владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом). Иными словами, и субъективное право, и юридическая обязанность имеют в правоотношениях данного типа свое содержание. И они нормативно определяются «раздельно», в особых регулятивных нормах. В одних предписаниях устанавливаются правомочия собственника, а в других — общая обязанность (запрет) не нарушать эти правомочия. Вот почему наряду с обязывающими нормами существуют еще два вида регулятивных норм — запрещающие, направленные на регламентацию пассивных обязанностей, и управомочивающие, направленные на регламентацию субъективных прав с положительным содержанием.

Итак, в зависимости от характера субъективных прав и юридических обязанностей регулятивные нормы подразделяются на три вида:

обязывающие — юридические нормы, устанавливающие обязанность лица совершать определенные положительные действия;

запрещающие — юридические нормы, устанавливающие обязанность лица воздерживаться от действий известного рода (запреты);

управомочивающие — юридические нормы, устанавливающие субъективные права с положительным содержанием, т. е. права на совершение управомоченным тех или иных активных действий.

Нетрудно заметить, что приведенное деление органически связано не только с особенностями регулятивных функций, но и в единстве с ними со способами правового регулирования (I.17.5), т. е. с характером регулятивного

воздействия, которое осуществляется при помощи обязывания (обязывающие нормы), запрещения (запрещающие нормы) и дозволения (управомочивающие нормы)⁴.

Требует специального рассмотрения вопрос о существовании особых управомочивающих и запрещающих норм в связи с общедозволительным и разрешительным типами правового регулирования. Вполне закономерно введение в ткань права такого рода нормативных предписаний в качестве своего рода «ограничителей» общих дозволений и общих запретов — конкретных запрещающих норм (при общедозволительном регулировании) и конкретных управомочивающих норм (при разрешительном регулировании).

Между тем имеются случаи, когда законодателем устанавливаются нормы, которые, казалось бы, не требуются по логике регулирования. Например, формулируются особые запрещающие нормы и при разрешительном регулировании. Таков, скажем, запрет, содержащийся в ст. 24 КЗоТ РСФСР: «Администрация предприятия, учреждения, организации не вправе требовать от рабочего или служащего выполнения работы, не обусловленной трудовым договором» (см. аналогичное запрещающее положение в ст. 63 КЗоТ РСФСР и др.).

Для чего формулируются подобные нормативные предписания? Ведь общий запрет выражен во всем нормативном материале. Нормируя содержание прав и обязанностей, предусматривая санкции за известное поведение, законодатель *тем самым* определяет, что субъекту дозволено, а что не дозволено, т. е. устанавливает общие дозволения и запреты. Например, из содержания, логики регулирования трудовых отношений, из всего комплекса действующих в этой области предписаний со всей непреложностью следует, что администрация вправе требовать от работника только то, что предусмотрено договором, значит — все остальное запрещено.

Думается, однако, что введение особых конкретных управомочивающих норм (при наличии общего дозволения) или особых запрещающих норм (при наличии общего запрета) имеет известные основания. Подобные конкретные управомочивающие и запрещающие нормы, видимо, подчеркивают юридическое качество общих дозволений и запретов и вместе с тем могут выполнять дополнительные функции. Их установление обусловлено необходимостью усиления регулирующего, нормативно-организационного и идеологического воздействия советского права. Такого рода нормы с большей отчетливостью указывают на социально-политическое содержание правовых установлений и, прямо фиксируя тот или иной тип правового регулирования, вносят необходимую определенность в характер регулирования, в практику применения соответствующих юридических норм.

4. Специализированные нормы. Обобщающие предписания. Специализированные предписания, в отличие от

⁴ О ряде других особенностей одной из разновидностей рассматриваемого деления — запрещающих норм см.: Иванова З. Д. Запрещающие нормы в механизме правового регулирования. — Сов. государство и право, 1975, № 11; Братко А. Г. Запреты в советском праве. Саратов, 1979.

регулятивных и охранительных имеют дополнительный характер. Они не являются самостоятельной нормативной основой для возникновения правоотношений. При регламентировании общественных отношений они как бы присоединяются к регулятивным и охранительным предписаниям, образуя в сочетании с ними единый регулятор.

Специализированные предписания отграничиваются друг от друга в зависимости от того, какую функцию (операцию) они выполняют в процессе правового регулирования. По этому критерию их можно подразделить на пять основных разновидностей:

общие (общеуказательные) — предписания, направленные на фиксирование в обобщенном виде определенных элементов регулируемых отношений;

дефинитивные — предписания, направленные на закрепление в обобщенном виде признаков данной правовой категории;

декларативные (нормы-принципы) — предписания, в которых сформулированы правовые принципы, а также задачи данной совокупности юридических норм;

оперативные — предписания, роль которых в процессе регламентации общественных отношений выражается в отмене действующих нормативных положений или в распространении данных норм на новый круг общественных отношений, в пролонгации норм на новый срок и др.;

коллизионные — предписания, указывающие на нормы (закон, правовую систему), которые должны быть применены в данном случае, т. е. предписания, регулирующие выбор между нормами⁵.

Значение той или иной разновидности специализированных норм в процессе правового регулирования различно. Те из них, которые можно отнести к числу обобщающих (общие, дефинитивные, декларативные), выражают высокий уровень системных нормативных обобщений; другие (оперативные, коллизионные) являются как бы «нормами о нормах». Но во всех случаях специализи-

⁵ По своей структуре коллизионные предписания, как и иные нормы-предписания, состоят из двух частей — гипотезы и диспозиции, которые здесь имеют своеобразные названия — «объем» (указание на те отношения, к которым норма применяется) и «привязка» (указание на норму, закон, правовую систему, подлежащие применению к данным отношениям) (см.: Лунц Л. А. Международное частное право. М., 1970, с. 138).

рованные нормы — результат дифференциации и интеграции нормативного материала, результат того объективного процесса специализации, который присущ праву (в особенности современному советскому).

Представляется важным обратить внимание на существенную роль в нормативной системе обобщающих предписаний.

Из обобщающих предписаний образуются заглавные подразделения отраслей права, закрепляемые в общей части кодифицированных актов. Входящие в общие части предписания являются выражением *системных нормативных обобщений в праве*, которые придают системе новое качество и потому выступают как показатель уровня ее развития, структурированности, юридического совершенства.

Варая главным образом ту сторону специализации, которая состоит в интеграции правового материала, обобщающие предписания выполняют функцию «цементирующего средства» в структуре права. Именно в обобщающих предписаниях реально воплощается существование правовых общностей, и прежде всего основных отраслей права. В них закрепляются главные специфические черты отраслевого юридического режима, свойственного данной отрасли метода правового регулирования.

5. Разновидности юридических норм, различаемые по характеру их связи с индивидуальным регулированием. Это — специфическая плоскость деления юридических норм на виды, иной (по сравнению с общей классификацией) «разрез» права.

Индивидуальное регулирование в социалистическом праве не только осуществляется на основе, в пределах и формах, предусмотренных нормами, но и в той или иной степени ими *направляется*. А это значит, что в праве существуют особые нормативные положения и особые разновидности норм, которые призваны как бы «опекать» индивидуальное регулирование, обеспечивать его поднормативность, пределы усмотрения и т. д.

Индивидуальное регулирование в самом общем виде во всех случаях предполагает, во-первых, сам факт известного простора для самостоятельного решения субъектами того или иного вопроса в соответствии с особенностями данной ситуации, а во-вторых, наличие полномочий у лиц на такое решение. Каждая норма, направленная на обеспечение индивидуального регулирования, вы-

ражает оба эти момента: она не дает исчерпывающего, абсолютно определенного решения того или иного вопроса, оставляя в регулировании как бы некоторые «пустоты», и одновременно позволяет определенным лицам самим решать (конкретизированно урегулировать) данный вопрос. Однако соотношение указанных двух моментов в конкретных нормах зависит от особенностей индивидуального регулирования.

Следует различать индивидуальное регулирование, осуществляемое компетентными правоприменительными органами на основе предоставленных им государственно-властных полномочий, и «автономное» регулирование, осуществляемое самими участниками отношений на основе предоставленной им свободы распоряжения своими правами (диспозитивности).

В первом случае момент дозволенности не является в норме решающим: он предопределен наличием у правоприменительных органов государственно-властных полномочий. Поэтому на первый план в норме выступает *степень определенности* ее содержания, т. е. указание на то, в какой мере, по каким вопросам правоприменительный орган может принимать самостоятельные решения. Вот почему в данной плоскости различаются абсолютно определенные и относительно определенные нормы.

Во втором случае, когда регулирование автономно осуществляют участники данного отношения, на первый план выступает *момент дозволенности* такого «автономного» регулирования. Ведь участники общественного отношения в принципе обладают лишь правовой активностью; они могут участвовать в правовом регулировании на основе дозволения, опираясь на которое лица действуют диспозитивно — сами определяют свои взаимоотношения. Вот почему в области «автономного» регулирования нормы подразделяются на императивные и диспозитивные.

Абсолютно определенные — нормы, которые с исчерпывающей конкретностью и полнотой устанавливают условия своего действия, права и обязанности адресатов и не предусматривают возможность конкретизированного индивидуального регулирования общественных отношений с помощью правоприменительных актов. Например, норма ст. 270 УПК РСФСР предписывает: «Явившиеся свидетели до начала их допроса удаляются из зала судебного заседания». Какого-либо права суду на решение

вопроса о том, удалять или не удалять свидетелей, норма не предоставляет.

Относительно определенные — нормы, которые не содержат достаточно полных, исчерпывающих указаний об условиях действия, правах и обязанностях сторон или содержании юридических санкций и предоставляют право государственным и иным правоприменительным органам решить дело с учетом конкретных обстоятельств.

Относительно определенные нормы (в зависимости от пределов свободы усмотрения компетентного органа) подразделяются на три основные группы: ситуационные, альтернативные, факультативные.

Ситуационные — нормы, предусматривающие возможность прямого конкретизированного регулирования актом правоприменительного органа в зависимости от особенностей конкретной ситуации⁶.

Альтернативные — нормы, предусматривающие возможность применения правоприменительным органом одного из нескольких точно обозначенных в норме вариантов, в том числе вариантов санкций (см., например, ст. 339 УПК РСФСР, ст. ст. 246, 364 ГК РСФСР).

Факультативные — нормы, предусматривающие наряду с главным вариантом, который применяется, как правило, и факультативный вариант. Он может быть применен правоприменительным органом в порядке замены основного варианта при определенных условиях. Так, согласно ч. 1 ст. 47 ГК РСФСР несоблюдение обязательной нотариальной формы сделки влечет за собой ее недействительность. Вместе с тем ч. 2 этой же статьи предоставляет суду право признать сделку, совершенную с нару-

⁶ Впервые в юридической литературе на существование ситуационных норм указал К. И. Комиссаров (см.: Комиссаров К. И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе. — Сов. государство и право, 1969, № 4, с. 51). Автор, однако, допускает неточность, когда помещает ситуационные нормы в один ряд с императивными и диспозитивными нормами. Он более точен, когда (применительно к одному из элементов нормы) различает три разновидности относительно определенных санкций: альтернативные, факультативные, ситуационные (см.: Он же. Правоприменительная деятельность суда в гражданском процессе. — Сов. государство и право, 1971, № 3, с. 74—75). Впрочем, попытки дополнить деление норм на императивные и диспозитивные следует признать «традиционными»: в качестве «третьего члена» этого деления обрисовывались и рекомендательные и даже поощрительные нормы.

шением нотариальной формы, действительной при условии, если она не содержит ничего противозаконного, одна из сторон полностью или частично исполнила ее, а другая уклоняется от нотариального оформления.

Императивные — нормы, содержащие категорические предписания, которые не могут быть заменены по усмотрению лиц другими условиями их поведения. Если участники общественного отношения все же заключили соглашение, устанавливающее иные условия поведения, то оно все равно признается недействительным, ничтожным; следовательно, и в этом случае действует категорическое предписание, выраженное в императивной норме. Например, если стороны включили в договор условие, направленное на ограничение правоспособности (допустим, предусмотрели обязанность одной из сторон не вступать в брак до достижения тридцатилетнего возраста), то подобное соглашение лишено какой-либо юридической силы, ибо нормы, регламентирующие правоспособность граждан, носят императивный характер.

Диспозитивные — нормы, которые действуют лишь постольку, поскольку стороны своим соглашением не установили иных условий своего поведения. Диспозитивные нормы иногда называются также восполнительными: они восполняют отсутствующее соглашение, функционируют лишь тогда, когда стороны не договорились между собой по данному вопросу. На практике они и распознаются по таким формулировкам, как «при отсутствии иного соглашения», «если иное не установлено в договоре» (см., например, норму ст. 53 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик).

Таким образом, диспозитивные нормы однотипны с относительно определенными нормами: и те и другие предусматривают возможность регламентации общественных отношений в индивидуальном порядке. Но они различаются между собой. В относительно определенных нормах главное — мера индивидуального урегулирования соответствующих вопросов; при этом норма в тех или иных пределах непосредственно определяет поведение субъектов. В диспозитивных же нормах на первый план выступает момент дозволения: они устанавливают такую степень диспозитивности, в соответствии с которой лица сами (автономно) решают определенный вопрос; правило о конкретном поведении тех или иных лиц предусматривается в норме только на тот случай, если субъекты дан-

ный вопрос автономно не урегулируют⁷. Отсюда другое отличие. Относительно определенные нормы функционируют в *сочетании* с индивидуальными предписаниями. Диспозитивные же нормы действуют *при отсутствии* индивидуальных волеизъявлений — соглашений между сторонами по данному вопросу.

Более широкой категорией, чем диспозитивные нормы, является *принцип диспозитивности*, характеризующий самостоятельность, свободу субъектов в распоряжении своими правами, в том числе процессуальными средствами. Этот принцип, соответствующий методу децентрализованного регулирования, выражается не только в диспозитивных, но и в императивных нормах.

6. Основные, детализирующие и варианты нормы. Ассоциации норм. С одним из направлений специализации права — углублением нормативной конкретизации связано еще одно деление юридических норм.

Необходимость четкого, всестороннего нормирования данных отношений, которые бы в полной мере отражали особенности той или иной конкретной и вместе с тем типической ситуации, ведет к тому, что законодатель наряду с основной (генеральной) нормой формулирует предписания, которые призваны уточнить детали регулирования, его возможные варианты, обусловленные особенностями соответствующих конкретных обстоятельств.

В данной плоскости следует различать предписания: основные, детализирующие, варианты.

Основные (генеральные) — нормативные предписания, устанавливающие общие правила, принципы регулирования данных отношений (например, общее правило о размере алиментов в ч. 1 ст. 68 КоБС РСФСР).

Детализирующие — нормативные предписания, которые дают конкретизированное решение той или иной детали регулирования (например, предписание, регламен-

⁷ «Диспозитивная норма — сложная норма, где органически сочетаются два самостоятельных правила. Одно правило — это предоставление правомочия сторонам действовать в конкретных условиях по собственному усмотрению. Другое же правило, имеющее самостоятельное значение, — это предписание на случай, если стороны правоотношения сами не определили права и обязанности» (Общая теория советского права, с. 215—216). Вместе с тем следует учитывать, что правило, устанавливаемое на случай отсутствия соглашения, все же служит известным образцом, ориентирующим стороны на «предпочтительный» вариант.

тирующее порядок установления видов заработка, подлежащих учету при взыскании алиментов — ст. 70 КоБС РСФСР).

Вариантные — нормативные предписания, рассчитанные на регулирование в соответствии с генеральной нормой в специфических ситуациях, в особых условиях, при своеобразных вариантах конкретных обстоятельств (например, взыскание алиментов при инвалидности и других особых обстоятельствах, касающихся плательщика алиментов, — чч. 2 и 3 ст. 68 КоБС РСФСР). В уголовном праве — это варианты, связанные с наличием определенных квалифицирующих признаков, со степенью общественной опасности деяния.

Основные, детализирующие и варианты нормативные предписания образуют связки, последовательные цепочки, из которых нередко образуется некоторая общность предписаний, своего рода *ассоциации норм*. Эти ассоциации, составляющие, как правило, содержание многоабзацной статьи нормативного акта, отличаются своим законом связи между предписаниями, особой структурой (например, генеральное предписание плюс вариантное плюс детализирующее — см. предписания ст. 45 КоБС РСФСР).

С ассоциаций предписаний «все начинается» в структуре права. Из них формируются устойчивые правовые общности — правовые институты, их объединения. Причем в ассоциациях предписаний, формулируемых законодателем под прямым влиянием юридической практики, непосредственно ощущаются пульс разнообразных жизненных отношений, потребности практики, накопившийся опыт индивидуально-правовой деятельности компетентных органов.

7. Общие и особенные нормы. Рекомендательные нормы. Практически важным является деление норм на *общие* и *особенные*⁸, причем к особенным относятся специальные, местные (ведомственные), временные нормы.

По признаку объема действия норм⁹ они классифицируются на *общие* и *специальные*. Общими называются

⁸ См.: Деготь Б. А. Классификация норм советского социалистического права по их структуре, с. 43—44.

⁹ См. по этому вопросу: Недбайло П. Е. Советские социалистические правовые нормы. Львов, 1959, с. 85—86.

юридические нормы, которые распространяются на род данных отношений в целом, а *специальными* — нормы, действующие только в пределах конкретного вида отношений. Например, нормы Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и ГК союзных республик, посвященные договору поставки, являются общими, а нормы Особых условий, регламентирующие поставку продукции определенных видов, — специальными.

В качестве разновидности норм, различаемых по объему действия, могут быть выделены *исключительные* нормы, т. е. нормы, устанавливающие качественно иной порядок, нежели общие и специальные нормы (например, нормы, которые устанавливают порядок бездоговорной поставки продукции, идущей на экспорт).

При классификации юридических норм по объему действия угол зрения может быть несколько изменен и нормы могут быть разграничены по кругу лиц. В этом случае в число общих опять-таки входят нормы, распространяющиеся на род данных отношений, а в число специальных — на вид отношений. Все дело лишь в том, что особенности тех или иных норм непосредственно связываются с определенной категорией субъектов. Так, в трудовом праве общие нормы, распространяющиеся на всех работников, сочетаются со специальными нормами, дифференцированными сначала в отношении рабочих и служащих, а затем еще по особым категориям рабочих и служащих.

По признаку сферы действия юридические нормы подразделяются на *общие и местные (ведомственные)*. Общие — это нормы, распространяющиеся на лиц независимо от того, на какой территории они находятся или в состав какой организации входят; местные (ведомственные) — нормы, действующие в отношении лиц только в том случае, если последние находятся на определенной территории или же входят в состав данной организации.

Среди местных (ведомственных) норм особо выделяются *локальные (внутриорганизационные)* нормы, т. е. нормы, действующие только в рамках определенного предприятия, колхоза и т. д. (например, правила внутреннего распорядка данного предприятия, нормы устава данного колхоза и др.). Локальные нормы, отличающиеся рядом специфических правовых черт, стали в послед-

ние годы предметом внимательного рассмотрения в литературе¹⁰.

По времени действия юридические нормы подразделяются на *общие* и *временные*. Общие — это нормы, установленные на неопределенный срок действия до их отмены или изменения; временные — нормы, установленные только на определенный срок (например, на время стихийного бедствия).

Специфическое место в классификации норм права занимают так называемые *рекомендательные* нормы. Их смысл и значение в качестве «норм» могут быть поняты лишь в том случае, если рассматривать данные явления в органической связи с управомочивающими и обязывающими нормами (II.25.3), а главное в рамках процесса правотворчества. Рекомендации, содержащиеся, например, в совместных постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР, представляют собой совет, предложение компетентных органов, обращенные к кооперативным и общественным организациям. Их правовое значение состоит в том, что они не только а) управомочивают кооперативную или общественную организацию принять определенное решение по нормативному урегулированию тех или иных отношений, б) обязывают ее обсудить рекомендацию, но и в) предварительно санкционируют нормативное решение организации по данному вопросу, оснащают его юридической силой (что является основой для последующей регистрации или утверждения соответствующих актов кооперативных и общественных организаций в государственных органах)¹¹. Рекомендации нужно рассматривать в единстве с теми локальными нормами, которые принимает кооперативная или общественная организация. В этом отношении рекомендации являются *этапом* в нормотворческом процессе, осуществляемом колхозами и иными кооперативными и общественными организация-

¹⁰ По вопросу о социальной и правовой природе локальных норм см. статьи В. А. Тарасовой, Ф. М. Левянта, Л. Б. Гальперина, С. С. Каринского (Правоведение, 1971, № 5, с. 36—55) и др. См. также: Кондратьев Р. И. Локальные нормы трудового права и материальное стимулирование. Львов, 1973; Самигуллин В. К. Локальные нормы в советском праве. — Автореф. канд. дисс. Свердловск, 1975.

¹¹ См. по этому вопросу соображения З. С. Беляевой в работе «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства» (с. 456—458).

ми, направляют его¹², обеспечивают единство локальных норм в масштабе всей страны.

В юридической литературе иногда обособляются в самостоятельный вид *поощрительные* нормы, т. е. нормы, устанавливающие меры поощрения за совершение действий, особо полезных для социалистического общества. Действительно, в советском праве могут быть выделены обширные комплексы предписаний, которые призваны обеспечивать юридическими средствами проведение начал материального и морального стимулирования, выраженного в поощрении. Их объединенная социальная и общая юридическая характеристика представляется весьма важной¹³. В то же время надо видеть и другое. Если возможно и необходимо выделение обширного комплекса поощрительных юридических предписаний в качестве самостоятельного вида норм, то такое выделение является особой классификацией, которая имеет преимущественно социально-политическое значение и построена по специфическому критерию — характеру социального воздействия, призванного вызвать данное поведение. Суть такой классификации состоит в разграничении норм на поощрительные и нормы, проводящие прямое государственно-властное воздействие.

Со специально же юридической стороны, в плоскости которой осуществляется классификация юридических норм, поощрительные предписания не образуют единой группы. В эту группу входят две разновидности обязывающих норм (нормы, устанавливающие основную обязанность по отношению к поведению, которое стимулируется поощрением; нормы об обязанности того или иного органа при известных условиях осуществить поощрение) и два вида управомочивающих норм (нормы о праве лица на получение поощрения; нормы о праве компетентного органа назначить поощрение). Причем только при юридически точной характеристике норм, обеспечивающих поощрение, может быть раскрыто весьма сложное, закономерное сочетание указанных предписаний, образующих целостный комплекс и именно в своей целостности обеспечивающих с правовой стороны проведение в жизнь начал материальной и моральной заинтересованности, которые выражены в поощрении (II.21.4.).

Однако не имеют ли поощрительные предписания специфики с точки зрения санкций? Не выступают ли поощрения в виде обеспечительного средства юридических норм, заменяющего государственно-принудительные меры? И такой подход едва ли оправдан. Большинство норм, касающихся поощрения, никак не связано с обеспечительной функцией поощрения: они лишь оформляют последнее. Но если даже остановиться не на всем комплексе норм, касающихся поощрения, а лишь на тех из них, которые посвящены юридическим обязанностям по отношению к поведению, стимулируемому поощрением, то и такого рода нормы вряд ли возможно выделить в особую рубрику с точки зрения обеспечительных мер — санкций. Ведь поощрения и юридические санкции — явления разноплоскостные. Если юридическая санкция — часть правовой нормы, которая указывает

¹² См.: Александров Н. Г. Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе. — Вопросы философии, 1957, № 1, с. 50.

¹³ См.: Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права.

на государственно-принудительные меры, призванные обеспечить исполнение юридических обязанностей, то поощрение относится к диспозиции нормы, к содержанию прав и обязанностей. И суть поощрения — не в том, чтобы обеспечить реализацию юридических норм (что характерно для санкций), а в том, чтобы непосредственно стимулировать нужное поведение, быть внеправовым стимулятором. Оно заменяет или дополняет не санкции норм, а государственно-принудительное воздействие, осуществляемое при помощи юридического механизма в целом. Что же касается поощрительных норм права, то их значение заключается в том, чтобы оформить поощрение, связанные с ним процедуры, ввести складывающиеся здесь отношения в строгие рамки при помощи комплекса обязывающих и управомочивающих предписаний, каждое из которых оснащено своими юридическими средствами обеспечения.

Среди перспективных проблем классификации юридических норм, только намеченных нашей правовой наукой, следует указать на проблемы так называемых отраслевых норм, т. е. норм, разграничиваемых по отраслям права. Действительно, если отрасли права размежевываются не только по предмету, но и по юридическому режиму (методу) регулирования, то это означает, что в самих юридических нормах могут быть найдены признаки, которые указывают на их принадлежность к той или иной отрасли. Очевидно, что особенности данной отрасли выражаются, в частности, в нормах, регламентирующих общее юридическое положение субъектов, а также в самом сочетании норм между собой. Вместе с тем едва ли можно сомневаться в том, что особенности отраслей права отражаются, кроме того, на конкретных юридических нормах. Не случайно, например, в советской юридической литературе многие авторы проводят разграничение санкций норм по отраслям права (административные, уголовные и другие санкции). Более тщательный анализ, вероятно, позволит обнаружить специфические черты в диспозициях норм той или иной отрасли, их гипотезах, в сочетании элементов и т. д. Эта проблема еще ждет своего исследования.

ПРАВООТНОШЕНИЕ

Глава 26

ПРАВООТНОШЕНИЕ: ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ

1. Понятие правоотношения. Это — возникающая на основе норм права индивидуализированная общественная связь между лицами, характеризующаяся наличием субъективных юридических прав и обязанностей и поддерживаемая (гарантируемая) принудительной силой государства.

Правоотношение всегда представляет собой известную общественную связь между лицами — людьми, их коллективами, государством, органами государства.

Специфические признаки правоотношения, выделяющие его среди других общественных связей, заключаются в следующем.

1') Это связь между лицами, возникающая на основе норм права. Здесь важен такой момент. Известно, что «правовые отношения... не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных

жизненных отношениях»¹. Детерминированность правоотношений материальными условиями жизни общества проявляется и непосредственно (через материальные интересы людей), и через волю государства, через издаваемые им юридические нормы. Следовательно, характеристика юридических норм как основы правоотношений неизбежно приводит в ходе дальнейшего анализа к выявлению решающих экономических факторов, обуславливающих правоотношения, — к экономическому базису.

2) Это возникающая на основе норм права связь между лицами *через их субъективные юридические права и обязанности*. Особая юридическая связь между лицами, разумеется, всегда на базе материальных отношений, интересов существует именно потому, что данные лица являются носителями прав и обязанностей. Юридические нормы предоставляют одному лицу право, на другое же лицо возлагают обязанность. А право и обязанность (и в этом суть правоотношения!) едины. Едины по своему объекту, по своему фактическому содержанию, воплощенному для одного лица в том, что оно может, а для другого — в том, что оно должно. И в силу единства прав и обязанностей, которыми наделены разные лица, они связаны между собой.

3) Это возникающая на основе норм права связь между лицами, которая *поддерживается (гарантируется) принудительной силой государства*. Как только те или иные лица становятся носителями субъективных юридических прав и обязанностей, так сразу же они попадают в специфическое положение (состояние) по отношению к государству. Государство поддерживает, гарантирует действия носителя субъективного права (управомоченного), обеспечивает исполнение обязанностей. Таким образом, правоотношение, будучи связью между теми или иными лицами, представляет собой также связь, правда, в иной плоскости и с иными характеристиками, данных лиц с государством.

4) Это возникающая на основе норм права связь между лицами, которая в той или иной степени имеет *индивидуализированный, определенный характер*. Правоотношение прежде всего так или иначе индивидуализировано по своим субъектам. Причем в одних случаях сущест-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6.

вует полная, двусторонняя индивидуализация, когда все участники правоотношения «поименно» определены (таковы, например, обязательственные отношения в советском гражданском праве), в других случаях индивидуализация является односторонней, когда точно фиксируются лишь субъекты одной из сторон правоотношения — носители субъективных прав (таковы, например, правоотношения собственности). Наконец, существуют такие правоотношения, где индивидуализация выражается в строго определенной всеобщности прав и обязанностей, в том, что все лица являются носителями данных субъективных прав и обязанностей (таковы, например, многие государственно-правовые отношения).

Правоотношению свойственна также индивидуализированность по содержанию прав и обязанностей — определенность того поведения, которому должны или могут следовать участники данного правоотношения. Нужно лишь учитывать, что в ряде случаев правоотношения приобретают полную, законченную определенность на известной стадии своего развития. Так, уголовные правоотношения возникают в результате совершенного правонарушения, но полную определенность приобретают только после вынесенного обвинительного приговора.

Правоотношение — это всегда связь между лицами через реальные, фактически существующие, наличные права и обязанности, фиксирующие строго определенную меру поведения лиц. Иная трактовка правоотношения, когда под ним мыслятся все возможные для данных субъектов права и обязанности (например, для рабочего или служащего — участника трудового договора — все права и обязанности в области советского трудового права), видимо, и приводит к конструкции правоотношения как «модели» и, следовательно, к приданию ему нормативного характера и отсюда к стиранию качественных различий между юридической нормой и правоотношением.

Вместе с тем следует учитывать, что права и обязанности в правоотношении как динамическом явлении могут находиться в развитии. И дело не только в том, что на начальных фазах формирования правоотношения наличное субъективное право может выступить в виде прообраза, т. е. возможности-предпосылки (II.30.10), но и в том, что в уже сформировавшемся правоотношении субъективное право в ряде случаев до наступления известных фактов имеет потенциальный характер (таковы, напри-

мер, право гражданина на жилье по срочному гарантийному письму; право съемщика жилой площади требовать исправления ее аварийных повреждений)².

2. Правоотношение — правовая связь. Решающая конституитивная черта правоотношения состоит в том, что оно выражает *особую общественную связь* между лицами, связь через их права и обязанности.

Это значит, что участники правоотношения «связаны», т. е. занимают по отношению друг к другу определенное положение (состояние, позиции). Такая характеристика правоотношения в полной мере согласуется с философским пониманием отношения, в соответствии с которым «уже самый факт, что это есть *отношение*, означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*»³.

Вот этот момент — «относятся друг к другу» — и является ключевым для понимания правоотношения. Коль скоро те или иные лица выступают как носители субъективных юридических прав и обязанностей, то они в силу нерасторжимого единства этих прав и обязанностей относятся друг к другу как участники правового отношения.

Обоснование этого положения имеет принципиальное теоретическое, концептуальное значение для диалектико-материалистического понимания важнейших правовых явлений — субъективных юридических прав и обязанностей. Почему?

Во-первых, потому, что рассмотрение субъективных прав и обязанностей как правоотношения позволяет выявить их *социальную природу*. Ведь каждое явление в обществе раскрывается как явление социальное тогда, когда оно рассматривается в виде отношения. Следует добавить, что «право может воздействовать только на общественные отношения, и поэтому такие юридические явления, как правоспособность, дееспособность, общая обязанность соблюдать общественный порядок, закрепленные в конституции основы общественного и государственного строя, есть юридическое оформление различных общественных отношений»⁴. Субъективное право и юридическая

² См.: Б а с и н Ю. Г. Вопросы советского жилищного права. Алма-Ата, 1963, с. 123—126.

³ М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 13, с. 497—498.

⁴ Общая теория советского права, с. 277.

обязанность вне социальных связей (вне правоотношений) — это «социальный нуль».

Во-вторых, потому, что рассмотрение субъективных прав и обязанностей как правоотношения позволяет увидеть их особенность как *юридических* явлений. В реальной жизни нет субъективного права (как юридического явления), если оно не «право» по отношению к кому-либо, т. е. если оно так или иначе не связано с обязанностями. Нет и обязанности (как юридического явления), если ей не корреспондирует право требования. Право, не обеспеченное обязанностями, и обязанности, не подкрепленные правом требования, превращаются в «юридический нуль».

Все это приводит к выводу, что органическая, нерасторжимая связь между субъективными юридическими правами и обязанностями является одной из существенных *объективных закономерностей* в области правовой действительности. Эта связь такая жесткая, конститутивная для права, что при ее отсутствии правовая материя, так сказать, рассыпается: субъективные юридические права и обязанности теряют качество социальных и юридических явлений⁵. Понятие правоотношения и сложилось в марксистско-ленинской науке для обозначения указанного закона существования и функционирования юридической материи — органической, нерасторжимой связи между субъективными правами и обязанностями.

Таким образом, выработанная в правоведении теоретическая конструкция «правоотношение» не есть прямое распространение, проекция на правовой материал философских категорий «связь» и «отношение». И дело не в том, что в философской литературе разграничение между указанными категориями еще не устоялось (некоторые авторы полагают, что понятие «отношение» является более широким, нежели понятие «связь») и что обособление этих категорий проводится многими авторами по непосредственно материальным критериям, которые вряд ли прямо применимы в правоведении⁶. Суть в другом. Выде-

⁵ Р. О. Халфина пишет, что отсутствие у общественного отношения правовой формы означает невозможность «использовать специфические средства права для реализации и охраны интересов участников» (Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974, с. 36).

⁶ По мнению В. И. Свидерского и Р. А. Зобова, например, отношение в отличие от просто связи указывает на опосредованную

ление правоотношений из всей массы многообразных и разнохарактерных связей, существующих в правовой действительности (в том числе связей между элементами правовой надстройки — нормами, правосознанием, актами и т. д.)⁷, осуществляется по особому, высокозначимому с позиций материалистической диалектики и правоведения основанию — раскрывает ли данная связь социальную природу и юридический характер субъективных прав и обязанностей.

Теоретическое положение о нераздельной связи между субъективными юридическими правами и обязанностями (и, следовательно, их характеристика через понятие правоотношения) решает проблему в принципе, с точки зрения коренных, исходных методологических предпосылок, позволяющих раскрыть социальную природу и юридическое существо субъективных прав и обязанностей. Но оно вовсе не означает, что все правовые связи одинаковы, что субъективные права и обязанности замыкаются «рамками» собственно правовой связи, являются только ее элементами. По своему содержанию, а тем более по своему значению субъективные юридические права и обязанности представляют собой явления богатые, многогранные, обладающие своим собственным содержанием и ценностью, нередко выходящими за рамки правовых связей как таковых (II.28.9.).

Несколько лет назад получило определенное распространение мнение, согласно которому значительное число субъективных прав и обязанностей существует вне правоотношений. Причем это мнение нередко трактуется как передовое, прогрессивное, противостоящее традиционному воззрению, рассматривающему субъективные права и обязанности в единстве, через понятие правоотношения.

Позитивное значение указанного подхода помимо некоторых иных моментов состоит в том, что обращено внимание на многообразие правовых средств воздействия (правовой статус, запреты, общие права и обязанности), которые невозможно «втиснуть» в рамки конкретных правоотношений такого типа, как обязательства гражданского права.

Однако, думается, факт многообразия правовых средств воздействия не должен приводить к отказу от такой характеристики прав и обязанностей, которая позволяла бы выявить их социальную при-

взаимозависимость конечных результатов тех или иных материальных процессов (см.: Свидерский В. И., Зобов Р. А. Отношение как категория материалистической диалектики. — Вопросы философии, 1979, № 1, с. 91).

⁷ См.: Назаров Б. Л. Социалистическое право в системе социальных связей. М., 1976.

роду и юридическое существо, т. е. от их характеристики в качестве правовых отношений. Как показала Р. О. Халфина, именно категория правоотношения свидетельствует о своеобразии интерпретации правовых явлений социалистической правовой наукой в отличие от буржуазной правовой мысли⁸.

К тому же сторонники нового подхода, выступив против узкоцивилистической трактовки прав и обязанностей, в действительности сами не выходят за рамки этих (притом крайних), узкоцивилистических представлений. Указанное выше воззрение основывается на том, что правоотношения рассматриваются *только* в виде конкретных, полностью индивидуализированных правовых связей, в которых субъекты взаимодействуют друг с другом. Но ведь это же конструкция правоотношений, ориентированная на модель обязательства гражданского права! Таким образом, новый подход на проверку оказался возвращением к «традициям», в общем преодоленным нашей наукой. Одна из фундаментальных категорий социалистического правоведения — категория правоотношения при подобном взгляде является весьма ограниченной по своему значению, становится предметом отраслевой или, в лучшем случае, межотраслевой проблематики. Причем в одних отраслевых науках (гражданском, трудовом, административном праве) пришлось бы вести речь о правоотношениях, а в других (государственном, уголовном, процессуальном праве) — аналогичные вопросы рассматривать под рубрикой «правовые связи». В общей же теории права, которой в качестве исходного пришлось бы использовать понятие правовой связи, все равно нужно было бы различать общие и конкретные связи. Произошли бы, следовательно, лишь смена и удвоение терминологии — факт для развития научной мысли едва ли положительный. К тому же пришлось бы решать и другую задачу: как терминологически отграничить связи, когда речь идет о единстве прав и обязанностей, от всего комплекса многообразных связей, существующих между различными элементами правовой надстройки.

Вот почему, несмотря на настойчивые усилия и категоричность суждений ряда сторонников указанного выше подхода, большинство правоведов, в особенности в отраслевых науках, продолжает рассматривать правоотношение в качестве категории, позволяющей раскрыть социальное содержание и юридическое существо субъективных прав и обязанностей⁹.

В настоящее время намечаются пути сближения теоретических позиций по данной проблеме. Общим знаменателем здесь, видимо, является признаваемое всеми положение о *многообразии* юридических средств, обеспечивающих юридическое воздействие права на общественные отношения. Не случайно при обосновании вывода о существовании прав и обязанностей вне правоотношений сейчас по большей части говорят не о правоотношениях вообще, а о *конкретных* правоотношениях. Это совершенно правильная постановка воп-

⁸ См.: Халфина Р. О. Методологический аспект теории правоотношений. — Сов. государство и право, 1971, № 10, с. 21—22.

⁹ Как правильно указано в курсе теории государства и права, «в отраслевых юридических науках до сих пор продолжает господствовать мнение, что правоотношения являются единственной формой реализации права» (Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., 1970, с. 557).

роса. Тем более, как полагает ряд авторов, отстаивающих взгляд о существовании прав и обязанностей вне правоотношений, и в этом случае существуют общие и абсолютные правовые связи¹⁰.

Задача, следовательно, состоит в том, чтобы раскрыть природу и особенности общих и абсолютных правовых связей, не сводя все многообразие правоотношений к той их конструкции, которая ориентирована на модель обязательств гражданского права¹¹.

3. Правоотношение в системе отношений классового общества. Правоотношения являются составной, необходимой частью всей системы общественных связей, существующих в данном классовом обществе.

По своей социальной природе правоотношения представляют собой *надстроечные* явления, обусловленные в своем существовании и развитии экономическим базисом данного классового общества. Надстроечные потому, что, выступая как связи между лицами через их права и обязанности, правоотношения опосредствуют государственную волю, закрепленную в юридических нормах. Так же, как и нормы права, они играют функционально-организующую, управленческую роль — роль звена, связывающего общественные отношения в единый слаженный организм, причем такой, который органически сопряжен с обеспечением классово определенной свободы, активности участников общественных отношений.

Правоотношения несут на себе печать целого — особенностей и характерных черт соответствующего социаль-

¹⁰ См.: Витрук Н. В. Субъективные права граждан и правовые связи. — В сб.: Проблемы правоведения. Вып. 22. Киев, 1972, с. 11—12; Он же. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979, с. 131—133; Явич Л. С. Общая теория права, с. 173—174, 205—206.

Следует признать интересными соображения Ю. И. Гревцова о нескольких «аспектах правоотношения», среди которых автор выделяет правоотношение как статическое положение — отношение субъекта права к другим субъектам права (см.: Гревцов Ю. И. Содержание и форма правоотношений. — Сов. государство и право, 1980, № 6, с. 117—118). И хотя Ю. И. Гревцов концентрирует внимание на правоотношении как форме реального взаимодействия в правовой сфере, сама постановка вопроса об «аспектах» является шагом вперед в преодолении мнения, согласно которому существует стремление неоправданно отделять правоотношения от всех иных правовых связей между правами и обязанностями, — мнения, которого указанный автор придерживался ранее.

¹¹ Подробное обоснование взгляда о существовании разнообразных правоотношений см.: Матузов Н. И. Субъективные права граждан СССР. Саратов, 1966, с. 47—73; Он же. Общие правоотношения и их специфика. — Правоведение, 1976, № 3, с. 23—33.

ного строя. Так, правоотношениям в социалистическом обществе свойственны все те специфические черты, которые характерны для социализма. Они базируются на социалистической собственности на орудия и средства производства, исключают эксплуатацию человека человеком, строятся в соответствии с началами социалистической демократии, складываются и осуществляются в условиях строжайшей социалистической законности.

Правоотношения находятся в нераздельном единстве со всеми другими общественными отношениями. В форму правоотношений облекаются самые разнообразные социальные связи — экономико-технические, организационные, политические, семейные и т. д. Иными словами, правоотношения, представляя собой особый вид (форму) социальных связей, в то же время проникают во многие другие разновидности этих связей в тех или иных областях жизни классового общества¹². При этом с точки зрения генезиса отправным, исходным при формировании правоотношений являются реальные, фактические отношения — экономические, политические и иные.

В соответствии с этим господствующим в социалистической юридической науке воззрением, образующим целостную диалектико-материалистическую концепцию правоотношения, является взгляд, согласно которому правоотношение, выступая в качестве вида или формы иных (материальных) общественных связей, характеризуется единством формы и содержания¹³ и потому в нем наряду с юридическим содержанием (права и обязанности) выделяется материальное содержание — фактическое поведение участников общественных отношений (II.28.1)¹⁴.

¹² По мнению Р. Г. Губенко, правоотношение «является отражением, «снятой формой» реальных общественных отношений, устанавливающей правовую связь между его субъектами» (Губенко Р. Г. Советский народ — субъект конституционных правоотношений. — Сов. государство и право, 1980, № 10, с. 113).

¹³ Этот взгляд разделяется в настоящее время большинством советских ученых.

¹⁴ Р. О. Халфина пишет: «Правоотношение, будучи реализацией нормы, представляет собой вместе с тем и конкретное общественное отношение, облеченное в правовую форму. Сочетание указанных моментов — ключ к пониманию места правоотношения в системе правового регулирования» (Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974, с. 36).

Отсюда вытекает, что в области экономической жизни правоотношения входят в юридическую надстройку именно (и только) как форма реальных отношений собственности, экономического обмена и др., причем правоотношения в силу единства юридической формы и материального содержания являются здесь своего рода связующим звеном между базисом и надстройкой. Правоотношения включаются в механизмы осуществления экономических законов, непосредственно вплетаются в ткань экономической жизни; через правоотношения активная энергия права по закономерной для явлений правовой действительности цепочке обратной связи (юридические нормы—правоотношения—их материальное содержание) переходит в систему реальных, фактических отношений, передается ей, организуя и упорядочивая эти отношения.

Правоотношение как надстроечное явление *взаимосвязано с ядром правовой надстройки — с собственно правом.*

Главное в этой связи заключается в том, что правоотношения представляют собой явления, производные от права, и что в сложившейся правовой системе юридические связи возникают и существуют только на основе юридических норм¹⁵. Лишь при зарождении права, в процессе формирования правовых систем (в особенности тех из них, которые построены на судебных прецедентах) индивидуальные отношения, которые в силу санкции государства приобретают юридический характер¹⁶, могут предшествовать юридическим нормам.

¹⁵ Этот существенный момент не учитывают авторы, по мнению которых правоотношения не только исторически, но и логически предшествуют юридическим нормам. Впрочем, Л. Я. Гинцбург (автор, отстаивающий такого рода идею применительно к советскому трудовому праву) полагает, что в современном государственно-организованном обществе с разветвленной системой законодательства найти отношения целиком, «фактически», абсолютно не затронутые правом и вместе с тем допускающие по своей природе правовое регулирование, вообще невозможно (см.: Гинцбург Л. Я. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1977, с. 118).

¹⁶ Заметив, что известные отношения могут сложиться еще до формирования соответствующей нормы, В. Н. Кудрявцев пишет затем, что «вряд ли есть основания эти отношения именовать правовыми, если они еще не признаны государством, не охраняются им и не гарантируются, если за их нарушение не наступает ответственности (и если, следует добавить, они не «прошли» через объективное право. — С. А.). В таком словоупотреблении и проявля-

Таким образом, если отправными, исходными в генезисе правоотношений являются реальные, фактические отношения, то непосредственным источником и решающим фактором, вызывающим к жизни данную правовую связь как правовую являются в сложившейся юридической системе действующие юридические нормы. Высказанное в литературе мнение о том, что первоначально на базе реальных, фактических отношений сразу же, без норм возникают «преюдициальные» правоотношения¹⁷, думается, оправданно лишь в той мере, в какой под «преюдициальными» отношениями понимаются неюридические явления — связи, выражающие бытие и действие непосредственно-социальных прав, опосредуемых правосознанием и выступающих в качестве ближайшего подступа к объективному праву (I.5.1).

В то же время надо видеть и другую сторону взаимосвязи права и правоотношений. Правоотношения характеризуют фактическую жизнь права, его реальное бытие, действительное функционирование, взаимосвязь нормы и поведения. Тем более, что важнейший элемент содержания правоотношения — субъективное право выявляет уровень правового в данной юридической системе. Следовательно, понятие правоотношения позволяет увидеть живое право, право в действии, выделить то необходимое звено, с помощью которого право влияет на общественную жизнь, указать на важнейший после самого права элемент МПР.

Правоотношения имеют *волевой* характер¹⁸. Термин «волевой» понимается здесь иначе, чем при освещении регулируемых правом фактических отношений. Если применительно к предмету правового регулирования термин «волевой» означает, что регулируемые правом фактические отношения неразрывно связаны с волей и сознанием людей и потому способны реагировать на правовое воздействие, то применительно к правовым отношениям это положение в соответствии с их надстроечной природой означает в первую очередь обусловленность правоотно-

ется смешение правовых и фактических отношений» (Кудрявцев В. Н. Юридические нормы и фактическое поведение. — Сов. государство и право, 1980, № 2, с. 19).

¹⁷ См.: Сабо И. Основы теории права, М., 1974, с. 87.

¹⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 94.

шений государственной волей, содержащейся в юридических нормах.

Правоотношения связаны также с индивидуальной волей. Многие правоотношения *возникают* на основе индивидуальных волевых актов. Подавляющее их большинство *реализуется* при помощи волевых действий участников правоотношения, а также (при отсутствии добровольного исполнения обязанностей) волевых действий компетентных государственных органов. Достоинно особого внимания то, что в актах реализации прав и обязанностей выражается материальное содержание правоотношений, результат претворения предписаний правовых норм в поведение людей.

Однако связь правоотношений с индивидуальной волей нельзя абсолютизировать. Главным остается обусловленность правоотношений на базе реальных, фактических отношений государственной волей, выраженной в юридических нормах. Эта государственная воля и предопределяет помимо всего прочего формы и степень связи данных правоотношений с индивидуальной волей.

4. Правоотношение в МПР. Если нормы права образуют основу правового регулирования, то правоотношения выступают в качестве *главного средства*, при помощи которого требования юридических норм претворяются в жизнь, воплощаются в поведении людей.

Правоотношения в МПР выполняют *три основные функции*. Правоотношения, во-первых, фиксируют круг лиц, на которых в тот или иной момент распространяется действие данных юридических норм; во-вторых, закрепляют конкретное поведение, которому должны или могут следовать лица; в-третьих, являются условием для возможного приведения в действие специальных юридических средств обеспечения субъективных прав и правовых обязанностей. Всем этим правоотношения качественно отличаются от «просто» связей и зависимостей, существующих в правовой надстройке¹⁹. Их, следовательно, нельзя рассматривать в виде простой разновидности всех связей и зависимостей, существующих в правовой системе. Перед нами — нечто принципиально специфическое, каче-

¹⁹ См., в частности: Назаров Б. Л. Социалистическое право в системе социальных связей; Орзих М. Ф. Личность и право. М., 1975, с. 73.

ственно особая связь, возникающая на основе юридических норм.

Таким образом, правоотношения в МПР могут быть охарактеризованы как *средства перевода («переключения») юридических норм в плоскость индивидуализированных связей, т. е. в плоскость субъективных юридических прав и обязанностей для данных субъектов.*

Сообразно этому если юридические нормы могут быть охарактеризованы в качестве моделей предписываемого (дозволяемого) поведения, то правоотношения представляют собой *конкретную меру поведения для данных субъектов*²⁰.

Правоотношения являются важнейшим и необходимым этапом в процессе воплощения энергии права в организованность и упорядоченность общественных отношений, и следовательно, этапом в процессе достижения целей, результатов правового регулирования.

Отсюда вытекает характеристика правоотношений как проводников и вторичных носителей правовой энергии. Если юридические нормы в сложившейся правовой системе являются источником правовой энергии, то субъективные права и обязанности, рассматриваемые в единстве, выступают в качестве своего рода передатчиков этой энергии, ее воплощения в конкретных мерах поведения для данных субъектов.

²⁰ По справедливому мнению С. Н. Братуся, «ошибочным представляется... определение правоотношения как индивидуализированного правила (нормы) поведения. Такую характеристику правоотношения можно принять лишь как метафору. Правоотношение есть конкретизация общего правила, важнейшее средство его реализации» (Сов. государство и право, 1979, № 7, с. 58).

С рассматриваемых позиций следует оценить получившее некоторое распространение мнение о том, что правоотношение является индивидуальной «моделью» поведения людей (Р. О. Халфина, Б. Л. Назаров, Ю. Г. Ткаченко). При таком подходе к правоотношению стирается его качественное отличие от юридических норм, функции того и другого сближаются, а специфическое назначение правоотношения в МПР ускользает из поля зрения. Это отчетливо прослеживается в целом интересном исследовании правоотношения, проделанном Ю. Г. Ткаченко, которая прямо характеризует правоотношение как «образец-мерку», сравнивает его с юридической нормой и в конечном итоге логично включает правоотношение вместе с нормой в основу механизма правового регулирования — средство моделирования поведения людей (см.: Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений, с. 96—97, 107, 123—124).

Значение правоотношений как главных средств, обеспечивающих функционирование норм права, является *всеобщим*. Реализация *всех* юридических норм неизбежно проходит стадию правоотношения, т. е. субъективных юридических прав и обязанностей, находящихся в нераздельном единстве. Как правильно считает Ю. Г. Ткаченко, правоотношение — «обязательное средство в механизме правового регулирования, т. е. если этот механизм приводится в действие, то он не может миновать стадию правоотношения»²¹.

Вместе с тем следует учитывать многозвенность, многослойность правовых связей. На основе юридических норм первоначально складываются многообразные общие правовые связи, опосредствующие правосубъектность, гражданство, общие дозволения и запреты, конституционные права и обязанности, а затем на этой устойчивой базе возникают и функционируют разнообразные конкретные правоотношения (которые, в свою очередь, нередко образуют последовательную цепочку правовых связей).

5. Правоотношение и регулируемое правом общественное отношение. Те «до» или «вне» общественные отношения, которые условно именуются реальными, фактическими, имеют для правоотношения с точки зрения генезиса отправное, исходное значение. С функциональной же стороны, т. е. с точки зрения функционирования права, и в особенности обратной связи между юридическими и фактическими явлениями, подход должен быть другой, учитывающий активную роль правовой формы.

Правда, для того чтобы наглядно проследить взаимосвязь между правоотношениями и реальными, фактическими отношениями, МПР и его звено — правовые связи необходимо рассматривать, так сказать, в чистом виде — в ракурсе лишь юридических явлений. Именно тогда неизбежен вывод о том, что правоотношение и отношение, которое регулируется юридическими нормами (оно и принадлежит к числу реальных, фактических) представляют собой различные социальные явления. В этом случае правоотношение — средство правового воздействия, а фактическое отношение — предмет регулирования, т. е. та

²¹ Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений, с. 123.

область социальных явлений, на которую воздействует право.

Очевидна условность такого подхода. Здесь приходится отвлекаться от сложного переплетения социальных явлений. Ведь в действительности столь резкого водораздела между правовым и фактическим отношениями не существует²². В реальной жизни они едины и во многих случаях друг от друга неотделимы. Многие правоотношения, и прежде всего выражающие статическую функцию права (т. е. отношения пассивного типа — II.27.5), с момента своего возникновения и на протяжении всего своего существования нераздельны с фактическими отношениями (см. схему 20-А). Например, правовые отношения по авторству складываются сразу же, как только создан продукт духовного творчества (произведение науки, литературы, искусства). Авторские правоотношения немедленно после своего возникновения непрерывно осуществляются в поведении обязанных лиц (все третьи лица воздерживаются от нарушения прав автора).

Однако рассмотрение МПР в рамках только юридических явлений представляется все же необходимым. Связанное с этим самостоятельное, обособленное рассмотрение правоотношения и фактического отношения позволяет увидеть основные этапы процесса правового регулирования, наглядно и четко отнести одну группу социальных явлений к предмету регулирования, а другую — к средствам регулирования, к его механизму. Главное же — такой подход дает возможность раскрыть активную роль правовой формы по отношению к общественной жизни — процесс, зримо проявляющийся в правоотношениях, выражающих динамическую функцию права (т. е. отношениях активного типа — II.27.5). Здесь можно обнаружить такие моменты в динамике правоотношений, когда они сначала реально существуют в виде чистых правовых связей. Так, налоговые отношения обычно воз-

²² Ю. К. Толстой, последовательно отстаивающий идею «чистых» правовых связей, в то же время пишет, что общественное отношение — *предмет правового регулирования* — возникает в такой «среде», в какой оно иначе как в форме правоотношения появиться не может. Правовая энергия, излучаемая нормой права, охватывает общественное отношение в тот самый момент, когда оно образуется (см.: Толстой Ю. К. Еще раз о правоотношении. — Правоведение, 1969, № 1, с. 33—34).

никают только как правовая связь, в силу которой налогоплательщик обязан уплатить сумму налога, а финансовый орган вправе требовать уплаты налога. В этом случае еще нет фактического (материального) содержания, соответствующего субъективному праву и обязанности: перед нами хотя и материально обусловленная, но все же чисто правовая, чисто идеологическая связь между лицами²³.

Но именно такое расхождение между правовой формой и фактическим (материальным) содержанием позволяет понять механизм активно-творческой роли права. Правовая форма имеет активный характер. Она как бы притягивает к себе фактическое (материальное) содержание, т. е. лица совершают те действия, которые они обязаны совершать. *Возникнув без определенного фактического (материального) содержания, юридическая форма затем обретает это содержание (совершаются положительные действия), и тем самым достигается цель правового регулирования — складываются в полном объеме фактические отношения, которых раньше не было* (см. схему 20-Б).

Конечно, следует помнить, что возникновение самих юридических форм обусловлено потребностями общественного развития, требованиями экономического базиса, сложившимися фактами социальной действительности. Но чтобы возникли данные конкретные фактические отношения, нужно использовать правовые рычаги. Поэтому на базе созревших общественных потребностей юридиче-

²³ В юридической литературе высказаны сомнения в обоснованности выделения такой стадии в развитии правоотношений, в том числе налоговых, когда они существуют в виде правовых связей в чистом виде. Так, Р. О. Халфина пишет, что «обязанность уплаты налогов возникает в связи с установленными в норме фактическими обстоятельствами: наличием определенных вещей в составе имущества налогоплательщика, получением прибыли, дохода от реализации и т. п.» (Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении, с. 210). Между тем указанные Р. О. Халфиной фактические обстоятельства обосновывают *возникновение* правовых связей, но не выражают материального содержания правоотношения, которое становится реальностью лишь при фактической реализации обязанности налогоплательщика. Впрочем, и Р. О. Халфина признает возможность «временного разрыва» между правовыми связями как таковыми и реальным поведением субъектов (там же), хотя и не видит в этом конкретного механизма воздействия права на поведение людей, их коллективов.

ские нормы предусматривают сначала возникновение правовых связей в чистом виде, и лишь затем идеологические отношения материализуются в конкретном, реально осуществляемом поведении субъектов²⁴.

Наряду с указанными типическими случаями взаимосвязи правоотношения и регулируемого правом общественного отношения есть и такой случай, когда в сфере функционирования права в какой-то мере проявляется генезис правоотношения и реальное, фактическое отношение сначала существует вне юридической формы. Речь идет о фактическом браке, сделке, совершенной с нарушением формальных требований, и др. Характерно, что здесь реальное, фактическое отношение обретает юридическую форму, с которой оно затем существует в нераздельном единстве, на основе государственно-властного акта правоприменительного компетентного органа (см. схему 20-В')²⁵.

6. Состав (элементы) правоотношения. Правоотношение является сложным образованием. Оно имеет определенное внутреннее строение.

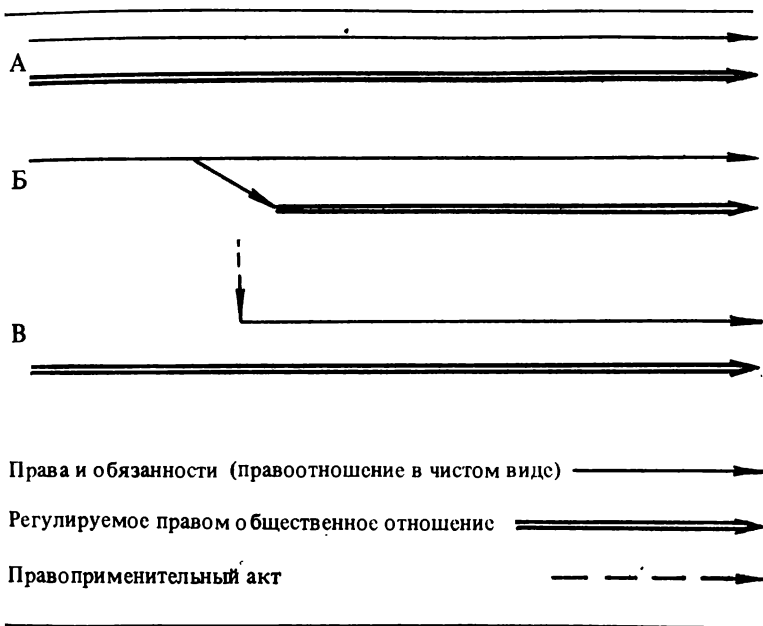
Если рассматривать правоотношение только как идеологическую форму, то в этом случае ему свойственно чисто юридическое содержание, складывающееся лишь из субъективных юридических прав и обязанностей. Ничего иного в правоотношении как особой идеологической форме нет и быть не может.

По-иному характеризуется строение правоотношения, если оно понимается как единство фактического материального содержания и юридической формы. В этом слу-

²⁴ Если отвлечься от характеристики правоотношения в качестве «модели» (она представляется ошибочной), то самое разграничение в правоотношении двух аспектов, предложенное Ю. Г. Ткаченко (см.: Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений, с. 94 и след.) имеет немалое позитивное значение в том плане, что необходимо различать правоотношение как чисто правовую связь и правоотношение как нераздельное единство фактического материального содержания и юридической формы. Выказанные Ю. Г. Ткаченко соображения о важном методологическом значении такого разграничения представляют собой здесь не научный интерес.

²⁵ Под иным углом зрения (правовой связи как модели и отклоняющегося от нее фактического поведения) рассматривает данную проблему Р. О. Халфина (см.: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении, с. 302 и след.). Нужно лишь заметить, что такой подход касается аномалий в процессе правового регулирования и фактическое поведение представляет собой здесь не содержание правоотношения, а иное явление — правонарушение.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВООТНОШЕНИЯ И РЕГУЛИРУЕМОГО ПРАВОМ ОБЩЕСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ

чае в правоотношении наряду с субъективными юридическими правами и обязанностями (составляющими его юридическое содержание) могут быть выделены еще два основных элемента: субъекты права и его объекты. Кроме того, в данном случае обособляется материальное содержание правоотношения.

Стремление при анализе правоотношения выйти за пределы юридической формы продиктовано не только практическими соображениями, задачами полного и всестороннего анализа субъективных юридических прав и обязанностей, но и прежде всего диалектико-материалистической концепцией правоотношения, неразрывной связью юридической формы в правоотношении с его фактическим содержанием. Материальное содержание правоотношения, его субъекты и объекты позволяют при рассмотрении вопросов правоотношения «выйти» в жизнь, в реальные, фактические связи.

Итак, в правоотношение при указанном выше широком подходе входят следующие основные элементы (тер-

мин, который, надо отметить, может быть применен здесь лишь в условном его значении):

а) *содержание правоотношения*, причем различаются *материальное* содержание, т. е. поведение субъектов, и *юридическое* содержание, т. е. субъективные юридические права и обязанности;

б) *субъекты права*, т. е. участники правоотношения;

в) *объекты правоотношения*.

Все перечисленные элементы охватываются понятием «*состав правоотношения*». Использование этого понятия в полной мере соответствует сложившимся в социалистическом правоведении научным традициям и словоупотреблению (в частности, близкий смысл имеют понятия «*фактический состав*», «*состав правонарушения*»).

Вопросы правоотношений привлекают серьезное внимание правоведов социалистических стран.

Это и понятно. Если при освещении правоотношения даже не выходить за рамки традиционной, специально-юридической проблематики, то нужно видеть существенное прикладное значение соответствующих теоретических разработок, которые вооружают юристов-практиков специализированными знаниями, необходимыми для юридически точного применения норм права.

Творческое же использование метода материалистической диалектики, основанного на нем системного подхода, функционального анализа, других новейших приемов исследования позволяет выявить в этой, казалось бы, традиционной проблематике и существенные теоретические резервы в области философии и социологии права, в утверждении специально-юридических характеристик права философского (общесоциологического) уровня.

С философской стороны это — в частности, раскрытие глубоких и тонких связей и зависимостей, характерных для существования и функционирования правоотношений в рамках МПР, а также жестких, математически четких закономерностей, свойственных самому бытию правоотношений, субъективных прав, правомочий, юридических фактов.

Вопросы правоотношений все более раскрываются и в качестве социологических, ближайшим образом связанных с жизнью, с реальными проблемами социальной практики. Рассмотрение субъективных юридических прав и обязанностей под углом зрения категории «правоотношение» не только выявляет его социальное содержание и юридическое существо, но и намечает пути для решения важных социальных вопросов, в том числе вопросов эффективности права. Обращая внимание на то, что понятие правоотношения является «понятием, охватывающим реализацию правовой нормы, ее воплощение в реальных жизненных отношениях», Р. О. Халфина справедливо отмечает: «Научная ценность понятия правоотношения, одна из главных его функций — раскрыть эффективность права в его неразрывной связи с регулируемым им общественным отношением»²⁶.

²⁶ Халфина Р. О. *Общее учение о правоотношении*, с. 24, 36.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что плодотворное исследование вопросов правоотношений возможно лишь постольку, поскольку с необходимой четкостью определены исходные общетеоретические положения, выражающие широкий, философский (общесоциологический) подход к правоотношениям, все ценное, накопленное в этой области социалистической юридической наукой. Наиболее существенное значение, надо полагать, принадлежит следующим положениям:

а) правоотношения входят в качестве неотъемлемой части в МПР, в целостную правовую систему, и, следовательно, проблемы правоотношений нужно решать на базе и в связи с общетеоретическими выводами и положениями философского уровня, относящимися к МПР, правовой системе, функциям права, способам правового регулирования, соотношению нормативного и индивидуального регулирования;

б) правоотношения выражают внутренний закон правовой материи, и, следовательно, необходимо держать в поле зрения все многообразие правовых связей между субъективными правами и обязанностями и ясно представлять, что именно в связи между правами и обязанностями раскрывается их социальная природа и юридическое существо;

в) свойства правоотношений разных типов и видов нередко значительно различаются между собой, и, следовательно, при конструировании общих понятий в теории правоотношений нужны строгие представления о том, какие свойства являются общими для всех правовых связей, а какие присущи лишь тому или иному типу или виду правоотношений (общим и конкретным, регулятивным и охранительным и т. д.);

г) в правоотношениях юридическая форма и материальное содержание находятся в нераздельном единстве, и, следовательно, проблемы правоотношений необходимо решать с учетом этого фундаментального факта, а также с учетом того, идет ли речь о правоотношении в целом, во всем богатстве его характеристик, или же только о юридической форме;

д) правоотношение — это динамическое, находящееся в движении правовое явление, и, следовательно, вопросы правоотношений нужно рассматривать с учетом становления и развития субъективных юридических прав и обязанностей, их материализации в поведении людей.

Разработка общей теории правоотношения имеет ряд перспективных направлений, призванных воплотить на базе творческого использования передовых философских и общенаучных методов достижения общей теории права о функциях права, механизме, способах и типах правового регулирования. Весьма обнадеживающей, хотя намеченной пока в самых общих чертах, является перспектива разработки, если можно так сказать, материальной модели правоотношения. В юридической литературе уже сделаны известные шаги в освещении правоотношения и реального поведения его участников, соотношения того и другого. Но материальное содержание — лишь один из выходов правоотношений в сферу реальных, фактических отношений. Имеются и другие выходы: объекты, юридические факты. Нет ли между ними внутренней связи? Есть основания подумать над тем, чтобы ввести в научный оборот понятия «фактическая конструкция» или «фактическая модель» правоотношения. Во всяком случае, широкий угол зрения в характеристике правоотношения, про-

диктованный диалектико-материалистическим методом, открывает научную перспективу разработки принципиально новых теоретически значимых идей, которые позволят поднять общую теорию правоотношения на качественно новую ступень.

Глава 27

ВИДЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ

1. Основания классификации правоотношений. Как и классификация юридических норм (II.25.1.), подразделение правоотношений на виды коренится в особенностях права — его структуры, функций, типов правового регулирования.

Примечательно при этом, что подразделение правоотношений на виды не только совпадает в основном с группировкой юридических норм, но и в полном согласии с логикой, последовательностью элементов МПР является, в сущности, их продолжением, проекцией.

Вместе с тем правоотношения имеют и собственное основание классификации, связанное, в частности, с особенностями правоотношений как индивидуализированных общественных отношений (правоотношения общие и конкретные; абсолютные и относительные).

2. Общие и конкретные правоотношения. Общедозволительные и общезапретительные правовые связи. В соответствии со структурой права, основными типами правового регулирования правоотношения подразделяются прежде всего по способу индивидуализации субъектов: на общие и конкретные.

✂ *Общие* — это правовые связи, основанные на таких общих правах и обязанностях (в том числе общих дозволениях и запретах), субъекты которых не имеют поименной индивидуализации. Термин «общие» применительно к правоотношениям понимается иначе, чем при характеристике юридической нормы. Он обозначает здесь не безличность, не неперсофицированность явления, а, наоборот, строгую определенность, но такую определенность, при которой субъектами отношения выступают *все* субъекты в рамках данной правовой системы. Так, субъектами большинства государственно-правовых отношений в советском обществе, охватывающих основные права и обя-

занности граждан (право на труд, обязанность беречь природу и др.) являются *все* граждане; но именно граждане СССР. «Все» в этом случае означает, как и в других случаях применительно к правоотношениям, строгую и точную индивидуализацию по субъектам, которая в соответствии с особенностями метода государственного регулирования связывает участие того или иного субъекта в данных правоотношениях с институтом гражданства.

Общие правоотношения реально находят свое бытие в том, что положение каждого участника правоотношения отличается особым юридическим состоянием, особыми юридическими позициями применительно (вот оно, правоотношение!) ко всем другим субъектам. Причем «все другие» противостоят ему как единое, нерасчлененное целое.

Складываются общие правоотношения в сфере регулятивных функций, на основе регулятивных норм, что, видимо, оправдывает использование здесь термина «обще-регулятивные отношения». Вместе с тем в последнее время высказан нуждающийся еще в проверке взгляд на то, что существуют общеохранительные отношения.

Из числа общих правоотношений в соответствии с типами правового регулирования могут быть выделены *общедозволительные* (в них общему дозволению корреспондируют обязанности «всех других» не препятствовать дозволенному поведению) и *общезапретительные* (в них общему запрету корреспондируют права «всех других», в том числе компетентных органов, требовать от лица воздержания от действий известного рода).

Общие правоотношения направлены на закрепление существующих общественных порядков, они вместе с юридическими нормами, на их базе образуют ту основу (остов), на которой затем складываются многочисленные и разнообразные конкретные правоотношения, опосредствующие динамику общественной жизни.

Конкретные — это правовые связи, субъекты которых — во всяком случае одни из них (носители права) — определены путем поименной индивидуализации. Конкретные правоотношения — основная масса правовых связей — имущественных, трудовых и т. д., опосредствующих динамику, сами процессы социальной жизни классового общества.

Таким образом, если общие правоотношения образуют основу правопорядка, характеризуют его главные чер-

ты, то конкретные правоотношения — это содержание правопорядка, главное, что выражает его живую ткань.

Общие (общерегулятивные) правоотношения *представляют собой крайне своеобразные правовые явления*. Они, как отмечалось, не имеют поименной индивидуализации по субъектам. Для их возникновения не требуется юридических фактов, кроме существования субъекта, обладающего гражданством, ряда других обстоятельств, относящихся к субъекту. По сроку действия они соответствуют времени существования юридической нормы.

Однако общие правоотношения являются именно правовыми отношениями. В тех случаях, когда лицо выступает в качестве носителя общего субъективного права (права на труд, на судебную защиту и пр.), это означает, что *оно находится в специфическом положении ко всем другим лицам*. Общее субъективное право потому и является субъективным, что имеет *личный* характер, т. е. принадлежит не только всем субъектам, но и *каждому субъекту в отдельности*. Точно так же наличие общих обязанностей означает, что каждое лицо находится в специфическом положении ко всем другим лицам.

Это специфическое положение выражается, в частности, в том, что общему праву всегда корреспондируют определенные юридические обязанности, а общим обязанностям — субъективные юридические права. Если не видеть этого, то тогда совершенно непонятно, в чем состоит юридический характер субъективных прав и обязанностей. Нетрудно заметить, что в таком случае общие субъективные права и обязанности будут выглядеть в качестве одной лишь декларации.

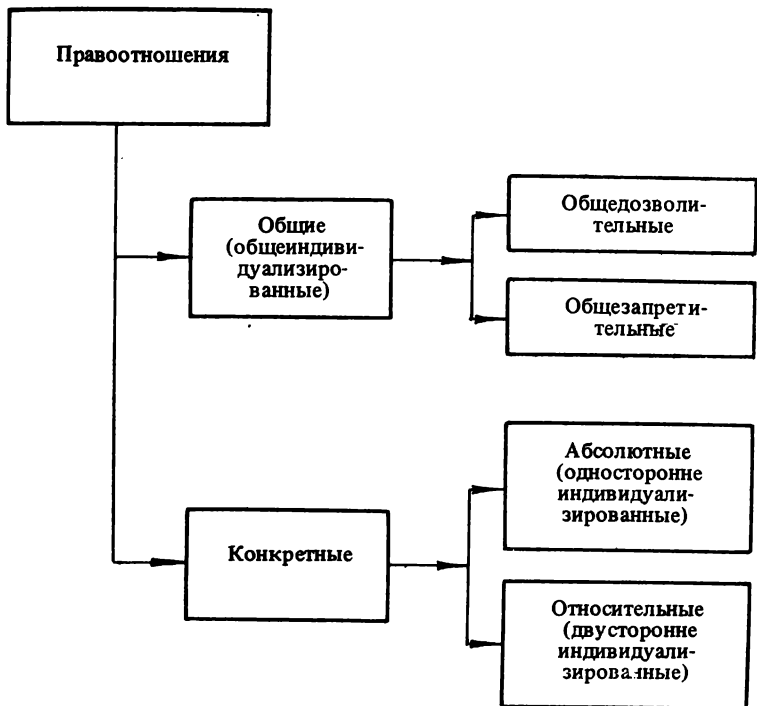
Между тем достаточно учесть своеобразие общих правоотношений, как станут ясными их общественная природа и юридическое существо. Здесь каждый находится в отношении с каждым. Данному гражданину, например, вовсе необязательно знать, какие конкретные субъекты наделены общими конституционными правами. Он обязан не нарушать эти права, кто бы ни был их носителем. Иными словами, данный гражданин состоит в отношении со всеми субъектами, взятыми вместе. Общие отношения, следовательно, — это не конкретные связи между неопределенными лицами, а *специфическое состояние, в котором находится данный субъект и которое определяет его положение по отношению ко всем другим лицам*.

Таким образом, общее правоотношение, как и всякое иное, выражает реальную общественную связь. Ценность понятия правоотношения, пишет Р. О. Халфина, заключается, в частности, и в том, что оно обозначает конкретное, реальное общественное отношение, облеченное в форму права, являющееся реализацией нормы¹. Конструкция общего отношения в полной мере соответствует этому требованию. Ведь будучи общим по способу индивидуализации субъектов, данные отношения предельно конкретны по содержанию (тем более, что «точная определенность участников не относится к специфическим признакам правоотношения»)². А если учесть особенно-сти метода государственно-правового регулирования, в сфере кото-

¹ См.: Халфина Р. О. Методологический аспект теории правоотношения. — Сов. государство и право, 1971, № 10, с. 23—24.

² Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении, с. 246.

ВИДЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ (В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СПОСОБА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТОВ)

рого в основном и складываются общие отношения, а также особенности общих связей в иных отраслях советского права, то для выражения правового положения субъектов конструкция общего правоотношения оказывается вообще единственно возможной. В то же время конструкция общего правоотношения (в том числе — общедозволительного и общезапретительного), охватывающего в единстве с конструкцией конкретного отношения многообразие правовых связей, позволяет осмыслить все самые сложные сочетания прав и обязанностей и, надо полагать, как раз и позволяет дать ту ведущую и определяющую классификацию правоотношений, о необходимости выработки которой говорилось в литературе³.

³ Х а л ф и н а Р. О. Общее учение о правоотношении, с. 246—247.

3. **Относительные и абсолютные правоотношения.** Конкретные правоотношения (тоже в зависимости от особенностей способа индивидуализации субъектов) подразделяются на относительные и абсолютные (см. схему 21).

Относительные (двусторонне индивидуализированные) — это правоотношения, в которых поименно определены все субъекты. Таковы, в частности, правоотношения в советском гражданском праве (в том числе обязательственные), в трудовом, административном и т. д.

Абсолютные (односторонне индивидуализированные) — это правоотношения, в которых поименно определена лишь одна сторона — носитель субъективного права⁴. Обязанными же в таких правоотношениях являются все другие лица. К правоотношениям указанного вида принадлежат отношения, закрепляющие право собственности отдельных лиц на ту или иную вещь, авторские и изобретательские права, права данного лица на открытие. Рассматриваемые права именуются абсолютными потому, что, во-первых, их активный центр — в субъективном праве, предоставляющем его носителю широкие возможности для поведения по своему усмотрению, а, во-вторых, все иные субъекты («всякий и каждый») обязаны воздерживаться от нарушения данного конкретного субъективного права.

Относительные и абсолютные отношения имеют существенные отличительные свойства. Ярко и образно эти особенности охарактеризовал В. К. Райхер. Связь между людьми в правоотношении, писал он, устанавливается либо по типу прямых проводов, протянутых между определенными точками пространства, либо по типу беспроводной связи, соединяющей данную точку пространства с абсолютно неопределенным числом всех прочих точек. В первом случае (относительные правоотношения) правовая энергия струится лишь по данному проводу, хотя и рассеивается вместе с тем в окружающем пространстве (косвенное, отраженное действие по адресу

⁴ Об индивидуализированном характере абсолютных правоотношений см.: Общая теория советского права, с. 299—301. Авторы, в частности, пишут: «Абсолютное право индивидуализирует... отношения общества (всех его членов и организаций) с управомоченным лицом (или организацией) по поводу данного объекта» (с. 300).

третьих лиц). Во втором случае (абсолютные правоотношения) право излучает энергию из одной точки волнообразно, непосредственно во все стороны социальной среды⁵.

Продолжая мысль В. К. Райхера, следует указать на весьма существенную черту общих (общейиндивидуализированных) правовых связей. Если относительное правоотношение может быть обозначено формулой «один к одному», абсолютное — «один к каждому», то общерегулятивное — «каждый к каждому». Здесь уже право излучает энергию из каждой точки непосредственно во все стороны.

4. Регулятивные и охранительные правоотношения. Это — одно из важнейших делений правоотношений, соответствующее основной группировке специально-юридических функций (I.12.4.) и аналогичному подразделению юридических норм.

Регулятивные правоотношения — это отношения, проводящие регулятивные функции права — статическую и динамическую. Складываясь на основе регулятивных норм, они предусматривают общие и конкретные субъективные юридические права и обязанности.

Регулятивные правоотношения в социалистическом обществе непосредственно направлены на упорядочение, закрепление и развитие общественных отношений. Они возникают на основе правомерного поведения субъектов и образуют естественную, нормальную ткань социалистического правопорядка. Социалистическое общество прямо заинтересовано в развитии регулятивных правоотношений и, что самое главное, опосредствуемого ими поведения людей. Своевременное и беспрепятственное их возникновение, полное и надлежащее осуществление в социалистическом обществе — свидетельство реального претворения в жизнь требований социалистической законности, эффективного использования права в целях коммунистического строительства.

⁵ См.: Райхер В. К. Абсолютные и относительные права. — Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института. Вып. I (XXVIII). Л., 1928, с. 304. Как правильно отмечал М. А. Гурвич, идеи, развитые в этой статье, к сожалению, не получили должной, на взгляд М. А. Гурвича, оценки и какого-либо развития или применения (см.: Гурвич М. А. Обязанность и законная сила судебного решения. — Сов. государство и право, 1970, № 5, с. 42).

Охранительные правоотношения⁶ — это отношения, проводящие охранительную функцию права. Они складываются на основе охранительных юридических норм; при их помощи осуществляются меры юридической ответственности и защиты субъективных прав.

Охранительные правоотношения в социалистическом обществе направлены на вытеснение из жизни отношений, чуждых нашему строю. Они возникают на основе противоправных действий, отражают известную аномалию в процессе правового регулирования. Режим социалистической законности требует того, чтобы все факты правонарушений устанавливались с необходимой быстротой и точностью, чтобы возникающие в связи с этим охранительные правоотношения осуществлялись и чтобы, следовательно, защищались субъективные права, а виновные лица несли юридическую ответственность.

Регулятивные и охранительные правоотношения отличаются друг от друга рядом юридических черт: и не только по основаниям возникновения (т. е. по признаку того, возникают ли они на основе правомерного или неправомерного поведения субъектов), но и по содержанию субъективных юридических прав и обязанностей, по их соотношению между собой. В частности, охранительные правоотношения всегда являются властеотношениями; в их содержание входят меры государственного принудительного воздействия — санкции.

5. Правоотношения активного и пассивного типов. Данное деление характерно только для регулятивных правоотношений.

Специфические черты регулятивных правоотношений прямо зависят от того, какую из двух основных регулятивных функций права (статическую или динамическую) они выражают, каков характер поведения субъектов и в соответствии с этим на основе каких юридиче-

⁶ В советской юридической литературе на плодотворность выделения охранительных отношений указал впервые Н. Г. Александров (см.: Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955, с. 91—92, 109—110). Значение указанной классификации подчеркнул С. В. Курылев (см.: Курылев С. В. О структуре юридической нормы. — Труды Иркутского университета. Т. 27. Серия юридическая. Вып. 4. Иркутск, 1958, с. 186—188).

ских норм (обязывающих или управомочивающих и запрещающих) они складываются и функционируют⁷.

Правоотношения активного типа — это отношения, выражающие динамическую функцию права. Они складываются на основании обязывающих норм и характеризуются тем, что активный центр правоотношения находится в юридической обязанности. (~~Правоотношения данного типа возлагают на лицо обязанность положительного содержания, т. е. совершить определенные действия (произвести ту или иную работу, передать имущество и т. п.).~~ Интересы управомоченного удовлетворяются только в результате совершения положительных действий обязанным лицом.

Правоотношения пассивного типа — это отношения, выражающие статическую функцию права. Они складываются на основании управомочивающих и запрещающих норм (рассматриваемых в единстве) и характеризуются тем, что активный центр правоотношения находится в субъективном праве. Положительные действия совершаются управомоченным лицом (ему предоставлено право на положительные действия), а на обязанное лицо возлагается обязанность пассивного содержания, т. е. воздерживаться от поведения известного рода (правоотношения собственности, многие конституционные правоотношения и др.). Управомоченный удовлетворяет интересы своими действиями. Обязанности же в этих правоотношениях играют, так сказать, «оградительную», вспомогательную роль (см. схему 22).

Обращая внимание на условность используемой терминологии («активный» и «пассивный» — термины, отражающие только содержание юридической обязанности), необходимо отметить следующее.

⁷ Эту классификацию следует отличать от деления правоотношений по способу индивидуализации субъектов. Здесь юридические особенности правоотношения, в частности особенности субъективных прав, зависят не от состава обязанных лиц, а от характера их поведения (следовательно, от того, какую из двух регулятивных функций права — статическую или динамическую опосредствуют данные правоотношения). Интересные соображения о разнообразных видах сочетания субъективных прав и обязанностей, в том числе об обязанностях пассивного и активного типов, высказал А. С. Пиголкин (см.: Пиголкин А. С. Правовая норма — регулятор общественных отношений. — Ученые записки ВЮОН. Вып. 17. М., 1963. с. 19—21). См. также: Общая теория советского права, с. 214.

ФУНКЦИИ ПРАВА И ТИПЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Правоотношения активного и пассивного типов — два различных класса правоотношений, представляющих собой качественно различные пласты правовой материи и в соответствии с этим отличающихся друг от друга существенными юридическими свойствами. Вот почему при рассмотрении тех или иных проблем правоотношения нужно постоянно иметь в виду присущие им отличительные черты (а также особые свойства охранительных правоотношений). Многие споры в юридической науке вызваны как раз тем, что не учитываются особенности правоотношений разных типов. Это и приводит к попыткам выработать такие «общие» понятия, которые на самом

деле распространяются лишь на один из типов или видов правоотношений.

Четкое уяснение того, к какому типу принадлежит данное правоотношение, важно также для практического применения юридических норм. В частности, в каждом случае применения норм права необходимо со всей определенностью выяснить, где расположен активный центр правоотношения (в юридических обязанностях или же в субъективных правах), каково содержание субъективного права (сводится ли оно к содержанию обязанности или же предоставляет управомоченному возможность совершать известные положительные действия). Например, когда анализируются правоотношения по жилищному найму, мало сказать, что эти правоотношения принадлежат к числу относительных. Необходимо углубить анализ с точки зрения типов правоотношений. При таком подходе выясняется, что в жилищных правоотношениях имеются определенные элементы отношений пассивного типа. Поэтому квартиросъемщик может удовлетворять свои интересы не только через действия обязанного лица, когда наймодатель исполняет свои обязанности (по предоставлению услуг, по капитальному ремонту и др.), но и через собственные положительные действия (обмен жилплощади, подыскание соседа, сдача части помещения в поднаем).

6. Отраслевые правоотношения. Правоотношения подразделяются по отраслям права.

По особенностям предмета и, следовательно, фактического содержания могут быть обособлены правоотношения, соответствующие любому подразделению правовой системы, в том числе комплексным, вторичным образованиям (так могут быть выделены страховые, горные, природоохранные и им подобные правовые отношения). Некоторые из них обладают известной юридической спецификой.

Но отраслевыми в строгом смысле этого слова могут быть названы только правоотношения, соответствующие *основным* отраслям права (т. е. главным подразделениям правовой системы, которым свойственны особые юридические режимы, особые методы регулирования). Более того, *именно в отраслевых правоотношениях выражаются определяющие, характерные черты метода правового регулирования данной основной отрасли.*

В соответствии с этим наиболее важные юридические особенности отраслевых правоотношений концентрируются в общих правовых связях, выражающих правовое положение субъектов, их исходные юридические позиции (такие общие связи складываются в рамках правосубъектности — на стыке с государственно-правовыми отношениями). Существенные юридические особенности свойственны также иным — абсолютным и относительным — отраслевым правоотношениям, хотя некоторые их элементы нередко отражают факт взаимодействия между отраслями или факт «отклонения» отдельных сторон метода от его типичных черт.

Своеобразие метода той или иной отрасли, выраженное в особенностях отраслевых правоотношений, может быть охарактеризовано особым, уже использованным в литературе понятием — «структурный тип правоотношения». Наличие такого структурного типа является одним из надежных и ярких показателей того, что перед нами — самостоятельная основная отрасль права.

Глава 28

СОДЕРЖАНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ. СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО

1. Юридическое и материальное содержание правоотношения. В правоотношении может быть выделено материальное и юридическое содержание.

Юридическое содержание правоотношения — это субъективные юридические права и обязанности, выражающие то специфическое, что свойственно правоотношению как особой идеологической форме фактических общественных отношений.

Материальное содержание правоотношения — это то фактическое поведение, которое управомоченный может, а правообязанный должен совершить. Материальное содержание правоотношения складывается из дозволенного поведения управомоченного и должного поведения правообязанного. Последнее, в свою очередь, подразде-

ляется на положительные действия, воздержание от действий, претерпевание¹.

Специфическим, свойственным только правоотношению содержанием являются субъективные права и обязанности, т. е. юридическое содержание². Вместе с тем с позиций диалектико-материалистической трактовки права принципиальное методологическое, конструктивное значение имеет выделение в правоотношении материального содержания. Оно неразрывно связывает правоотношение с реальными отношениями, фактическими социальными процессами.

Разграничение в правоотношении юридического и материального содержания позволяет понять механизм воздействия права на общественную жизнь. Юридическое содержание — *правовое средство обеспечения, а нередко и формирования материального содержания* (II.26.5.).

Как и по ряду других проблем правоотношения, по проблеме его содержания теоретическая разработка в конечном итоге привела к определенному синтезу крайних точек зрения.

Если ранее при рассмотрении содержания правоотношения концентрировалось внимание либо на действиях (поведении), либо на субъективных правах и обязанностях, то разграничение материаль-

✓ ¹ Претерпевание, казалось бы, представляет собой бездействие (см.: Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958, с. 156). Но это недостаточно точно. Претерпевание главным образом состоит в принятии того воздействия, которое оказывает уполномоченный. Выделение претерпевания (наряду с положительными действиями и воздержанием от действия) важно для полной характеристики охранительных правоотношений, в том числе уголовно-правовых. Лицо, к которому обращены меры юридической ответственности, обязано соотносить свое поведение с применяемыми к нему правовыми санкциями. Оно не просто бездействует, а, скорее, «согласует» свое поведение с мерами правовой ответственности.

✓ ² Ю. И. Гревцовым высказан взгляд, в соответствии с которым субъективные права и обязанности являются не содержанием, а формой правового отношения. Но вызван ли такой взгляд только тем, что, по мнению автора, при ином решении остается открытым вопрос о форме правового отношения (см.: Сов. государство и право, 1980, № 6, с. 120)? Если видеть в правоотношении специфическое явление, которое как форма имеет собственное содержание, то последнее не в чем ином, кроме как в субъективных правах и обязанностях (взятых в единстве с реальным поведением субъектов), состоять не может. И хотя вопрос о форме правоотношения вряд ли может быть причислен к таким, которые продиктованы практикой и логикой познания в рамках правоведения, однако и он при подобном подходе может получить вполне удовлетворительное решение: внутренняя форма правоотношения — это его структура, внешняя — соответствующие индивидуальные акты.

ного и юридического содержания позволило включить в поле зрения и то и другое.

Содержанием правоотношения,— замечает С. Н. Братусь,—«является не только конкретное возможное и конкретное должное поведение его участников (права и обязанности), но и реализуемое в соответствии с правами и обязанностями фактическое поведение с его разнообразным содержанием (экономическим, властно-организационным, социально-культурным и иным)»³. Вполне убедительно Р. О. Халфина рассматривает содержание правоотношения как единство реального общественного отношения и его юридической формы⁴.

Конечно, вопрос о «двойном» (материальном и юридическом) содержании общественных отношений нуждается в дальнейшем изучении. Во всяком случае, нужно учитывать, что с философских позиций выделение в правоотношении материального и юридического содержаний условно. Содержание каждого явления едино. Точнее было бы рассматривать материальное и юридическое в содержании правоотношения как стороны единого содержания.

В настоящей работе термин «содержание» при характеристике фактического и юридического в правоотношении применяется с учетом сложившейся в юридической науке терминологии, позволяющей, как представляется, обеспечить полное освещение всех сторон правоотношения.

2. Субъективное право. Право и интерес. В юридическое содержание правоотношения входит прежде всего субъективное право. Это — *принадлежащая управомоченному в целях удовлетворения его интересов мера дозволенного поведения, обеспеченная юридическими обязанностями других лиц.*

Субъективное право выражено в строго определенных юридических возможностях данного лица, в наличии у него известного «юридического плюса». Слово «мера» при определении субъективного права означает, что закрепленные за лицом юридические возможности не безграничны, они четко обозначены по содержанию, в этих границах лицо и может строить свое поведение.

Предоставленная управомоченному мера дозволенного поведения обеспечивается государством, и это достигается с правовой стороны возложением юридических обязанностей на других лиц. Неисполнение последних (правонарушение) служит основанием для применения мер государственного принуждения, в частности для применения мер юридической ответственности.

Значение субъективных прав в правовой системе весьма велико и многогранно.

³ Сов. государство и право, 1979, № 7, с. 58.

⁴ См.: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении, с. 6—7, 36, 211, 305.

Права требования, входящие в состав субъективного права, являются инструментом, внутренним механизмом в правоотношении: они выступают в виде средств, направленных на реальное осуществление юридических обязанностей.

Главное же, что характеризует роль субъективных прав в МПР, это их самостоятельные функции и самостоятельная ценность в правовой системе, в значительной степени выходящие за рамки правоотношений.

Субъективные права представляют собой как раз тот элемент правовой системы, в котором выражается сама природа права как «определятеля» свободы правомерного поведения. Они *закрепляют свободу, инициативу и самостоятельность лиц — носителей права*. Управомоченный в рамках субъективного права (в случаях, когда право не осложнено соответствующей обязанностью) может совершать или не совершать дозволенные действия, совершать их в полном объеме или частично, в порядке, наиболее удобном для него.

При этом следует учесть, что субъективные права, если они не исчерпываются правом требования, предоставляют субъекту юридические возможности на свое поведение, и с субстанциональной стороны, образуя элемент юридического содержания правоотношения, занимают в то же время самостоятельное место среди правовых явлений.

Особые функции субъективных прав в правовой системе предопределяют их социальную ценность, прямо выражающую собственную ценность права в целом. Характерные черты (свойства) субъективного права позволяют ему обеспечивать порядок и организованность, которые сопряжены с развитием активности, самостоятельности, инициативы и свободы в том конкретном классовом выражении, которое свойственно системе социально-классовых отношений общества на данном этапе его развития. В частности, применительно к гражданам совокупность принадлежащих гражданину субъективных прав устанавливает сферу его индивидуальной автономии, свободы⁵.

Субъективное право находится в глубоком *единстве с интересами*.

⁵ См.: Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности. М., 1968, с. 65.

Управомоченному предоставляется мера дозволенного поведения *для удовлетворения его интересов*. И, хотя интерес не входит в содержание субъективного права, момент интереса необходим для самого существования этого права. Обязанное лицо тоже имеет известную меру поведения. Однако в отличие от управомоченного обязанное лицо строит свое поведение не в своих интересах, а в интересах носителя субъективного права.

Учет момента интереса в понятии субъективного права позволяет с большей полнотой определить значение права в системе общественных отношений, его роль как юридического средства обеспечения жизненных интересов и таким путем связать анализ права с реальными отношениями, а в конечном счете с экономическим базисом общества.

Право воздействует на жизненные (экономические) отношения прежде всего через интересы⁶. Интересы же в свою очередь способны выполнять такого рода опосредствующую роль потому, что они органически едины с субъективным правом.

Здесь, следовательно, наглядно проявляется значение интереса как мостика, связывающего право с реальными, жизненными отношениями, с их социально-классовыми основами.

Весьма знаменательно, что интерес, лежащий в основе субъективного права, в ряде случаев «выступает наружу» как таковой, как «законный интерес». Надо полагать, что это характерно для субъективных прав в общих правоотношениях, когда такого рода общие субъективные права нуждаются в юридической защите⁷. Именно тогда в законе наряду с указанием на конкретные субъективные права указывается на защиту «охраняемых законом интересов», «законных интересов»⁸.

⁶ См.: Ч х и к в а д з е В. М. Государство, демократия, законность. Ленинские идеи и современность. М., 1967, с. 306. По мнению Г. В. Мальцева, в обществе возникает следующая связь: объективные интересы — общественное сознание — право (см.: М а л ь ц е в Г. В. Социалистическое право и свобода личности, с. 101).

⁷ По справедливому мнению Н. С. Малеина, юридические нормы, в которых отражен законный интерес, порождают правоотношения общего, но не конкретного типа (см.: М а л е и н Н. С. Охраняемый законом интерес. — Сов. государство и право, 1980, № 1, с. 32).

⁸ Н. А. Шайкеновым выдвинуты убедительные соображения о двух качественно различных уровнях правового обеспечения инте-

В настоящее время теоретическая разработка понятия субъективного права во все большей степени связывается с задачей нахождения в субъективном праве своего, положительного содержания. Если раньше субъективное право в целом сводилось к праву требования, а его содержание отождествлялось с содержанием юридической обязанности, то в настоящее время советские ученые-юристы единодушно рассматривают субъективное право как право на действия самого управомоченного.

Несомненная заслуга в разработке положительного содержания субъективного права принадлежит С. Н. Братусю, который впервые в советской литературе определил субъективное право как меру возможного или дозволенного поведения самого управомоченного⁹.

Определение субъективного права, разработанное С. Н. Братусем, пытались усовершенствовать другие авторы: дополнить предложенную им формулировку указанием на иные принадлежащие управомоченному возможности (в том числе на возможность требовать известного поведения от обязанного лица)¹⁰.

Однако едва ли такого рода дополнения к *общему* определению субъективного права необходимы. В частности, возможность требовать известного поведения от обязанного лица — это тоже мера дозволенного поведения самого управомоченного¹¹.

Другой вопрос, что при более детальной характеристике субъективного права необходимо расчленить общую формулу (мера дозволенного поведения) и указать на конкретные правомочия — право требования, право на положительные действия управомоченного, правопритязание. При этом чрезвычайно важно учитывать, какой перед нами *тип* правоотношения. Как будет показано в последующем, в правоотношениях пассивного типа мера возможного поведения управомоченного складывается из всего комплекса присущих субъективному праву возможностей. Зато в правоотношениях активного типа эта мера концентрируется главным образом в одной возможности — требовать предписанного поведения от обязанного лица (и плюс к этому потенциально включает правопритязание).

С. Ф. Кечекьян, соглашаясь в принципе с определением субъективного права, предложенным С. Н. Братусем, считал, однако, неудачным выражение «мера поведения», так как «мера» — понятие количественное, предполагающее соизмеримость различных величин, а субъективные права разнообразны и несоизмеримы¹². Но выражение «мера» употребляется в дефиниции субъективного права для указания на определенность содержания и границ дозволенного по-

ресов личности: уровень «законного интереса» (общие правоотношения) и уровень юридического интереса (конкретные правоотношения) (см.: Шайкенов Н. А. Категория интереса в советском праве. — Автореф. канд. дисс. Свердловск, 1980, с. 13—17).

⁹ См.: Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950, с. 8—21.

¹⁰ См., например: Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961, с. 225.

¹¹ См.: Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л., 1959, с. 42.

¹² См.: Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе, с. 56—57.

ведения управомоченного¹³. К этому следует добавить, что такое определение согласуется с общей характеристикой правоотношения как конкретизированной меры (а не «модели») поведения участников общественных отношений.

3. Структура субъективного права. Правомочие. Субъективное право в самом общем виде представляет собой меру дозволенного поведения.

В ряде случаев эта мера сводится к праву требования и к потенциальной возможности притязания (правоотношения активного типа). Здесь понятия субъективного права и правомочия, т. е. конкретной юридической возможности, в принципе, тождественны, совпадают. В то же время нередко субъективное право отличается сложным строением, имеет дробные части, что позволяет говорить о его структуре. В таких случаях различие между субъективным правом и правомочиями проявляется весьма отчетливо. Это, например, относится к субъективному праву собственности, которое складывается из ряда правомочий — прав владения, пользования, распоряжения (плюс правомочия требовать от всех других лиц воздержания от определенных действий).

Правомочия, входящие в состав субъективного права, могут быть трех основных видов: а) право требования; б) право на положительные действия; в) притязание.

4. Право требования. Это — правомочие, содержание которого состоит в возможности требовать исполнения или соблюдения юридической обязанности.

По своему юридическому значению право требования — правомочие на чужие действия; оно является своего рода юридически вспомогательным средством: призвано обеспечить исполнение или соблюдение юридической обязанности другим лицом или лицами.

Хотя право требования и не выражает всего богатства субъективного права (главное в этом содержании — возможности на свои положительные действия), оно является для субъективного права исходным и обязательным элементом. Юридическое существо любого субъективного права заключается в том, что управомоченному предоставляется средство, при помощи которого он может проявить свою волю и инициативу, чтобы добиться осуществления другим лицом возложенной на него юридической обязанности. В качестве такого средства, с при-

¹³ См.: Толстой Ю. К. К теории правоотношения, с. 41.

ведением в действие которого начинает «работать» весь механизм юридического обеспечения, и выступает право требования.

Право требования с корреспондирующей ему юридической обязанностью образует стержень всякого правоотношения. Они как раз и создают *связь* между лицами — те провода, по которым идет активная правовая энергия от юридических норм через правовую связь сначала в юридический инструментарий (в том числе в иные правомочия, в право на собственные активные действия), а затем в реальные, жизненные отношения.

Здесь, при обособлении права требования с корреспондирующей ему юридической обязанностью, вырисовываются известные основания для различения собственно правовой связи (право требования плюс обязанность) и правоотношения в целом, где либо субъективное право, либо обязанность могут в тех или иных пределах выходить за рамки связи как таковой и иметь определенное самостоятельное значение (II.28.5; II.28.8.).

Право требования первоначально может иметь потенциальный характер — выступать в виде потенциально-неопределенного права (например, право лица на исправление повреждений жилой площади при авариях) или потенциально-определенного права (например, право лица на получение пенсии при наступлении необходимого срока)¹⁴. Однако и в том и в другом случаях право требования уже существует, оно неизбежно переходит в действительную стадию при наступлении юридических фактов, развивающих данный фактический состав (II.31.10.) — фактов аварии, истечения срока.

5. Право на свои активные действия. Это — правомочие, содержание которого состоит *в возможности лица самому совершать юридически значимые активные действия*.

В отличие от права требования данное правомочие представляет собой право не на чужие, а на свои действия, иными словами, на такое дозволенное поведение, которое прежде всего касается самого управомоченного: жизненный интерес удовлетворяется при помощи его собственных акций — действий активного (положительно-го) характера.

¹⁴ См.: Б а с и н Ю. Г. Вопросы советского жилищного права. Алма-Ата, 1963, с. 123—126.

Отсюда своеобразие механизма осуществления рассматриваемого правомочия: его реализация не нуждается в активном содействии каких-либо других лиц. Необходимый эффект (удовлетворение интереса) достигается либо путем фактической деятельности управомоченного (например, при фактическом использовании вещи собственником), либо автоматическим наступлением обязательных юридических последствий (например, при принятии наследства).

Права на свои действия в ряде случаев отличаются сложным строением и, следовательно, сами слагаются из нескольких правомочий. Например, право автора включает такие правомочия, как право на авторство, право на авторское имя, право на опубликование и на распространение произведения, и др.

Правомочия данного вида непосредственно и наиболее полно выявляют положительное содержание субъективного права. Именно с ними связаны самостоятельное значение субъективного права в правовой системе, его самостоятельная ценность и его глубокое значение для объективного права как критерия (определителя) свободы правомерного поведения.

Вместе с тем важно обратить внимание на то, что субъективное право как *юридическое право* не может состоять только из одних правомочий на положительные действия. Последние непременно должны быть соединены с правом требования (правом требовать от других лиц воздержания от действий известного рода). Субъективное право в данном случае представляет собой органический сплав и тех и других правомочий. *Через правомочие требовать пассивного поведения от других лиц субъективное право в целом связывается с юридическими обязанностями* и, следовательно, через него входит в состав правоотношений—правоотношений пассивного типа¹⁵.

¹⁵ Вот почему представляется не столь теоретически принципиальной постановка вопроса о том, соответствуют ли правомочиям на активные действия определенные юридические обязанности.

Подобная постановка вопроса подчас признается чуть ли не решающей при рассмотрении проблемы, существуют ли субъективные права вне правоотношений. Сторонники подобного воззрения обычно ссылаются на то, что правомочиям на активные действия не корреспондируют какие-либо обязанности. Значит, полагают они, перед нами права вне правоотношений. Авторы же, отстаивающие противоположное мнение, стремятся показать, что и здесь могут

Иногда правомочия на свои действия включаются и в состав правоотношений активного типа (вторичные, вторичные правомочия в гражданском праве). Однако эти правомочия имеют дополнительный, вторичный характер, выражают внутренние механизмы в функционировании и развитии правоотношения; к тому же и они соединены с правомочием требовать от других лиц воздержания от действий известного рода.

6. Разновидности правомочий на активные действия. Основными разновидностями правомочий на свои действия являются следующие.

1) *Право на фактическое обладание социальными благами и их использование.* Сюда относятся правомочия, входящие в состав важнейших социально значимых субъективных прав — конституционных, личных прав гражданина, права собственности, прав автора и т. д. Особенность данной разновидности правомочий состоит в том, что они всегда связаны с реальным, наличным объектом — материальным или духовным благом¹⁶.

По своей юридической характеристике эти правомочия, как правило, входят в состав общих и абсолютных правоотношений.

2) *Правообразовательные правомочия, вытекающие из административной и процессуальной правосубъектности.* Права на положительные действия могут проявлять-

быть найдены юридические обязанности в виде «связанности», обязанности «не препятствовать».

Между тем *правомочиям на положительные действия и не должны непосредственно соответствовать какие-либо обязанности.* Ведь это права на собственные действия управомоченного. Они обеспечивают удовлетворение интереса управомоченного без какого-либо содействия со стороны обязанных лиц. Но это ни в коей мере не означает, что в данном случае субъективное право вообще не связано с юридическими обязанностями и находится вне правоотношения. Связаны с обязанностями и правомочия на положительные действия. Только связь эта не прямая, а опосредованная: через другое правомочие, находящееся с правомочием на положительные действия в единстве — через правомочие требовать от других лиц воздержания от действий известного рода.

¹⁶ Применительно к данной группе правомочий (субъективных прав) необходимо признать справедливым теоретическое положение, сформулированное М. С. Строговичем: субъективное право есть всегда право на что-то, на какую-то ценность — материальную или духовную (см.: Проблемы советского социалистического государства и права в современный период. М., 1969, с. 224; см. также: Строгович М. С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966, с. 170—171).

ся как непосредственное выражение административной и процессуальной правосубъектности. Они реализуются в односторонних активных действиях лица, которые приводят к возникновению определенных юридических последствий. Причем одни из них, исходящие от государственных органов, имеют властный характер (правообразовательные полномочия, входящие в состав компетенции); другие, обращенные к государственным органам, не имеют властного характера (правообразовательные полномочия, входящие в состав пассивной административной и процессуальной правосубъектности отдельных лиц, — такие, как право на жалобу). Своеобразие полномочий рассматриваемого вида в обоих случаях состоит в том, что они существуют в рамках общих правоотношений и автоматически порождают юридический эффект — влекут за собой возникновение обязательных юридических последствий.

3) *Секундарные (гражданские правообразовательные) полномочия в правоотношениях активного типа.* В правоотношения активного типа, в частности в гражданско-правовые обязательства, могут включаться полномочия, имеющие дополнительный характер. Это, например, право на зачет встречных однородных требований, право стороны прекратить обязательство своим односторонним волеизъявлением, право на принятие наследства.

В отличие от правообразовательных полномочий, вытекающих из административной и процессуальной правосубъектности, полномочия данной группы существуют в рамках конкретных правоотношений, и для их возникновения необходимы дополнительные юридические факты. Обычно эти полномочия входят в состав основных правоотношений в качестве вторичных элементов. Отсюда — их характеристика как секундарных (вторичных) полномочий.

Действие секундарных полномочий касается внутренних механизмов развития правоотношения, его возникновения, прекращения. Их содержание сводится к одному — к возможности совершить одностороннее волеизъявление (сделку), которая автоматически порождает обязательные юридические последствия.

Поэтому, как и большинству других прав на активные действия, полномочиям рассматриваемой разновидности не корреспондируют какие-либо особые, самостоятельные обязанности. Их юридический характер выра-

жен в автоматизме наступающих юридических последствий¹⁷, а также в органически связанных с ними правомочиях требовать от других лиц воздержания от действий известного рода¹⁸.

Особенности многообразных правомочий на свои активные действия конкретизированно подтверждают то принципиально важное положение, что субъективное право играет в механизме правового воздействия специфическую и в известной степени самостоятельную роль. Собственно говоря, предпринимаемые в литературе попытки вывести субъективное право из пределов правоотношений и объясняющих, надо думать, тем, что значение субъективных прав оказалось невозможно охарактеризовать только в рамках понятия «элемент правоотношения».

В чем здесь суть вопроса? Субъективное право немисливо, невозможно вне правовых связей (правоотношений), во всяком случае, таких, которые состоят из права требования и корреспондирующей ему обязанности. Однако *по своему содержанию* оно нередко выходит за пределы того, что находится *внутри* собственно правовой связи.

Только в правоотношениях активного типа юридические возможности управомоченного в основном не выходят за пределы соб-

¹⁷ См.: Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980, с. 95—102.

¹⁸ В юридической литературе вопрос о вторичных правомочиях решается по-разному. Так, М. М. Агарков считал, что вторичные правомочия не относятся к категории субъективных прав, а являются лишь проявлениями правоспособности (см.: Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1947, с. 70—73). Аналогичную точку зрения защищает Р. О. Халфина (см.: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении, с. 235). По мнению же С. Н. Братуся, вторичные правомочия являются настоящими субъективными правами (см.: Братусь С. Н. Субъекты гражданского права, с. 9—11).

Позиция С. Н. Братуся представляется более правильной. Необходимо лишь различать субъективное право и правомочия и видеть специфику прав на свои активные действия. В частности, по соображениям, приведенным выше, нет необходимости отыскивать для каждого вторичного правомочия особую юридическую обязанность. Их юридические функции в основном исчерпываются теми обязательными юридическими последствиями, которые автоматически наступают в рамках внутренних механизмов развития правоотношения. Юридические же обязанности соотносятся не непосредственно с правомочиями на положительные действия, а со связанными с ними правомочиями требовать от других лиц воздержания от действий известного рода, в том числе не препятствовать действиям носителя вторичного правомочия.

Указанные черты вторичных прав, надо полагать, не были учтены Р. О. Халфиной, когда она, анализируя примеры рассматриваемых правомочий и признавая в принципе их существование, утверждает, что вряд ли целесообразно вычленять их из всего комплекса прав и обязанностей (см.: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении, с. 233).

ственно правовой связи; они выражены лишь в праве требования управомоченного, обращенном к обязанному лицу. Вот почему при анализе права требования управомоченного в обязательственных и иных правоотношениях активного типа категория «субъективное право» употребляется с известной натяжкой: эта категория необходима для того, чтобы отразить то общее, что свойственно правовому положению управомоченного в любом правоотношении (хотя при этом своеобразие, присущее субъективному праву в полном объеме образующих его правомочий, несколько теряется).

Иной характер имеют правовые возможности управомоченного в правовых связях, охватывающих конституционные права граждан, право собственности, и др., т. е. в правоотношениях пассивного типа. Здесь уже юридические возможности управомоченного не исчерпываются тем, что находится внутри собственно правовой связи, т. е. прав требований и корреспондирующих им обязанностей. К тому же сами обязанности в правоотношениях данного типа, хотя и лежат в их основе и выражают самую связь между лицами, вместе с тем играют отрицательную и в этом смысле пассивную роль (что оправдывает наименование этих правовых связей как пассивных). Главное здесь — правомочия на *активные (положительные) действия*, которые и придают содержанию субъективного права такой характер, когда оно в значительной степени выходит за пределы собственно правовой связи, предоставляет простор и определяет рамки для собственного поведения управомоченного. Удовлетворение интереса управомоченного и достигается при помощи его собственных действий, а не при помощи действий обязанного лица.

Надо полагать, что категория «субъективное право» сложилась главным образом для характеристики такого рода правовых возможностей управомоченного. Субъективное право в строгом смысле слова — право в полном объеме образующих его правомочий — нечто большее, чем просто право требования. Субъективное право есть право «на что-то», т. е. право, имеющее известный реальный, наличный объект, по отношению к которому можно строить свое активное поведение.

7. Притязание. Это — входящее в состав субъективного права (при нарушении юридической обязанности) правомочие, выраженное *в возможности привести в действие аппарат государственного принуждения против обязанного лица*¹⁹.

Притязание является своего рода продолжением исходного и обязательного элемента любого субъективного права — права требования. Вместе с тем притязание имеет иного непосредственного адресата (органы, обеспечивающие государственно-принудительное воздейст-

¹⁹ Л. С. Явич определяет притязание как меру (вид) требования управомоченного к обязанному лицу, не исполнявшему своей юридической обязанности, обращенного к последнему через орган государства, который компетентен применять санкции юридических норм (см.: Явич Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961, с. 126).

вие) и по-иному проявляющееся содержание (требование об исполнении обязанности при помощи этого государственно-принудительного воздействия).

Притязание представляет собой такое правомочие, которое существует в правоотношении не с самого начала его формирования, а включается при наличии дополнительных фактов (неисполнения обязанности) в состав субъективного права для обеспечения правового воздействия на нарушителя юридической обязанности.

Включение в субъективное право рассматриваемого правомочия (притязания) свидетельствует о том, что субъективное право перешло в новую стадию развития и его содержание обогатилось новым моментом — возможностью привести в действие аппарат государственно-го принуждения. Субъективное право на стадии притязания приобретает «боевой» характер, выступает в качестве права, непосредственно готового к принудительному осуществлению²⁰.

Возможность перехода субъективного права в стадию притязания выражает одну из важнейших его особенностей как юридического права, опирающегося на силу государственного принуждения. Однако не следует абсолютизировать это качество субъективного права²¹. Так, осуществление прав на активное действие производится путем односторонних актов самого управомоченного; здесь тоже возможно обращение к компетентным органам государства, но не для принуждения лица к исполнению обязанности, а для признания обязательности наступивших юридических последствий, возникших в силу односторонних действий. Да и вообще защита субъективного права осуществляется государственными органами не в рамках данного правоотношения, а в рамках особых, охранительных правоотношений. Притязание и является звеном, связывающим регулятивные (правоустановительные) и охранительные правоотношения.

8. Юридическая обязанность. Это — вторая существенная часть юридического содержания правоотношения, представляющая собой *предписанную обязанному лицу*

²⁰ См.: Гурвич М. А. Право на иск. М., 1949, с. 142—146.

²¹ См.: Братусь С. Н. Субъекты гражданского права, с. 9; Курьлев С. В. Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск. — Труды Иркутского государственного университета. Т. 22. Серия юридическая. Вып. 3. Иркутск, 1957, с. 203—210.

меру необходимого поведения, которой лицо должно следовать в соответствии с требованиями уполномоченного в целях удовлетворения его интересов²².

«Необходимость» применительно к юридической обязанности понимается не в смысле объективной закономерности, а в смысле долженствования, основанного на требованиях юридических норм. Обязанное лицо должно поступить только так, а не иначе: иного выбора в пределах данного правоотношения у него нет.

Долженствование, характеризующее содержание юридической обязанности, выражается в мере необходимого поведения. Лицо обязано не вообще, а строго в очерченных пределах. При этом нормы права устанавливают точные границы должного поведения.

Юридическая обязанность отличается безусловно-стью, категоричностью. Данное поведение властно предписано лицу. В содержание юридической обязанности включается властный императив — безусловное требование следовать предписанному поведению. Отсюда — обеспеченность поведения в правоотношении мерами государственно-принудительного воздействия (санкциями), которые являются необходимым свойством, атрибутом юридической обязанности.

На указанные черты юридической обязанности следует обратить внимание, в частности, потому, что в советском законодательстве термины «обязанность», «должен» иногда обозначают не юридическую обязанность, а лишь тот предусмотренный законом вариант поведения, при котором закономерно наступают желаемые для лица правовые последствия, и, пожалуй, выражают скорее необходимость поведения в смысле закономерности. Причем это касается, как правило, генезиса правоотношения, в частности накопления фактов в фактическом составе, обязательным элементом которого «должно быть» поведение данного лица (II.31.9.). В таком, например, значении термин «обязанность» употребляется в гражданско-процессуальном законодательстве, когда указывается на обязанность каждой стороны в процессе доказать те обстоятельства, на которые она ссылается для обоснования своих требований и возражений. Аналогичный характер имеет обязанность сторон облечь договорное согла-

²² См.: Толстой Ю. К. К теории правоотношения, с. 46.

шение в установленную законом форму, обязанность покупателя осмотреть полученное от продавца имущество и некоторые другие. Во всех указанных случаях несоблюдение такой обязанности само по себе еще не является противоправным поведением; оно имеет лишь правопрепятствующее значение, т. е. препятствует наступлению искомого юридического эффекта и не связано с применением к лицу мер государственно-принудительного воздействия (санкций)²³.

Под общественно-политическим углом зрения строгость, категоричность юридических обязанностей, их непререкаемость нередко выражаются в понятии *ответственности*. То, что в юридической литературе именуется позитивной (проспективной) ответственностью, как раз и представляет собой наряду с соответствующим элементом правосознания и законности (I.16.4.) аспект безусловной категоричности юридических и иных социальных обязанностей, требование строжайшего их исполнения и соблюдения.

Юридические обязанности имеют неодинаковое содержание и в соответствии с этим выполняют различные функции в правоотношениях различных типов.

В правоотношениях пассивного типа (например, в правоотношениях собственности) юридические обязанности играют оградительную роль. На лиц возлагается обязанность воздерживаться от действий известного рода, и это с юридической стороны создает необходимые условия для того, чтобы управомоченный мог совершать дозволенные ему положительные действия и тем самым удовлетворять свои интересы.

В правоотношениях активного типа (например, в трудовых правоотношениях, в гражданско-правовых обязательствах и др.) юридические обязанности имеют значение центра юридического содержания данной правовой связи. Совершение положительных действий обязанным лицом непосредственно приводит к удовлетворению интересов управомоченного.

В охранительных правоотношениях юридические обязанности тоже играют существенную роль. Претерпевание правонарушителем применяемых к нему мер государственно-принудительного воздействия (санкций) вы-

²³ См.: Лейст О. Э. Санкции в советском праве, с. 53—62. Автор правильно связывает существование упомянутых выше обязанностей с вопросом о фактическом составе (с. 58).

ражает тот непосредственный юридический эффект, который в данной области отношений соответствует интересам общества, государства.

Подтверждая ранее высказанную мысль о том, что находящиеся в нераздельном единстве субъективные права и обязанности имеют и самостоятельное значение, хотелось бы обратить внимание на следующее. Такое самостоятельное значение обязанностей касается главным образом правоотношений активного типа. Именно здесь юридическая обязанность (своей активной частью) выходит за пределы правовой связи как таковой и непосредственно соотносится с интересом управомоченного. Иную картину можно наблюдать в правоотношениях пассивного типа, где юридическая обязанность (обязанность пассивного поведения) имеет чисто оградительное значение и находится внутри правовой связи, тогда как субъективное право своей активной частью, т. е. правомочиями на активные действия, выходит за границы собственно правовой связи (см. схему 23).

Юридическая обязанность может быть: а) обязанностью активного поведения; б) обязанностью пассивного поведения (воздержания от действий); в) обязанностью претерпевания мер государственно-принудительно-го воздействия (санкций).

Каково место юридических обязанностей в правовом регулировании? Юридические обязанности относятся к той стороне правового регулирования, которая характеризует *требования* к субъектам права²⁴. Если субъективные права воплощают начала социальной свободы и отсюда активности, инициативы, самостоятельности субъектов, то юридические обязанности выражают другое начало, лежащее в основе правовых предписаний,— начало классово определенной социальной ответственности.

Как бы ни различались правоотношения, юридические обязанности во всех случаях опосредствуют *долг лица перед другими лицами*, в интересах которых устанавливаются правоотношения. Юридические обязанности в социалистическом обществе характеризуют утверж-

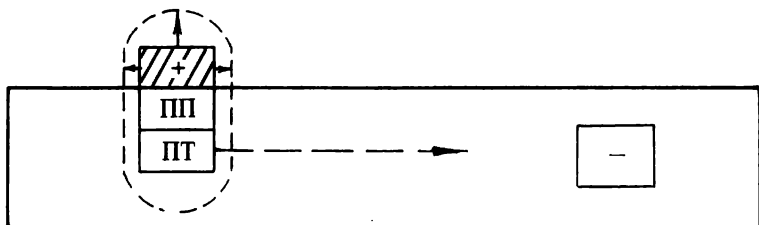
²⁴ «Существо юридической обязанности,— пишут Н. И. Матузов и Б. М. Семенко,— в требовании необходимого, нужного, должного, полезного с точки зрения государства, власти, закона поведения субъекта» (Матузов Н. И., Семенко Б. М. Исследование проблемы юридических обязанностей граждан СССР.— Сов. государство и право, 1980, № 12, с. 33).

СУБЪЕКТИВНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ В ПРАВООТНОШЕНИЯХ ПАССИВНОГО И АКТИВНОГО ТИПОВ

Правоотношения пассивного типа

Субъективное право

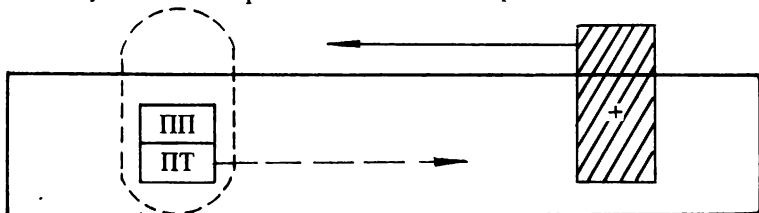
Юридическая обязанность

Правоотношения активного типа

Субъективное право

Юридическая обязанность

— правоотношение

— право требования

— притязание

— воздержание от действий (пассивное поведение)

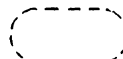
— активное поведение

— деятельность по осуществлению права требования

— деятельность по удовлетворению интереса управомоченного (направление активного поведения)

— интерес управомоченного субъекта

дение общих моральных запретов, гражданскую общественную дисциплину. «Соблюдение обязанностей, — писал С. Ф. Кечекьян, — это и есть та дисциплина, общественная дисциплина, которая столь необходима в условиях строительства социализма и коммунизма»²⁵.

Таким образом, юридические обязанности непосредственно выражают важнейшую основу правового регулирования — необходимость обеспечения в обществе классово определенной организованности, четкого порядка, дисциплины. В плоскости юридических обязанностей право функционирует преимущественно в качестве мощного организующего, дисциплинирующего фактора. Именно с этой стороны юридические обязанности и являются выражением классово определенной социальной ответственности, общественного долга, соответствующего данным социально-классовым отношениям.

С точки зрения роли юридических обязанностей в МПР наряду со сказанным (о функциях правоотношений — II.26.4.) необходимо отметить еще один момент. Юридические обязанности — тот участок механизма юридического воздействия, через который юридический инструментарий, в том числе субъективные права, связывается с государственным принуждением, с юридическими санкциями. Реально государственное принуждение в области права применяется за неисполнение той или иной правовой обязанности. Потому-то и невозможно рассматривать субъективное право вне его связи с юридическими обязанностями: именно эта связь и раскрывает юридический, государственно-властный характер субъективного права.

Проблема юридических обязанностей нуждается в дальнейшей углубленной разработке, судя по всему, не менее обстоятельной, чем проблема субъективных прав. Если даже исходить из того, что наиболее существенным элементом правовой системы наряду с объективным правом являются субъективные права (которые ближайшим образом соотносятся с исходной, важнейшей предпосылкой правового регулирования — классово определенными социальными свободой, активностью), надо видеть, что юридическая специфика субъективных прав раскрывается в органическом единстве с юридическими обязанностями. К тому же и сами юридические обязанности, воплощающие начала организованности, дисциплины, а в конечном счете социальной ответственности, имеют в правовой системе суще-

²⁵ Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе, с. 67. Об обязанности как долге см. также: Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности, с. 71—74.

ственное самостоятельное значение²⁶, тем более существенное, что с этим элементом правовой системы связано реальное применение в области права государственного принуждения²⁷.

Значительный интерес представляет вопрос о структуре юридической обязанности²⁸. В настоящее время ясно, что в нее входят два элемента, две необходимости — активного и пассивного поведения (обязанность действовать активно и обязанность соблюдать), от качественных различий которых и зависит специфика правоотношений активного и пассивного типов (причем сама возможность соединения обеих необходимостей в одной реальной обязанности проблематична, нуждается в дополнительном изучении). Если рассматривать общее понятие юридической обязанности, т. е. обязанности вообще, то нужно указать и на третью необходимость — обязанность отвечать, т. е. претерпевать государственно-принудительное воздействие за совершенное правонарушение, которая, как и притязание, носит потенциальный характер²⁹.

²⁶ См.: Семенко Б. М. Юридические обязанности граждан СССР (Вопросы теории). — Автореф. канд. дисс. Саратов, 1978.

²⁷ С. Ф. Кечекьян, ссылаясь на конституционные обязанности, обязанности в уголовном праве, в административном праве и т. д., считал, что такого рода обязанности могут существовать вне правоотношения. При этом автор возражал против «узкоцивилистической», на его взгляд, концепции, согласно которой всякая обязанность существует ради чьего-то права (см.: Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе, с. 63). Однако всем тем обязанностям: «вне правоотношения», на которые ссылался С. Ф. Кечекьян, корреспондируют права требования определенных лиц — требования исполнения обязанностей. Вместе с тем верно и то, что в правоотношениях, прежде всего в правоотношениях активного типа (где обязанное лицо должно совершить положительные действия), эта обязанность существует не «ради права». Юридическая обязанность в правоотношениях активного типа осуществляется ради интересов управомоченных, в том числе таких интересов, которые выражают общественные интересы, интересы правопорядка в целом. Следовательно, сочетаясь определенным образом с субъективным правом (правом требования), юридические обязанности, в особенности в правоотношениях активного типа, имеют в значительной мере самостоятельное значение.

²⁸ См.: Правоведение, 1980, № 1, с. 101; Матузов Н. И., Семенко Б. М. Исследование проблемы юридических обязанностей граждан СССР. — Сов. государство и право, 1980, № 12, с. 33.

²⁹ Возникает вопрос, нет ли в структуре обязанности такого элемента, который бы корреспондировал притязанию и в то же время не выходил за рамки регулятивного правоотношения. По этому вопросу следует заметить, что, возможно, юридическая обязанность включает в виде специфического элемента необходимость юридически отреагировать на требование управомоченного в случаях, когда не исполняется предусмотренное поведение (отказаться исполнять требование; признать правомерность требования и сослаться на уважительные причины; обещать исполнить обязанность через какой-то срок и т. д.). При таком решении проблемы перед нами раскрывается весьма четкая закономерная взаимозависимость

Тогда обнаруживается весьма интересное соотношение указанных трех необходимостей с тремя возможностями, которые входят в состав субъективного права. Представив графически структуру субъективного права и юридической обязанности в виде кругов, каждый из которых разделен на три сектора (см. схему 24-I), и мысленно поворачивая эти круги, можно получить три варианта соотношения элементов субъективных прав и обязанностей, соответствующих в основном трем основным разновидностям правоотношений: регулятивным активного типа, регулятивным пассивного типа, охранительным (см. схему 24-II). Правда, приходится в каждом случае из того и другого круга оставлять по одному сектору (так как другие правомочия предполагаются, существуют в потенциальном виде или в данном правоотношении отсутствуют вообще), а в охранительном правоотношении круг субъективного права управомоченного дополнить кругом права государства осуществлять государственно-принудительное воздействие. Но как бы то ни было, указанное соотношение элементов субъективного права и юридической обязанности представляется достойным внимания и, видимо, близким к тем закономерным соотношениям, о которых говорится в следующем пункте данной главы.

9. Закономерности связи субъективного права и юридической обязанности в правоотношении. Связь между правом и обязанностью в правоотношении имеет характер *объективной закономерности*.

Нетрудно заметить, что перед нами яркое проявление диалектического закона единства противоположностей. Субъективное право и юридическая обязанность — такие противоположности, которые вне единства (правоотношения) существовать как социальные и юридические явления не могут.

Характер объективной закономерности имеет не только сама по себе связь между субъективным правом и обязанностью в правоотношении, но и сцепления между правомочиями и обязанностями, переходы от одного правомочия к другому. Это — жесткие, неразрушимые связи, т. е. такие, которые свойственны объективным закономерностям.

Закономерностью является перерастание субъективного права в состояние притязания при неисполнении юридической обязанности. В данном случае можно наб-

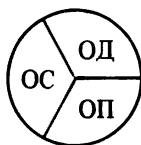
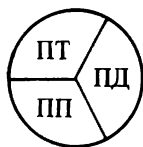
между элементами субъективного права и элементами юридической обязанности: осуществление исходного элемента субъективного права — права требования побуждает к функционированию юридическую обязанность со стороны того элемента, который назван «необходимость отреагировать», а это в свою очередь (при отсутствии реального исполнения) приводит в действие следующий элемент субъективного права — притязание.

ЭЛЕМЕНТЫ СТРУКТУРЫ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ И СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ НИМИ В ПРАВООТНОШЕНИИ

Субъективное право

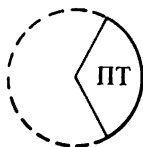
I

Юридическая обязанность

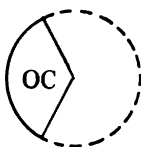
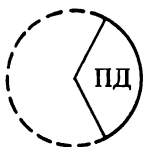

II

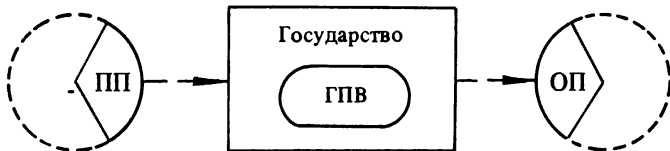
Регулятивные активного типа

Регулятивные пассивного типа

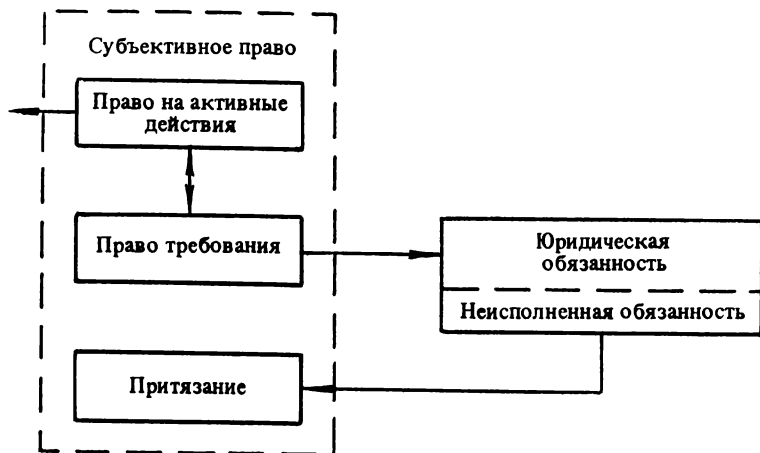
Охранительные

ПТ -- право требования
ПД -- право на активные действия
ПП -- притязание

ОД -- обязанность действовать активно
ОС -- обязанность соблюдать
ОП -- обязанность претерпевать последствия правонарушения
ГПВ -- право на государственно-принудительное воздействие

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СВЯЗИ ПРАВОМОЧИЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ В ПРАВООТНОШЕНИИ

людовать интересный переход, когда правовая энергия, движущаяся от права требования к юридической обязанности, при неисполнении последней получает как бы обратный ход, что и приводит к появлению в субъективном праве нового правомочия — притязания (см. схему 25).

Весьма наглядно жесткие сцепления между правомочиями и обязанностями прослеживаются и в правоотношениях активного и пассивного типов, и в охранительных правоотношениях. В любом из правоотношений активного и пассивного типов одна из сторон (а в охранительном правоотношении обе стороны) совершает активные, положительные действия. Но в каждом из них это активное поведение опосредствуется таким своеобразным сочетанием правомочий и обязанностей, которое может быть охарактеризовано как своего рода закон для данного вида или типа правоотношений.

Жесткие сцепления между правомочиями и обязанностями в правоотношениях активного и пассивного типов можно проследить на схеме 23. Из схемы видно, что в

правоотношении имеется центр, выражающий то активное поведение, которое направлено на удовлетворение интереса управомоченного и которое поэтому имеет конечное для данного правоотношения социальное значение. Этот центр для наглядности выделен в виде заштрихованных четырехугольников.

В правоотношениях пассивного типа указанный центр, своей активной частью выходящий за пределы собственно правовой связи, находится в субъективном праве: интерес управомоченного удовлетворяется посредством его собственных действий (активное поведение не выходит за пределы собственного интереса управомоченного). Юридическая же обязанность выполняет вспомогательную функцию: обязанность призвана оградить возможность беспрепятственного, полного осуществления права на свои действия.

Иная картина в правоотношениях активного типа. Здесь центр правоотношения — в юридической обязанности, которая своей активной частью выходит за пределы собственно правовой связи. Осуществление обязанностей приводит к достижению цели правоотношения, к удовлетворению интереса управомоченного (активное поведение обязанного лица прямо соотносится с интересом управомоченного). Право же требования, закрепленное за управомоченным, выполняет вспомогательную функцию: оно призвано быть рычажком для обеспечения точного, полного и своевременного исполнения обязанности³⁰.

³⁰ С рассматриваемых позиций можно подойти к выдвинутой Ю. Г. Ткаченко идее односторонних (сепаратных) правоотношений (см.: Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений, с. 133 и след.). Эта идея, думается, противоречива. Рассмотрение субъективных прав и юридических обязанностей только в рамках правоотношения безупречно с методологических позиций. Но когда утверждается, что «существуют такие общественные отношения, в которых правовому регулированию подвергается деятельность лишь одной стороны» (с. 169), то возникает сомнение, не входит ли приведенное положение в противоречие с указанным ранее методологическим подходом. И, по-видимому, рациональный смысл рассматриваемой идеи заключается в том, что положительная деятельность субъектов отношения действительно может сосредоточиваться лишь на одной его стороне и что субъективное право и юридическая обязанность могут выходить по своему содержанию за пределы собственно правовой связи. Но это вовсе не означает того, что «другая сторона» общественного отношения остается за пределами правового регулирования.

10. Соотношение юридического и материального содержания в правоотношении. Структура правоотношения. Материальное и юридическое содержание — это различные стороны или стадии (состояния) единого содержания, одна из которых выступает в виде возможности и необходимости (юридическое содержание), а другая — в виде действительности (материальное содержание).

Материальное содержание, следовательно, представляет собой реализацию юридического содержания правоотношения, воплощение в жизнь, в фактическое поведение той меры, которая определена субъективным правом и юридической обязанностью.

Отсюда следует, что указанные стороны единого содержания правоотношения едва ли можно рассматривать в качестве элементов и, следовательно, таких явлений, из которых складывается структура правоотношения³¹.

В материальном содержании правоотношения нет ничего такого, что не было бы дано в виде возможности и необходимости в его юридическом содержании.

Если же реальное поведение участников правоотношения отклоняется от меры дозволенного и необходимого, заложенной в субъективных правах и обязанностях, то подобное поведение теряет качества содержания данного правоотношения (и становится правонарушением — злоупотреблением правом, неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанности). Правовая система предусматривает ряд средств — мер защиты, ответственности и др., которые призваны обеспечить соответствие реального поведения участников правоотношения его юридическому содержанию³².

Понятие «структура» при характеристике правоотношения применимо, по сути дела, только к юридическому содержанию, где соотношение прав и обязанностей, с

³¹ С этой точки зрения вызывает сомнение позиция Р. О. Халфиной, полагающей, что наряду с правами и обязанностями в структуру правоотношения входит реальное поведение участников правоотношения в соотношении с правами и обязанностями (см.: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении, с. 209—211). Еще меньше оснований включать в структуру правоотношения его участников (там же, с. 211). Ни участники правоотношения, ни их реальное поведение не обладают признаками элементов, которые бы позволили им вместе с правами и обязанностями образовать то, что в теории систем понимается под структурой.

³² См.: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении.

одной стороны, групп («пучков») прав и обязанностей — с другой, полностью вписывается в типическую конструкцию системных связей, без которой немыслима никакая структура. Конечно, может быть проанализирована и структура материального содержания правоотношения. Но с правовой стороны она представляет собой не более чем проекцию структурных характеристик прав и обязанностей на реальное поведение субъектов.

Таким образом, структура правоотношения — это строение взаимосвязанных прав и обязанностей, подразделение их на группы, соотношение между ними.

11. Правоотношения с простой и сложной структурами. Правоотношения с *простой* структурой характеризуются тем, что их содержание состоит из одного права и одной обязанности. В жизни такого рода элементарные правовые связи встречаются крайне редко.

Правоотношения со *сложной* структурой характеризуются тем, что их содержание состоит из нескольких взаимосвязанных субъективных прав и обязанностей.

Каждое структурно сложное правоотношение может быть в результате анализа расчленено на ряд правоотношений с простой структурой. Например, правоотношение по охране труда в советском трудовом праве может быть расчленено на несколько правоотношений: предприятие обязано обеспечивать безопасность работ, а работник имеет право требовать указанного обеспечения; работник обязан овладеть правилами по технике безопасности, а администрация предприятия имеет право требовать этого, и др. Однако структурно сложное правоотношение не есть механическое соединение элементарных правоотношений. Последние тесно связаны между собой, взаимообусловлены, образуют нераздельное целое — единое правоотношение со сложной структурой.

В ряде отраслей советского права можно встретить правоотношения со *сложной динамической* структурой (например, процессуальные отношения, обязательства на капитальное строительство), характеризующиеся тем, что по мере накопления юридических фактов структура правоотношения развивается, перестраивается: права и обязанности сменяют друг друга, дополняются новыми, видоизменяются и т. д.³³.

³³ См.: Чечина Н. А. Гражданские процессуальные отношения. Л., 1962, с. 56; Элькин Д. П. С. Сущность советского уго-

Структура правоотношения может быть сложной и потому, что в содержание правоотношения включаются *дополнительные правомочия и юридические обязанности*. К дополнительным относятся, например, секундарные правомочия, правомочия, которые призваны обеспечить надлежащее осуществление основного субъективного права, кредиторские обязанности в гражданско-правовых обязательствах и др.³⁴.

От правоотношения со сложной структурой необходимо отличать *группу правоотношений*, которые находятся в определенной связи и составляют в своей совокупности некоторую целостность, лишенную, однако, черт, единого (одного) правоотношения. К этим случаям, в частности, относятся: связь регулятивных и охранительных правоотношений; связь отношений советского административного права и других отраслей права, опосредствующих плановые хозяйственные процессы.

В правовой действительности встречаются системы правоотношений, в которых центральное правоотношение со сложной динамической структурой сопровождают производные и зависимые от него иные самостоятельные правовые связи. Такая система правоотношений характерна, например, для советского трудового права³⁵.

Глава 29

СУБЪЕКТ ПРАВА

1. Понятие субъекта права. Правосубъектность. Для субъекта права характерны следующие два основных признака.

Во-первых — это лицо, участник общественных отношений (индивиды, организации), которое по своим осо-

ловно-процессуального права. Л., 1963, с. 31; Галкин Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962, с. 76.

³⁴ О сложной структуре гражданско-правовых обязательств см.: Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву, с. 60—73. См. также: Юков М. К. Структурно-сложное содержание гражданских процессуальных правоотношений. — Автореф. канд. дисс. Свердловск, 1972.

³⁵ См. по рассматриваемому вопросу соображения Б. К. Бегичева (Советское трудовое право. М., 1979, с. 101—103).

бенностям фактически *может быть* носителем субъективных юридических прав и обязанностей. Для этого оно должно обладать определенными качествами, которые связаны со свободой воли человека, коллектива людей и к числу которых относятся: а) внешняя обособленность; б) персонификация (выступление вовне в виде единого лица — персоны); в) способность вырабатывать, выражать и осуществлять персонифицированную волю.

Во-вторых — это лицо, которое реально способно участвовать в правоотношениях, приобрело свойства субъекта права *в силу юридических норм*. Иными словами, юридические нормы образуют обязательную основу выступления индивидов, организаций, общественных образований как субъектов права.

Если социальной предпосылкой правосубъектности служит свобода воли человека, то ее содержание, т. е. содержание особого свойства, сообщаемого юридическими нормами участникам общественных отношений, состоит в том, что лица обладают способностью быть носителями юридических прав и обязанностей¹. Эта способность (свойство) и называется *правосубъектностью*.

Категории «субъект права» и «правосубъектность» по своему основному содержанию совпадают.

Правосубъектность включает два основных структурных элемента: во-первых, способность обладания правами и несения обязанностей (правоспособность), во-вторых, способность к самостоятельному осуществлению прав и обязанностей (дееспособность). Поэтому иногда правосубъектность называется праводеспособностью.

Правосубъектность является общественно-юридическим свойством, которое нормы права придают лицам в соответствии с требованиями экономического базиса, потребностями общественного развития.

В то же время правосубъектность является именно *свойством* лица — таким его общественно-юридическим состоянием, которое по своей природе *неотъемлемо* от лица. Юридические нормы, выражая потребность общественного развития, могут сузить или расширить круг

¹ Н. В. Витрук отмечает, что относительно свободная воля в области права «выступает не сама по себе, так сказать, в «чистом виде», а через соответствующий эквивалент в праве, как необходимое правовое свойство (качество) личности» (Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе, с. 81).

субъектов права, могут сузить или расширить объем правосубъектности. Но коль скоро те или иные лица признаны в силу юридических норм субъектами права, правосубъектность этих лиц является неотъемлемым их свойством. Вот почему в нормативные акты социалистического государства, где специально регламентируются вопросы правосубъектности, введены нормативные положения, предусматривающие неотчуждаемость правосубъектности, недопустимость отказа от нее (ст. 8 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик).

«Субъект права» («правосубъектность») — понятие широкое, в какой-то мере отличное от понятия «субъект (участник) правоотношения»². Субъект права — это лицо, обладающее правосубъектностью, т. е. лицом, потенциально (вообще) способное быть участником правоотношений. А субъект правоотношения — это реальный участник данных правовых отношений³.

2. Правосубъектность в МПР. Правовой статус. Правосубъектность принадлежит к той подсистеме МПР, которая охватывает юридические явления, концентрируемые вокруг правоотношения.

По своей роли, специфическим функциям в механизме правосубъектность выступает в качестве *средства фиксации (закрепления) круга субъектов — лиц, обладающих способностью быть носителями субъективных юридических прав и обязанностей*.

Наделение лиц правосубъектностью представляет собой *первую ступень* в процессе воплощения юридических норм в социальную жизнь. Уже здесь нормы права в какой-то мере реализуются: реально определяется круг лиц, которые могут быть субъектами прав и обязанностей.

Еще в большей степени конкретизирующая роль правосубъектности проявляется в отраслях советского права. Отраслевая правосубъектность (гражданская, трудовая, административная и т. п.) определяет область законодательства, действующую применительно к лицу, и, следовательно, конкретизирует круг правоотношений, в которых лицо может участвовать.

² См.: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении, с. 115—116.

³ См.: Бойцов В. Я. Система субъектов советского государственного права. Уфа, 1972, с. 32—36.

Именно таким путем (т. е. путем наделения отраслевой правосубъектностью) фиксируется *общее юридическое положение лиц*. Уже в силу своей правосубъектности лица ставятся в то или иное положение по отношению друг к другу. Отсюда — та роль, которую играет правосубъектность при характеристике отраслевых правовых режимов. Определяя общее юридическое положение участников общественных отношений, правосубъектность выступает в качестве главной черты соответствующего метода регулирования.

Следовательно, правосубъектность на уровне отраслей права, конкретизируя круг реальных субъектов, является вместе с тем такой первичной ступенью конкретизации правовых норм, на которой определяется общее юридическое положение субъектов: субъекты ставятся в то или иное отношение друг к другу.

Правосубъектность представляет собой *особое субъективное право*, входящее в состав общих правоотношений. Ведь способность — это и есть возможность, которая неотъемлемо принадлежит данному лицу и проявляется в его деятельности. Если же вспомнить, что правосубъектность — не естественное, а общественно-юридическое свойство, то значит — перед нами юридическая возможность. Юридические же возможности суть не что иное, как субъективные права⁴.

Правосубъектности как субъективному праву корреспондируют определенные юридические обязанности. Поскольку лицо наделено правосубъектностью и тем самым *ставится в специфическое отношение ко всем иным субъектам*, постольку этому лицу принадлежит правомочие требовать известного поведения от других лиц, а именно: признания его субъектом права, воздержания от любых действий, которые могут нарушить правовое положение лица, умалить или нарушить его. Государственные органы обязаны обеспечить беспрепятственное и полное осуществление правосубъектности.

⁴ Как отмечает Н. В. Витрук, «право субъекта и правоспособность есть возможности, но возможности разного порядка» (Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе, с. 103). И эта «разность» порядка состоит не в том, что правосубъектность нельзя рассматривать в качестве субъективного права, а в том, что она является субъективным правом в плоскости *государственно-правового регулирования*.

Правосубъектность обладает определенным конкретным содержанием⁵. Лишь по своим исходным элементам она может быть охарактеризована как возможность данного лица быть субъектом права вообще. В советском законодательстве наряду с нормами о правосубъектности как таковой существует значительное число норм, регламентирующих содержание правосубъектности, конкретизирующих общее правовое положение субъектов. Этой цели служат, в частности, государственно-правовые нормы, устанавливающие основные конституционные, т. е. общие, права и обязанности граждан.

Таким образом, между правосубъектностью и другими общими правами и обязанностями, характеризующими правовое положение субъектов, существует глубокое диалектическое единство, двусторонняя зависимость. Общие права и обязанности, складываясь и осуществляясь на основе правосубъектности и оставаясь самостоятельными явлениями, в свою очередь характеризуют и раскрывают содержание правосубъектности. Например, право на труд в социалистическом обществе является особым, самостоятельным субъективным правом, но одновременно оно характеризует содержание правосубъектности советских граждан, отличающееся широкими и гарантированными возможностями в области трудовых отношений.

Правосубъектность в единстве с другими общими правами и обязанностями охватывается понятием *правового статуса*. В него включаются, следовательно, не все, а лишь конституционные (общие) права и обязанности, определяющие содержание правосубъектности и неотъемлемые от личности⁶.

⁵ Б. В. Пхаладзе правильно обращает внимание на то, что право участия в общественных отношениях (правоспособность) обеспечивается путем предварительного закрепления за всеми гражданами основных прав и обязанностей, характеризующих исходную позицию граждан в урегулированных правом общественных отношениях (см.: Пхаладзе Б. В. Юридические формы положения личности в советском обществе. Тбилиси, 1968, с. 18).

⁶ См.: Ямпольская Ц. А. О субъективных правах советских граждан и их гарантиях.— В сб.: Вопросы советского государственного права. М., 1959, с. 162; Общая теория советского права, с. 286; Строгович М. С. Основные вопросы советской социалистической законности, с. 156 и след.

В литературе были высказаны соображения о том, что все субъ-

Взятый КПСС курс на всемерное развитие прав и свобод советских граждан означает в первую очередь развитие тех субъективных прав, которые образуют правовой статус. Путем расширения субъективных прав, характеризующих содержание правосубъектности, а также иных общих субъективных прав и происходит дальнейшее упрочение правового положения личности в социалистическом обществе. Значительный шаг в этом направлении сделан в Конституции СССР 1977 года, которая как раз характеризуется ярко выраженной направленностью на дальнейшее развитие и обогащение правового статуса граждан.

Нет ли противоречия в широко распространенном и в принципе справедливом положении о том, что правосубъектность и примыкающие к ней конституционные права и обязанности являются общей предпосылкой конкретных прав и обязанностей и в то же время представляют собой особые субъективные права? Нет, противоречие здесь отсутствует. Нужно только учитывать *особенности отраслей советского права и прежде всего государственного права*.

Государственное право — ведущая, основополагающая отрасль советского права, которая в значительной степени предопределяет содержание других отраслей. А правосубъектность и примыкающие к ней конституционные права и обязанности — это субъективные права и обязанности, относящиеся к государственному праву. Будучи таковыми, они одновременно являются общей предпосылкой конкретных правоотношений, устанавливаемых на основе норм других отраслей — административного, гражданского, трудового права. В этом как раз и состоит ведущее значение государственного права по отношению к другим отраслям.

активные права и обязанности, все правовые связи входят в правовой статус (см.: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении, с. 123; Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе, с. 27, 31, 115—116). Думается, последний из указанных авторов ближе к истине, когда обосновывает идею о существовании субъективных прав в виде общего состояния (с. 105). Именно субъективные права (и обязанности), существующие в виде общего состояния, определяют основу правового положения личности — то стабильное, основополагающее в правовом положении субъекта, что в полной мере соответствует смыслу понятия «статус». Конкретные же права и обязанности — это, скорее, вопрос факта в юридической области, специфики в реальном положении лица, нежели основы его общего правового положения в данной правовой системе.

Интересные положения о содержании компонентов, из которых складывается правовое положение лица, его статус, с использованием понятия «модус», сформулированы В. А. Патюлиным (см.: Патюлин В. А. Государство и личность в СССР. Правовые аспекты взаимоотношений. М., 1974).

В советской юридической литературе все большее число авторов склоняется к тому, что правосубъектность (правоспособность) является своеобразным субъективным правом («правом на право»). Правоспособность, писал еще в 1950 году С. Н. Братусь, — это право быть субъектом прав и обязанностей⁷. «Правоспособность, — отмечает А. В. Мицкевич, — заключается в том, что субъект права обладает некоторыми общими правами, неотделимыми от него и означающими возможность иметь определенный круг конкретных прав и обязанностей, предусмотренных нормами советского права для участников данного вида правоотношений»⁸.

3. Виды правосубъектности. Различается правосубъектность: а) общая, б) отраслевая, в) специальная.

Общая правосубъектность — это способность лица в рамках данной политической и правовой системы быть субъектом права вообще. Вопрос об общей правосубъектности представляет собой социально-политический вопрос, признает ли право данных индивидов, организации, общественные образования субъектами права или нет. В социалистическом обществе все люди с момента рождения обладают общей правосубъектностью.

Отраслевая правосубъектность — это способность лица быть участником правоотношений той или иной отрасли права. Различаются, в частности, правосубъектности: политическая (государственно-правовая), гражданская, трудовая, семейная, процессуальная и т. д.

Специальная правосубъектность — это способность лица быть участником лишь определенного круга правоотношений в рамках данной отрасли права. Специальной правосубъектностью, например, обладают юридические лица в советском гражданском праве, органы государственного управления и должностные лица — в пределах административных правоотношений.

Специфические разновидности имеет специальная правосубъектность в отраслях права, регулирующих властеотношения (это касается прежде всего административного права). Здесь нужно различать: а) *активную правосубъектность*, т. е. правосубъектность, которой наделены субъекты власти — органы государственной власти и государственного управления, и б) *пассивную правосубъектность*, т. е. правосубъектность, которой наделены

⁷ См.: Братусь С. Н. Субъекты гражданского права, с. 6.

⁸ Общая теория советского права, с. 284. Автор замечает там же: «В настоящее время уже трудно отрицать, что между правоспособностью и субъективными правами имеются не только различия, но и сходные черты».

лены субъекты подчинения⁹. Если пассивная правосубъектность в данном круге отношений одинакова и равна для всех субъектов подчинения, то активная правосубъектность, именуемая компетенцией, неодинакова для различных органов власти и управления, а главное всегда конкретизирована по содержанию.

Особенности правосубъектности в отраслях советского права еще недостаточно изучены. Многие авторы, рассматривая правосубъектность в административном, трудовом, колхозном, процессуальном праве, строят ее по такому же образцу, как и гражданскую правосубъектность, т. е. как общую, абстрактную предпосылку правообладания и несения юридических обязанностей.

Между тем гражданская правосубъектность (правоспособность) представляет собой специфическое правовое явление, выражающее своеобразие юридического режима гражданско-правового регулирования. В соответствии с требованиями товарного производства и обращения гражданская правосубъектность не только по исходным элементам, но и в целом имеет общий абстрактный характер, а конкретизирующие ее общие права и обязанности выражают общую, принципиально равную возможность тех или иных лиц быть субъектами имущественных отношений, которые складываются на основе товарного производства и обращения.

В других отраслях права правосубъектность является общей, равной для всех предпосылкой правообладания лишь по своим исходным элементам, где правосубъектность представляет собой бланкетную возможность быть субъектом соответствующего круга правоотношений (административных, трудовых и т. п.). По другим же своим элементам правосубъектность в упомянутых отраслях права выражает различие в правовом положении субъектов.

В юридической литературе на своеобразие правового положения субъектов в ряде отраслей права обратила внимание Е. А. Флейшиц. Она убедительно показала, что в такой, например, отрасли, как административное право, правоспособность не может быть определена как общая абстрактная предпосылка правообладания¹⁰. Но из этого верного положения был сделан вывод, что в административном праве правоспособности вообще не существует, ибо правоспособность всегда абстрактна и должна быть абстрактной возможностью правообладания и несения обязанностей¹¹. Но почему? Не будет ли правильнее сделать другой вывод: поскольку в административном праве правосубъектность (правоспособность) не ис-

⁹ Это разграничение, как показал Б. К. Бегичев, имеет существенное значение и для правосубъектности в трудовом праве (см.: Бегичев Б. К. Особенности правового положения служащих как субъектов трудового права. — Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. Вып. 4. Свердловск, 1964, с. 161).

¹⁰ См.: Флейшиц Е. А. Соотношение правоспособности и субъективного права. — В сб.: Вопросы общей теории советского права. М., 1960, с. 281—282.

¹¹ См. там же.

черпывается бланкетной возможностью (такая возможность, разумеется, есть и в административном праве), постольку, очевидно, в нем и ряде других отраслей права необходимо по-иному понимать эту правовую категорию.

Так, даже в такой близкой к гражданскому праву отрасли, как трудовое право, правоспособность граждан не может быть исчерпана возможностью вступить в трудовой договор. Трудовая правоспособность — это более емкая категория, конкретное содержание которой зависит от целого ряда факторов, выражающих осуществление лицом конституционной обязанности трудиться, в частности от трудового стажа, квалификации¹².

4. Правосубъектность, правоспособность, дееспособность. Деликтоспособность. Общая правосубъектность, а также правосубъектность в ряде отраслей советского права существует как единая праводеспособность, одновременно охватывающая два момента: 1) возможность обладания правами и обязанностями и 2) возможность их самостоятельного осуществления.

Такой характер имеют, за определенными исключениями, трудовая, колхозная, брачно-семейная правосубъектности. Правосубъектные организации, а также иные общественные образования во всех случаях одновременно обладают возможностями иметь и осуществлять субъективные права и обязанности. В некоторых же других отраслях права (прежде всего в гражданском праве) правосубъектность как бы разъединяется, включает относительно обособленные структурные элементы¹³: правоспособность и дееспособность.

Правоспособность — это способность лица иметь субъективные права и юридические обязанности; *дееспособность* — самостоятельно, своими личными, осознанными действиями их осуществлять (см. ст. 8 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик). Гражданское законодательство признает субъектами права не только лиц, которые одновременно обладают правоспособностью и дееспособностью, но и лиц, наделенных лишь правоспособностью (т. е. малолетних детей и душевнобольных).

¹² Развернутый анализ трудовой правосубъектности дан в работах Б. К. Бегичева (см., в частности: Сборники ученых трудов Свердловского юридического института. Вып. 1—4, 6, а также: Бегичев Б. К. Трудовая правосубъектность советских граждан. М., 1972).

¹³ См.: Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе, с. 89.

Разъединение правоспособности и дееспособности объясняется природой гражданских и некоторых иных имущественных субъективных прав. Процесс осуществления имущественных прав не имеет столь тесной непосредственной связи с носителем права, как это свойственно другим видам субъективных прав (политическим, брачно-семейным и т. п.).

Дети и душевнобольные являются субъектами права, так как гражданское законодательство признает достаточным для этого одной правоспособности.

Но и в гражданском праве правоспособность как бы стремится воссоединиться с дееспособностью с тем, чтобы был ликвидирован разрыв. Как правильно отмечено в литературе, право не терпит отсутствия юридически значимой воли у субъекта¹⁴. Вот почему недееспособность детей и душевнобольных восполняется в гражданском праве при помощи дееспособности других лиц — опекунов, попечителей или родителей.

Наряду с правоспособностью и дееспособностью в некоторых случаях обособляется еще одно проявление правосубъектности — деликтоспособность.

Деликтоспособность — это способность лица нести юридическую ответственность за совершенные правонарушения (деликты).

В отношении большинства субъектов права нет необходимости специально выделять деликтоспособность. Если данное лицо обладает правосубъектностью, то оно тем самым и деликтоспособно. Здесь деликтоспособность представляет собой, в сущности, одну из сторон дееспособности, выражающую возможность самостоятельного исполнения юридических обязанностей.

Но в некоторых случаях возникает необходимость обособления деликтоспособности. В гражданском праве лица в возрасте от 15 до 18 лет деликтоспособны (хотя они еще не приобрели полную дееспособность). Категория деликтоспособности имеет самостоятельное значение в уголовном праве.

5. Виды субъектов права. Все субъекты права могут быть подразделены на три основные группы: а) индивидуальные субъекты; б) коллективные субъекты; в) общественные образования.

¹⁴ См.: Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности, с. 34.

Индивидуальные субъекты именуются гражданами. В СССР советские граждане образуют основную разновидность индивидуальных субъектов. Вместе с тем в соответствии с действующим законодательством субъектами советского права признаются (с необходимыми частичными ограничениями в содержании правосубъектности) также иностранцы, которые именуются в законе «иностранцы». Кроме того, предусмотрено, что законодательные положения об иностранных гражданах «распространяются на лиц без гражданства в СССР, если иное не вытекает из законодательства Союза ССР» (ст. 32 Закона о правовом положении иностранных граждан в СССР)¹⁵.

Своеобразное «двойное» положение занимают лица, которые в данных правоотношениях являются субъектами права потому, что выступают в качестве представителей организаций, выполняющих властные функции, — должностных лиц. Как лица, обладающие активной правосубъектностью, они являются подразделением той или иной организации. Должностное лицо продолжает выступать в правоотношении и после того, как на соответствующей должности один индивид заменит другого. Свои должностные полномочия оно получает от той или иной организации, они вытекают из ее правового статуса¹⁶. В то же время должностное лицо может выступать как индивидуальный субъект, как лицо, обладающее пассивной правосубъектностью (на него персонально могут быть наложены штрафы и начеты за административные правонарушения).

В каждой национальной правовой системе есть *типичные* субъекты, состав и специфические черты которых выражают особенности данного социального строя.

В социалистическом обществе — это граждане (среди индивидуальных субъектов), социалистические организации, социалистическое государство. Нетипичными субъектами в социалистическом обществе являются церковные организации и иностранные фирмы. И те и другие пользуются специальной и ограниченной правосубъектностью в строго установленных законом пределах (а иностранные фирмы еще с учетом международных сог-

¹⁵ Ведомости Верховного Совета СССР, 1981, № 26, ст. 836.

¹⁶ См.: Мицкевич А. В. Субъекты советского права. М., 1962, с. 37. См. также: Общая теория советского права, с. 290.

лашений и коллизионных норм международного частного права)

В советской юридической литературе широко распространено деление субъектов права на две основные группы: 1) индивидуальные субъекты — граждане и 2) коллективные субъекты — организации. Такое деление следует признать стройным. Однако, думается, что «логика жизни» сильнее. Она требует обособления в особую рубрику таких специфических социальных образований, как государство, административно-территориальные единицы, избирательные округа и др.¹⁷ Конечно, и государство является организацией политической власти. Но применительно к государству, охватывающему все население страны, слово «организация» употребляется в ином смысле, нежели применительно к коллективам граждан (общественным организациям) и даже к организационно-обособленным подразделениям государства (государственным организациям). Вот почему, если отойти от чисто формальных критериев и обратиться к сущностным признакам, то трехчленное деление субъектов права не только возможно, но и полностью адекватно реальному положению участников правовых отношений в социалистическом обществе.

В литературе по советскому колхозному и земельному праву в качестве особого субъекта права рассматривается колхозный двор. Действительно, в некоторых земельных и финансовых правоотношениях субъектами являются не индивиды, а известное их единство — колхозный двор. Однако колхозный двор не имеет такой степени организационного единства, которая необходима для организации как субъекта права. Поэтому правильнее говорить не о том, что колхозный двор является субъектом права, а о том, что он обладает некоторыми (незавершенными) элементами правосубъектности. В остальном же колхозный двор представляет собой группу лиц — носителей общей совместной собственности.

К особым субъектам права некоторые авторы относят не только персонифицированные социальные образования, но и социальные общности людей в целом. Так, В. Я. Бойцов предпринял попытку развернутого обоснования того, что субъектами советского государственного права являются такие социальные общности, как народ, нация¹⁸. Мысль о том, что народ, нация как таковые могут быть субъектами права, высказывалась и ранее¹⁹.

Стремление осмыслить место и роль главных социальных общностей людей (народа, классов, наций) в политической жизни, конечно же, заслуживает поддержки. Народ, классы, нации являются основными субъектами социально-политических отношений. Это помимо всего иного отражается в содержании многих государст-

¹⁷ Такую категорию субъектов, как социальные образования, обособляет В. Я. Бойцов (см.: Бойцов В. Я. Система субъектов советского государственного права. Уфа, 1972, с. 77 и след.).

¹⁸ См.: Бойцов В. Я. Система субъектов советского государственного права, с. 76, 89 и след.

¹⁹ См., например: Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе, с. 92.

пенно-правовых норм, и прежде всего в содержании конституционных положений²⁰.

Но именно потому, что главные социальные общности людей выступают в качестве решающих институтов политической жизни, выражающих ее глубинные связи, они не обладают и не могут обладать свойствами внешне обособленного, институционного, формально персонифицированного порядка, которые позволили бы им *быть субъектами правовых отношений*. Социальные общности выступают в сфере правовых отношений не непосредственно, а опосредствованно — через персонифицированные социальные образования (государство, избирательный округ и др.) и разнообразные организации, в том числе партии, профессиональные союзы, кооперативы и т. д.²¹.

6. Некоторые особенности конкретных видов субъектов советского права. Граждане. Это — основная, абсолютно преобладающая разновидность индивидуальных субъектов.

Правовое положение граждан в социалистическом обществе характеризуется правовым статусом, отличающимся широтой прав и свобод, их реальностью, материальной обеспеченностью и высоким уровнем государственной защиты.

Демократизм правового статуса граждан выражается и в том, что их правосубъектность по своим исходным, начальным элементам во всех случаях является, безусловно, равной, совершенно одинаковой для всех граждан, без какого бы то ни было исключения. Все граждане наделены равными возможностями обладания юридическими правами и несения юридических обязанностей независимо от происхождения, социального и имуществен-

²⁰ В юридической литературе были высказаны верные соображения о том, что народ, нации, социальные группы — субъекты не права, а политики (см.: Мицкевич А. В. Субъекты советского права, с. 42), что народ — источник и носитель политической власти (см.: Основин В. С. Советские государственно-правовые отношения. М., 1965, с. 38—39). От такого подхода, надо полагать, не отличается взгляд, признающий социальные общности субъектом преюдициальных правоотношений (см.: Губенко Р. Г. Советский народ — субъект конституционных правоотношений. — Сов. государство и право, 1980, № 10, с. 114—115). То, что условно может быть названо преюдициальными правоотношениями, представляет собой явления доюридического характера, принадлежащие к области непосредственно-социальных прав.

²¹ См.: Фарбер И. Е., Ржевский В. А. Вопросы теории советского конституционного права. Вып. 1. Саратов, 1967, с. 60; Кабышев В. Т., Миронов О. О. Категория «народ» в советском конституционном законодательстве. — Правоведение, 1969, № 4, с. 40—41.

ного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств (см. ст. 34 Конституции СССР).

После достижения совершеннолетия на объем правосубъектности (индивидуальный статус) влияет выполнение гражданином конституционных обязанностей, в частности конституционной обязанности трудиться. Так, граждане, честно выполняющие свой трудовой долг, и граждане, уклоняющиеся от общественно полезного труда, имеют неодинаковые возможности в области пенсионного обеспечения, приусадебного землепользования, налоговых отношений. Коммунистическая партия ставит задачу обеспечить максимум прав гражданам, честно выполняющим свой долг перед обществом.

Правосубъектность граждан может быть ограничена только по решению специально уполномоченных на то государственных органов и в случаях, особо предусмотренных в законе (например, применение в качестве меры уголовного наказания лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью). Наше законодательство не допускает каких-либо ограничений правосубъектности граждан по соглашению лиц или же по распоряжению не уполномоченных на то организаций. В частности, гражданское законодательство признает недействительными сделки, клонящиеся к ограничению правоспособности или дееспособности (ст. 8 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик).

Организации. Обязательной предпосылкой правосубъектности организаций является их персонификация, выраженная в организационном единстве данного коллектива индивидов. Все организации — государственные и общественные — имеют внутреннюю структуру; их внутренние подразделения слиты в нераздельное целое. Вот это нераздельное целое, т. е. организация как таковая, и наделяется правосубъектностью.

Государственные и общественные организации выступают в двух основных качествах. Они могут быть: а) субъектами властных функций руководства (таковы органы государственной власти и управления, организации общественности, наделенные властной компетенцией); б) субъектами оперативно-хозяйственной и социально-культурной деятельности (к ним, в частности, отно-

сятся государственные, промышленные и торговые предприятия, колхозы, организации потребительской кооперации)²².

Правосубъектность органов, *выполняющих властные функции государственного руководства*, обозначается в юридической науке, законодательстве и на практике специальной категорией — «компетенция».

Компетенция выражает активную административную правосубъектность. Своеобразие компетенции в отличие от гражданской правосубъектности состоит в том, что, во-первых, права и обязанности, составляющие компетенцию, распределяются между подразделениями государственного органа и должностными лицами; во-вторых, в компетенции властные права тесно связаны с обязанностями.

С юридической стороны главное в компетенции составляют властные права государственных органов — права на активные юридически значимые действия. Они заключаются в предоставленной государственному органу возможности своими односторонними действиями (актами) порождать, изменять или прекращать конкретные правоотношения.

Правосубъектность организаций, *осуществляющих оперативно-хозяйственную и социально-культурную деятельность*, обозначается в юридической науке, законодательстве и на практике специальной категорией — «юридическое лицо».

Особенности товарного производства и обращения требуют того, чтобы организации, наделенные обособленным имуществом, действовали как юридические лица, т. е. выступали в гражданском обороте от своего имени и несли самостоятельную имущественную ответственность. Хотя объем правосубъектности организаций, участвующих в гражданском обороте, может быть неодинаков, все они по отношению друг к другу, а также к индивидуальным субъектам занимают юридически равное, юридически однопорядковое положение. И это существенным образом отличает их от организаций, наделенных компетенцией.

²² См.: Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М., 1948, с. 621—654; Мицкевич А. В. Субъекты советского права, с. 38—39, 109; Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении, с. 137, 171 и след.

Категория юридического лица, сложившаяся в гражданском праве, в определенной мере используется и в некоторых других отраслях права²³. Она применяется, например, в трудовом и колхозном праве для характеристики правосубъектности государственных и общественных организаций в области трудовых отношений. Юридическими лицами являются также организации — субъекты финансовых и земельных правоотношений. Словом, юридическое лицо выражает в настоящее время правосубъектность организаций в сфере их оперативно-хозяйственной деятельности²⁴.

Общественные образования. Это — персонифицированные подразделения общества в целом. В отличие от организаций они представляют собой не коллективы людей, а внешнее, организационно-юридическое выражение социальных общностей в целом. В общественных образованиях — качественно иная (более высокая), нежели в организациях, общность людей. Именно это позволяет социальным образованиям выступать от имени социальной общности в целом — народа, нации, народности. В социалистическом обществе к социальным образованиям — субъектам права относятся социалистические государства (Союз ССР, союзные и автономные республики), автономно-государственные образования (автономные области и автономные округа), административно-территориальные единицы, избирательные округа.

Специфическая черта, характеризующая правосубъектность государства, состоит в том, что оно всегда остается субъектом политической системы общества. Вот почему даже в гражданских правоотношениях государство как особый субъект права может проявить свои властные политические функции (например, произвести конверсию займов).

²³ См.: Венедиктов А. В. О субъектах социалистических правоотношений. — Сов. государство и право, 1955, № 6, с. 23—25.

²⁴ По вопросу о правосубъектности организаций, в частности о содержании понятия «компетенция», в юридической литературе высказаны и другие соображения. Так, сторонники концепции хозяйственного права (В. В. Лаптев, В. К. Мамутов и др.) охватывают этим понятием всю правосубъектность участников хозяйственной деятельности, в том числе их правосубъектность как юридических лиц.

Среди отношений, в которых социалистическое государство выступает как таковое (межгосударственные отношения, некоторые имущественные и др.), необходимо выделить отношения, непосредственно выражающие начала государственного суверенитета. Это — отношения государственной социалистической собственности, гражданства, уголовно-правовые охранительные отношения и др.

Вместе с тем, оставаясь во всех случаях субъектом политической власти, социалистическое государство как субъект права выражает волю и интересы народа, действует на основе и в пределах конституции, закона.

Глава 30

ОБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЯ

1. Понятие объекта правоотношения. Это — те явления (предметы) окружающего нас мира, на которые направлены субъективные юридические права и обязанности.

Выделение в составе правоотношения наряду с субъектами права и материальным содержанием его объекта позволяет осуществить подлинно научный, диалектико-материалистический анализ правоотношения. Следует напомнить, что качественная новизна освещения вопроса о правоотношении с позиций марксистско-ленинской науки состоит не только в том, что оно понимается как выражение объективной закономерности правовой материи, но и в том, что само это явление трактуется широко, материалистически, т. е. как такая правовая связь, которая «живет» в данной социальной среде, находится в целостной системе общественных отношений, сопряжена с ее материальными и нематериальными благами, ценностями, т. е. объектами.

Следует обратить внимание на специфику самой постановки в советском правоведении вопроса об объекте правоотношения. В философии термин «объект» используется главным образом для характеристики соотношения материи и сознания. Объект в этом случае понимается как материя — объективная реальность, находящаяся вне познающего ее субъекта, т. е. человека, его соз-

нения (субъект—объект). В юридической же науке категория объекта не связывается непосредственно с субъектом, а понимается в ином, специальном плане — объекты рассматриваются применительно к правоотношению¹. При этом в качестве объектов правоотношений выступают явления (предметы), которые признаны таковыми государством, правом порядком. Несовместима с сущностью социалистического строя возможность признания объектом правоотношения самого человека, личности. В области имущественных отношений объектами прав и обязанностей могут быть лишь те вещи, которые не изъяты из гражданского оборота»

Объект правоотношения нельзя смешивать с объектом (предметом) правового регулирования (I.17.3.). Объектом (предметом) правового регулирования являются общественные отношения, акты волевого поведения людей — участников общественных отношений, на которые воздействует право. Сами же по себе, изолированно рассматриваемые субъективные права и обязанности не воздействуют на поведение людей. В сущности говоря, они представляют собой слитую с самим поведением конкретную меру поведения. Воздействующая роль прав и обязанностей проявляется лишь в связи с действием других звеньев МПР, в частности в связи с юридическими нормами. Значение правоотношений в МПР сводится

¹ Разумеется, явления правовой действительности могут быть проанализированы и с точки зрения общефилософских представлений об объекте, при котором эти явления соотносятся с познающим субъектом (а не с правоотношением, с субъективными правами и обязанностями). Такого рода попытка предпринята в литературе А. П. Дудиным, который, к сожалению, представляет принятый им подход в качестве единственно возможного и с этих позиций критикует всех авторов, изучавших вопрос об объекте в правоведении (см.: Дудин А. П. Объект правоотношения (вопросы теории). Саратов, 1980). Едва ли, однако, такой чисто философский ракурс исключает существование специальной проблемы объекта в правоведении, проблемы, где термин «объект» (он бы мог быть заменен и другим) имеет особый, присущий правоведению смысл. Здесь мы встречаемся с негативными последствиями такого подхода к явлениям действительности, при котором те или иные философские категории, исходя подчас лишь из терминологического сходства, «навязываются» этим явлениям. Не случайно А. П. Дудин в конечном счете при освещении конкретных вопросов вынужден обращаться к специальному смыслу объекта правоотношения, принятому в юридической науке, и даже утверждать, что по отношению к объекту правоотношения субъектом выступает норма права (см. там же, с. 42).

главным образом к переводу предписаний юридических норм в плоскость конкретной меры поведения для данных лиц.

Но дело не только в этом. Объект является элементом правового отношения только при его широкой трактовке, когда оно рассматривается как единство юридической формы и материального содержания. Но тогда поведение людей в составе правоотношения уже определено: оно образует материальное содержание правоотношения. Если же при освещении объекта еще раз ссылаться на поведение людей, то это окажется простым повторением, которое, естественно, ничего не добавляет к тому, что известно о правоотношении, его чертах².

В юридической литературе наряду с другими теориями распространена теория «объекта-действия», согласно которой объектом правоотношения является волевое поведение обязанного лица.

Теория «объекта-действия» может иметь определенное значение только при том условии, если не видеть в правоотношении материального содержания. Тогда, действительно, нужно установить, на что направлены «бессодержательные» права и обязанности, и вовлечь в сферу юридического анализа хотя бы поведение людей. Но при широком подходе к правоотношению, когда оно рассматривается как единство юридической формы и материального содержания и, стало быть, когда особо выделяется его материальное содержание (волевое поведение людей), вновь возвращаться к поведению людей при характеристике объекта нет никакой нужды.

Если внимательно проанализировать те споры, которые велись об объекте правоотношения³, то нетрудно заметить, что они главным образом касались того, следует ли при анализе правоотношения ограничиться определением поведения людей в качестве его объекта либо, причислив поведение к материальному содержанию правоотношения, идти дальше и тогда определять как объект разнообразные материальные и нематериальные блага. Вполне очевидна значительно большая конструктивность, познавательная ценность второго из указанных теоретических подходов.

2. Общее определение объекта правоотношения.
Объект в правоотношениях активного и пассивного типов.
Объектами правоотношений выступают явления (*предметы*) материального и духовного мира. Обобщенно говоря, это — разнообразные материальные и нематериаль-

² О различиях между объектом правового воздействия и объектом правоотношения см.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия, с. 552—553.

³ Сводку основных позиций по вопросу объекта правоотношения см.: Толстой Ю. К. К теории правоотношения, с. 53—64.

ные блага⁴, способные удовлетворять потребности субъектов, т. е. интерес управомоченного.

Круг объектов правоотношения очерчивается через интерес управомоченного. Тем самым характеристика объекта согласуется с понятием субъективного права, важным моментом которого является интерес. Одновременно правоотношение «привязывается» к системе реальных, жизненных отношений, к материальным и духовным ценностям общества. Различные блага (политические, духовные, личные, материальные), способные удовлетворять потребности людей, общества, вовлекаются в юридический анализ. И это позволяет обстоятельно рассмотреть фактическую сторону правоотношений, выяснить их реальную ценность и значение в жизни общества⁵.

Вместе с тем здесь необходим дифференцированный подход. Материальные и нематериальные блага, являющиеся объектами правоотношений, необходимо рассматривать в связи с поведением субъектов, т. е. материальным содержанием правоотношения.

В соответствии с этим нужно видеть существенные различия объектов в правоотношениях активного и пассивного типов.

В правоотношениях *пассивного типа* главное составляет субъективное право — право на активные действия самого управомоченного. Поэтому объектом правоотношения пассивного типа является *объект права*, т. е. материальные и нематериальные блага, на которые направлены положительные действия управомоченного.

Важная особенность объектов в правоотношениях пассивного типа состоит в том, что такими объектами, как правило, являются *наличные, существующие в данный момент материальные и нематериальные блага*. В конечном счете правоотношения рассматриваемого типа и служат закреплению данных фактических отношений

⁴ См.: Красавчиков О. А. Теория юридических фактов по советскому гражданскому праву. — Автореф. канд. дисс. Свердловск, 1950, с. 4; Яичков К. К. К учению о гражданском правоотношении. — Вестник МГУ. Серия экономики, философии, права. 1956, № 1, с. 129—140; Общая теория советского права, с. 311, 315.

⁵ «Связь объекта с интересами участников правоотношения, — пишет А. В. Мицкевич, — выводит нас за пределы анализа юридической формы правоотношения и позволяет установить связь этой формы с различными материальными, организационными и культурными средствами удовлетворения потребностей личности и общества» (Общая теория советского права, с. 311).

и, следовательно, закреплению системы наличных, в настоящее время существующих материальных и духовных объектов. Таковы, в частности, государственно-правовые отношения, закрепляющие политические, социально-экономические, личные блага и свободы; правоотношения собственности, закрепляющие систему материальных благ на началах собственности; отношения авторского и изобретательского права и др. Во всех указанных случаях имеется наличное, реально существующее материальное и нематериальное благо, в отношении которого управомоченный может совершать те или иные активные действия, например пользоваться благами, а в некоторых случаях и распоряжаться ими (право собственности).

Еще одна особенность объектов в правоотношениях пассивного типа заключается в том, что материальные и нематериальные блага здесь всегда отделимы, обособлены от материального содержания правоотношения, от действий управомоченного. Они всегда представляют собой внешне ограниченные, в данный момент существующие явления (предметы) окружающего нас мира.

Главное в правоотношениях *активного типа*—юридическая обязанность, состоящая в необходимости совершения активных, положительных действий. Право же требования, закрепленное за управомоченным, выполняет подчиненную роль: оно призвано обеспечить полное, точное и своевременное исполнение юридической обязанности. Какого-либо своего, особого материального и нематериального блага право требования не имеет. Поэтому объектом правоотношений активного типа является *объект обязанности*, т. е. материальные и нематериальные блага, на которые направлено активное поведение обязанного лица.

Существенная особенность объектов в правоотношениях активного типа состоит в том, что они всегда выступают в виде *результата действий обязанного лица*. Ведь по большей части правоотношение активного типа сначала возникает только как идеологическая, чисто юридическая связь между лицами. Права и обязанности как раз и устанавливаются для того, чтобы обеспечить формирование или развитие конкретного фактического отношения, а отсюда становление, формирование либо развитие материального или нематериального блага⁶.

⁶ В некоторых правоотношениях (например, в гражданско-правовых обязательствах купли-продажи, имущественного найма и др.)

Особенностью объектов в правоотношениях активно-го типа является и то, что в ряде случаев объект (результат действий) лишь в процессе теоретической абстракции может быть отделен, обособлен от материального содержания правоотношения, от действий обязанного лица. Речь идет об объекте трудовых правоотношений, объекте отношений, оформляющих деятельность художников, ораторов и пр., объекте гражданских правоотношений по оказанию услуг и др. В этих отношениях, говоря словами К. Маркса, «производимый продукт неотделим от того акта, в котором он производится»⁷.

3. Научное и прикладное значение теории «объект — материальное и нематериальное благо». Общее определение объекта правоотношения как материальных и нематериальных (духовных) благ обогащает наши представления о правоотношениях, позволяет охарактеризовать их с новых сторон, а главное, увязывает существование правоотношений с системой материальных и духовных ценностей общества.

Так, в социалистическом обществе первостепенное значение принадлежит анализу объектов государственно-правовых отношений, оформляющих конституционные свободы и личные блага гражданина. Смысл и истинное значение таких прав и свобод, как свобода слова, свобода собраний, тайна переписки, и других прав и свобод гражданина, предусмотренных советскими конституциями, конституциями зарубежных социалистических стран, раскрывается лишь тогда, когда в первую очередь установлено, что из себя представляют соответствующие объекты права, т. е. сами свобода слова, свобода собраний, тайна переписки и т. д.

Особенности правоотношений собственности решающим образом зависят от характера их объекта — средств производства и предметов потребления. Особенности собственности в социалистическом обществе, различия между видами и формами социалистической собственности, конкретное содержание правомочий в каждом из

с самого начала существует определенный материальный предмет, существует он и как объект права собственности. Но как объект данного *обязательственного* отношения материальный предмет выступает лишь в той мере, в какой он может быть охарактеризован в качестве нового блага — результата действий обязанного лица (*переданной* в собственность вещи, *возведенного* строения и т. п.).

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1, с. 421.

этих видов и форм, порядок их осуществления, способы защиты субъективного права социалистической собственности — все эти, как и многие другие вопросы, могут получить освещение лишь с учетом специфики объектов соответствующих правоотношений.

Таким образом, проблема объекта правоотношения имеет существенное социально-политическое значение. Полная характеристика особенностей того или иного исторического типа права, прежде всего коренная противоположность социалистического права праву эксплуататорских обществ, предполагает подробный анализ объектов правоотношений. Именно таким путем можно наиболее ярко показать последовательное проведение в советском праве важнейшего начала социалистической организации общественных отношений, закрепленного в Программе КПСС: «Все во имя человека, для блага человека».

Вопрос об объекте правоотношений имеет и существенное практическое значение.

Характерно, например, что во многих случаях компетенция государственных органов и должностных лиц определяется путем указания на предмет их ведения, т. е. в конечном счете на объекты складывающихся здесь правоотношений.

Применительно к правоотношениям, в которых имеет-ся отделимый объект, при решении юридических дел необходим конкретный анализ особенностей свойств и положения таких объектов, их правового режима. Сложившееся в законодательстве и практике понятие «правовой режим» тех или иных объектов (вещей, продуктов духовного творчества, отделимых результатов работ) и отражает особенности прав и обязанностей, устанавливаемых законодателем в связи со свойствами и положением объектов.

4. Особенности объекта правоотношения в отраслях советского права. Наибольшее, пожалуй, значение вопрос об объекте правоотношений приобрел в *гражданском праве*.

И это не случайно. Гражданское право регулирует имущественные отношения, складывающиеся на основе товарного производства и обращения. Товарное же обращение предполагает существование таких материальных и нематериальных благ, которые в качестве товаров по большей части обособляются от самой производитель-

ной деятельности. Да и сами имущественные отношения, регулируемые гражданским правом, «связаны с вещами и проявляются как вещи»⁸. Все многообразие объектов гражданских правоотношений может быть сведено к следующим основным группам: вещи; результаты действий, в том числе: отделимые от поведения обязанного лица (например, результат работ по подрядным обязательствам) и реально неотделимые от поведения обязанного лица, в том числе разнообразные услуги; продукты духовного творчества (объекты прав автора и изобретателя); личные неимущественные блага (имя, честь и пр.).

Весьма существенное значение вопрос об объекте имеет в *государственном праве*. При помощи государственно-правовых отношений закрепляются основные материальные и нематериальные блага, в том числе блага, составляющие объект конституционных прав граждан. Среди этих объектов государственно-правовых отношений выделяются: а) социально-экономические и социально-политические блага — собственность, национальное равноправие и др.; б) блага, лежащие в основе социальных и политических свобод граждан — труд, отдых и др.; в) личные блага — неприкосновенность личности, здоровье и др. Так же, как и государственно-правовые отношения в целом, объекты этих отношений имеют в значительном числе случаев общий характер и выступают в виде основных социальных — экономических, политических, культурных — ценностей.

В других отраслях права вопрос о значимости объекта правоотношений нужно решать, по-видимому, дифференцированно. Если, например, в таких отраслях права, близких к гражданскому, как *колхозное право и семейное право*, он требует специального внимания (в колхозном праве выделяются вещи как объекты права собственности, в семейном — личные блага гражданина, семьи), то уже в *трудовом праве* материальные блага по主要内容 содержанию трудовых правоотношений неотделимы от самой трудовой деятельности рабочих и служащих и не могут рассматриваться изолированно от их материального содержания.

Конечно, при теоретическом анализе в любом правоотношении может быть найден особый объект. Но не

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 498.

следует упускать из вида практическую сторону вопроса, степень и характер урегулирования отношений, связанных с объектом, в нормативных актах. Надо думать, что в тех отраслях права, где результат деятельности обязанного лица неотделим от самой деятельности, нет и специальной проблемы объекта правоотношения. В этих случаях при освещении материального содержания правоотношения одновременно в достаточной мере раскрывается и его объект, т. е. результат деятельности обязанного лица.

Именно с таких позиций, вероятно, следует подходить к вопросу об объекте многих правоотношений в *административном праве* и в отраслях *процессуального права*. И здесь, разумеется, в процессе теоретического анализа могут быть найдены объекты в виде результатов действий обязанного лица⁹. Однако они неотделимы от самой деятельности; в законодательстве же результаты деятельности специально не регламентируются, и поэтому характеристика материального содержания большинства административных и процессуальных правоотношений почти исчерпывает проблему их объекта.

По вопросу об объекте правоотношения к настоящему времени накопилась весьма обширная литература; высказан целый ряд взглядов, в которых по-разному решается эта сложная теоретическая проблема.

Указанное обстоятельство, видимо, и послужило поводом к тому, что иногда проблема объекта правоотношения воспринимается как отрыв юриспруденции от жизни, как схоластические, никому не нужные споры.

Это, конечно, неправильно. Разработка рассматриваемой проблемы, наоборот, может и должна приблизить юридическую науку к жизни, к пониманию реального смысла и значения правовых отношений, к увязке правоотношений с системой материальных и духовных благ общества. При рассмотрении объекта делается еще один шаг в раскрытии фактической стороны правоотношений, выясняются те явления (предметы) окружающего нас мира, при помощи которых удовлетворяется интерес управомоченного.

Другой вопрос, что теоретическое обсуждение проблемы объекта правоотношения должно быть поставлено на прочную научную основу. Представляется, в частности, необходимым: а) не дублировать материал, относящийся к другим проблемам, в том числе к характеристике материального содержания правоотношения; б) использовать вопрос об объекте для более полного освещения фактической стороны правоотношения, т. е. материальных и нематериальных благ, удовлетворяющих интерес управомоченного; в) при-

⁹ См.: Элькин Д. П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права, с. 14—15.

нимать во внимание особенности объектов в правоотношениях пассивного и активного типов; г) отчетливо представлять практическое значение проблемы объекта и своеобразие ее постановки в отраслях советского социалистического права. В тех из них, где в правоотношениях результат действий обязанного лица неотделим от самой деятельности и где объект не получает специальной нормативной регламентации, вряд ли необходимо искусственно «вымучивать» особую проблему объекта.

Глава 31

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ. ФАКТИЧЕСКИЙ СОСТАВ

1. **Понятие юридического факта.** Это — конкретное жизненное обстоятельство, с которым юридическая норма связывает возникновение, изменение или прекращение правовых последствий (правоотношений).

К числу юридических фактов принадлежат такие жизненные обстоятельства, которые предусмотрены нормами права и «работают» на право, на его механизмы. Юридическими фактами, следовательно, являются лишь такие фрагменты окружающей нас действительности, которые вовлечены в сферу права¹ и потому выступают в виде материально-юридических явлений².

Юридические факты в ряде случаев имеют для общественных отношений общий характер. Таковы, в частности, многие факты в области государственно-правовых отношений (гражданство, правосубъектность, общие конституционные права и обязанности); наличие этих правоотношений связывается лишь с фактом существования человека, его возрастом, гражданством. Однако факт существования человека, а тем более его возраст, гражданство — тоже юридические факты. Общий харак-

¹ По мнению Н. Г. Александрова, юридический факт — это не просто жизненный факт, а факт определенным образом расценяемый нормами права (см.: Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961, с. 243).

² См.: Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования, с. 7.

тер многих фактов³ и порождает иллюзию, что некоторые правоотношения вытекают «непосредственно из закона». Между тем ни одно юридическое последствие непосредственно из нормы права не вытекает. Здесь везде необходимы юридические факты — конкретные жизненные обстоятельства, предусмотренные юридическими нормами.

Юридические последствия, наступающие на основании юридических фактов, самым общим образом могут быть сведены к главным фазам существования правоотношения — к его возникновению и прекращению, а также к изменению (с тем, разумеется, добавлением, что правоотношениями являются *все* правовые связи, в том числе и общие правоотношения, включая отношения правосубъектности, правоспособности)⁴. В то же время более детальный анализ приводит к выводу, что в круг юридических фактов должны быть включены жизненные обстоятельства, которые влекут и иные юридические последствия, связанные с жизнью правоотношения, с действием его внутренних механизмов. Юридическими фактами, в частности, являются обстоятельства, приводящие к возникновению лишь отдельных правомочий (например, секундарных), к переходу субъективного права в новое состояние (например, состояние притязания). Значение юридических фактов имеют обстоятельства, порождающие и прекращающие такие специфические правовые последствия, как юридическая ответственность, меры защиты.

2. Юридические факты в МПР. Юридические факты принадлежат к той подсистеме механизма правового регулирования, ядром которой является правоотношение.

Понятие юридического факта призвано выразить существование реальных, жизненных обстоятельств, которые имеют значение *рычажков, приводящих в действие*

³ Как справедливо отмечает З. Д. Иванова, «существуют юридические факты, являющиеся общими, обязательными элементами для многих фактических составов», причем именно они часто служат первым элементом состава (Иванова З. Д. Юридические факты и возникновение субъективных прав граждан. — Сов. государство и право, 1980, № 2, с. 34, 36).

⁴ О многообразии правовых последствий, порождаемых юридическими фактами, см.: Иванова З. Д. Некоторые вопросы теории юридических фактов. — Ученые записки Казанского университета. Т. 117. Кн. 7. Казань, 1957, с. 43.

нормы права, и которые сообразно этому выступают в качестве связующего звена между нормой права и субъективными правами (обязанностями) конкретного субъекта. Юридические факты, следовательно, есть обстоятельства, с которыми сопряжена вся жизнь правоотношения — его возникновение, изменение, прекращение.

Это общее положение о роли юридических фактов в МПР нуждается в уточнениях двоякого рода.

Прежде всего юридические факты обладают известным собственным действием: они выполняют некоторые организующие функции, «предварительно» воздействуют на поведение людей, влияя на него еще до возникновения прав и обязанностей⁵.

И другое уточнение. Разные юридические факты занимают неодинаковое место в МПР. Одни факты принадлежат к начальным звеньям механизма, другие относятся к его заключительному звену. Таким образом, понятие юридического факта представляет собой обобщающую категорию, которая отражает только одну из сторон правового регулирования — обусловленность правовых отношений (их возникновения, изменения, прекращения) конкретными жизненными обстоятельствами.

Из всех юридических фактов особо важное место принадлежит фактам, влекущим возникновение правоотношений. С правообразующих фактов в динамике, в процессе регулирования «все начинается»: МПР приводится в действие, лица становятся носителями субъективных прав и обязанностей.

Конкретные жизненные обстоятельства, выступающие в качестве юридических фактов, в первую очередь правообразующие, могут одновременно выполнять и другую функцию в МПР — функцию индивидуального поднормативного регулирования. Речь идет о таких правомерных действиях, как индивидуальные акты органов государственного управления, акты юрисдикционных органов, автономные акты участников регулируемого общественного отношения (договоры, односторонние сделки).

На основе юридических норм, в пределах, формах и направлениях, предусмотренных ими, указанные правомерные действия могут конкретизировать содержание общественных отношений. Они, следовательно, служат

⁵ См.: Толстой Ю. К. К теории правоотношения, с. 6—7; Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования, с. 21—23.

основанием для возникновения последствий, предусмотренных в нормах права, и в то же время в индивидуальном поднормативном порядке частично регламентируют содержание данных отношений. Например, при железнодорожной перевозке грузов содержание перевозочных правоотношений определяется не только нормами права, но и актами планирования и договором перевозки.

Следует вместе с тем заметить, что в связи с индивидуальным регулированием в праве выделяется особая группа жизненных обстоятельств, закрепляемых в нормативных актах, чтобы направить, сориентировать с фактической стороны индивидуальное регулирование. Таковы, в частности, факты, относящиеся котягчающим и смягчающим обстоятельствам в советском уголовном праве, факты, свидетельствующие о материальном положении, обеспеченности, тяжелой болезни,— в семейном праве⁶. В отличие от обычных юридических фактов такого рода обстоятельства (их можно назвать фактически-предпосылками), как правило, не отличаются строгой конкретностью, определенностью, а главное, сами по себе не порождают юридических последствий, выступая в качестве предпосылки соответствующих индивидуальных актов. Непосредственным юридическим значением среди такого рода фактических предпосылок обладают, пожалуй, лишь обстоятельства, которые имеют правопрепятствующий характер (II.31.9.).

3. Теоретическое и прикладное значение вопросов о юридических фактах. Научной характеристике юридических фактов принадлежит прежде всего прикладное, практическое значение.

Решение любого юридического дела предполагает, с одной стороны, точный анализ юридических норм и выяснение того, какие факты предусмотрены нормой в качестве юридических; с другой стороны,— тщательный анализ фактических обстоятельств дела и установление того, действительно ли наступили факты, предусмотренные нормой. С практической точки зрения применение юридических норм и представляет собой в значительной своей части деятельность юрисдикционных органов, направленную на анализ юридических фактов. Вот почему практическим работникам необходимы точные и полные

⁶ См.: Ханнанов Р. А. Нормативные условия в динамике гражданского правоотношения. — Сов. государство и право, 1973, № 8, с. 123—125.

знания о юридических фактах, их особенностях, разновидностях, составах.

Отсюда — значение того раздела специально-юридической теории, которая посвящена юридическим фактам. Следует согласиться с высказанным в литературе мнением о том, что разработка вопросов юридических фактов открывает специфическое методологическое направление в объяснении правовых явлений, которое может быть названо юридико-фактическим. В данном аспекте правовое регулирование предстает как фактический процесс, как преобразование обширной системы социальных фактов, опирающееся на юридическую квалификацию самих этих фактов⁷.

Такой подход оправдан и потому, что юридические факты — та область действия права, где правовые нормы непосредственно соприкасаются с жизнью, с конкретной действительностью. А это существенно важно для понимания фактической стороны правоотношения. Следовательно, юридические факты позволяют еще в одном аспекте (после материального содержания, субъектов и объектов) вывести вопросы правоотношения в плоскость проблематики фактических отношений, обеспечить увязку изучения правоотношений с социологией, теорией управления.

Рассмотрение юридических фактов дает возможность с большей глубиной раскрыть социальную природу правоотношений, складывающихся в том или ином классовом обществе. Как бы ни была пестра вся совокупность юридических фактов, они в конечном счете (через нормы права) связаны с экономическим базисом, отражают его особенности. Поэтому характерно, что в самом составе юридических фактов социалистического общества, в их соотношении проявляется своеобразие социалистического права, его противоположность праву эксплуататорского общества.

4. Классификация юридических фактов по волевому принципу. Юридический факт — действие. Наиболее существенное значение для понимания природы и функции юридических фактов имеет их подразделение в зависимости от их связи с индивидуальной волей — подразделение на юридические действия и юридические события.

⁷ См.: Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования, с. 124.

Юридические действия — это волевое поведение людей, внешнее выражение воли и сознания граждан, воли организаций и общественных образований. Отличительная черта рассматриваемого вида юридических фактов состоит в том, что нормы права связывают с ними юридические последствия именно в силу волевого характера юридических действий.

Через волевое поведение людей юридические нормы и оказывают свое направляющее и преобразующее влияние на общественные отношения. При помощи правового регулирования можно добиться либо сокращения числа действий, не соответствующих интересам общества, либо, наоборот, увеличения числа действий, отвечающих социально-классовым интересам. Волевое же поведение людей лишь тогда может быть предметом правового регулирования, когда оно так или иначе соприкасается с движением правоотношений, т. е. выступает в виде юридических фактов-действий.

Юридические действия весьма разнообразны и играют далеко не одинаковую роль в процессе правового регулирования.

Юридические факты-действия подразделяются прежде всего по признаку того, как они согласуются с предписаниями юридических норм, требованиями правопорядка. По этому признаку юридические факты-действия, разграничиваются на две основные разновидности: а) правомерные действия и б) неправомерные действия (правонарушения).

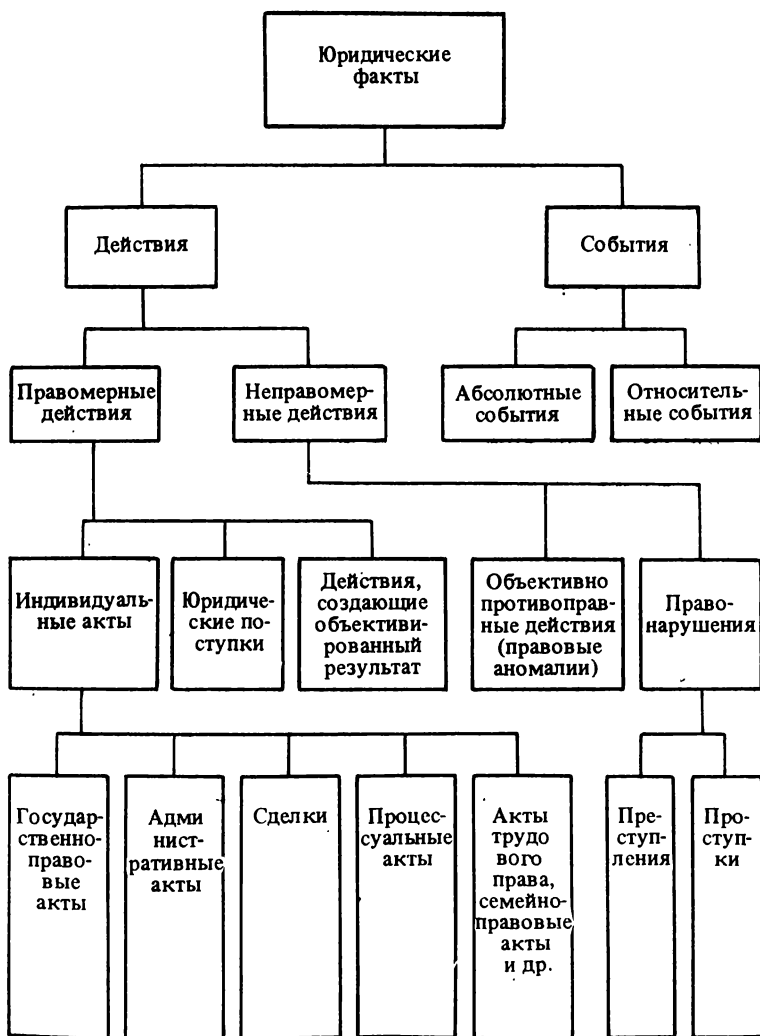
Таким образом, важное теоретическое и практическое значение имеет не только отграничение юридических действий от событий, но и деление внутри этих двух главных рубрик, в особенности деление действий на правомерные и неправомерные (см. схему 26).

5. Правомерное действие. Это — волевое поведение, которое соответствует правовым предписаниям, согласуется с содержанием прав и обязанностей субъектов.

Правомерные действия могут быть подразделены на три основные группы: а) индивидуальный акт, б) юридический поступок, в) правомерное действие, создающее указанный в законе объективированный результат, имеющий хозяйственное или культурное значение (результативное действие).

Индивидуальный акт представляет собой правомерное действие, с которым нормы права связывают юриди-

КЛАССИФИКАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ ПО ХАРАКТЕРУ ИХ СВЯЗИ С ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ВОЛЕЙ

ческие последствия в силу волевой *направленности* данного действия на эти последствия. Правовые последствия наступают здесь потому, что на них направлена воля лица, совершающего гражданско-правовую сделку, индивидуальный административный или процессуальный акт.

Юридический поступок представляет собой правомерное действие, с которым нормы права связывают юридические последствия в силу *самого факта* волевого действия независимо от того, было ли направлено это действие на данные последствия или нет. Здесь, таким образом, юридические последствия связываются непосредственно с самим фактом действия лица независимо от его волевой направленности. К этой группе правомерных действий, в частности, относятся сами факты признания долга, заявления об отказе принять исполнение в гражданском праве, заявления об определенных фактах в административном праве (независимо от основания и направленности соответствующих действий). Например, когда гражданин делает заявление о фактах нарушения правил торговли в магазине, то подобное заявление порождает целый комплекс юридических последствий, на которые воля гражданина может быть не направлена. В данном случае важен сам факт заявления.

*Результативное действие*⁸ представляет собой действие, с которым нормы права связывают правовые последствия в силу достижения им известного практического *результата*, выраженного в обьективированной форме. Такова, в частности, трудовая деятельность, деятельность автора, изобретателя или рационализатора. Поскольку субъектом трудовой творческой деятельности является дееспособное лицо, эта деятельность имеет известную направленность на юридический результат. Но нормы права связывают правовые последствия не с волевой направленностью и даже не с самим фактом деятельности, а именно с обьективированным ее результатом — результатом труда, духовного или материального творчества.

Таким образом, разграничение указанных трех групп правомерных действий проводится по признаку того, с

⁸ Термин «результативное действие» предложен С. Ф. Кечекьяном (см.: Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе, с. 176).

каким элементом правомерных действий нормы права связывают юридические последствия — с направленностью воли на правовой результат (индивидуальные акты), или с самим фактом волевого действия (юридические поступки), или же, наконец, с объективированным результатом деятельности (результативные действия).

Из указанных групп правомерных действий решающее значение принадлежит индивидуальным актам, которые в свою очередь подразделяются по основным отраслям советского права (прежде всего — профилирующим).

С характеристикой индивидуальных актов связан и ряд практических вопросов. В частности, в актах возможно расхождение содержания воли и ее изъяснения (например, в случаях обмана, насилия, заблуждения). Но так как юридические последствия связаны с волевым моментом, необходимо иногда решить, чему же должно быть отдано предпочтение — воле или ее внешнему изъяснению. Соответствующие проблемы решаются в науках гражданского и административного права.

В юридической литературе обосновывается и другая классификация правомерных действий, основанная на более широкой трактовке понятия «юридический поступок». По мнению О. А. Красавчикова, к юридическим поступкам принадлежат все правомерные действия, с которыми нормы права связывают юридические последствия, независимо от того, были ли направлены действия на указанные последствия или нет. Здесь, следовательно, все правомерные действия подразделяются на две группы в зависимости от того, связываются или нет правовые последствия с направленностью воли на правовой результат. Такое деление правомерных действий имеет определенное познавательное значение, тем более что О. А. Красавчиков при последующей классификации различает материальные и нематериальные юридические поступки⁹.

Однако более детальной классификацией правомерных действий является рассмотренное выше деление, которое впервые было предложено М. М. Агарковым¹⁰. Оно строится по иному классификационному основанию: за исходный берется тот конкретный элемент правомерного действия, с которым связываются юридические последствия. Таким элементом могут быть и указанная выше направленность воли, и сам факт действия, и его результат. Иными словами, в рассматриваемой классификации не остается открытым вопрос, с чем же связываются правовые последствия в том случае,

⁹ См.: Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958, с. 156, 157—159.

¹⁰ См.: Агарков М. М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву. — Сов. государство и право, 1946, № 3—4, с. 51—52.

когда такого рода элементом не является волевая направленность: с самим ли фактом действия или его результатом.

Дифференцированный, более детальный подход к характеристике правомерных действий позволяет не только с большей глубиной раскрывать их юридическую природу, но и с необходимой четкостью решать возникающие здесь практические вопросы.

Так, юридические поступки в отличие от результативных действий могут быть совершены лишь дееспособными субъектами. Решение ряда важных юридических вопросов авторского и изобретательского права зависит от правильной квалификации творческой деятельности — того, что юридическое значение придается ее результатам (к тому же, как уже отмечалось в литературе, сам термин «поступок» едва ли может быть применен для обозначения трудовой, творческой деятельности)¹¹.

По изложенным соображениям в настоящем курсе так же, как и в работах ряда других авторов¹², от юридических поступков обособлена специфическая группа правомерных действий — действий, создающих объективированный результат (результативные действия).

6. Неправомерное действие. Это — *волевое поведение, которое не соответствует правовым предписаниям, ущемляет субъективные права, не согласуется с возложенными на лиц юридическими обязанностями.*

С внешней, формально-юридической стороны все неправомерные действия независимо от субъективного отношения к ним лица (вины) и последствий их совершения образуют единую группу. В этой плоскости понятия «неправомерное действие (поведение)», «противоправное действие (поведение)», «правонарушение» — синонимы.

Вместе с тем на современном этапе развития в советском праве существенное значение придано субъективным элементам поведения участников общественных отношений, с чем связано выделение юридической ответственности (I.16.4.). Под таким углом зрения неправомерные действия, классифицированные по формально-юридическому признаку (несоответствие правовым предписаниям), весьма разнообразны. Их социальное содержание и юридическая природа нередко отличаются существенными особенностями, которые связаны главным образом с субъективными элементами (отсутствие или

¹¹ См.: Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе, с. 176.

¹² См.: Агарков М. М. Указ. статья, с. 51—52; Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе, с. 175—176; Толстой Ю. К. К теории правоотношения, с. 16.

наличие вины лица). В этом плане понятие «правонарушение» приобретает более узкое смысловое значение и соотносится в основном с особым юридическим последствием — юридической ответственностью.

При рассматриваемом подходе к неправомерному поведению должно быть выделено *объективно-противоправное действие*, т. е. такой акт волевого поведения, который имеет чисто внешний характер, вызван незнанием закона, противоречивостью отдельных норм и т. д.¹³. Сюда относятся акты поведения, выражающие невиновное неисполнение юридических обязанностей, «объективные» нарушения субъективных прав (неосновательное обогащение и др.), т. е. все то, что под несколько иным углом зрения может быть названо правовой аномалией¹⁴. Такого рода неправомерные действия влекут за собой правовые последствия, которые, как правило, ограничиваются восстановлением нарушенного правового положения, исполнением юридической обязанности, т. е. мерами защиты.

Основное же значение среди неправомерных действий имеет правонарушение — действие (бездействие), порождающее юридическую ответственность.

Правонарушение — это виновное противоправное действие (бездействие). Признаки правонарушения находят выражение в *составе правонарушения*, т. е. в совокупности закрепленных в юридических нормах его сторон, элементов. В то же время, как будет показано дальше (II.31.12.), основание юридической ответственности, включающее наряду с составом правонарушения некоторые другие обстоятельства, является весьма сложным, многозвенным, образующим весьма специфическое соединение юридических фактов.

Правонарушения по характеру общественной вредности (опасности) подразделяются на преступления и проступки (административные деликты, дисциплинарные проступки, гражданские правонарушения и др.).

¹³ Категория «объективно противоправное деяние» разработана И. С. Самощенко (см.: Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963, с. 39 и след.; Общая теория советского права, с. 392).

¹⁴ См.: Ардашкин В. Д. О принуждении по советскому праву. — Сов. государство и право, 1970, № 7, с. 37.

Считая проступки, как и преступления, общественно опасными правонарушениями («вредность» и «опасность» — понятия однопорядковые)¹⁵, следует полагать, что главным при их разграничении является качество общественной опасности: преступления в отличие от проступков выражают опасность данного лица перед обществом в целом. Это и предопределяет остроту и личностный характер государственной принудительной реакции на факт совершенного преступления.

7. Юридические события. Это — обстоятельства, не зависящие как юридические факты от воли людей. Таковы, например, смерть и рождение человека, истечение времени, явления стихийного характера.

Правда, и некоторые виды действий являются основанием правовых последствий не в силу их направленности на юридический результат, а в силу самого факта их совершения или же достигнутого обьективированного результата деятельности (юридические поступки, результативные действия). Вместе с тем в указанных случаях все же требуется, чтобы существовали волевые действия, внешнее выражение воли и сознания граждан, воли организаций. События же не нуждаются и в этом. Хотя они могут быть связаны с волей людей, но правовые нормы в рамках данных правоотношений не принимают такую связь во внимание.

Юридические факты-события есть по большей части естественные, природные явления. Даже если они так или иначе вызваны волей человека (поджог, убийство), то юридические нормы в рамках данных правоотношений связывают правовые последствия не с упомянутыми неправомерными действиями, а с последующим процессом протекания, развертывания их результатов. В частности, каковы бы ни были причины смерти (естественные причины, убийство, самоубийство), она представляет собой обьективный процесс угасания жизненных функций в организме человека и в этом качестве не зависит от его воли¹⁶. В рассматриваемых случаях значение юридиче-

¹⁵ См.: Лунев А. Е. Административная ответственность за правонарушения. М., 1961, с. 34—35; Матвеев Г. К. Основания юридической ответственности. — Сов. государство и право, 1971, № 10, с. 31; и др.

¹⁶ См.: Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве, с. 165.

ского факта придается именно смерти, а не убийству,
пожару, а не поджогу¹⁷.

События могут быть подразделены на две группы:

а) относительные события — обстоятельства, вызванные деятельностью людей, но выступающие в данных правоотношениях независимо от породивших их причин;

б) абсолютные события — обстоятельства, которые не вызваны волей людей и не выступают в какой-либо зависимости от нее.

Практическое значение разграничения этих двух групп событий заключается в том, что если явления, выражением которых выступают абсолютные события, порождают только один ряд юридических последствий, то явления, выражением которых выступают относительные события, могут порождать два ряда последствий. В последнем случае нормы права могут связывать правовые последствия не только с событиями как таковыми, но и с причиной, их породившей, в частности с такими неправомерными действиями, как убийство, поджог. Иногда правовые последствия одного ряда влияют на правовые последствия другого ряда. Например, лицо, признанное виновным в убийстве наследодателя (первый ряд последствий, вызванных убийством), исключается из числа наследников (второй ряд последствий, вызванных событием — смертью).

События занимают зависимое и подчиненное положение по отношению к действиям. Как правило, они порождают юридические последствия не изолированно, а в совокупности с правомерными действиями, т. е. в пределах единых фактических составов¹⁸.

8. Иные виды (классификации) юридических фактов.
Деление юридических фактов по последствиям. По указанному критерию юридические факты подразделяются на правообразующие, правоизменяющие, правопрекращающие.

¹⁷ Вильнянский С. И. Лекции по советскому гражданскому праву. Часть первая. Харьков, 1958, с. 84.

¹⁸ «Даже тогда, — пишет П. С. Элькинд, когда уголовно-процессуальные отношения обусловлены событием или состоянием, последние обязательно должны быть опосредствованы определенными действиями, без которых невозможно реальное возникновение, изменение и прекращение правоотношений» (см.: Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права, с. 27).

Несмотря на известную условность данного деления (один и тот же факт может в зависимости от особенностей тех или иных отношений приводить к наступлению различных последствий)¹⁹, оно в теоретическом отношении позволяет раскрыть конкретную функцию соответствующего факта в МПР, а в практическом — его значение для наступления тех или иных правовых последствий.

Деление юридических фактов по форме их проявлений. По этому критерию юридические факты подразделяются на два вида: положительные и отрицательные²⁰.

Положительные — это факты, которые выражают реально существовавшее или существующее в данный момент явление действительности. Таковы, например, изданные административные акты, происшедшие или происходящие явления стихийного характера и др.

Отрицательные — это факты, выражающие отсутствие определенных явлений. Норма права связывает здесь юридические последствия не с наличием того или иного обстоятельства, а с его отсутствием. Таковы, например, некоторые из обстоятельств, необходимых для регистрации брака (отсутствие другого зарегистрированного брака, отсутствие определенной степени родства и др.). Отрицательный факт следует отличать от положительного факта, который изложен в негативной форме; например, такой факт, как «невысокая степень общественной опасности», является положительным, получившим негативное словесное изложение.

Конечно, не всякий отрицательный факт (их необозримое множество) имеет юридическое значение. Как во всех иных случаях, отсутствие того или иного явления тогда юридически значимо, когда именно с этим отсутствием юридические нормы связывают известные правовые последствия. Реальное же существование обстоятельства, которое «должно отсутствовать», является правопрепятствующим фактом (по большей части встре-

¹⁹ Известная условность рассматриваемого деления не лишает его весьма четкой определенности, его теоретического и практического значения. Иное мнение высказано Р. О. Халфиной (см.: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении, с. 286—287).

²⁰ См.: Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве, с. 90—93.

чающимся среди фактических предпосылок, обосновывающих индивидуальное регулирование)²¹.

Разграничение юридических фактов на положительные и отрицательные имеет существенное значение для решения некоторых вопросов, связанных с процессом доказывания в судебных и иных юрисдикционных органах, в частности с распределением бремени доказывания (например, при доказывании отсутствия вины в обязательствах из причинения вреда; фактов, порочащих честь и достоинство лица).

Деление юридических фактов по характеру их действия. Юридические факты подразделяются также на: а) факты однократного действия и б) факты непрерывного юридического действия, т. е. состояния.

Факты однократного действия — это обстоятельства, с которыми нормы права связывают юридические последствия только в данном конкретном случае. Факты рассматриваемого вида существуют лишь в настоящий момент или известный отрезок времени, а потом исчезают, порождая те или иные юридические последствия. К числу такого рода фактов относятся подавляющее большинство юридических действий, многие события (например, смерть, истечение срока, наводнение и др.).

Состояние — это обстоятельства, которые существуют длительное время, непрерывно или периодически, порождая юридические последствия. Таковы, например, гражданство, брак, нетрудоспособность, стаж. Состояния нередко выражаются в виде правоотношений. Они могут определять содержание отраслевой правосубъектности (в частности, брачной, трудовой). Одни из состояний имеют волевой характер и в принципе могут быть отнесены к числу действий (например, состояние в браке); другие состояния носят неволевой характер и в принципе могут быть отнесены к числу событий (например, состояние в кровном родстве). Интересно, что сами состояния возникают, изменяются и прекращаются на основе известных фактических обстоятельств и, следовательно, здесь

²¹ Негативное отношение Р. О. Халфиной к данному делению (см.: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении, с. 287) объясняется, видимо, тем, что она отождествляет отрицательный факт и правопрепятствующий факт (см. там же). Между тем правопрепятствующее — это иное, прямо противоположное обстоятельство (наличное явление), отсутствие которого в данных отношениях выступает в виде отрицательного факта.

существует два ряда (этажа) юридических фактов: первый ряд — основания движения состояний, второй ряд — юридические факты-состояния.

В юридической литературе существование состояний замечено давно²². Однако, исходя из предположения, что юридические факты могут быть подразделены лишь по волевому признаку (действия и события), некоторые авторы, в частности А. К. Стальгевич, пытались изобразить их в качестве третьего звена классификации, вслед за событиями и действиями.

Между тем, как пишет О. А. Красавчиков, если использовать только волевой признак подразделений, то факты-состояния должны быть отнесены или к событиям, или к действиям, ибо событие и действие могут иметь одинаковую завершенность, обладать одинаковой длительностью. Следовательно, факты-состояния не могут быть выделяемы наряду (т. е. в одной классификации) с событиями и действиями²³. Но факты-состояния могут быть выделены в особую группу, если классифицировать юридические факты по другим основаниям²⁴, в данном случае по характеру действия (однократному или длящемуся).

Р. О. Халфина справедливо подметила, что к числу юридических фактов должны быть причислены обстоятельства, на основе которых возникают, изменяются и прекращаются состояния, и что последние в общем охватываются понятиями фактов-действий и фактов-событий²⁵. Однако ни то ни другое соображение не исключает реального обособления фактов-состояний в особую группу, отграничения их по особому основанию от фактов однократного действия.

✓ 9. Фактический состав. Это — система юридических фактов, необходимая для наступления юридических по-

²² См.: Курылев С. В. Доказывание и его место в процессе судебного познания (в аспекте гражданско-процессуального права). — Труды Иркутского государственного университета. Серия юридическая. Т. 13. Иркутск, 1955, с. 45—46; Стальгевич А. К. Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений. — Сов. государство и право. 1957, № 2, с. 31; Толстой Ю. К. К теории правоотношения, с. 14.

²³ См.: Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве, с. 85—86.

²⁴ Справедливые соображения против абсолютизации классификации юридических фактов лишь по одному, волевому признаку и о необходимости использовать в этой классификации различные классификационные основания высказаны В. Б. Исаковым. По его мнению, принципиальным решением, позволяющим обрисовать особенности юридических фактов-состояний, будет создание развернутой систематизации юридических фактов по различным критериям, учитывающим особенности их содержания и функций в механизме правового регулирования (см.: Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования, с. 29).

²⁵ См.: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении, с. 288—290.

следствий (возникновения, изменения, прекращения правоотношения).

Во многих случаях наступление юридических последствий юридические нормы связывают не с одним фактом, а с их комплексом, системой. Эта система фактов и называется фактическим (или юридическим)²⁶ составом. Термин «фактический» используется в данном случае потому, что в отличие от других составов, имеющих юридическое значение (состав правоотношения, состав правонарушения и др.), речь здесь идет о юридических фактах.

Фактический состав представляет собой комплекс разнородных, самостоятельных жизненных обстоятельств, каждое из которых может иметь значение особого юридического факта. По этой черте фактический состав следует отличать от сложного юридического факта, т. е. от обстоятельства, которое имеет сложное строение и, следовательно, может быть выражено в разных характеристиках, но которое все время остается одним фактом. Таким сложным обстоятельством, имеющим целую совокупность взаимосвязанных характеристик, является, например, правонарушение.

Другая важная черта фактического состава состоит в том, что входящие в него жизненные обстоятельства образуют цельную систему. Как и в любой системе, элементы фактического состава находятся во взаимосвязи и взаимозависимости. Причем конечный эффект (данное правовое последствие) является результатом фактического состава в целом — всего комплекса фактов²⁷.

Чем объяснить существование фактических составов?

Одна из причин коренится в сложности общественных отношений, необходимости учета разнообразных, разнородных жизненных обстоятельств. Например, сама природа пенсионного обеспечения в СССР такова, что для наступления правовых последствий требуется наличие разнообразных обстоятельств, свидетельствующих о не-

²⁶ См.: Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве, с. 66.

²⁷ О ряде характерных черт фактических составов, в том числе о разнородности образующих их фактов, о временной последовательности их наступления, о необходимости выделения главного факта, см.: Иванова З. Д. Юридические факты и возникновение субъективных прав граждан. — Сов. государство и право, 1980, № 2, с. 35—38.

трудоспособности лица или о его пожилом возрасте, а также о мере его участия в общественном производстве (стаже). Обычно в рамках фактических составов законодатель учитывает существование юридических событий — истечение срока, факт смерти и т. д.

Однако разнородность общественных отношений — не главная причина того, что закон нередко связывает наступление правовых последствий с комплексом обстоятельств. Фактические составы в большинстве случаев призваны с юридико-фактической стороны определенным образом организовать поведение участников общественных отношений, и прежде всего обеспечить на началах строгой законности интересы субъектов, их правовую активность, индивидуальное регулирование общественных отношений.

Эта обеспечительная функция выражается в основном в том, что наступившая часть фактического состава уже порождает некоторые, промежуточные правовые последствия, которые гарантируют интересы лиц, дают возможность учесть волю субъектов, волю правоприменительных органов.

Так, само по себе наступление определенного возраста и наличие необходимого стажа еще не порождают пенсионных правоотношений. Но эти факты открывают возможность для активности субъектов — дают возможность требовать от органов социального обеспечения назначения пенсии, т. е. создаются некоторые (промежуточные) правовые последствия. Пенсионные же правоотношения возникают на основе всей совокупности фактов: наступления определенного возраста, необходимого стажа, властного индивидуального акта компетентного органа государства о назначении пенсии.

Таким образом, фактические составы с юридико-фактической стороны выражают наличие в праве внутренних механизмов, причем таких, которые на началах законности опосредствуют движение, динамику правоотношений с учетом правовой активности субъектов. А это с учетом собственной ценности права (I.6.3.) свидетельствует о том, что фактические составы могут быть отнесены к исконно правовым механизмам, соответствующим природе права, его ценности.

Виды фактических составов отражают особенности факторов, их обуславливающих, их обеспечительные функции.

По характеру связи элементов фактические составы различаются: а) простые, б) сложные, в) смешанные.

Простые («свободные») — это комплексы фактов, между которыми существует свободная, не жесткая связь: факты в составе могут накапливаться в любом порядке, важно лишь, чтобы в некоторый момент они оказались все вместе. Так, в соответствии с чч. 1 и 2 ст. 85 ГК РСФСР приостановление течения срока исковой давности наступает в силу следующего комплекса фактов (причем совершенно безразлично, в каком порядке они накапливались): нахождение истца или ответчика в составе Вооруженных Сил СССР плюс переводение этих сил на военное положение плюс течение последних шести месяцев срока исковой давности. По сути дела, этот вид фактических составов довольно близок к сложным юридическим фактам. Основной причиной существования таких составов является разнородность фактов. Промежуточные последствия наступившей части состава здесь минимальные: они заключаются, как правило, в возникновении возможности-предпосылки (сопровожаемой в ряде случаев состоянием юридической связанности), обуславливающей при наступлении в будущем других фактов возникновение иных правовых последствий.

Сложные («связанные») — это системы фактов, между которыми существуют последовательная обусловленность, жесткая зависимость: факты в составе должны накапливаться в жестком, строго определенном порядке²⁸. Здесь элементы состава должны следовать один за другим в строгой, установленной нормами последовательности, причем наступившая часть состава, как правило, открывает более значительные, чем в предшествующем случае, юридические возможности, состоящие в возникновении секундарного (правообразовательного) правомочия. Так, в соответствии со ст. 141 ГК РСФСР бесхозяйственное обращение с домом открывает для исполкома юридическую возможность назначить собст-

²⁸ Теоретическое положение о необходимости разграничения фактических составов со свободным и строго установленным порядками накопления элементов, а также об известной независимости состояния связанности и секундарных (правообразовательных) правомочий, порождаемых частью составов, выдвинуто В. Б. Исаковым (см.: Исаков В. Б. Фактический (юридический) состав в механизме правового регулирования. — Автореф. канд. дисс. Свердловск, 1975).

веннику срок для ремонта, что в свою очередь обуславливает юридическую возможность для накопления следующего элемента и т. д. Этот вид состава нацелен на то, чтобы с юридико-фактической стороны обеспечивать интересы лиц, возможности для проявления их правовой активности.

Смешанные — это системы фактов, связь между которыми является частично «свободной», а частично жесткой. Так, при пенсионном обеспечении до известного момента факты могут накапливаться в любом порядке (не имеет значения, наступит ли ранее пенсионный возраст или же приобретен необходимый стаж), а затем факты должны накапливаться в строго определенной последовательности — односторонний акт гражданина с заявлением о назначении пенсии плюс властный акт компетентного органа социального обеспечения.

Следующая группировка фактических составов отражает возможность (и пределы) индивидуального регулирования общественных отношений компетентными органами. Это — деление по *степени определенности* составов на: а) определенные и б) относительно определенные (или бланкетные)²⁹. Оно соответствует одноименному делению юридических норм (II.25.5.).

Определенные — это составы, все элементы которых являются в строгом смысле юридическими фактами, и все они целиком предусмотрены в гипотезах юридических норм.

Относительно определенные (бланкетные) — это составы, которые не полностью предусмотрены в юридических нормах; в норме указаны лишь фактические предпосылки индивидуальных актов; юрисдикционным же органам предоставляется возможность в порядке индивидуального регулирования решать юридические вопросы, относящиеся к данным правовым последствиям с учетом конкретных обстоятельств дела. Следовательно, бланкетные составы характеризуются не только тем, что по своим исходным элементам они складываются из фактических предпосылок индивидуальных актов, но и тем, что фактические обстоятельства, указанные в норме, порождают юридические последствия лишь через акт юрис-

²⁹ На существование бланкетных составов указал О. А. Красавчиков (см.: Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве, с. 73—75).

дикционного органа. Например, фактический распад семьи приводит к расторжению брака только в совокупности с определением суда о разводе; уважительные причины пропуска срока исковой давности являются фактом, продолжающим срок исковой давности лишь в совокупности с определением суда по этому вопросу.

По своему объему фактические составы могут быть подразделены на: а) завершенные и б) незавершенные³⁰.

Завершенные — это составы, в которых закончен процесс накопления юридических фактов. Они порождают конечные юридические последствия — происходит возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Моментом, свидетельствующим о завершенности правобразующего состава, является возникновение субъективного права (обязанности)³¹. Факты же переводящие субъективное право из потенциального в активно-действенное состояние, относятся, так сказать, к дополнительной части состава, выражающей его развитие, движение.

Незавершенные — это составы, в которых процесс накопления юридических фактов не закончен. Они могут порождать лишь промежуточные правовые последствия.

В качестве особого класса фактов выделяются правопрепятствующие факты. Это — обстоятельства, преграждающие использование возможности, вытекающей из уже наступившей части состава, возможности совершения правомерных действий, которые имеют индивидуально-регулятивное значение. Они являются обстоятельствами, которые «погашают» юридическую силу других фактов (например, недееспособность лица, заблуждение, обман, принуждение при заключении сделки). Однако нельзя признать, что правопрепятствующие факты образуют ненаступившую часть фактического состава; это именно

³⁰ О других разновидностях, особенностях и модификациях фактических составов см.: Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования, с. 37.

³¹ Отметив, что в фактическом составе имеется главный факт, определяющий возникновение субъективного права, З. Д. Иванова подчеркивает, что завершающим элементом фактического состава является не просто последний факт, наступивший при развитии состава, а тот факт, при наличии которого возникает предусмотренное нормами права субъективное право (см.: Сов. государство и право, 1980, № 2, с. 37).

особый класс фактов, существующих в одном ряду с фактами-предпосылками индивидуальных актов³².

В юридической литературе были предприняты попытки рассматривать правопрепятствующие обстоятельства как особую разновидность юридических фактов, существующую наряду с фактами, которые приводят к возникновению, изменению или прекращению правоотношений³³.

Для такой квалификации правопрепятствующих фактов нет достаточных оснований. И дело не только в том, что, вопреки вышесказанному в литературе мнению³⁴ (в том числе и автором этих строк), правопрепятствующие факты все же порождают известный юридический эффект — эффект правопрепятствия и, следовательно, могут быть отнесены к числу юридических фактов, хотя и рассматриваемых в иной плоскости, чем в иных классификациях³⁵. Главное, это то, что правопрепятствующие факты вместе с фактическими предпосылками индивидуальных актов образуют особый класс фактов, качественно отличающихся от обычных юридических фактов. И хотя в отличие от фактов-предпосылок они порождают прямые юридические последствия (правопрепятствия), достаточно глубокое понимание их специфики, по-видимому, окажется возможным лишь при учете их органической связи с индивидуальным регулированием.

10. Правовые последствия, порождаемые незавершенными фактическими составами. Правовые последствия, возникающие из части фактического состава, имеют промежуточное, внутреннее значение: они обслуживают динамику правоотношения, действие его внутренних механизмов.

Выполнив свою временную миссию (обеспечив накопление следующих элементов состава и тем самым движение, динамику правоотношения), они как бы сходят со сцены, уступая место конечным правовым последствиям, порождаемым фактическим составом в целом. Некоторые из такого рода промежуточных последствий обозначаются терминами, которые используются при освещении субъективных прав и обязанностей (например, термин «возможность»). Но все они, за исключением секундарных правомочий, резко отличаются от субъективных прав и обязанностей именно тем, что имеют

³² В отличие от ранее занимаемой позиции (Проблемы теории права, т. 1, с. 366).

³³ См.: Клейнман А. Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. М., 1950, с. 34—35.

³⁴ См.: Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве, с. 90.

³⁵ См.: Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования, с. 68—70.

для правоотношений внутреннее значение, т. е. значение внутренних механизмов.

Правовые последствия, возникающие из части фактического состава, таковы: а) первичная возможность-предпосылка; б) возможность-предпосылка, подкрепленная правовой связанностью другого лица; в) секундарное правомочие на собственные активные действия. —

Первичная возможность-предпосылка. Это — начальная, зачаточная юридическая предпосылка, состоящая только в том, что открывается возможность дальнейшего накопления фактов и, следовательно, реальная перспектива наступления конечных юридических последствий. Такого рода эффект от части фактического состава, наступающий, например, в пенсионной области при наличии стажа (но при отсутствии необходимого возраста), в известной степени расширяет юридические возможности данного лица. Однако это еще не субъективное право и даже не его прообраз, а скорее, предвосхищение субъективного права.

Возможность-предпосылка, подкрепленная правовой связанностью. Это — промежуточное правоотношение, выраженное в возможности-предпосылке и в обязанности, которая направлена в основном на сохранение status quo, т. е. на обеспечение нормального, естественного развития фактического состава. Примером такой связанности является обязанность сторон условной сделки не способствовать и не препятствовать наступлению условия. Связанности корреспондируют юридические возможности других лиц, которые имеют уже характер прообраза субъективного права и даже в какой-то степени характер реального правомочия требовать от связанных лиц воздержания от действий, а иногда и совершения некоторых активных действий (поддерживать вещь, подлежащую передаче, в нормальном состоянии; предупредить продавца о правах третьих лиц на продаваемую вещь). Функция рассматриваемого промежуточного правоотношения носит в основном обеспечительный характер: оградить интересы лиц, гарантировать нормальный порядок возникновения главного правового последствия, т. е. последствия, порождаемого фактическим составом в целом.

Секундарное правомочие на собственное активное действие. Это — правомочие, которое дает возможность лицу проявить правовую активность: своим односто-

ронним действием оказать влияние на развитие фактического состава. В отличие от ранее рассмотренных последствий, порождаемых незавершенным составом, здесь обеспечивается возможность для субъекта проявить инициативу, волю, активность в проведении своих интересов.

Правомочия на положительное действие, возникающие из части фактического состава, имеют различную юридическую природу, неодинаковую юридическую силу.

В одних случаях (например, при принятии наследства, зачете встречных требований) осуществление секундарного правомочия само по себе, автоматически вводит в фактический состав новый, нередко завершающий элемент и тем самым порождает обязательные юридические последствия.

В других случаях правообразовательное правомочие, по сути дела, выражает лишь возможность формирования начального или срединного элемента фактического состава и его осуществление смыкается с первичной возможностью-предпосылкой. Таковы, например, правомочия, входящие в состав пассивной административной и процессуальной правосубъектности (право на жалобу). Здесь нет автоматического наступления юридических последствий при осуществлении правомочия: соответствующее одностороннее действие является лишь условием для последующего властного акта, совершаемого компетентным органом.

Таковы три ряда правовых последствий, порождаемых частью сложного фактического состава. Обладая некоторыми общими чертами и в определенной мере взаимодействуя и перекрываясь, они вместе с тем представляют собой самостоятельные правовые явления, каждое из которых обладает своеобразными функциями и своим, особым содержанием³⁶.

В советской юридической литературе обосновываются и иные взгляды на фактический состав, а также на юридическую природу его промежуточных правовых последствий.

В частности, по мнению О. А. Красавчикова, незавершенный фактический состав не может влечь каких-либо правовых послед-

³⁶ Поэтому вряд ли можно признать плодотворными попытки увидеть в указанной выше связанности коррелят секундарному правомочию первой из упомянутых выше разновидностей: это правомочие, как было показано ранее, для своего осуществления не нуждается в обеспечении обязанностью; оно соотносится со связанностью через самостоятельно существующее право требования (II. 28. 6.).

ствий. Связанность же офферента своим предложением рассматривается автором в качестве правоотношения предварительного, служебного характера³⁷. Хотя О. А. Красавчиков строит общее понятие фактического состава без учета разнообразия характерных для него видов, отстаиваемая им идея о том, что предварительная связанность по своей юридической природе представляет собой правоотношение, заслуживает поддержки.

В последнее время все более утверждается мысль о том, что ключом к правильному пониманию юридической природы последствий, возникающих из незавершенных фактических составов, является дифференцированный подход к ним. В этом направлении идут рассуждения А. В. Мицкевича, который правильно указывает на то, что по рассматриваемому вопросу не может быть дано общего ответа³⁸.

Как уже отмечалось, существенный шаг в этом же направлении сделал В. Б. Исаков, разграничивший составы по способу накопления юридических фактов и сформулировавший ряд других плодотворных конструктивных положений о существенных чертах, функциях и разновидностях фактических составов³⁹.

11. Иные соединения юридических фактов. Наряду с фактическими составами в рассмотренном выше значении в правовой действительности встречаются и более сложные соединения юридических фактов. Таковы, например, описанные в литературе большие фактические системы — группы юридических фактов и составов, связанные с отраслевыми и межотраслевыми институтами, отраслями права и системой права в целом⁴⁰.

Можно предположить, что в правовой действительности существует и такое специфическое соединение фактов, которое можно назвать *фактической ситуацией*. Под ней следует понимать не столько совокупность (систему) фактов, сколько, так сказать, фактическую индивидуальную обстановку, характерную для данного случая юридического регулирования. Именно на ту или иную ситуацию (обстановку) и ориентирован отраслевой правовой институт и именно с ней связан качественно особый вид (или тип) общих юридических последствий, отраслевых юридических режимов. Это, например, ситуация, при которой наступает общее дозволение лицам решать те или иные вопросы путем договоров; ситуация, влекущая состояние административной подчиненности; ситуа-

³⁷ См.: Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве, с. 59—60.

³⁸ См.: Общая теория советского права, с. 307.

³⁹ См.: Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования, с. 33—37, 94—106.

⁴⁰ См. там же, с. 60—61.

ция, обуславливающая запрещенность известных действий; ситуация, предопределяющая необходимость такого поведения, которое бы исключило юридическую ответственность.

Фактической ситуации свойствен главный факт, от которого зависят особенности данной обстановки, характер юридических последствий. Скажем, в социалистическом обществе существует состояние свободы личности, ее неприкосновенности; стоит, однако, гражданину совершить противоправные действия, угрожающие другим лицам, как ситуация меняется — возникает дозволенность необходимой обороны; при превышении же необходимой обороны — вновь смена ситуации с довольно значительным поворотом в характере правовых последствий⁴¹.

12. Юридино-фактическая характеристика оснований юридической ответственности. В правовой действительности есть и иные образования, характеризующие ее юридино-фактическую сторону. Одно из них (фактическая конструкция) обнаруживается при анализе юридической ответственности.

Общим и единым основанием для юридической ответственности является правонарушение (I.16.4.).

Вместе с тем правонарушение как таковое — правообразующий факт только для возникновения охранительного правоотношения. Юридическая же ответственность наступает по большей части лишь в результате известного внутреннего развития правоотношения, как правило, после вынесения компетентным органом правоприменительного акта, например после вынесения судом обвинительного приговора по уголовному делу. Причем правовое значение приобретает здесь большое число разнообразных жизненных обстоятельств, в том числе особенности деликтоспособности (вменяемости) данного лица, специфика и значение регулируемых отношений, факты, характеризующие личность правонарушителя, и т. д. Да и самое правонарушение оказывается сложным фактом, имеющим с объективной и с субъективной сторон ряд характеристик (элементов).

⁴¹ В. Б. Исаков справедливо выделяет ситуационный подход — такой аспект правового регулирования, когда под ним понимается «разрешение типичных юридически значимых ситуаций» (Исаков В. Б. Правовое регулирование и юридические факты. — Правоведение, 1980, № 5, с. 35).

Таким образом, при более детальном подходе выясняется, что фактическое основание юридической ответственности образует значительное число жизненных фактов, ядром которых является правонарушение. Эти жизненные факты объединяются в два основных звена:

- а) состав правонарушения,
- б) правоприменительный акт.

Состав правонарушения. Это — особое построение фактов, выражающее главные стороны (элементы) правонарушения, а также особенности предмета правовой охраны — объект правонарушения и наличие общей предпосылки ответственности, т. е. правосубъектности (деликтоспособности правонарушителя). Таким образом, состав правонарушения — явление обобщающее; широкое; оно вбирает в себя не только элементы самого правонарушения, но и ряд других существенных фактов, предопределяющих юридическую ответственность, — правосубъектность, объект правонарушения. Отсюда следует, что перед нами — не просто комплекс юридических фактов (фактический состав), а своеобразное системное соединение фактов, которое можно назвать *фактической конструкцией*.

Правоприменительный акт. Это — завершающий факт, который приводит в действие охранительное правоотношение и, следовательно, заканчивает накопление обстоятельств, необходимых для возникновения юридической ответственности.

Решающая особенность правоприменительного акта в данной области отношений заключается в том, что в нем не только воплощается индивидуальное предписание, конкретизирующее содержание мер и условий ответственности, но и специфическим образом интегрируется правовое значение всех фактических обстоятельств, так или иначе влияющих на ответственность. В правоприменительном акте как бы в едином фокусе собираются все фактические обстоятельства, предопределяющие или погашающие юридическую ответственность, и на их основании формулируется государственная воля об ответственности конкретного лица.

Прежде всего именно сквозь призму правоприменительного акта, преломляясь через него, проявляется конечное юридическое значение фактических обстоятельств, относящихся к *основаниям ответственности*. Правда, по-видимому, факты, входящие в состав правонарушения,

имеют более весомое юридическое значение, нежели просто факты-предпосылки индивидуального акта. Они существуют для права и независимо от акта. Во всяком случае факты, принадлежащие к составу правонарушения, порождают права и обязанности компетентного органа на рассмотрение, изучение и оценку всех обстоятельств дела и вынесение правоприменительного акта. И тем не менее, лишь преломляясь через правоприменительный акт (там, где такой порядок существует), обстоятельства-предпосылки порождают конечные, итоговые правовые последствия.

Посредством правоприменительного акта на правоотношение, складывающееся в области юридической ответственности, оказывает влияние еще одна группа особых фактов-предпосылок, которая называется *основаниями освобождения от ответственности*. Это — обстоятельства, которые в соответствии с указаниями юридических норм выступают при вынесении правоприменительного индивидуального решения в качестве фактических оснований для полного или частичного освобождения от юридической ответственности.

Таким образом, если для данного вида отношений предусмотрены подобные обстоятельства, то юридическая ответственность связывается через правоприменительный акт с двумя рядами фактов: с наличием состава правонарушения (положительный факт) и с отсутствием оснований освобождения от ответственности (отрицательный факт). Ко второму ряду указанных обстоятельств относится также факт отсутствия обстоятельств правопрепятствующего характера.

Основания ответственности (состав правонарушения) и основания освобождения от ответственности являются обстоятельствами, которые приобретают реальную юридическую силу в сочетании с актом правоприменительного органа. А это значит, что данные категории фактов (так же, как и сложные фактические составы) связаны с индивидуальным регулированием (усмотрением), осуществляемым компетентными правоприменительными органами на основании и в пределах юридических норм.

Роли между составом правонарушения и основаниями освобождения от ответственности распределены так: состав правонарушения призван обеспечить строгое проведение начал законности, неотвратимость ответственности, исключение произвола из сферы государственного

принуждения; основания освобождения от ответственности — учет разнообразных индивидуальных обстоятельств, ориентиры и рамки для усмотрения.

Таким образом, в области юридической ответственности мы встречаемся с весьма сложной, многоэтажной системой фактов, охватывающей и особую группу фактических обстоятельств-предпосылок и обычные юридические факты, положительные и отрицательные, причем завершающий факт системы (правоприменительный акт) как бы впитывает все предшествующие обстоятельства, а главный из образующих ее элементов (состав правонарушения) оказывается при более детальном анализе своего рода фактической конструкцией, включающей, кроме сложного факта правонарушения, факт правосубъектности и объект правонарушения. Однако какие бы сложные очертания ни принимали основания юридической ответственности, все это не должно заслонять главного: *юридическая ответственность устанавливается за совершенное правонарушение*, и поэтому решающую роль в системе фактов, предопределяющих юридическую ответственность, всегда играет состав правонарушения.

ПРАВОВОЙ АКТ

Глава 32

ПРАВОВОЙ АКТ: ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ, ВИДЫ

1. Понятие правового акта. Термин «правовой акт» многозначен. Этим термином обозначаются:

а) действие (поведение), как правило, правомерное, т. е. юридический факт, являющийся основанием тех или иных правовых последствий;

б) результат правомерного действия, т. е. юридически значимый содержательный элемент правовой системы (юридическая норма, индивидуальное предписание, акт «автономного» регулирования), вошедший в правовую ткань вследствие правотворческой, властной индивидуально-правовой или автономной деятельности субъектов;

в) юридический документ, т. е. внешнее словесно-документально оформленное выражение воли, закрепляющее правомерное поведение и его результат.

Термин «правовой акт» в данном разделе курса понимается в последнем из указанных значений. Это — *надлежащим образом (словесно-документально) оформ-*

ленное, внешнее выражение воли государства, его органов, отдельных лиц, выступающее в качестве носителя содержательных элементов правовой системы — юридических норм, правоположений практики, индивидуальных предписаний, автономных решений лиц.

Понятие «правовой акт», исследуемое в контексте данного раздела курса, в основном совпадает с понятием «юридический документ». Хотя юридический документ рассматривается в органическом единстве с его содержанием — с самим правомерным поведением и его результатом, акцент здесь все же делается на внешней, словесно-документальной форме.

Правовые акты весьма разнообразны и разноплановы — законы, ведомственные инструкции, решения юрисдикционных органов, акты-документы органов администрации, договорные документы и т. д. Выраженные в них акты поведения и его результаты играют в МПР, в правовой системе не одинаковую роль: они либо образуют основу всего механизма юридического регулирования (юридические нормы), либо выражают индивидуально-правовую правоприменительную деятельность компетентных органов (властные индивидуальные предписания судов и других органов государства), либо воплощают правовую активность участников общественных отношений и принадлежат к заключительному звену МПР — реализации прав и обязанностей. Вместе с тем все правовые акты как внешние юридические формы имеют и общие черты, что делает возможной и необходимой конструкцию «правовой акт» вообще.

В юридической науке проблема правовых актов все еще не решена. И дело не только в том, что в учебниках и курсах по теории права нормативные акты и индивидуальные акты рассматриваются разьединенно: первые при характеристике источников права, вторые — правоотношений; такого рода разьединение в какой-то мере оправдано, в частности потому, что в одном случае под актом понимается внешняя форма права, в другом — правомерное поведение. Главное заключается в том, что в литературе не дан сопоставительный анализ и сообразно этому не проводятся четкие различия между актами в разных значениях этого термина, а самое существенное — акты в каждом из указанных значений не получают обобщенной общетеоретической характеристики.

Отсюда — вопросы, например относящиеся к актам-документам, замыкаются на правотворчестве, на нормативных актах. При этом из поля зрения упускается, что аналогичные вопросы возникают применительно к актам судебных и иных государственных органов (индивидуальных, интерпретационных), а также к актам конкретных участников общественных отношений. В связи с этим

не получают общего освещения и проблемы толкования актов, юридической техники, юридической стилистики.

Нет в научной литературе обобщенных разработок, посвященных содержательным элементам правовой системы — юридическим нормам, правоположениям, индивидуальным предписаниям, автономным решениям.

В большей мере изучены теорией правоотношения акты как правомерное поведение, т. е. юридические факты, хотя и здесь не достигнута достаточная общность теоретических разработок (так, выпадает из поля зрения индивидуально-правовое действие право-творческого решения, выраженное в нормативном акте) (1.18.4.).

2. Основные черты правовых актов. Основные общие черты акта-документа следующие.

1) *Выраженность в словесно-документальном виде.* Независимо от характера и юридического значения содержащейся в акте-документе воли он всегда является внешне объективированным, фактически обособленным письменным материалом — юридическим документом, представляющим собой осязаемую реальность права. Иными словами, акт-документ — внешняя форма права, выраженная в словесно-документальном виде.

2) *Волевой характер.* Правовой акт фиксирует волю тех или иных лиц — государства, его органов, граждан, конституирует ее, воплощает в особом юридическом явлении, оснащенном юридической силой. Именно в актах и через них проявляется и существует воля в праве, в правоотношениях. При помощи актов-документов воля лиц, которая по своей основе представляет собой внутреннее, психическое явление, выступает вовне, в качестве волеизъявления, способного дать известный юридический эффект. Характерная особенность воли, выраженной в правовом акте, — ее направленность на достижение строго определенных юридических последствий (введение в правовую систему новых норм, приобретение тех или иных прав, обеспечение прав и т. д.). В рассматриваемом отношении правовой акт является *источником* данного результата волевого поведения, в том числе применительно к нормативным юридическим актам источником права.

3) *Закрепление в акте содержательных элементов правовой системы — юридических норм, правоположений практики, индивидуальных предписаний, автономных решений лиц.* Акт-документ — это форма юридически-официального бытия юридических норм, других элементов правовой системы, обладающих юридической энергией или воздействующих на процесс правового регулирова-

ния. В рассматриваемом отношении правовой акт представляет собой *внешнюю форму* конституирования и существования, условно говоря, содержательных правовых явлений, в том числе применительно к нормативным юридическим актам, внешнюю форму права.

3. Правовые акты в МПР. Правовые акты занимают особое, самостоятельное место в правовой системе (I.5.6.).

Вместе с тем по своим решающим общетеоретическим характеристикам правовые акты — источники и формы других содержательных (по использованной ранее условной терминологии) правовых явлений. Вот почему в процессе юридического регулирования они привязаны к тому или иному главному звену МПР — юридическим нормам, правоотношениям, действиям по реализации прав и обязанностей. В рамках последних и проявляется в основном свойственное правовым актам юридическое значение.

Как *источник* юридических явлений правовой акт выступает в качестве *инструмента конституирования и формы, обеспечивающих введение, изменение* этих явлений. С данной точки зрения правовой акт представляет собой *средство воздействия на содержательные элементы правовой системы, придания им необходимых юридических свойств*. В соответствии с присущим праву единством формы и содержания правовой акт играет роль инструмента формирования юридических норм, иных юридических явлений, оснащения их юридической силой. Так, при помощи нормативных юридических актов конституируются и вводятся в правовую систему новые нормы, изменяются или отменяются устаревшие. Аналогичное значение в МПР имеют и интерпретационные акты. Индивидуальные акты-документы проводят волю государства или отдельных лиц, связанную с возникновением либо изменением правоотношений.

Как *форма существования* юридических норм, других содержательных элементов правовой системы правовой акт представляет собой *способ фиксирования их жизни, служит местом их пребывания, «удержания во времени»*. Особо важно это отметить в отношении норм социалистического права, для которых нормативные акты являются *единственным и исключительным местом их реального бытия*. Именно с помощью правовых актов раскрывается для участников общественных отношений содер-

жание юридических норм, правоположений практики, а также в большинстве случаев индивидуальных предписаний, решений отдельных лиц (граждан, организаций — юридических лиц), имеющих конститутивное юридическое значение.

В особенностях правового акта как внешней формы проявляются его собственные функции.

Существенная собственная функция актов-документов состоит в том, что они призваны обеспечить полное и точное выражение содержащейся в них воли. В частности, эффективность нормативной регламентации общественных отношений во многом зависит от того, насколько полно и точно выражена воле (т. е. в правовых актах) воля государства.

Другая важная специфическая функция актов-документов заключается в том, что они являются одним из необходимых условий правового регулирования — доведения воли государства, организаций, граждан до сведения всех, кого она касается. Для того чтобы государственная воля произвела должное действие, заинтересованные субъекты должны быть ознакомлены с ее содержанием. Отсюда — значение полного, быстрого и широкого опубликования (оглашения) нормативных актов, которое представляет собой не просто техническую операцию, завершающую процедуру возведения воли государства в закон, а необходимое условие воздействия права на общественные отношения.

Наконец, существенная функция актов-документов состоит в том, что они связаны с идеологическим, воспитательным воздействием права на сознание людей. Правовые акты — одно из важнейших средств и источников правовой пропаганды и правового воспитания. Сила и эффективность идеологического воздействия права в социалистическом обществе зависят не только от полноты и точности выражения государственной воли в нормативных и иных правовых актах, но и от соответствующего их оформления, в частности от ясности и четкости изложения, включения в содержание актов призывов, рекомендаций.

Право действует с большим эффектом тогда, когда субъекты полнее ознакомлены с юридическими нормами, другими велениями, глубже представляют себе содержание, смысл и социальное значение правовых предписаний.

4. Теоретическое и практическое значение проблемы.

Теоретическое значение вопросов, относящихся к правовым актам, в достаточной мере еще не оценено в юридической науке.

Более того, вполне оправданная нацеленность многих исследований на то, чтобы сосредоточить внимание на содержательных элементах правовой системы и не смешивать их с явлениями формального порядка, нередко приводит к отсечению, к отбрасыванию последних (статей от нормы, отрасли законодательства от отрасли права), к трактовке их как чисто внешнего, юридически сугубо формального.

Между тем глубокое единство формы и содержания в праве предопределяет весьма высокую научную значимость вопросов о правовых актах.

Не допуская смешения содержательных элементов правовой системы и всего того, что относится к внешней правовой форме, необходимо в то же время не упускать из поля зрения следующие два существенных момента.

Первый. Правовые акты — это *«осязаемая» реальность права*, через которую люди получают первичные знания о нем, о всем комплексе правовых явлений и которую, следовательно, можно рассматривать в виде главного источника сведений о нормах, индивидуальных предписаниях, правоотношениях (т. е. и с данной стороны применение термина «источник» при обозначении, например, нормативных актов вполне обоснованно). Конечно, все правовые явления — социальная реальность, существующая объективно. Но как таковые право, юридические нормы, правоотношения воспринимаются людьми при помощи научных обобщений, теоретических абстракций. Правовые же акты — это именно *«осязаемая» реальность*. Юридические документы существуют в виде фрагментов физического мира. Вот почему они могут быть восприняты чувствами человека непосредственно и дают исходные, первичные сведения о праве, юридических нормах, правоотношениях.

А отсюда такой вывод. Трактовка права на всех уровнях теоретических абстракций не должна отрываться от его *«осязаемой»* реальности — правовых актов, и потому в самых высоких абстракциях, научных обобщениях эта реальность неизменно должна *видеться, просматриваться*,

Второй. Правовым актам принадлежит *определяющее значение при конституировании права, всего комплекса объективированных правовых явлений в качестве институционных образований*. Право потому и имеет значительную степень институализации и обретает свойства мощной социальной силы, что формируется при помощи актов-документов, в виде воли, возведенной в закон.

А отсюда такой вывод. Правовые акты — не нечто внешнее к праву, а конститутивный элемент в его формировании и существовании, и потому при анализе юридических явлений в поле зрения исследователя неизменно должны находиться правовые акты, их характеристики.

Это касается не только нормативно-законодательных систем, где определяющая роль нормативных актов наглядна и очевидна, но и всех иных правовых систем, в том числе тех, которые построены на судебных прецедентах. Закономерность здесь такова: если в силу особых исторических условий нормативные юридические акты в данной правовой системе не получили должного развития, их как бы замещают индивидуальные государственно-властные акты, приобретающие нормативную функцию и имеющие непосредственное значение в придании праву качеств институционного образования. В то же время для всех правовых систем, в том числе нормативно-судебных (Англии, США), характерна неуклонная тенденция — повышение роли нормативных актов, в особенности кодифицированных, которые в конечном итоге стремятся занять положенное им доминирующее положение среди источников права.

Не менее важно указать и на практическое значение проблемы.

Применительно к правовым актам строится практическая деятельность юристов. Какой бы большой удельный вес в ней ни занимал анализ фактических обстоятельств, все же исходное и конечное в этой деятельности сопряжено с правовыми актами. Исходное — норма права, выраженная в нормативном юридическом акте и через него воспринимаемая юристом; конечное — решение юридического дела, которое воплощается в индивидуальном акте — приговоре, определении, протесте и т. п.

С правовыми актами связано большинство вопросов техники юриспруденции, в обобщенном виде охватываемых общей теорией права. Именно проблематика норма-

тивных актов (а также, надо добавить, правоприменительной деятельности) составляет содержание той части общей теории права, которая относится к технике юриспруденции.

5. Виды правовых актов. Самым общим образом правовые акты могут быть подразделены на две большие группы: нормативные акты и индивидуальные акты.

Первые — акты, содержащие положения нормативного характера (правотворческого или интерпретационного). Вторые — акты, содержащие индивидуальные предписания, иные разовые веления, решения отдельных лиц.

Однако это весьма существенное деление имеет слишком общий характер; оно не отражает особенности содержания актов и, значит, их роли в МПР, их существенные юридические черты.

В зависимости от того, какие основные элементы правовой системы выражают правовые акты-документы, последние имеют четыре разновидности:

1) нормативные юридические акты (акты правотворчества компетентных органов, содержащие юридические нормы — основу МПР);

2) интерпретационные акты нормативного или индивидуального характера (акты официального толкования, содержащие правоположения, примыкающие к нормативной основе МПР);

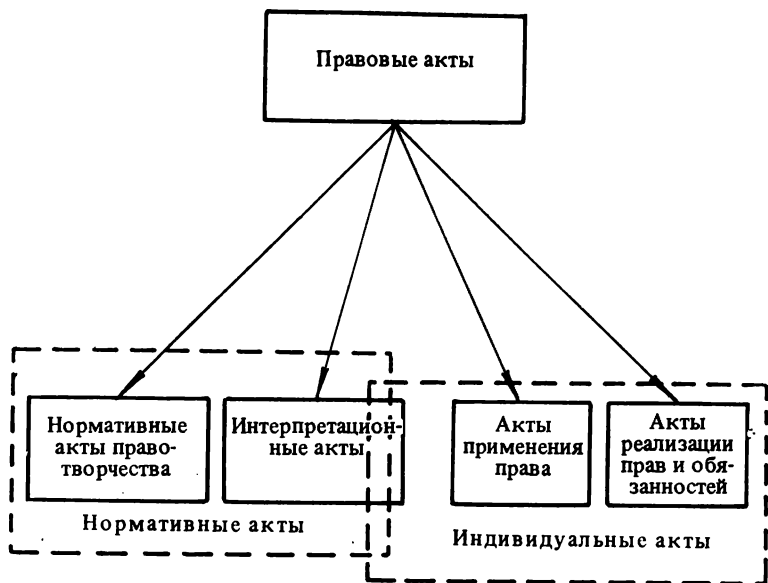
3) акты применения права (государственно-властные акты, выражающие индивидуально-правовую деятельность компетентных органов, включающихся в МПР при возникновении правоотношений или при их обеспечении);

4) акты реализации прав и обязанностей (договоры, иные акты-документы, выражающие автономные решения отдельных лиц, правомерные действия, завершающие действие МПР).

Схематически это деление актов-документов может быть изображено следующим образом (см. схему 27).

Из приведенной схемы видно, что, за исключением интерпретационных актов, все иные акты относятся либо к нормативным (1), либо к индивидуальным (3 и 4). Интерпретационные же акты могут быть как индивидуальными, так и нормативными, что помимо всего иного требует правильного использования термина «нормативный» при характеристике правовых актов. Следует добавить, что в нормативных актах правотворчества выражено, в сущности, индивидуальное правотворческое дейст-

КЛАССИФИКАЦИЯ АКТОВ-ДОКУМЕНТОВ ПО ИХ СОДЕРЖАНИЮ (РОЛИ В МПР)

вие государственно-правового порядка, направленное на установление, изменение или отмену юридических норм (I.18.4.). Это уникальное сочетание нормативного и индивидуального в содержании рассматриваемой группы актов хотелось бы подчеркнуть: оно окажется весьма существенно при рассмотрении природы нормативных актов в следующей главе.

Индивидуальные и нормативные акты, в особенности нормативные акты правотворчества, значительно отличаются друг от друга. Вот почему обобщенная характеристика правовых актов, которой посвящена данная глава, ограничена некоторыми общими положениями, связанными главным образом с тем, что все разновидности актов-документов являются надлежащим образом оформленным внешним проявлением воли, выраженным

в правомерном поведении и его результате. В дальнейшем будут рассматриваться в основном нормативные акты правотворчества, в которых особенности актов-документов находят наиболее полное выражение. И только исследование вопросов юридической техники и толкования, относящихся к формальной стороне функционирования МПР в целом, позволит вновь затронуть некоторые общие моменты правовых актов.

Глава 33

НОРМАТИВНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ АКТ

1. Понятие нормативного юридического акта. Это — *официальный акт-документ правотворчества компетентного органа, содержащий юридические нормы (предписания)*.

Нормативный юридический акт — *разновидность правового акта*. В данной плоскости нормативный акт представляет собой документ, формально закрепляющий нормативные предписания¹.

Такой угол зрения на нормативные юридические акты позволяет установить при их освещении все те признаки и дать все те характеристики, которые свойственны правовым актам в целом (выраженность в словесно-документальном виде, волевой характер, конституирование и фиксирование в акте исходного содержательного элемента правовой системы — норм). Здесь могут быть решены некоторые общие вопросы, которые имеют значение для всех правовых актов, в том числе нормативных, — вопросы о расхождении воли и волеизъявления,

¹ Под источником права следует понимать «не само правотворческое действие, а его обязательную форму, с помощью которой воля господствующего класса, а в общенародном государстве — воля народа возводится в закон, в норму права» (Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства, с. 27). Автор отмечает здесь же необходимость «отразить и в самом определении нормативно-правового акта его «реальное бытие» в виде письменного документа, закрепляющего правотворческое решение государственного органа. Тем самым будет преодолен тавтологический недостаток ранее данных определений, всегда начинавшихся словами «нормативный акт есть акт» (там же).

способах выражения и закрепления волеизъявлений, толкований правовых актов-документов.

Вместе с тем нормативный юридический акт — это особая разновидность правового акта. Он принадлежит к специфическому типу актов — к официальным актам компетентных органов, выражающим волю государства. Нормативный юридический акт издается только правотворческим органом — государственным органом или (по уполномочию государства, с его санкции) общественной организацией. При этом во всех случаях он выражает волю государства. Отсюда его властность, официальность, авторитарность. Как официальный акт, в котором заключена воля государства, нормативный юридический акт должен: во-первых, издаваться в пределах компетенции данного органа; во-вторых, облекаться в документальную форму, предусмотренную для актов данного органа; в-третьих, соответствовать конституции, другим законам страны, подзаконным актам вышестоящих органов; в-четвертых, быть официально опубликованным, приведенным в действие². При такой, более узкой, квалификации (когда нормативный акт рассматривается в одном ряду со всеми другими властными актами государства) возможна постановка другого круга общих вопросов, в том числе о законности актов, об их компетентности, об обязательности официальной формы их выражения.

Наконец, нормативный юридический акт — это именно акт *нормативного характера*. По своему непосредственному содержанию он является носителем, местом пребывания, фактическим источником юридических норм.

В системе официальных актов социалистического государства встречаются смешанные акты, в которых одновременно закреплены и нормативные, и индивидуальные предписания. Такие акты являются нормативными в той их части, в какой они имеют правотворческий характер, и в соответствии с этим являются носителями юридических предписаний — формой права³. При решении

² См.: Самощенко И. С. Основные черты нормативных актов социалистического государства. — Сов. государство и право, 1968, № 4, с. 23—28.

³ См. Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства, с. 28—30; Самощенко И. С. Некоторые вопросы учения о нормативных актах социалистического государства. — Правоведение, 1969, № 3, с. 32—33.

практических вопросов здесь должны быть использованы те признаки юридических норм, которые были рассмотрены ранее (II.23.1.).

В свое время в юридической литературе определение нормативного юридического акта ограничивалось указанием на то, что он содержит юридические нормы. При более обстоятельном анализе обнаружилось, что такого рода определение не вполне согласуется с общим понятием правового акта, а главное, не отражает значения нормативного акта как юридического источника правовых норм — акта правотворчества.

Правотворческую природу нормативного акта обосновал А. В. Мицкевич. Вслед за ним и автор настоящего курса (в первом его издании) определил нормативный акт как такой, который выражает волю государства, направленную на установление, изменение или отмену юридических норм.

Однако последующее изучение проблемы показало, что в подобном определении все же неоправданно выделяется лишь одна функция нормативного акта — его правотворческая роль. И. С. Самощенко правильно указал на то, что и функция юридического источника, и функция формы права являются в нормативном акте равноправными⁴. Если же учесть единство содержания и формы в праве, то, что нормативный акт — это не само по себе правотворческое решение, а инструмент конституирования норм, форма возведения государственной воли в общеобязательные предписания, форма их существования, то в кратком определении целесообразно все же отделить непосредственное содержание нормативного акта, т. е. его роль в качестве носителя, места пребывания, формы бытия юридических норм (хотя, разумеется, в определении должно быть отражено и его правотворческое значение). В настоящее время этот подход к нормативным актам становится в советской юридической литературе господствующим⁵.

Такой акцент на функции формы права важен при определении нормативного акта с учетом достигнутого в настоящее время уровня кодификации законодательства. Если некоторые акты в кодифицированных областях законодательства (акты об утверждении кодексов, о внесении в них изменений и др.) все более специализируются на выполнении правотворческой функции, то нормативные акты в строгом и точном смысле этого слова — Основы, кодексы, иные кодифицированные акты — являются преимущественно внешними формами бытия юридических норм, их официальными носителями.

2. Нормативный юридический акт как источник права. Принято различать три основных юридических источ-

⁴ См.: Самощенко И. С. Основные черты нормативных актов социалистического государства. — Сов. государство и право, 1968, № 4, с. 23; Он же. Некоторые вопросы учения о нормативных актах социалистического государства. — Правоведение, 1969, № 3, с. 29.

⁵ См.: Правотворчество в СССР/Под ред. А. В. Мицкевича. М., 1974, с. 44.

ника — источника права: нормативный юридический акт, санкционированный обычай и судебный или административный прецедент.

Это деление важно: оно позволяет увидеть основные закономерности в данной области правовых явлений, раскрыть особенности различных источников (форм) права, сообразных тем или иным социально-классовым условиям,— исторически первичных источников (санкционированный обычай), источников, связанных со специфическими историческими обстоятельствами (прецедент), и «естественных», развитых источников (нормативные акты). В то же время рассматриваемое деление нуждается в уточнениях и дополнительных характеристиках, учитывающих современные научные данные о различиях между источниками и формами права, нормативными и индивидуальными актами, а также разными значениями термина «акт».

Прежде всего в соответствии с закономерностями классово организованного общества *юридический источник права всегда и во всех случаях коренится в правотворческом решении компетентного государственного органа*, выражающего требования экономического базиса, другие объективные социальные потребности (I.18.2.). Все дело лишь в том, что правотворческое решение бывает прямым, косвенным или санкционирующим, т. е. когда оно либо прямо формулирует обобщенное нормативное положение (нормативный акт), либо выражает известный принцип регулирования, содержащийся в решении конкретного юридического дела (юридический прецедент), либо ограничивается государственно-властным санкционированием уже существующих норм (санкционированный обычай)⁶.

⁶ Сам по себе обычай, строго говоря, не является юридическим источником права. Обычай как таковой — это лишь источник с точки зрения исходного фактического материала для юридических норм, не больше. Источником же права с юридической стороны является государственный акт санкционирования обычая, т. е. правотворческое решение, имеющее индивидуальное (в сфере правотворческих отношений) значение. Но ведь и нормативный акт как акт-документ сам по себе главным образом есть форма бытия юридических норм; юридическим источником, в сущности, и здесь является правотворческое решение компетентного органа, выраженное в нормативном акте. Отсюда, в частности, следует, что в юридически развитой правовой системе, когда ссылки на обычаи делаются в нормативных актах, отсутствуют основания рассматривать

Существенно и такое обстоятельство. В конечном счете юридические источники права *воплощаются в тех или иных актах-документах*. Это вполне закономерно: именно при помощи актов-документов, в том числе прецедентных, санкционирующих, происходит конституирование права в виде специфического институционального нормативного образования. Через акты-документы раскрывается и только благодаря им может существовать одно из важнейших, ключевых первичных свойств права — его формальная определенность. Именно это обстоятельство объясняет единство в одном явлении юридического источника и внешней формы права.

Нормативные акты-документы по сравнению с другими формами, воплощающими правотворческое решение, в наибольшей степени соответствуют свойствам и ценности права, в максимальной мере способны к выявлению потенциальных возможностей и достоинств правового регулирования, к достижению его юридического совершенства. Не боясь преувеличений, можно сказать, что нормативные юридические акты — тот активный центр, к которому стягиваются нити правового развития в данной области правовой действительности. Именно поэтому в правовых системах прошлого, где господствовало обычное право, неизменно происходил процесс формализации обычаев, фиксирования их в инкорпоративных сборниках официального или полуофициального типа, а в нормативно-судебных системах (таких, какие действуют в Англии и США) объем права, вводимого нормативными актами, все более возрастает.

Принятые в литературе общетеоретические положения о санкционированных обычаях и судебных и административных преце-

санкционированный обычай в качестве особого, самостоятельного источника права: здесь нет специального акта санкционирования, а есть единое правотворческое решение, выраженное в нормативном акте.

Это особо важно оттенить в отношении принципиально новой семьи правовых систем — социалистического права. Приводимые в литературе примеры ссылок в нормативных актах на деловые обыкновения, обычаи, традиции (например, в ст.ст. 134, 135, 149 Кодекса торгового мореплавания Союза ССР) свидетельствуют, скорее всего, о наличии особых *оценочных предписаний*, призванных ориентировать правоприменительный орган и субъектов на предпочтительный вариант индивидуального решения, на критерий фактического порядка для конкретизации прав и обязанностей в процессе индивидуального решения.

дентах как источниках права нуждаются в известных уточнениях по ряду других моментов.

Прежде всего нужно иметь в виду, что судебные прецеденты — это не однопорядковые с нормативными актами и санкционированными обычаями явления. Судебные прецеденты — «особый ход» в развитии правовых систем, вызванный специфическими историческими условиями, существовавшими в Англии. И тот факт, что даже в правовых системах англо-американской группы, для которых прецедент стал типическим источником, все большее значение приобретают нормативные акты, свидетельствует о своего рода неодолимости последних, их всеобщем значении для генезиса права, характеризуемого под углом зрения его специально-юридического содержания.

В отношении обычаев важен следующий момент. Рассматривая вопрос о санкционированном обычае как источнике права, нельзя смешивать его с другим вопросом — о роли обычаев в регулировании общественных отношений. Обычай может и не быть источником права. Но обычаи и другие неправовые социальные нормы охватывают своим регулированием разнообразные общественные отношения, включая те из них, в которых участвуют различные организации. Так, в деятельности высших и местных органов государственной власти в СССР складываются определенные обычаи, которые регламентируют некоторые отношения (например, открытие сессии старейшим депутатом).

Указанные обычаи могут и не иметь правового характера. Практика применения такого рода обычаев не знает случаев, когда бы на их основе были приняты властные, государственно-обязательные акты. Государственные органы соблюдают их в силу сложившихся обыкновений, т. е. в силу тех же причин, которые предопределяют соблюдение обычаев и в других областях общественных отношений.

Вместе с тем правила, выработанные в качестве обычаев, затем нередко закрепляются в нормативных актах (регламентах, положениях). В данном случае они становятся юридическими нормами. Кроме того, эти правила даже тогда, когда они не закреплены в нормативных актах, в какой-то степени влияют на действия, имеющие юридический характер. Но и здесь их влияние сводится к тому, что они выступают в качестве фактических критериев, которые служат одним из ориентиров для принятия решения в порядке индивидуального регулирования.

3. Множественность источников права в эксплуататорских обществах. Несмотря на отчетливо проявившуюся в истории права тенденцию неуклонного возрастания роли нормативных актов, для эксплуататорских обществ неизменным остается характерная для них черта — *множественность* источников права.

Эта особенность свойственна и тем современным буржуазным правовым системам, в которых существенное значение сохраняют среди источников права санкционированный обычай и судебный (административный) прецедент.

Множественность источников права в эксплуататорских обществах объясняется не только противоречивостью и непоследовательностью правового прогресса в условиях эксплуататорского строя, но и более глубокими социально-классовыми причинами, прежде всего тем, что господствующий класс заинтересован в обеспечении многообразного воздействия на правовую систему, в том числе через судебные и иные юрисдикционные органы, причем помимо закона, действующих нормативных актов, так как в результате классовой борьбы трудящихся эти акты могут обрести известное прогрессивное содержание. И хотя, как показывает практика политической борьбы, прогрессивные социальные силы в некоторых случаях и через судебные органы, с опорой на обычаи и прецеденты стремились как-то противостоять реакционному законодательству, все же главное в таком построении источников права здесь — это поддержание в рабочем состоянии многообразных юридических механизмов, которые бы обеспечивали в конечном счете реальное осуществление диктатуры господствующих эксплуататорских классов.

Как свидетельствуют природа и характерные черты санкционированных обычаев и юридических прецедентов, они в весьма большой степени приспособлены для того, чтобы служить защите старых порядков, открывать многообразные возможности для юридического оправдания произвольных действий, для ущемления интересов трудящихся, и это, в первую очередь, характерно для капиталистических стран, где буржуазия пришла к власти в результате компромисса с классом феодалов и где в наибольшей мере проявляются противоречивость и формализм режима буржуазной демократии, осуществляется переход от буржуазно-демократического режима к реакции по всей линии⁷.

⁷ Хотя в настоящее время прецедентное право в значительной части превратилось в совокупность актов, определяющих принципы толкования и применения норм, закрепленных в актах законодательных или правительственных органов (см.: Зивс С. Л. Развитие формы права в современных империалистических государствах. М., 1960, с. 108), однако и сейчас прецеденты продолжают служить интересам империалистической буржуазии. Они обеспечивают консерватизм в буржуазном праве. На их основе достигается произвольное применение права — подыскание из массы противоречивых прецедентов «нужного» для данного решения. Будучи арха-

Указанная особенность источников права эксплуататорских обществ еще более заметна в эпоху империализма, в обстановке разложения буржуазной законности. Отсюда — распространенность в буржуазной науке, в общественном мнении противопоставления «закона» и «права», стремление связать последнее преимущественно с обычаями и прецедентами. Знаменательно, что попытки некоторых относительно прогрессивных буржуазно-либеральных представителей правовой мысли возвеличить обычай и прецедент в противовес законодательству в итоге приводят к оправданию произвола судебных и иных юрисдикционных органов и, следовательно, вполне вписываются в контекст общих усилий буржуазной науки «объяснить» крушение законности в условиях империализма⁸.

4. Нормативные юридические акты в социалистическом обществе. В социалистическом обществе нормативный юридический акт является единственным, по существу, способом возведения государственной воли в закон — актом правотворчества, юридическим источником права. В соответствии с этим нормативные акты в социалистическом обществе — единственный носитель, форма бытия юридических норм.

В социалистическом обществе ни санкционированный обычай, ни судебный прецедент не являются источниками права, его формами.

Исключительное положение нормативных актов как источников и форм права в социалистическом обществе объясняется рядом причин. Социалистическая правовая

ичным источником права, прецеденты в то же время находятся в постоянном развитии и представляют собой продукт приспособления права к изменениям в социальной жизни капиталистического общества (см. там же, с. 110 и след.; Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия, с. 588, 590).

⁸ Р. О. Халфина справедливо пишет: «Представители прогрессивных и буржуазно-либеральных школ, раскрывая недостатки действующего законодательства, ищут пути их устранения в расширении правотворчества суда, в применении обычаев, в формах учета общественного мнения, шкале моральных ценностей и т. п. Однако указанные теоретические положения одновременно способствуют созданию обстановки «необязательности» закона, распада законности, что открывает широкий простор усмотрению правоприменительных органов» (Халфина Р. О. Современные буржуазные концепции права: некоторые общие черты. — Сов. государство и право, 1979, № 11, с. 113).

система — качественно новый исторический тип и качественно новая общность права. Она решительно порывает с правовыми системами эксплуататорских обществ, прежде всего, разумеется, с теми правовыми формами, в которых закреплялись наиболее реакционные устои эксплуататорского общества. В полной мере соответствует исключительное положение нормативных актов и требованиям социалистической законности. Наконец, право при построении социализма и коммунизма отличается динамизмом: оно не должно отставать от быстро меняющихся условий хозяйственной жизни, общественного, политического прогресса; в то же время оно должно обеспечивать устойчивость и стройность правового регулирования, твердое и последовательное проведение начал социалистической законности.

Именно в условиях социализма, в особенности развитого социалистического общества, в полной мере осуществляются социально ценные возможности правовой формы общественного регулирования, присущие ей специально-юридические закономерности.

Характеризуя достоинства нормативных актов в советском обществе, необходимо обратить внимание на следующее.

Во-первых, нормативные акты могут быть быстро изданы, в любом объеме изменены и отменены. Это позволяет быстро и эффективно реагировать на изменение потребностей общественного развития и, следовательно, обеспечить динамизм советского социалистического права.

Во-вторых, нормативные акты исходят в конечном счете из единого центра — нормотворческих органов социалистического государства. Это дает возможность обеспечивать функционирование советского права как единой и цельной правовой системы в пределах всей страны и, следовательно, с максимальной полнотой провести в жизнь системность права.

В-третьих, нормативные акты позволяют точно и определенно фиксировать в документах содержание юридических норм. Это обеспечивает надлежащую, разумную формальную определенность права, является одним из условий последовательного проведения начал социалистической законности, преградой для местничества, произвольного толкования и применения норм права (что как раз характерно для применения юридических

норм, закрепленных в санкционированных обычаях и судебных прецедентах)⁹.

Исключительное положение нормативных актов как источников и форм социалистического права вовсе не суживает возможности для проявления местного почина, учета местных условий, самостоятельности населения.

Нормативные акты в социалистическом обществе разнообразны. Среди них значительное место занимают акты, издаваемые местными органами, локальные акты. Они нередко отсылают к нормам коммунистической нравственности. В последнее время все большее значение приобретают нормативные юридические акты, издаваемые массовыми общественными организациями трудящихся. Действие норм права сочетается с действием новых социалистических обычаев¹⁰. Все это, а также активное участие трудящихся и их общественных организаций в правотворческой деятельности государства свидетельствуют о подлинном демократизме социалистического права, о полном соответствии принципам демократии существующих у нас источников права — нормативных актов.

И еще один момент. Как уже отмечалось, в кодифицированных областях законодательства функции юридического источника права в основном сосредоточиваются в актах об утверждении кодексов, о внесении в них изменений, дополнений и т. д. Это не значит, что кодифицированные акты лишаются качества юридического источника правовых норм. Выполняя преимущественно функцию внешней формы бытия права, кодифицированные акты остаются юридическими источниками нормативных предписаний, актами правотворчества. Но все же, активными, подвижными элементами во всей структуре нормативных актов становятся в кодифицированных областях законодательства указанные выше разновидности актов (об утверждении и др.).

5. Нормативный акт — форма права: юридическое выражение воли законодателя и форма словесно-докумен-

⁹ О преимуществах нормативных юридических актов см.: Шенбанов А. Ф. Форма советского права. М., 1968, с. 45 и след.

¹⁰ См.: Кулажников М. Н. Советское право, традиции и обычаи в их связи и развитии. — Автореф. докт. дисс., Киев, 1972.

тального изложения содержания акта. С общетеоретической, философской стороны нормативные акты, как и иные источники, должны рассматриваться с помощью философского понятия «внешняя форма» (что в полной мере согласуется с важнейшей характеристикой нормативных актов как формы права).

Это важно в двух отношениях.

Во-первых, *нормативные акты, так же, как и любая форма, зависят от своего содержания — содержания данного исторического типа права, отражают его принципиальные социальные особенности.* Так, глубокий демократизм социалистического права, последовательное проведение в нем начал социалистической законности, использование права в качестве средства коммунистического воспитания определяют существенные особенности правовых актов в социалистическом обществе. Непосредственно с социалистической природой нашего права связаны такие особенности нормативных актов, как доступность их содержания, строгая процедура издания и систематизация, недопустимость изменения их содержания путем толкования.

Во-вторых, *нормативные правовые акты так же, как и любая форма, обладают известной относительной самостоятельностью и отсюда требуют применения к ним специальных средств и приемов выражения и внешнего словесно-документального изложения.* Полнота и точность воплощения в правовых актах государственной воли не приходят сами по себе: они должны быть достигнуты при помощи использования специальных средств и приемов обработки и оформления актов (юридической техники).

Праву свойственно как социально-политическое, так и специально-правовое содержание (I.6.1.). Поэтому воля государства не только должна быть изложена в языковой и логической форме и найти соответствующее словесно-документальное построение, но и обязана получить специфически правовое выражение (в виде логических норм и норм предписаний, в правовых конструкциях и др.). Это особое правовое выражение и образует специальное юридическое содержание нормативного акта как формы права.

Таким образом, при рассмотрении нормативных актов как формы права следует различать *две стороны*, каждая из которых имеет самостоятельное бытие и тре-

бует самостоятельного освещения. Это — форма *юридического* выражения воли государства, относящаяся к специально-юридическому содержанию права — собственному содержанию акта, и форма внешнего, *словесно-документального изложения* (построения) акта¹¹.

Средства и приемы, при помощи которых обеспечивается юридическое выражение содержания акта и его словесно-документальное изложение, образуют юридическую технику. Она будет рассмотрена в последующем (II.37.1.).

6. Терминология. Двойное значение термина «источник права». Разграничение юридических источников права и формы права по отношению к одному и тому же явлению создает в практическом отношении известные терминологические неудобства.

Спрашивается: какой же из указанных терминов использовать при обозначении нормативных актов в литературе, на практике? Казалось бы, — термин «форма права», так как для актов-документов специфическим является именно это его качество. Из такой теоретической предпосылки и исходили некоторые авторы, считавшие целесообразным использовать указанный термин.

Вряд ли, однако, для этого есть достаточные основания. Все же предпочтительней, надо полагать, использование в практической жизни термина «источник права». Почему? Здесь есть два соображения.

Первое: *нормативные акты являются формой права потому, что они выполняют функцию юридических источников, т. е. актов правотворчества.* По сути дела, юридический источник права, взятый в содержательно-

¹¹ На необходимость четкого разграничения формы изложения и формы выражения акта обратил внимание В. М. Корельский (см.: Корельский В. М. Правовые нормы и нормы общественных организаций. — Автореф. канд. дисс. Свердловск, 1963, с. 6). Это мнение поддержано И. С. Самощенко, который правильно подметил, что оба эти момента относятся к нормативному акту как к внешней форме права (см.: Самощенко И. С. Основные черты нормативных актов социалистического государства. — Сов. государство и право, 1968, № 4, с. 28—30). Следует вместе с тем полагать, что слова «изложение» и «выражение» при обозначении того и другого аспектов в отличие от использования указанных терминов упомянутыми авторами целесообразно поменять местами.

документальном ракурсе, т. е. как носитель юридических норм, и есть форма существования права.

Второе (и самое главное): нормативный акт как форма права в практической жизни для лиц, применяющих и изучающих право, является, так сказать, и *фактическим источником*; нормативные акты — тот источник, из которого люди черпают сведения о юридических нормах.

Выделяя второе из приведенных соображений, целесообразно обратить внимание на то, что термин «форма права» многозначен и может быть использован при рассмотрении права в самых разных значениях¹². Примечательно, что коль скоро речь идет о форме права применительно к практической жизни, то форма права (т. е. официальное хранилище, носитель действующих норм) и есть *фактический источник* норм права.

Такое двойное значение термина «источник» (источник в смысле правотворческого решения и источник в смысле фактического местопребывания норм права) является убедительным основанием целесообразности и достаточности использования этого термина при обозначении нормативных актов в литературе, в практической жизни¹³.

¹² Так, с точки зрения Б. В. Шейндлина, следует различать пять форм права: «1. Внутренняя форма строения системы права — разделенность на отрасли и институты. 2. Внешняя форма группирования норм непосредственно по воле законодателя — систематика права, различные виды кодификации. 3. Внутренняя форма строения каждой нормы права — общий и обязательный характер правила. 4. Внешняя форма выражения отдельной нормы права в актах государственных органов — нормативные акты. 5. Внешняя форма изложения нормы права — логическая формулировка закона и других нормативных актов» (Шейндлин Б. В. Сущность советского права. Л., 1959, с. 95).

¹³ Отсюда становится понятным, почему предложения о замене термина «источник права» термином «форма права» не были восприняты ни наукой, ни практикой (см. по этому вопросу: Общая теория советского права, с. 129—132; Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия, с. 581). В последней из указанных работ подчеркивается, что термин «источник права» «является емким, он выражает комплексное понятие, включающее в себя не только указание на форму выражения правовой нормы, но и ограничивающий признак, отражающий специфику понятия, а именно, что форма служит основанием признания данного правила поведения правовой нормой».

СИСТЕМА НОРМАТИВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ АКТОВ

1. К постановке вопроса. Благодаря свойственной праву системности его источники (внешние формы) тоже находятся в связи, известном сочетании. Эти связь и сочетание наиболее полно и последовательно выражаются в нормативно-законодательных системах, где, кроме того, дифференциация нормативных актов по содержанию дополняется иерархической зависимостью между ними, обусловленной различием в их юридической силе.

В эксплуататорских обществах, в особенности в условиях разложения данной эксплуататорской общественной системы (что характерно для современного буржуазного общества), связь и сочетание между нормативными актами осложняются множественностью источников, распадом буржуазной законности, переносом центра тяжести в аппарате государства с законодательных на управленческие органы, все большим использованием правовых форм преимущественно в идеологических, пропагандистских целях. Нормативные акты в буржуазных государствах и ныне, даже при известных успехах систематизации с технико-юридической стороны, остаются лишь более или менее упорядоченной совокупностью.

Иная картина — в социалистическом обществе. Развитой характер структурированности социалистического права, строгость и единство социалистической законности, исключительность нормативных актов как форм права, научный подход при издании актов — все это придает комплексу нормативных актов в социалистическом государстве характер *целостной системы*.

Таким образом, вопрос о системе нормативных актов по логике самого предмета относится главным образом к соответствующей проблематике социалистических стран. Так он и будет рассмотрен в данной главе, причем, как и соответствующие вопросы системы права, его отраслей (I.15.5.), преимущественно на материале советского права — развитой социалистической правовой системы.

2. Система законодательства. Система нормативных юридических актов, действующих в СССР, как и в иной социалистической стране, обычно именуется *системой законодательства*.

Такое терминологическое обозначение оправдано потому, что основу целостной системы нормативных актов, главные ее звенья образуют именно законы, определяющие построение всей совокупности нормативных актов.

В систему советского законодательства входят все нормативные акты (законы, указы, акты правительства и др.), а также вспомогательные и производные акты правотворчества, в том числе акты санкционирования (утверждения), акты ведомств и республиканских органов, излагающих содержание общесоюзных норм, акты об утверждении перечня актов, утративших силу¹.

Система советского законодательства отличается *глубоким единством, органической целостностью*. Единство системы законов и иных нормативных актов обусловлено единством их содержания — выраженных в них юридических норм, идеологических положений (призывов, общих деклараций и т. д.). Внешне оно характеризуется взаимосвязанностью актов и обусловлено с юридической стороны верховенством закона — стержня всей системы нормативных актов, а также объединяющей функцией кодифицированных актов. Являясь средством выработки нормативных обобщений и, следовательно, формирующим фактором структуры самого права, кодифицированные акты выступают в качестве объединяющего начала в отношении того или иного комплекса нормативных актов — своего рода силового поля, связывающего нормативные акты в целостные системы и подсистемы.

В то же время система советского законодательства характеризуется внутренней *расчлененностью, дифференцированностью*. В литературе правильно отмечено, что советские законы и подзаконные нормативные акты в их совокупности можно представить как гигантскую структурно сложную, динамическую систему, состоящую из большого числа взаимосвязанных звеньев, ко-

¹ Общую характеристику системы законодательства см.: Система советского законодательства.

торые сами представляют собой самостоятельные, причем тоже сложные правовые системы².

Структура законодательства — явление объективно-го порядка³, своего рода «второе измерение» права⁴. Более того, реальность, объективность этого «второго измерения», состоящего, надо помнить, из актов-документов, в отличие от самого права имеет наглядный характер — характер осязаемой реальности.

Систему законодательства, образующие его подразделения необходимо с предельной четкостью отличать от системы самого права, его отраслей, иных структурных образований⁵.

Прежде всего система законодательства имеет *мно-гомерный характер*: в ней следует различать горизонтальную и вертикальную плоскости⁶.

² См.: Шебанов А. Ф. Система законодательства как научная основа кодификации.— Сов. государство и право, 1971, № 12, с. 33.

³ См.: Поленина С. В. Система советского гражданского законодательства.— Сов. государство и право, 1971, № 6, с. 33.

⁴ См.: Васильев Ю. С., Евтеев М. П. Кодификация и систематизация законодательства.— Сов. государство и право, 1971, № 9, с. 16.

⁵ С этой точки зрения надо видеть, что признанная и автором этих строк возможность использования термина «отрасль законодательства» при обозначении комплексных образований в праве имеет теневую сторону. Использование термина, выработанного применительно к внешней форме права, для характеристики явлений, имеющих юридически-содержательный характер, хотя и позволяет четко отграничить основные и комплексные образования, но приводит к смешению разнопорядковых явлений. Такое смешение отчетливо просматривается в анализе системы законодательства, проведенном С. В. Полениной в книге «Теоретические проблемы системы советского законодательства» (М., 1979). Правильно отметив сначала, что вопрос о законодательстве и его системе относится к внешней форме права (с. 5—6), автор затем видит, однако, в законодательстве нечто большее и более содержательное, чем лишь явление, относящееся к актам-документам. В книге говорится о законодательстве как об «органичной структуре» (с. 37), причем даже комплексные отрасли законодательства оцениваются как «системные образования», отличающиеся «структурной определенностью и закономерными связями между элементами» (с. 56), «связями управления», а также наличием «двойного (тройного и т. д.) управления» (с. 59—61), активных центров, т. е. такими характеристиками и определениями, которые вполне основательно используются в научных разработках, посвященных структуре самого права и к ней только относящихся.

⁶ См.: Шебанов А. Ф. Указ. статья. Автор отмечал, что в советском законодательстве можно различать вертикальную структуру

Горизонтальная плоскость — это как раз та плоскость, которая наиболее близка к структуре права. Именно в данной плоскости можно различать отрасли законодательства. Но и здесь речь может идти не о тождестве, а лишь о *соответствии* системы законодательства, его подразделений (внешней формы права) структуре права (содержанию).

Главные подразделения системы законодательства (исторически складывающиеся отрасли законодательства) в своей основе соответствуют структуре права, делению права на основные и комплексные отрасли⁷. В то же время законодатель при издании нормативных актов исходит не только из объективно существующей системы права, но и из ряда других факторов, в том числе субъективных, и ориентируется главным образом на предметные и целевые критерии⁸. В тех случаях, когда издание или определенная компоновка нормативных актов не сопровождаются кодификацией, которая бы вносила в материю права новые содержательные обобщения и, следовательно, приводила к формированию новых общностей в праве, можно — и то условно — говорить о такой отрасли законодательства инкорпоративного типа, которой не соответствует какое-либо подразделение в системе права. Таким образом, в системе законодательства, рассматриваемой в горизонтальной плоскости, следует различать отрасли, которые: а) соответствуют основным отраслям права, б) соответствуют комплексным образованиям⁹, в) не соответствуют каким-либо подраз-

(акты общесоюзных органов, акты республиканских органов, акты местных органов) и горизонтальную структуру — систему отраслей законодательства. Именно в вертикальной структуре различаются виды актов — законы, указы, ведомственные акты и т. д. (с. 33).

⁷ Новые убедительные соображения о необходимости строгого разграничения однородных (основных) отраслей и комплексных образований в их связи с системой законодательства приведены А. В. Мицкевичем, который к тому же справедливо заметил, что авторы, употребляющие термин «массив», в сущности, имеют в виду те же самые комплексные образования (см.: Свод законов Советского государства. Теоретические проблемы. М., 1981, с. 90—95).

⁸ См.: Самощенко И. С. Методологическая роль системного подхода в изучении структуры советского законодательства. — Вопросы философии, 1979, № 2, с. 72, 74.

⁹ Весьма отраднo, что в последнее время высказаны глубокие соображения о необходимости комплексного регулирования, связанного, в частности, с разработкой комплексных целевых программ крупного общегосударственного значения. Основателен и обобщающ

делениям в праве, а представляют собой инкорпоративное собрание актов, объединяемых только по предметному и целевому критерию.

Собственная структура законодательства наряду с только что отмеченным моментом («в») проявляется главным образом в вертикальной плоскости. Она выражается в *иерархическом построении нормативных юридических актов*, в их соподчинении, при котором каждый акт занимает строго определенную ступень в иерархической структуре¹⁰.

Главным признаком, определяющим место того или иного акта в иерархической структуре, является его *юридическая сила*, которая представляет собой сопоставительное свойство¹¹, выражает степень подчиненности данного нормативного акта актам вышестоящих органов, осуществление принципа верховенства конституции, других законов¹².

Виды нормативных актов — это их подразделение в соответствии с объективно существующей иерархической структурой. Следовательно, исходным критерием для отнесения нормативного акта к тому или иному виду служит его юридическая сила. Однако последняя проявляется по-разному в связи с теми или иными сторонами функционирования нормативных актов. Отсюда различия в основаниях их деления на виды.

Вопросы о разновидностях нормативных юридических актов, образующих в социалистическом государстве целостную систему, сложны и многообразны. Нередко они касаются весьма острых, животрепещущих проблем экономического, социально-политического развития, проблем законности и правового прогресса.

вывод: «Комплексные отрасли законодательства выражают линию интеграции разнородных правовых норм... в то время как обособленные отрасли права выражают дифференциацию правового регулирования» (Свод законов Советского государства. Теоретические проблемы, с. 95).

¹⁰ См.: Самощенко И. С. Иерархия и основные подразделения нормативных актов социалистического государства.— Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 15. М., 1968, с. 3—17; Поленина С. В. Взаимосвязь нормативных актов в системе советского гражданского законодательства.— Сов. государство и право, 1972, № 8, с. 63 и след.

¹¹ См.: Фарбер И. Е., Ржевский В. А. Вопросы теории советского конституционного права. Вып. I. Саратов, 1967, с. 70 и след.

¹² См.: Самощенко И. С. Основные черты нормативных актов социалистического государства.— Сов. государство и право, 1968, № 4, с. 25.

Это, например, вопросы о четких критериях для определения необходимости издания закона или подзаконного акта, необходимости и объеме ведомственных и локальных актов, об оправданности включения в них общих норм, о пределах включения в содержание нормативных актов программных и декларативных положений, о конкретизированном перечне отраслей законодательства.

В настоящем курсе эти вопросы могут быть лишь упомянуты. И не только потому, что все они нуждаются в подробном самостоятельном комплексном исследовании, но и потому, что их надлежащее решение должно опираться на достаточно основательную общую теорию нормативных актов. В курсе в соответствии с его профилем и предпринимается попытка наметить некоторые положения этой теории, во всяком случае той ее части (по мнению автора — решающей), которая характеризует системное качество законодательства, всего комплекса действующих нормативных актов. Главное здесь — выявление внутренней логики системы законодательства, связи и соотношения между ее подразделениями, выражающими степень и характер свойственной им юридической силы. Ключевой пункт в понимании внутренней логики системы законодательства — это разграничение нормативных актов на законодательные и подзаконные.

3. Законы и подзаконные нормативные юридические акты (общая характеристика). Это — основное деление нормативных юридических актов в социалистическом обществе, характеризующее в соответствии с требованиями законности главные звенья системы законодательства, ее общее построение.

Деление нормативных актов в соответствии с требованием верховенства закона и отсюда непосредственно по их юридической силе выражает, как правило, особенности их содержания. В условиях последовательного социалистического демократизма в законах, принимаемых высшими органами государственной власти, содержатся главные (первичные, изначальные) нормативные положения по основным вопросам жизни Советского государства, которые лежат в основе всей социалистической правовой системы. Вот почему неуклонное соответствие законам всех иных нормативных актов, подчинение этих актов законам является одним из важнейших условий, обеспечивающих последовательное социалистическое содержание, высокий демократизм правовой системы социалистического общества в целом.

4. Законы. Закон — это *принятый в особом порядке первичный правовой акт по основным вопросам жизни Советского государства, непосредственно выражающий общую государственную волю и обладающий высшей юридической силой.*

Признаки закона могут быть подразделены на: *материальные*, характеризующие его с точки зрения источника, содержания и значения, и *специфически правовые*, отражающие юридические свойства закона и особенности правотворческой процедуры.

По своему источнику закон есть правовой акт, *непосредственно выражающий общую государственную волю*. Издание законов входит в исключительную компетенцию высших органов государственной власти — Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных и автономных республик — или непосредственно всего народа в отношении законов, принимаемых в порядке референдума (ст. 108 Конституции СССР, соответствующие статьи конституций союзных и автономных республик). Сосредоточение законодательной деятельности в руках высших органов государственной власти или непосредственно в руках народа имеет глубокие социально-политические и юридические основания. В условиях социалистической демократии именно представительные органы государственной власти выражают суверенную волю всего народа. Такой же характер имеет выражение воли народа при референдумах. Поэтому законы выступают в качестве правовых актов, содержащих прямую общую суверенную волю всего народа в целом (хотя бы и в пределах союзной или автономной республики).

По своему материальному содержанию закон — правовой акт, *посвященный основным вопросам жизни Советского государства*, т. е. регулированию наиболее важных типических и устойчивых отношений в социалистическом обществе. В законах содержатся юридические предписания, в которых закрепляется общественный и государственный строй, принципы организации и формы деятельности государственного аппарата, основные права и обязанности граждан и т. д. При помощи законов осуществляется регулирование хозяйственного и культурного строительства, финансовой деятельности государства (законы о государственных планах социального и экономического развития и государственных бюджетах).

По своему значению закон является правовым актом *первичного* характера. В законах содержится первичное, изначальное право — юридические предписания, которые представляют собой отправные начала всей правовой системы Советского государства, развивают, дополняют и

изменяют ее основы, придают ей единство¹³. Юридические предписания, закрепляемые в иных актах социалистического государства, основываются на законах; они в данной плоскости носят производный характер, т. е. базируются на тех началах, которые установлены в законах.

Первичный характер законов выражается, в частности, в том, что они применяются только для закрепления юридических норм, а также актов высшей юридической силы — актов-директив (важнейших государственных планов социального и экономического развития, государственных бюджетов). Это и понятно. Именно юридические нормы обеспечивают единую, устойчивую, непрерывно действующую систему регулирования общественных отношений, что как раз и необходимо для выполнения основной функции законов — регулирования важнейших, типических и устойчивых отношений социалистического общества. Таковую же функцию выполняют акты-директивы, определяющие основы хозяйственной, культурной и финансовой деятельности государства на определенный период времени. И в данном случае в актах-директивах содержатся юридические предписания, имеющие первичное значение в социалистической правовой системе. Все иные индивидуальные акты, в том числе и акты верховного управления и надзора, принимаемые в Советском государстве Верховным Советом, не облекаются в форму закона.

По своим юридическим свойствам закон представляет собой правовой акт, *обладающий высшей юридической силой*. Это выражается в том, что: а) все остальные правовые акты должны издаваться на основе законов и не противоречить им; б) как высшее выражение государственной власти законы не подлежат контролю или утверждению со стороны какого-либо другого органа государства, кроме Верховного Совета; в) законы могут быть отменены или изменены только законами или же актами, имеющими законодательное значение (указами Президиума Верховного Совета, изданными по вопросам ком-

¹³ Как правильно подчеркивает С. Г. Дробязко, единство правового регулирования в стране реально возможно только при наличии единой правовой основы, абсолютной непререкаемости высшего юридического авторитета, четкой иерархии правовых форм (см.: Дробязко С. Г. Роль законодательства в создании материально-технической базы коммунизма. Минск, 1971, с. 70).

петенции Верховного Совета в период между его сессиями).

По особенностям правотворческой процедуры закон — это правовой акт, *принятый в особом порядке*. Законы принимаются общегосударственными представительными органами власти (Верховным Советом СССР, Верховными Советами союзных и автономных республик), а также в порядке референдумов. Внесение законопроектов, их обсуждение, рассмотрение, принятие и опубликование законов подчинено строгой процедуре, специально регламентированной в особых нормативных актах. Законы согласно действующей Конституции получают адекватное терминологическое обозначение: все они называются законами.

И материальные, и специфически правовые признаки закона в социалистическом обществе тесно связаны между собой, последовательно предопределяют друг друга. Именно потому, что в условиях общенародной социалистической демократии решающая роль в правовой системе придается общей воле всего народа, законы посвящены основным вопросам жизни социалистического государства. А отсюда, в свою очередь, следуют первичность законов, их высшая юридическая сила, а также особый порядок их принятия. В конечном счете специфически правовые признаки закона есть выражение его социального и материального содержания, его первичного значения в правовой системе¹⁴.

¹⁴ В буржуазном праве существует (и оправдывается правовой доктриной) деление законов в «формальном смысле» и в «материальном смысле». Это объясняется тем, что в период империализма правительственные нормативные акты все более оттесняют законы в «формальном смысле». Буржуазные парламенты нередко издают законодательные акты по второстепенным вопросам жизни государства. В то же время правительственные органы принимают акты, определяющие основы данной правовой системы, причем подчас вразрез с действующим законодательством. В буржуазной же теории права прямо обосновывается уравнивание правительственных нормативных актов и законов и, в частности, вывод о том, что любая абстрактная общая норма является законом в «материальном смысле» (см.: Зивс С. Л. Развитие формы права в современных империалистических государствах, с. 26—31). Все это является ярким выражением крушения буржуазной законности в период империализма. В силу единства всех признаков закона в социалистическом обществе наша наука отвергает деление законов на законы в «формальном смысле» и законы в «материальном смысле».

Единство материальных и специфически правовых признаков закона облегчает решение практических вопросов, связанных с отграничением законов от иных нормативных актов. По Конституции СССР к законам относятся все правовые акты, принятые в установленном порядке высшими органами государственной власти или в порядке референдумов и официально именуемые «законы».

Материальные и специфически правовые признаки свидетельствуют о том, что закон, и прежде всего Конституция, занимает ведущее, определяющее место в системе нормативных актов социалистического государства.

Законы образуют ядро, стержень правовой системы. Все это и предопределяет верховенство закона — важнейшего требования законности (I.14.4.).

Ведущая и определяющая роль закона в социалистическом государстве — это не автоматически действующий факт, который существует сам по себе. Поскольку верховенство законов является выражением социалистической законности, от состояния последней зависит фактическое положение законов среди нормативных юридических актов. Существенное значение здесь имеют уровень демократического развития общественного строя, степень совершенства и культуры законодательства, эффективность и культура работы правоприменительных органов.

Верховенство закона — именно *требование* социалистической законности. И оно должно соблюдаться в практической работе правотворческих органов. Соблюдение этого требования охватывает, в частности, следующие основные моменты: а) *существенность* законодательства — законы должны быть посвящены действительно решающим, коренным вопросам жизни страны; б) *полнота* законодательства — в законах должны быть с максимальной полнотой урегулированы все вопросы, требующие законодательного решения; в) *непререкаемость* законодательства — строгое соблюдение высшей юридической силы закона, в том числе недопустимость издания актов, противоречащих закону; г) *совершенство* законодательства по содержанию — его устойчивость, систематическое обновление и др.; д) *культура законодательства* (юридическое совершенство) — его кодифицированность, широкое применение достижений юридиче-

ской техники, обеспечивающей правильное и единообразное понимание законов.

Среди законов выделяется особая их группа — *конституционные*. Это — конституция и примыкающие к ней основополагающие законы, посвященные главным вопросам общественного и государственного строя.

Особенности конституции, ярко проявившиеся в Советских Конституциях 1918, 1924, 1936, 1977 гг., состоят в следующем: а) конституция — не только нормативный юридический акт; по своему содержанию и значению она представляет собой государственно-политический документ учредительного характера. Именно конституция учреждает, конституирует институты социально-политического и экономического строя, социалистической демократии, государственно-национального устройства. Конституция СССР 1977 года провозгласила, что высшей целью Советского государства является построение бесклассового коммунистического общества (преамбула); б) конституция — политико-правовой акт этапного характера, закон, непосредственно выражающий и оформляющий самостоятельный этап развития государства и права; в) конституция — Основной Закон в том смысле, что представляет собой особый и единственный закон, который является основополагающим началом всей правовой системы страны; г) конституция отличается всеобъемлющим юридическим действием. Влияя на общественную жизнь через всю систему законодательства, конституция вместе с тем прямо регулирует общественные отношения, ее нормы служат и непосредственной нормативной основой при решении юридических вопросов.

Среди других конституционных законов можно назвать законы, направленные на регулирование судостроительства, бюджетных прав Союза ССР, союзных и автономных республик, гражданства, и др.

По своему содержанию значение конституционных законов в СССР имеют Основы законодательства (хотя в общепринятых классификациях они еще и не получили такого статуса)¹⁵. А. В. Мицкевич правильно указывает на то, что «среди общесоюзных законов различаются Основы законодательства Союза ССР и законы, принимаемые «в соответствии с Основами». Именно эти последние

¹⁵ См.: По л е н и н а С. В. Теоретические проблемы системы советского законодательства, с. 44.

и следует называть «текущим законодательством», учитывая, что речь идет о законах по отдельным вопросам, не кодифицированным и не играющим той основополагающей роли, которая принадлежит Основам законодательства»¹⁶.

В специальном обсуждении нуждается вопрос о том, облакаясь ли в форму закона лишь юридические нормы.

Мнение о том, что закон — это всегда нормативный акт, нередко рассматривается в качестве само собой разумеющегося положения. Отсюда — и несколько необычный характер разработки общих вопросов юридических норм: порой не делается даже попыток вскрыть юридические особенности содержащихся в законах предписаний, все они объявляются только нормами (в том числе акты планирования), и поэтому некоторые авторы стремятся найти признаки нормативности у таких предписаний, в отношении которых следовало бы сначала все же выяснить, являются они нормами права или же предписаниями особого индивидуального характера.

Между тем указание на нормативность как на отличительный признак закона ничего решительно не дает. Нормативность — общая черта многих актов (в том числе актов, если можно так сказать, «нижнего» ранга — ведомственных, внутриорганизационных, локальных). В то же время есть такие особые индивидуальные акты в области государственного права, которые могут иметь определяющее значение в правовой системе и влечь за собой издание других актов, в том числе нормативных (например, акт-директива о строительстве комплекса химических предприятий может предопределить издание не только иных, более конкретных плановых актов, но и ведомственных инструкций о порядке комплектования поставляемого химического оборудования и др.).

Однако следует подчеркнуть: в большинстве случаев законы имеют нормативный характер. К тому же далеко не всегда индивидуальные акты, в том числе плановые, возможно облечь в форму закона; законами может быть только особая, высшая их разновидность — акты-директивы, т. е. акты, которые, как законы, играют определяющую роль в социалистической правовой системе.

5. Указы, вносящие изменения в действующие законодательные акты. Значительное число указов Президиум Верховного Совета СССР, Президиумы Верховных Советов союзных и автономных республик издают по вопросам, которые они вправе решать сами окончательно.

Эти акты относятся к подзаконным. Но своеобразие Президиума как постоянно действующего органа Верховного Совета состоит в том, что Президиум осуществляет в пределах, предусмотренных Конституцией, некото-

¹⁶ Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства, с. 76.

рые функции высшего органа государственной власти СССР в период между его сессиями. В соответствии с этим Президиум Верховного Совета СССР в период между сессиями (с последующим представлением на утверждение Верховного Совета на очередной сессии) вносит в случае необходимости изменения в действующие законодательные акты (ст. 122 Конституции СССР).

Принимаемые в этих случаях указы «фактически выполняют роль закона»¹⁷.

Их можно условно назвать «законодательными указами». Они близки по юридической силе к законам, но им не тождественны. Юридическая сила таких указов все же отличается от юридической силы законов. Особенность юридической силы «законодательных указов» выражается в следующем.

Во-первых, как показывает практика работы Президиума, последний издает законодательные указы в случае необходимости и соответственно этому не по всем вопросам компетенции Верховного Совета, а по вопросам, требующим, как правило, срочного решения в период между сессиями.

Во-вторых, указ лишь прекращает действие закона, в который вносится изменение или дополнение. Это значит, что изменения в законодательстве еще не являются окончательными. Верховный Совет может не одобрить указ, что влечет за собой восстановление действия прежнего закона (без какой-либо новой процедуры его принятия).

В-третьих, нормативные указы, вносящие изменения и дополнения в законодательство, подлежат обязательному утверждению Верховным Советом на его очередной сессии. Это утверждение сообщает нормам, содержащимся в законодательном указе, такую же юридическую силу, какую имеют нормы закона. Поэтому официальные изменения в текст закона вносятся после одобрения указа Верховным Советом.

В литературе высказано мнение, согласно которому указ, вносящий изменения в действующее законодательство, приостанавливает действие закона¹⁸. Возражая против этого мнения, И. Н. Куз-

¹⁷ См.: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства, с. 118.

¹⁸ См.: Керимов Д. А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. М., 1960, с. 181—182.

нецов пишет, что «в буквальном смысле слова «приостановление» действия какого-либо акта означают временное прекращение его применения органами государства, но отнюдь не замену его новым актом, вступающим в действие вместо приостановленного»¹⁹.

Приведенное соображение заслуживает внимания. Однако надо видеть и то, что замена старого акта после принятия указа еще не является окончательной: такого рода последствия наступают лишь после утверждения указа Верховным Советом. До этого же момента указ только *прекращает действие закона*, но не отменяет его.

Обосновывая конструкцию «прекращение действия» закона, следует обратить внимание на то, что и принятые нормативные акты могут определенный промежуток времени не действовать, т. е. существовать, но еще не обладать юридической силой. Такое своеобразное состояние нормативных актов наблюдается в случаях, когда они вступают в действие не сразу в момент их принятия. Здесь до вступления в силу нормативный акт существует, хотя и не действует. Аналогична в принципе картина при издании указа, изменяющего или дополняющего закон (с той лишь разницей, что в данном случае идет процесс отмены закона).

Защищаемая конструкция «прекращение действия» закона важна и в практическом отношении: если считать, что указ непосредственно отменяет или изменяет закон, то при отказе Верховного Совета в утверждении указа пришлось бы не восстанавливать его действие, а заново принимать прежний закон, изменения же в действующее законодательство вносить сразу после издания указа.

6. Подзаконный нормативный акт. Это — *нормативный юридический акт компетентного органа, который основан на законе и закону не противоречит.*

Необходимо сразу же подчеркнуть главное: самое существование категории подзаконных актов, выявляемой с достаточной четкостью именно в социалистическом обществе, предопределено требованием верховенства закона. В условиях строгой законности все юридические акты (нормативные и индивидуальные) подразделяются на две соподчиненные группы — законы и подзаконные акты. Это является реальной гарантией высокого демократизма всей системы правовых актов, неуклонного проведения в ней общих принципов социалистического права.

Понятие «подзаконные акты» отражает одну общую черту их содержания — то, что они основываются на законе, а также одну общую особенность их юридической силы — то, что они закону не противоречат. В остальном же акты рассматриваемой группы во многом различаются между собой, имеют существенные особенности и

¹⁹ Теоретические вопросы систематизации советского законодательства, с. 120.

по содержанию, и по юридической силе. Причем последний из указанных критериев применительно к подзаконным актам берется в связи с двумя признаками: а) компетенцией правотворческого органа и б) сферой (областью) действия акта.

По указанным признакам все подзаконные нормативные акты могут быть подразделены на четыре основные группы: 1) общие, 2) местные, 3) ведомственные, 4) локальные (внутриорганизационные).

Рассмотрим вкратце эти группы на материале советской законодательной системы.

Общие подзаконные акты. Это — нормативные подзаконные акты, которые издаются органами общей компетенции и распространяются на всех лиц в пределах страны. По своему значению они занимают второе, после законодательных актов, место в социалистической законодательной системе. Подобно законам, общие акты могут устанавливать субъективные права и обязанности в отношении всех субъектов в пределах страны; причем даже акты, принятые по отдельным вопросам, имеют общую юридическую силу: они должны признаваться обязательными всеми субъектами.

К общим подзаконным актам относятся:

а) *акты постоянно действующих органов Верховных Советов.* К ним принадлежат указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР и Президиумов Верховных Советов союзных и автономных республик, принятые по вопросам, которые они вправе решать сами окончательно;

б) *акты высших исполнительных и распорядительных органов государственной власти (правительства).* Совет Министров СССР и Советы Министров союзных и автономных республик оформляют свою правовую деятельность в виде постановлений и распоряжений. Как общее правило, нормативный характер имеют в основном постановления; такой же характер могут иметь и отдельные распоряжения. В постановлениях Совета Министров СССР нередко содержатся первичные нормы. По отношению к актам, издаваемым органами управления, и актам местных органов государственной власти постановления правительства обладают *превосходящей* юридической силой²⁰;

²⁰ См.: Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства, с. 122—123.

в) *акты отдельных ведомств*. В некоторых случаях отдельным ведомствам предоставляется право издавать акты не только внутреннего (ведомственного) значения, но и внешнего действия — общие подзаконные акты. Таковы, например, акты Министерства путей сообщения СССР, которое вправе издавать правила перевозок отдельных видов грузов, а также правила перевозок пассажиров и багажа. Во всех указанных случаях основы взаимоотношений между данным ведомством и иными субъектами должны быть урегулированы в законах и других общих нормативных актах (указах Президиума Верховного Совета, постановлениях правительства).

Местные подзаконные акты. Это — нормативные подзаконные акты, издаваемые территориальными органами государственной власти и управления и распространяющиеся на лиц, находящихся на данной территории. В отличие от общих, рассматриваемая группа актов посвящена вопросам местной жизни в пределах той или иной административно-территориальной единицы — края, области, района, города, поселка, села и др.

Отсюда и своеобразие их юридической силы. Местные акты, в принципе, имеют внешнее действие — распространяются на всех лиц, но в пределах данной территории.

Местные акты издают местные Советы и их исполкомы. В соответствии со ст. 148 Конституции СССР местные Советы народных депутатов принимают решения в пределах полномочий, предоставленных им законодательством Союза ССР, союзной и автономной республики. Решения местных Советов обязательны для исполнения всеми расположенными на территории Совета предприятиями, учреждениями и организациями, а также должностными лицами и гражданами.

Ведомственные подзаконные акты. Это — подзаконные нормативные акты, которые издаются органами специальной компетенции (ведомствами) и распространяются на организации и лиц, входящих в данное ведомство²¹. Они, в отличие от общих и местных актов, посвящены вопросам, имеющим внутреннее значение для определенного ведомства — министерства, государственного комитета. Поэтому, в принципе, они обладают внутрен-

²¹ О ведомственных актах см.: Ноздрачев А. Ф. Место ведомственных актов в иерархии нормативных актов Советского государства. — Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 19. М., 1969, с. 76—92.

ним действием: распространяются только на организации и лиц в пределах данного ведомства.

Ведомственные акты издают многие государственные органы (а также общественные организации в тех пределах, в каких они наделены государством правотворческими функциями).

Большое число разнообразных ведомственных актов издают исполнительно-распорядительные органы — органы государственного управления. Ведомственные акты органов государственного управления сами подчас образуют определенную систему, различаются по своей юридической силе. Наибольшей (преобладающей) юридической силой среди ведомственных актов органов государственного управления обладают акты центральных органов отраслевого или функционального управления. К ним относятся, например, приказы и инструкции министров, председателей государственных комитетов.

Ведомственные нормативные акты издают также органы юстиции, надзора и контроля. Может сложиться впечатление, что органы юстиции, надзора и контроля не обладают правотворческими функциями: они призваны обеспечить действие права, а не творить его. В принципе, это правильно, но только в отношении общих нормативных актов. Между тем центральные органы юстиции, надзора и контроля уполномочены на издание ведомственных актов, регламентирующих внутреннюю деятельность соответственно судебной системы, прокуратуры, органов государственного контроля.

Локальные (внутриорганизационные) подзаконные акты. Это — нормативные подзаконные акты, издаваемые организацией только для решения своих внутренних вопросов и действующие лишь в ее пределах. Таковы, в частности, правила внутреннего трудового распорядка на предприятиях, в колхозах. Они имеют много сходных черт с ведомственными актами. Однако их содержание и юридическая сила еще более ограничены. Локальные акты являются внутренними в строгом смысле этого слова, выражают начала децентрализации в правовом нормативном регулировании, выступают в качестве формы локальных юридических норм (II.25.7.).

Внутренний характер рассматриваемой группы актов выражается в компетенции организаций (предприятий, колхозов), которые вправе их издавать. Эти акты посвящены организационным отношениям, которые складыва-

ются на данном предприятии, в колхозе. В большинстве случаев они касаются вопросов дисциплины труда, порядка взаимоотношений между подразделениями данной организации и т. д.

В юридической литературе нормативные юридические акты (в частности, подзаконные) классифицируются в зависимости от органа, издавшего их, и соответственно этому по наименованиям актов. Например, широко распространена классификация нормативных актов на такие виды: а) законы; б) указы; в) акты местных органов государственной власти; г) акты органов государственного управления.

Классификация по органам издания не является, однако, достаточно точной, полной и юридически последовательной. Она не может быть признана достаточно точной потому, что один и тот же государственный орган нередко обладает компетенцией на издание нормативных актов с различной юридической силой (например, Президиум Верховного Совета может издавать указы законодательного значения и указы, которые являются чистыми подзаконными актами). Такая классификация не является полной, ибо она не вмещает всех разновидностей нормативных актов (например, здесь из поля зрения выпадают ведомственные акты, издаваемые органами юстиции, надзора и контроля, внутриорганизационные акты органов власти). Наконец, рассматриваемая классификация юридически непоследовательна, так как она не всегда отражает юридическую силу нормативных актов (например, под рубрику актов государственного управления подпадают и общие, и ведомственные, и внутриорганизационные акты).

7. Отрасли законодательства. Кодифицированные акты. Рассматривая законы и подзаконные акты в качестве основной собственной иерархической структуры законодательства (вертикальный разрез), нужно держать в поле зрения и другие подразделения актов. Среди них необходимо выделить классификацию актов по отраслям советского законодательства, а также разграничение актов на кодифицированные и текущего законодательства.

Прежде всего существен такой момент. В собственной, вертикальной структуре законодательства так или иначе проявляется и деление нормативных актов в горизонтальной плоскости, т. е. деление по отраслям. Каждый нормативный акт — это всегда акт, входящий в ту или иную отрасль законодательства, которая соответствует либо известному подразделению права (основной отрасли или комплексному образованию), либо объединению нормативных актов, образуемому по предметному и целевому критерию, в плоскости лишь внешней формы, т. е. объединению инкорпоративного типа. В зависимости от того, представляет или нет данная отрасль законодательства соответствующее подразделение в самом праве,

а также от того, каковы место и роль данного подразделения в правовой системе, во многом определяются значение той или иной отрасли законодательства, ее место в иерархической структуре. Ведущее положение в структуре занимает конституционное законодательство, затем следуют отрасли, соответствующие профилирующим (фундаментальным) отраслям, иным основным отраслям, после этого — отраслям, охватывающим нормативный материал комплексных образований, и, наконец, объединения нормативных актов инкорпоративного типа.

Отрасли законодательства, прежде всего те, которым соответствуют основные отрасли права, имеют свою, нередко весьма специфическую, структуру, причем как горизонтальную, так и вертикальную²². Обязательные признаки системы актов, составляющие ту или иную отрасль законодательства, отмечал А. Ф. Шебанов, следующие: иерархичность ее структуры, соподчиненность, согласованность и взаимодополняемость указанных актов, последовательное развитие и конкретизация вышестоящих актов нижестоящим актом. Для каждой отрасли законодательства характерно также наличие основного (иногда ряда основных) закона, содержащего важнейшие нормы этой отрасли, и дополняющих его нижестоящих актов разных уровней²³.

Существенное значение в структуре законодательства имеет выделение в ней кодифицированных актов и актов текущего законодательства.

По сути дела, само построение системы законодательства, ее подразделение на отрасли выражено в составе и соотношении кодифицированных актов. Это происходит потому, что кодифицированные акты представляют собой результат юридически развитого, высшего вида правотворчества, отличительной чертой которого являются нормативные обобщения, формулирование общих норм. Общие же нормы, выраженные в кодифицированном акте, закрепляют юридические особенности данной отрасли,

²² О структуре законодательства (на материале гражданского права) см.: Поленина С. В. Система советского гражданского законодательства и основные тенденции ее развития. — Автореф. докт. дисс. М., 1971.

²³ См.: Шебанов А. Ф. Система законодательства как научная основа кодификации. — Сов. государство и право, 1971, № 12, с. 34. См. также: Беляева З. С. Источники колхозного права. М., 1971, с. 12—13.

подотрасли, правового института²⁴. А это придает особую юридическую силу кодифицированным актам. Все иные отраслевые нормативные акты должны издаваться *применительно* к кодифицированным.

Акты текущего правотворчества включают, как правило, небольшое число конкретных норм-предписаний, которые принимаются в соответствии с кодифицированными актами. Нередко они издаются в виде указов, постановлений правительства и имеют характер актов-документов, в которых содержатся правотворческие действия, вносящие изменения и дополнения в кодифицированные акты²⁵.

Таким образом, кодифицированные акты образуют ядро той или иной области законодательства. Следует напомнить, кроме того, что именно кодифицированные акты выполняют преимущественно функцию внешней формы, внешнего бытия юридических норм. Другие же акты, находящиеся в «силовом поле» Основ или кодекса, воплощают главным образом правотворческую функцию: с их помощью вносятся изменения и дополнения в содержание кодифицированных актов.

В системе законодательства существует еще ряд подразделений нормативных актов, тоже классифицируемых чаще всего по характеру и особенностям их юридической силы, хотя в иных плоскостях.

К числу таких подразделений относятся, в частности, следующие.

²⁴ Если учесть, что в кодифицированных актах закрепляется юридическое своеобразие отраслей права, то станет ясным, что перемещение юридических норм из одного подразделения системы законодательства в другое, как правило, означает известное преобразование в природе данных норм. Вот почему нельзя признать точной мысль о том, что «выражающую данную норму статью закона можно, используя различные ее признаки, расположить в разных подразделениях системы законодательства и выбор конкретного из таких подразделений целиком зависит от усмотрения законодателя» (Систематизация хозяйственного законодательства. М., 1971, с. 49—50).

²⁵ Существенно важное деление нормативных актов (под несколько иным углом зрения) вводит А. С. Пиголкин. Он различает три самостоятельных вида нормативных актов: 1) нормоустанавливающие акты (устанавливают новые правовые нормы); 2) акты вспомогательного или корректирующего регулирования (вносят изменения в общую систему правового регулирования, не устанавливая при этом новых самостоятельных норм); 3) акты консолидации (Пиголкин А. С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР. — Автореф. докт. дисс., с. 37).

А. *Нормативные акты внешнего и внутреннего действия.* В принципе, нормативные акты распространяются на всех лиц, которым они адресованы (независимо от того, в какое ведомство или организацию они входят). Ведомственные же и локальные акты отличаются «внутренним действием», они распространяются только на лиц, которые входят в данное ведомство и организацию. И именно в отношении второй из указанных групп актов понятие «внутреннее действие» оказывается конструктивным, «работающим». Характерно, что опять-таки применительно к ведомственным актам следует признать оправданным и понятие «внешнее действие»: некоторые из ведомственных актов могут распространять свою юридическую силу за пределы ведомства (II.34.6.).

Б. *Государственные нормативные юридические акты и нормативные юридические акты общественных организаций.* Нормативные акты, исходящие непосредственно от государственных органов, занимают ведущее место среди источников права не только в количественном отношении, но и по своему значению в иерархической структуре законодательства.

В то же время в зависимости от исторического типа права, от политического режима, от особенностей данной структурной общности национальной правовой системы среди источников права то или иное место, нередко весьма заметное, занимают нормативные юридические акты негосударственных образований, общественных организаций. В социалистическом обществе издание нормативных юридических актов массовыми общественными организациями трудящихся представляет собой одно из проявлений социалистической демократии. Происходящий в настоящее время процесс дальнейшего развития и углубления социалистической демократии выражается, в частности, в расширении нормотворческой деятельности общественных организаций²⁶. В нормативных актах общественных организаций могут содержаться как нормы внутреннего действия, так и нормы внешнего действия²⁷.

Характеризуя акты общественных организаций, нужно отметить, что все эти акты — всегда акты санкционированные²⁸. Они так или иначе получили санкцию от органов государства, санкцию в том смысле, что государство не только одобряет их, но и вкладывает в них также свою, государственную волю. Санкционирование государством нормативных актов общественных организаций является источником их юридической силы. Следовательно, в конечном итоге различие между рассматриваемыми разновидностями нормативных актов касается главным образом именно внешней формы, а также источников волевого содержания акта (единая го-

²⁶ См.: Баймаханов М. Т. Нормотворческая деятельность общественных организаций в процессе выполнения переданных им государственных функций. — Сов. государство и право, 1963, № 9, с. 94—101.

²⁷ См.: Корельский В. М. О характере норм, издаваемых общественными организациями. — Сов. государство и право, 1963, № 9, с. 101.

²⁸ См.: Горшенев В. М. Санкционирование как вид нормотворческой деятельности органов Советского государства. — Правоведение, 1959, № 1, с. 11 и след.

сударственная воля, государственная воля, сочетаемая с волей негосударственного общественного образования). Санкционирование нормативных актов общественных организаций может быть предварительным и последующим²⁹.

В. Нормативные акты, издаваемые одним правотворческим органом, и совместные нормативные акты. Конкретное содержание воли в нормативном акте может быть различным не только по источнику этого волевого содержания, но и по строению выраженной в нем воли. Акт может исходить от одного правотворческого органа, а может — и от нескольких органов (совместные акты).

Обычно нормативный акт издается одним правотворческим органом. Как правило, он согласовывается с компетентными и заинтересованными организациями и лицами в процессе подготовки проекта. Некоторые акты согласовываются и на стадии принятия (в этом случае при опубликовании акта указывается на факт согласования). Однако и в том и в другом случае нормативный акт издается только данным правотворческим органом, исходит только от него.

Совместные нормативные акты — это акты, исходящие от двух или более правотворческих органов. Основания для их издания различны.

Однако совместный акт во всех случаях призван так или иначе выразить большую юридическую силу данного нормативного решения.

Совместные нормативные акты нередко принимаются для соединения силы юридических норм с авторитетом норм общественных организаций. Такое значение имеют нормативные акты, издаваемые в социалистическом обществе совместно государственными органами и массовыми общественными организациями трудящихся.

²⁹ В юридической литературе было высказано мнение о том, что термин «предварительное санкционирование» неудачен, так как санкционировать можно только разработанные нормы (см.: Антонова Л. И. Некоторые вопросы теории правотворчества. — Правоведение, 1963, № 3, с. 18). С точки зрения М. Геновски и Л. И. Антоновой, лучше употреблять в соответствующих случаях термин «правотворческое делегирование» (см.: Геновски М. Преминование функции на державни органи въход общественни организации. София, 1962, с. 67; Антонова Л. И. Указ. статья, с. 18).

В предыдущем изложении уже говорилось об условности юридической терминологии. К тому же в данном случае термин «санкционирование» имеет обобщающее значение: он отражает все случаи придания государством юридической силы социальным нормам иных видов.

Более широкое значение (но уже в другой плоскости) имеет и термин «правотворческое делегирование»: он охватывает все случаи передачи правотворческих полномочий от одного органа другому, в том числе и государственному органу. Поэтому термин «предварительное санкционирование» целесообразно сохранить. Вместе с тем необходимо использовать и выражение «правотворческое делегирование», не забывая, разумеется, того, что в данном случае перед нами лишь одна из разновидностей делегирования правотворческих полномочий.

Особое значение принадлежит в социалистическом обществе нормативным актам, которые исходят от государственных органов и Коммунистической партии. В них соединены характерные признаки правовых актов и актов общественных организаций, правовых норм и партийных директив. Такое соединение существенно поднимает общественное значение и авторитет нормативных актов, означает подкрепление правовых норм авторитетом и директивой ЦК КПСС³⁰.

Г. *Нормативные договоры.* Специфической разновидностью совместных актов являются нормативные договоры. Конечно, издание любого совместного акта связано с определенным соглашением правотворческих органов, согласованием их воли. Но все же, как правило, совместный акт оформляется в качестве обычного юридического акта; лишь по его наименованию и юридической силе можно определить, что он принят несколькими органами.

Нормативные договоры — это совместные акты-документы, выражающие в своем нормативном содержании взаимное изъявление воли правотворческих органов, встречное принятие на себя каждым из них юридических обязанностей. Нормативные договоры как источник внутригосударственного права встречаются сравнительно редко (в государственном и трудовом праве). Более широкое распространение получили нормативные договоры в международном праве, где они являются основным источником права. Из самой сути международного права, регулирующего межгосударственные отношения, следует, что юридические нормы в большинстве случаев устанавливаются путем согласования воли между государствами³¹.

Наряду с рассмотренными разновидностями нормативных актов можно указать и на другие виды, отражающие иерархическую структуру законодательства.

Так, в теоретическом и практическом отношениях целесообразно проводить классификацию нормативных юридических актов по их действию во времени, в пространстве, по кругу лиц. Например, в зависимости от срока действия во времени необходимо различать акты неопределенно-длительного действия и акты временные. В зависимости от сферы действия в пространстве нормативные юридические акты могут быть подразделены на общие и местные (партикулярные), а по действию в отношении круга лиц — на общие, специальные и исключительные³².

³⁰ См.: Шебанов А. Ф. Форма советского права, с. 180; Корельский В. М. Об особенностях и значении норм, содержащихся в совместных постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров. — Правоведение, 1957, № 8, с. 23—24; Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства.

³¹ См.: Минасян Н. М. Источники современного международного права, Ростов, 1960; Лукашук И. И. Источники международного права. Киев, 1966; Курс международного права. Т. 4. М., 1969; и др.

³² Эти и некоторые иные виды нормативных юридических актов выделены и обстоятельно рассмотрены А. Ф. Шебановым (см.: Шебанов А. Ф. Форма советского права, с. 89—91).

ДЕЙСТВИЕ НОРМАТИВНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО АКТА

1. Действие нормативного юридического акта. **Пределы действия.** Действие нормативного юридического акта — это реальное функционирование выраженных в акте юридических норм, фактическое проявление юридической энергии. Такое реальное функционирование юридических норм охватывается понятием *юридической силы (правовой обязательности)*.

Некоторые стороны действия юридических норм, свойственной им юридической силы проявляются *через* их внешнюю форму — нормативные акты-документы. Именно через акты-документы устанавливаются границы, т. е. пределы функционирования выраженных в актах норм. В данной плоскости в теории права, в законодательстве и на практике рассматривается *действие* законов и других нормативных актов (во времени, в пространстве, по кругу лиц):

Точное установление границ действия нормативных юридических актов является элементарным, первейшим условием правового регулирования. Оно необходимо потому, что каждый нормативный акт когда-то издан и когда-то прекращает свое действие, функционирует на определенной территории, нередко адресован только той или иной категории субъектов. Иными словами, здесь реально на данный момент определяется круг общественных отношений, регламентированных юридическими нормами.

От того, когда вступает в действие нормативный акт, на какую территорию он распространяется и т. д., в определенной степени зависит эффективность юридических норм, достижение целей правового регулирования, общественно-политическое влияние права. Так, чрезмерно быстрое (после утверждения) введение в действие крупного и сложного нормативного акта может вызвать затруднения в работе органов государства, поставить в невыгодное положение тех или иных субъектов, повлечь за собой трудности в решении практических вопросов.

С пределами действия нормативного акта связано осуществление требований законности. Эти пределы

должны быть регламентированы так, чтобы принятые нормативные акты своевременно вводились в действие, старые отменялись, строго определялась их субординация, не допускались случаи произвольного применения акта к отношениям, которые не попадают в сферу его функционирования.

Пределы действия нормативного юридического акта специально урегулированы в особых нормах — оперативных и коллизионных. Они призваны регулировать общественные отношения не непосредственно, а через иные нормы («нормы о нормах»), т. е. путем регламентации порядка вступления в силу нормативных актов, их отмены, области их действия и др.¹.

Пределы действия нормативного юридического акта устанавливаются по трем основным измерениям: по времени, территории, лицам. Основное теоретически и практически важное из этих измерений — действие акта во времени.

2. Действие нормативного юридического акта во времени. Действие нормативного юридического акта во времени характеризуется двумя основными моментами: а) вступлением акта в силу, б) утратой им юридической силы.

Вступление нормативного акта в силу (введение его в действие) может связываться с основной стадией правотворческого процесса — с решением о принятии акта. В этом случае принятый компетентным правотворческим органом акт сразу же приобретает юридическую силу и, следовательно, порождает юридические последствия еще до его официального опубликования.

Однако в условиях режима строгой законности вступление нормативного акта в силу не может не быть отделено от момента его принятия и тогда оно, как правило,

¹ Обособление данной разновидности норм-предписаний является одной из наглядных иллюстраций свойственного праву объективного процесса специализации.

Если рассматривать право только в виде совокупности логических норм, каждая из которых является самостоятельным регулятором общественных отношений, то нужно признать, что подобные автономные нормы должны были бы самостоятельно определять пределы их действия. Однако в силу процесса специализации права этот элемент в регламентации общественных отношений обособился в специфические разновидности специализированных норм-предписаний; он оказался «выведенным за скобки», т. е. общим для всей системы нормативных актов или их разновидностей.

связывается с официальным опубликованием акта. Причем в большинстве случаев нужен определенный разрыв во времени между официальным опубликованием акта и вступлением его в действие. Этот разрыв необходим не только для ознакомления с принятым нормативным актом всех заинтересованных субъектов, но и для прочного усвоения его содержания лицами, осуществляющими применение права. В ряде случаев здесь, кроме того, нужно провести необходимые подготовительные мероприятия (например, при введении новой организационной структуры юрисдикционных органов, при введении новой валюты и др.). Наконец, необходимо предоставить возможность тем или иным лицам «приспособить» возникшие ранее длящиеся правоотношения к новым требованиям закона.

Вот почему вступление в силу крупных и сложных нормативных актов отдалено от момента их принятия и опубликования на довольно значительный срок (иногда 2—6 месяцев и более).

Каким же образом обеспечивается отмеченный разрыв во времени? В отношении крупных и сложных нормативных актов это достигается путем установления специального, для каждого акта особого срока, после истечения которого он вступает в силу. Здесь, таким образом, вступление акта в силу приобретает характер введения его в действие².

В Советском Союзе при принятии Основ той или другой отрасли законодательства и соответствующих кодексов компетентные органы государственной власти издают специальный закон об утверждении (о порядке введения в действие) Основ или кодекса, где помимо прочего указывается дата и порядок введения нормативного акта в действие.

Если же при принятии нормативного акта не устанавливается специальный срок для его введения, то применяются особые правила, регламентирующие общий порядок вступления нормативных актов в силу, которая в то же время означает и порядок введения их в действие. Этот общий порядок может быть: а) порядком постепенного вступления нормативных актов в силу; б) порядком

² См.: Комиссаров К. И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971, с. 130—131.

одновременного вступления актов в действие на всей территории государства через определенный срок.

Первому из указанных порядков свойствен ряд недостатков, в частности, он не всегда обеспечивает принцип единой законности, создает известные трудности практического характера.

Значительные преимущества имеет порядок одновременного вступления актов в силу, при помощи которого достигается «большая определенность в юридическом отношении, обеспечивается одновременное и повсеместное установление одинакового правового режима в стране»³.

В настоящее время в СССР и других социалистических странах действует, как общее правило, система одновременного вступления закона в силу на всей территории страны после истечения определенного срока. Так, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1958 г. в редакции Указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1980 г., законы, постановления и другие акты Верховного Совета СССР, указы и постановления его Президиума общенормативного характера вступают в силу на всей территории СССР одновременно по истечении 10 дней после их опубликования в «Ведомостях Верховного Совета СССР» или в «Известиях Советов народных депутатов СССР»⁴.

Система одновременного вступления в силу нормативных актов в настоящее время существует и в других социалистических государствах (в Болгарии закон вступает в силу спустя 3 дня после его официального опубликования, в ГДР — 14 дней и т. д.).

Установление в качестве общего порядка системы одновременного вступления актов в силу не исключает использования и иных систем. Так, согласно ст. 6 упомянутого Указа, акты Президиума Верховного Совета СССР, которые не опубликованы, вступают в силу с момента получения их государственными органами и общественными организациями, если не установлен иной срок введения их в действие.

³ Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм, с. 284.

⁴ Ведомости Верховного Совета СССР, 1958, № 14, ст. 275; 1980, № 20, ст. 374.

Утрата нормативным актом юридической силы⁵ происходит в результате следующих обстоятельств: а) истечения срока, если нормативный акт издан на определенный срок; б) прямой отмены данного акта другим актом, изданным компетентным правотворческим органом; в) фактической отмены (замены), когда компетентным органом издан новый нормативный акт, установивший по данному вопросу новые правила поведения; в этом случае ранее действовавшие юридические нормы утрачивают силу со дня введения в действие нового акта.

В последние годы при издании новых нормативных актов компетентным государственным органам нередко поручается подготовить в определенный срок предложения о внесении официальных изменений и признании утратившими силу ранее изданных нормативных актов. Такое официальное изменение и признание актов утратившими силу служит официальным подтверждением фактической отмены (замены). Иначе говоря, в данном случае фактическая отмена подтверждается актом прямой отмены (кроме того, при этом ряд ранее действовавших актов приводится в соответствие с новыми правилами, т. е. формулируется в новой редакции).

Если рассматривать действие нормативного акта в непрерывной цепи последовательно сменяющих друг друга актов, то необходимо выяснение характера его действия во времени. Здесь есть три принципа (типа действия): немедленное действие нормативного акта, обратная сила нормативного акта, сохранение действия («переживание») нормативного акта⁶.

3. Принцип немедленного действия нормативных юридических актов. Нормативные акты в условиях режима законности, в принципе, действуют лишь «вперед», т. е. приводят к возникновению юридических последствий только в связи с теми фактами, которые возникли после вступления в силу данного нормативного акта.

⁵ От утраты нормативным актом юридической силы следует отличать *фактическое* прекращение действия нормативного акта. Возможно прекращение действия (фактическое неприменение) закона, сохраняющего юридическую силу. В то же время в некоторых случаях не исключено и действие закона, утратившего силу (см.: Тилле А. А. Действие советского закона во времени и в пространстве. — Автореф. докт. дисс. М., 1966, с. 5).

⁶ Характеристику этих трех типов действия закона во времени см.: Тилле А. А. Время, пространство, закон. Действие советского закона во времени и пространстве. М., 1965.

Указанное правило на практике не вызывает каких-либо затруднений, если речь идет о разовых фактах и отношениях, не имеющих протяженности во времени. Таковы, например, преступления, время совершения которых определяется моментом их окончания.

Вопрос осложняется в тех случаях, когда необходимо определить, какой из нормативных актов следует применять к *длящимся* отношениям, т. е. отношениям, существование которых связано с рядом фактов, периодически возникающих в течение того или иного периода времени.

Общий принцип, определяющий действие нормативных актов применительно к *длящимся* отношениям, может быть определен как *принцип немедленного действия*.

Новый нормативный акт как бы рассекает длящееся отношение. Все те юридические последствия, которые в соответствии с происшедшими в прошлом фактами уже наступили, как правило, сохраняют свою силу. Но и новый нормативный акт действует немедленно; сообразно с этим все факты, возникшие после вступления в силу нового акта, подпадают под его действие.

Указанный принцип отчетливо выражен в советском законодательстве. Так, при введении в действие Основ гражданского законодательства предусмотрено: «По договорным и иным гражданским правоотношениям, возникшим до 1 мая 1962 г., Основы гражданского законодательства применяются к тем правам и обязанностям, которые возникнут после введения в действие Основ».

Принцип немедленного действия не исключает того, что в некоторых случаях нормативный акт как бы поворачивает назад, приобретает обратную силу: действуя немедленно для данного длящегося отношения, он в то же время может в той или иной степени распространяться на факты и порожденные ими последствия, которые существовали еще до его издания. Здесь происходит, так сказать, «двойной» эффект нового нормативного акта (действие и «вперед» и «назад»).

4. Обратная сила нормативного акта. Из общего принципа немедленного действия нормативного акта вытекает правило — «закон обратной силы не имеет» (*lex ad praeteriam non valet*).

Это правило означает, что нормативный акт, в принципе, не распространяется на факты и юридические последствия, которые наступили до его вступления в силу.

В социалистическом обществе принцип «закон обрат-

ной силы не имеет» гарантирует определенность и прочность социалистического правопорядка, препятствует произвольному применению юридических норм, обеспечивает надлежащее воспитательное воздействие норм права, прочную законность.

Принцип «закон обратной силы не имеет» не является абсолютным. Из него могут быть сделаны исключения, которые, однако, допустимы только по решению самих правотворческих органов, и прежде всего непосредственно в законе. Такого рода исключения обоснованы гуманными соображениями (например, обратная сила законов, смягчающих или устраняющих наказуемость данных деяний), необходимостью обеспечить единство в правоотношениях, в осуществлении определенных запретительных мер.

Что такое обратная сила нормативного акта? Это *распространение действия нового акта на факты и порожденные ими правовые последствия, которые возникли до введения его в действие.*

Самым общим образом можно сказать, это — такое действие нового нормативного акта на правоотношение, при котором он предполагается существовавшим в момент возникновения правоотношения⁷. Однако такая общая характеристика требует существенных уточнений.

Для понимания юридических особенностей обратной силы нормативного акта (в частности, при ее отграничении от немедленного действия закона) важно иметь в виду не только то, что регулируемые правом отношения могут иметь длящийся характер, но и то, что *само пра-*

⁷ См.: Тилле А. А. Время, пространство, закон, с. 96; Блум М. И., Тилле А. А. Обратная сила закона. М., 1969, с. 34. Авторы, однако, не видят многообразия случаев обратной силы: по их мнению, последние встречаются только при пересмотре на основе нового нормативного акта уже наступивших последствий. Думается, такой подход ориентирован все же на действие закона в уголовном праве. Он не учитывает специфики правоотношений в других отраслях права. Помимо ряда иных моментов здесь нужно принять во внимание *длящийся характер правового регулирования, а также возможность индивидуального правоприменительного регулирования данных отношений.* К. И. Комиссаров указал и на ряд других неточностей, допущенных в приведенной выше общей характеристике обратной силы нормативного акта (касающихся связи обратной силы с неюридическими в прошлом фактами, с недлящимися отношениями) (см.: Комиссаров К. И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства, с. 135—141).

вовое регулирование нередко является длящимся, растянутым во времени.

Здесь нужно учитывать обстоятельства двоякого рода.

Во-первых, с юридико-фактической стороны такого рода ситуация, требующая поворота «назад» нового акта, складывается при наступлении незавершенных правовых последствий, которые возникают из части фактического состава. Если возникновение правовых последствий в целом определяется при такой ситуации по новому закону, это означает, что наступившие ранее незавершенные последствия должны «перестроиться» сообразно новому нормативному акту.

Во-вторых, существенно важно учитывать, что нередко правовое регулирование завершается в индивидуальном порядке — вынесением правоприменительного акта. И если применительно к длящемуся правоотношению компетентным органом уже вынесено правоприменительное (судебное) решение, регулирующее права и обязанности на будущее, то распространение нового закона на эти права и обязанности означает, что закон поворачивает «назад» и по отношению к правоприменительному решению, состоявшемуся в прошлом⁸.

Таким образом, теперь можно уточнить приведенное ранее определение немедленного действия нормативного акта. Чистое немедленное действие — это такое действие, при котором вновь возникающие права и обязанности не имеют «правовых корней» в прошлом. Если же до введения в действие нового нормативного акта уже возникли незавершенные правовые последствия или если длящееся отношение индивидуально урегулировано правоприменительным решением, то немедленное действие нормативного акта сопровождается известным поворотом этого акта «назад» — на факты и правовые последствия, возникающие до введения его в действие.

Обратная сила нового нормативного акта по своим юридическим особенностям и глубине зависит от степени завершенности наступивших в соответствии с прежним актом правовых последствий. По этому признаку различается обратная сила: а) простая, б) ревизионная.

⁸ Зависимость обратной силы от того, урегулировано или нет длящееся отношение правоприменительным решением, подметил К. И. Комиссаров (см.: Комиссаров К. И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства, с. 141).

Простая обратная сила — это распространение нового нормативного акта на факты прошлого, в силу которых окончательные юридические последствия еще не наступили. Она касается, в частности, таких длящихся отношений, применительно к которым вынесено правоприменительное решение, регламентирующее права и обязанности субъектов на будущее. Здесь «поворот в прошлое» имеет ограниченное значение: он касается только фактов, которые в полной мере еще не «сработали», т. е. возникли до введения в действие нового нормативного акта, но еще не породили окончательных юридических последствий. Принятое ранее правоприменительное решение пересматривается лишь в той части, в какой оно регулирует права и обязанности на будущее.

Простая обратная сила была предусмотрена по ряду правоотношений, например при введении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, а также республиканских гражданских кодексов.

Ревизионная обратная сила — это распространение нового нормативного акта на факты, по которым окончательные юридические последствия наступили, т. е. на факты, которые уже полностью «сработали», в частности, на целиком реализованные правоприменительные решения. Здесь происходит пересмотр (ревизия) ранее наступивших юридических последствий. Они определяются вновь, по новому нормативному акту. В данном случае правоприменительное решение пересматривается и в той части, в какой юридические последствия фактически исполнены.

Например, при простой обратной силе нового наследственного закона его нормы распространяются на все открывшиеся, но еще не принятые наследства. Если же придать наследственному закону ревизионную обратную силу, то на его основе должны быть пересмотрены дела по наследствам, которые уже приняты наследниками, т. е., по существу, изменены отношения собственности. Таким образом, при ревизионной обратной силе происходит известное вторжение нового нормативного акта в уже сложившиеся, полностью урегулированные правовые отношения.

В социалистическом обществе нормативным актам придается обратная сила крайне редко, в порядке исключения — преимущественно в силу гуманистической природы социалистического права (обратная сила уго-

ловного закона, устраняющего наказуемость деяния или смягчающего наказание) или логики права (обратная сила актов, конкретизирующих закон). Что же касается ревизионной (полной) обратной силы, то она в каждом случае должна быть специально предусмотрена при принятии данного нормативного акта. Так, о ревизионной обратной силе некоторых норм ГК РСФСР говорит ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1964 г. о порядке введения в действие ГК и ГПК РСФСР⁹. Согласно предписанию этой статьи, ко вновь урегулированным отношениям (например, купле-продаже жилого дома с условием пожизненного содержания) новые нормы ГК применяются независимо от времени возникновения данных отношений; ранее возникшие отношения должны быть здесь приведены в соответствие с новым законодательством.

5. Сохранение действия («переживание») нормативного юридического акта. Кроме случаев обратной силы, существует еще одно своеобразное действие нормативного акта во времени, которое условно можно назвать *«переживанием»* старого акта.

Это — явление, по своему характеру противоположное обратной силе нормативного акта. Здесь старый нормативный акт, отмененный новым, в какой-то мере продолжает действовать и после утраты им юридической силы. Он как бы «переживает» отведенный ему срок, в определенной степени продолжает жить и после введения в действие нового нормативного акта.

«Переживание» закона возможно только применительно к длящимся отношениям. Оно применяется, как правило, в случаях, когда необходимо учитывать интересы лиц, вступивших в правоотношение до издания нового нормативного акта.

При рассмотрении действия нормативных актов во времени нужно учитывать особенности решения данного вопроса в каждой отрасли советского права. Как правильно отмечено в литературе, во многих отраслях права к вопросу о том, *какой* закон применить, добавляется другой вопрос: *как* его применить. Он возникает потому, что мера или степень воздействия нового закона на сложившиеся отношения, а также степень сохранения действия старого закона могут быть различными¹⁰.

⁹ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1964, № 24, ст. 416.

¹⁰ См.: Блум М. И., Тилле А. А. Обратная сила закона, с. 31.

Требуют также учета и длящийся характер правового регулирования, и значение в его завершении индивидуальных правоприменительных актов. В индивидуальном порядке могут быть урегулированы права и обязанности на будущее. В соответствии с этим новый нормативный акт может по-разному определить судьбу такого рода индивидуального регулирования (либо сохранять действие правоприменительного решения, либо предусматривать его пересмотр целиком или в той части, в которой им регулируются права и обязанности на будущее).

6. Действие нормативных юридических актов в пространстве и по лицам. В соответствии с началами государственного суверенитета, территориальным верховенством государства действие нормативных актов этого государства на его территории *безраздельно и исключительно*.

Государственной территорией признается часть земного шара, на которую распространяется политическое и юридическое верховенство (суверенитет) данного государства.

Практически важен вопрос о пространственных пределах действия нормативных актов внутри границ данного государства. Здесь нужно различать нормативные акты, действующие: а) на всей территории государства и б) на определенной ее части.

В Советском Союзе к нормативным актам, действующим на всей территории страны, принадлежат акты, которые издаются общесоюзными правотворческими органами,— законы СССР, общие подзаконные нормативные акты (в том числе указы Президиума Верховного Совета СССР, акты Правительства СССР). В соответствии со ст. 74 Конституции СССР законы СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик. В случае расхождения закона союзной республики с общесоюзным законом действует закон СССР.

К нормативным актам, действующим только на части территории нашей страны, принадлежат: а) общесоюзные и иные акты, содержащие специальные, т. е. пространственно ограниченные, нормы; б) законы, общие подзаконные и ведомственные акты союзных республик; в) местные акты.

В некоторых случаях возможно применение законодательства одной республики на территории другой республики.

Речь идет о таких юридических фактах и правоотношениях, которые имеют, так сказать, простран-

венную протяженность (в частности, о действиях, которые начались на территории одной республики и закончились на территории другой). Применение республиканского законодательства в этом случае определяется особыми коллизионными нормами.

Принципы, характеризующие функционирование нормативных актов в пространстве, определяют их действие и в отношении граждан и организаций.

Общее правило здесь таково: *нормативный акт распространяется на всех лиц в пределах территориальной сферы своего действия*. В частности, пространственно ограниченные нормативные акты распространяются только на лиц, находящихся в границах данного участка территории. Причем в зависимости от содержания юридических норм в одних случаях решающее значение принадлежит фактическому нахождению лиц на данной территории, например факту совершения преступления на территории определенной союзной республики; в других — его местожительству или местонахождению органа юридического лица (организации).

Из указанного общего правила имеются исключения. С одной стороны, советские граждане и организации должны подчиняться нормативным актам Советского государства и за пределами его территории. Так, советские граждане, проживающие за границей, подлежат приписке к определенному призывному участку в СССР, на который в случае призыва они обязаны явиться. За совершенное преступление советские граждане несут ответственность по советскому уголовному законодательству (по закону той союзной республики, где они привлечены к ответственности и преданы суду).

С другой стороны, те или иные нормативные акты могут распространяться только на определенную категорию граждан и организаций. Существующее в социалистических странах равенство всех субъектов перед законом не исключает определенной дифференциации правового регулирования и соответственно этому наличия в социалистическом праве специальных норм, распространяющихся только на определенный круг субъектов.

Специальный характер могут носить законы и общие подзаконные нормативные акты. Таковы, например, законы об уголовной ответственности за воинские преступления (субъекты — только военнослужащие и военно-

обязанные во время прохождения ими военных сборов), уставы о дисциплинарной ответственности работников транспорта, связи и др.

К специальным относятся также все ведомственные нормативные акты, действие которых распространяется только на лиц в пределах данного ведомства.

Дифференциация правового регулирования с достаточной отчетливостью проявляется в ряде отраслей социалистического права. Например, в гражданском праве целый ряд нормативных актов посвящен либо только социалистическим организациям, либо только гражданам. Глубокая дифференциация по субъектам характерна для советского трудового права, где значительное число нормативных актов направлено на регулирование применения труда конкретных категорий рабочих и служащих.

7. Коллизии между нормативными актами. Коллизионные нормы. Между нормативными актами могут возникать противоречия, столкновения. Такие противоречия называются коллизиями.

Коллизии в праве могут иметь, так сказать, естественный характер. К ним относятся столкновения норм, связанные с их действием во времени, с особенностями правового регулирования в разных государствах, с наличием противоречий в отношениях, регулируемых правом. Они могут быть вызваны и ошибками в правотворчестве, недостатками в кодификационной работе.

Для устранения противоречий в праве существуют *коллизионные нормы*, которые по своему юридическому содержанию могут быть разделены на две основные группы:

во-первых, нормы, регулирующие выбор между законами различных территорий;

во-вторых, нормы, регулирующие выбор между законами, последовательно сменяющими друг друга (транзитные нормы).

Вопрос о коллизии нормативных актов и коллизионных нормах решается по-особому применительно к праву внутри страны и применительно к случаям расхождения между нормами данного государства и нормами иностранных законов.

Социалистическое государство характеризуется принципиальным единством правового режима. Поэтому здесь коллизии между нормативными актами внутри

страны сравнительно немногочисленны, они не имеют конфликтного характера. Немногочисленны и коллизионные нормы. Причем они касаются в значительной мере выбора законов, последовательно сменяющих друг друга (транзитные нормы). Среди основных коллизионных норм, действующих внутри СССР, можно указать на такие:

а) при расхождении нормативных актов, изданных различными государственными органами, преимущество имеет акт, изданный вышестоящим органом;

б) при расхождении актов, изданных одним органом в разное время, преимущество имеет более поздний акт;

в) при расхождении союзного и республиканского законодательства действует союзный закон (ст. 74 Конституции СССР).

Между социалистическим правом и правом иностранных государств существуют значительные, подчас резкие несоответствия. Однако в жизни, когда складываются так называемые отношения с иностранным или международным элементом, подчас возникает необходимость применения к данным отношениям норм иностранного или международного права. Этой цели и служат коллизионные нормы, которые входят в состав *международного частного права*¹¹.

Коллизионные нормы международного частного права распространяются главным образом на область гражданских, семейных, трудовых правоотношений. Нормы уголовного и административного права имеют в принципе строго территориальное действие (исключения из этого предусмотрены в уголовном законодательстве. Например, возможность зачета в срок наказания времени, отбытого в заключении за границей по приговору иностранного суда).

В силу внутреннего единства права стран социалистического лагеря между ними складываются принципиально новые коллизионные нормы; в частности, эти нормы установлены в договорах о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенных между социалистическими странами.

¹¹ См.: Лунц Л. А. Курс международного частного права (в трех томах). Общая часть. М., 1973; с. 22, 171—176.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ В ПРАВЕ

1. **Понятие систематизации в праве.** Это — *деятельность по обеспечению системности права, по приведению действующих нормативных актов в единую, согласованную, цельную систему.*

Системность права, система законодательства и систематизация в праве — явления, находящиеся в единении, во взаимозависимости.

Системность права — такое его объективное свойство, которое, складываясь в силу экономических и иных социальных потребностей, нуждается вместе с тем (для своего поддержания и развития) в целенаправленной правотворческой работе. А эта работа затрагивает, во-первых, непосредственно нормативный материал, формируемый в процессе правотворчества, т. е. право как такое, и, во-вторых, упорядочение системы законодательства.

Касаясь второго из указанных ракурсов, необходимо заметить следующее. Система законодательства в отличие от системы самого права характеризуется подвижностью, непосредственной зависимостью от субъективного фактора, от усмотрения законодателя. Нормативные акты издаются в различное время, разными, подчас непосредственно не соподчиненными между собой правотворческими органами. Многие акты принимаются в связи с определенными конкретными событиями или особыми задачами в деятельности государства, его органов. Иногда акты оказываются несогласованными, а то и противоречивыми.

Поэтому развитие законодательства выражается не только в деятельности по изданию новых, прежде всего *системных, нормативных актов* (в том числе по нормативному восполнению пробелов в праве), но и в *деятельности по упорядочению системы законодательства*. В наиболее общем виде такого рода деятельность в обоих указанных ракурсах и обозначается понятием *систематизации*.

Главные разновидности систематизации имеют *правотворческую природу*. Правотворчество (если рассматривать его по отношению ко всей правовой системе) не

ограничивается изданием актов, которые устанавливают, изменяют или отменяют нормы права: оно включает также деятельность, направленную на обеспечение системности права, упорядочение системы действующего законодательства¹.

Систематизация в праве выполняет существенные социальные функции. *Она является важным, необходимым моментом в самом существовании права.* Надлежащим образом систематизированное, упорядоченное законодательство — показатель того, что внешняя форма данной национальной правовой системы адекватна одному из существенных свойств права — системности. А это значит, что от систематизации во многом зависит все то, что относится к ценности права, его эффективности, к законности.

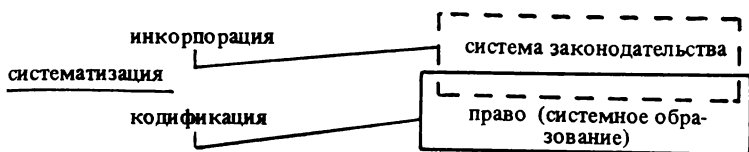
Разумеется, такое значение систематизации непосредственно сопряжено с классовой природой права. В эксплуататорских обществах антагонистические социально-классовые противоречия да и сам ход стихийного экономического и социального развития ставят объективные преграды надлежащей систематизации, запутывают систему права и систему законодательства все больше и больше.

В то же время примечательно, что именно при социализме указанная выше зависимость между системностью права и систематизацией стала жесткой и высокозначимой². Самой жизнью социалистического общества продиктована потребность того, чтобы право не только отвечало назревшим материальным условиям общества, но и было совершенным по своей форме, в первую очередь упорядоченным, систематизированным, чтобы оно с максимальной эффективностью было способно выполнять свои задачи. А это значит, что систематизация в социалистическом обществе представляет собой *объективную закономерность права*. Пренебрежение этой за-

¹ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия, с. 579, 580.

² Существенное значение имеют здесь уровень развития данной правовой системы, степень развертывания в ней специфически правовых закономерностей, влияние на ее развитие науки. Как правильно отмечено в литературе, «на первых порах систематизация была плодом искусственной, затем естественной классификации, а в наши дни находится на пороге научной классификации» (Система советского законодательства, с. 75).

ПРАВО, СИСТЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ФОРМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

кономерностью, недоучет ее объективных требований и принципов порождают трудности на практике, приводят к снижению эффективности правового регулирования.

Отсюда следует также, что в социалистическом обществе *систематизация в праве является одним из условий строгого и неукоснительного проведения в жизнь требований законности*. Систематизированное законодательство в значительной степени исключает возможности для неправильного или произвольного применения юридических норм, сокращает пробелы в нормативном материале, служит необходимой предпосылкой для того, чтобы все субъекты строго соблюдали юридические нормы, полно и реально осуществляли предоставленные им права. Систематизация обеспечивает надлежащее применение юридических норм и в то же время доступность социалистического права для всех граждан, всего населения.

Вот почему систематизации нормативных актов столь большое значение придавал В. И. Ленин. Систематизация в социалистическом обществе — это ленинское требование существования и развития права, строгого соблюдения начал законности.

Систематизация в праве достигается двумя основными, качественно различными, разноплановыми по юридической природе способами: а) кодификацией права, б) инкорпорацией действующих нормативных актов (см. схему 28).

Кроме этих двух основных способов, существуют и другие приемы, направленные на придание праву большей системности, на поддержание законодательства в

упорядоченном состоянии³ (в частности, издание укрупненных актов, справочно-информационная работа и др.).

В научной и учебной юридической литературе считается общепризнанным деление систематизации на две формы: кодификацию и инкорпорацию. Для общей характеристики вопросов систематизации такое деление представляется приемлемым и полезным. Оно взято за основу и в настоящем курсе. Однако более углубленное изучение данной проблемы показывает необходимость научно корректной интерпретации приведенного деления.

Кодификация и инкорпорация — явления разноплоскостные. Кодификация не является «формой» систематизации действующих актов: это вид правотворчества, в ходе которого достигаются цели систематизации. В то же время, действительно, существуют формы упорядочения действующих нормативных актов, включая инкорпорацию, справочно-информационную работу.

Поэтому, как представляется, под формами систематизации следует понимать способы достижения целей систематизации, к которым, с одной стороны, относится кодификация права, а с другой — формы упорядочения нормативных актов (инкорпорация).

2. Кодификация права. Это — такой вид правотворчества, при котором обеспечивается системное нормативное регламентирование данного вида общественных отношений путем издания единого, юридически и логически цельного, внутренне согласованного нормативного акта (Основ, кодекса), выражающего содержание и юридическую специфику структурно обособленного подразделения системы права.

Главная особенность кодификации (как способа систематизации) состоит в том, что здесь упорядочение нормативного материала достигается в рамках *особого, наиболее высокого вида правотворчества* — системного правотворчества (I.18.5.).

Предметом упорядочения при кодификации являются не нормативные акты, а непосредственно юридические нормы. Поэтому при определенных условиях кодифицированный акт может быть издан, так сказать, на чистом месте, т. е. при отсутствии ранее изданных многочисленных актов (например, ГК РСФСР 1922 года) или с такими существенными нововведениями, что он значительно отличается от них.

Функции кодификации далеко выходят за границы систематизации. Это — вообще главный, органичный для высокосовершенной нормативно-законодательной системы путь развития права, повышения его уровня, культу-

³ См.: Систематизация хозяйственного законодательства, с. 20—27.

ры и эффективности. При помощи кодификации социалистическое право достигает новых ступеней совершенства.

Во многих случаях издание Основ и кодексов выражает качественное обновление правового регулирования, своего рода правовую реформу. «Кодификация, — писал П. И. Люблинский, — представляет вид законодательства, оплодотворенный юридической наукой, создающий новое право и потому составляющий порою отправную точку нового развития в соответственной области права»⁴.

Реальным выражением того, что кодификация представляет собой наиболее высокий вид правотворчества, являются формулируемые в кодифицированных актах *нормативные обобщения высокого уровня* — такие *общие нормы*, которые позволяют юридически объединить весь нормативный материал. В кодифицированном акте закрепляются единые принципы, цементирующие весь нормативный материал. Именно в кодифицированных актах происходит специализация права: выделение общих, дефинитивных и иных специализированных норм, обособление охранительных норм.

Чем обусловлено столь существенное значение кодификации в правотворчестве? С юридической стороны первопричина заключается, думается, в том, что кодификация, как правило, является *выражением* и в известной степени *формирующим началом* таких качественно своеобразных подразделений системы права, как *отрасли права (основные и комплексные)*. А так как отрасль права имеет предметное и юридическое единство, это дает возможность в едином нормативном акте закрепить общие нормы, в максимальной степени развернуть достоинства социалистического права, его социально полезные свойства — общеобязательную нормативность, формальную определенность, системность и др.

Следовательно, дело не только в том, что в кодифицированном акте возможно урегулировать данные отношения с максимальной полнотой (беспробельно). Главное заключается в том, что результатом правотворчества является *единый, юридически и логически цельный, внутренне согласованный по содержанию акт*. Эти единство, цельность и согласованность представляют собой результат не одних технико-юридических, логических операций:

⁴ Цитируется по кн.: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства, с. 11.

они выступают в качестве выражения юридической цельности и специфики данного подразделения права именно по содержанию.

Высокий уровень нормативных обобщений, присущий кодификации, воплощается в *общей части* кодифицированного акта. Наличие общей части в акте свидетельствует об обособлении данной общности юридических норм в структуре права, а уровень обобщений является показателем юридической самобытности этой общности, ее места в правовой системе⁵.

Кодифицированные акты — основной канал развития системы права (I.18.5.). Вырабатываемые на основе «нижестоящего» или только намечающегося, слабовыраженного подразделения правовой системы (крупного института, подотрасли, комплексной отрасли) кодифицированные акты при наличии необходимых объективных предпосылок становятся средством, при помощи которого происходит «выплавка» общих принципов и юридических особенностей регулирования, нередко образующих черты специфического метода (режима) регулирования, и, следовательно, формирование основной отрасли права.

Таким образом, при кодификации цели систематизации нормативного материала достигаются, так сказать, естественным образом, как бы сами собой, в ходе правотворчества. При этом кодификация решает главные задачи систематизации — достижение единого, юридически и логически цельного регулирования в основных подразделениях правовой системы — отраслях, а в некоторых случаях также подотраслях, крупных правовых институтах.

Вместе с тем надо видеть, что кодификация как способ систематизации имеет известные границы. Не во всех областях права имеются объективные материальные и юридические предпосылки, позволяющие обеспечить такое согласование и упорядочение нормативного материала, которое свойственно кодифицированным актам. К тому же, как правильно отмечено в литературе, кодификация по большей части проводится «тогда, когда назре-

⁵ Как отмечает Имре Сабо, особенностью кодексов является их ведущее значение в системе права, их относительно всеобъемлющий характер и полнота, а также то, что они представляют собой определенную систему (см.: Сабо Имре. Социалистическое право. М., 1964, с. 174—175).

вает необходимость существенного обновления целых отраслей и институтов права»⁶.

В результате кодификации создаются различные по содержанию, значению и наименованию акты. Основные их виды в Советском Союзе следующие.

1) *Общесоюзные Основы (Основные начала) и республиканские кодексы.* Федеративное государственное устройство СССР обусловило своеобразное распределение функций по кодификации между Союзом ССР и союзными республиками. В общесоюзном порядке издаются Основы (Основные начала) данной отрасли законодательства, а в союзных республиках — республиканские кодексы (или иные законы типа кодексов, например законы о судостроительстве).

Было бы неверным рассматривать Основы (Основные начала) и республиканские кодексы в качестве полностью самостоятельных, независимых друг от друга форм кодификации. Нет, они органически связаны между собой. Основы (Основные начала) хотя и детально регулируют некоторые отношения, но все же главным образом направлены на определение общих принципов и положений законодательства Союза ССР и союзных республик. Они закладывают принципиальную базу кодификации данной отрасли права, и с них кодификация начинается. Республиканские же кодексы завершают кодификацию отрасли права. В конечном счете Основы (Основные начала) и республиканские кодексы действуют в единстве, в сочетании.

2) *Обособленные кодифицированные акты (положения, уставы и др.).* Это — акты, которые действуют независимо от каких-либо сопряженных с ними актов. Такого рода обособленные акты могут быть различных уровней, различной степени общности и юридической силы. Они могут облекаться и в форму законов, и в форму актов, утверждаемых постановлением Правительства СССР. Главное место среди них занимают акты, изданные в общесоюзном порядке, в том числе общесоюзные кодексы: Кодекс торгового мореплавания Союза ССР, Воздушный кодекс Союза ССР, Таможенный кодекс Союза ССР, Устав железных дорог Союза ССР, Положения о поставках, Закон о государственных пенсиях и др.

⁶ Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства. М., 1969, с. 9.

Существенное значение имеет деление кодифицированных актов в зависимости от того, какому подразделению системы права соответствует данный акт. По этому признаку кодифицированные акты могут быть подразделены на: а) основные отраслевые, б) комплексные, в) подотраслевые, г) специальные, т. е. соответствующие крупным институтам.

Каждый из этих видов имеет свой уровень нормативных обобщений. Если в кодифицированных актах, соответствующих основным отраслям права, могут быть выделены полнокровные общие части, то содержание общих частей актов, выработанных в результате комплексной кодификации, оказывается узким: оно ограничивается в основном формулированием общих межотраслевых принципов, регламентированием некоторых общих приемов регулирования. Еще «бедней» общие части актов подотраслевой и специальной кодификации (в ряде отраслей права их существование, по-видимому, объясняется отсутствием развернутой общеотраслевой кодификации).

Известную сложность на практике представляет вопрос о наименовании кодифицированных актов. Во многих случаях трудно понять, почему однородные по содержанию и юридической силе акты названы то уставами, то кодексами, то положениями, то просто законами. Конечно, существенную роль играют здесь сложившиеся традиции. Но независимо от этого представляется целесообразным «узаконить» некоторые из наименований — кодексы, уставы, положения — лишь за определенными видами актов.

Ключом к пониманию функций и значения кодификации как высшего вида правотворчества является ее связь с системой права. Надо полагать, что энергия того или иного вида кодифицированного акта в первую очередь зависит от тех возможностей, которые выражают юридическое своеобразие данного звена системы права, и, следовательно, возможности формулирования нормативных обобщений высокого порядка (общей части).

Признавая целесообразность издания кодифицированных актов различных уровней, необходимо вместе с тем видеть, что наибольший эффект в правовом регулировании имеет отраслевая кодификация. Во всяком случае, нужно бережно относиться к самому понятию и к термину «кодекс», используя их преимущественно (а быть может, и исключительно) при кодификации в основных и комплексных отраслях права.

3. Инкорпорация. Это — *систематизация нормативных актов путем их помещения (объединения) по опре-*

деленной системе в единых сборниках или иных изданиях.

Инкорпорация — явление иного порядка, нежели кодификация, и представляет собой только способ собирания воедино действующих нормативных актов, их известного объединения. Акты, подвергающиеся инкорпорации, размещаются по определенной системе, тем самым обеспечиваются удобства при их нахождении и использовании.

Инкорпорация в ряде случаев может рассматриваться в качестве промежуточной ступени, подготовительной стадии к системному правотворчеству — кодификации. Однако некоторые области законодательства требуют только инкорпоративной обработки, и далеко не все законодательство может быть кодифицировано. Поэтому инкорпорация имеет существенное самостоятельное значение⁷.

Рассматривая общие черты инкорпорации, необходимо указать на то, что между официальной инкорпорацией, с одной стороны, и неофициальной инкорпорацией — с другой, существуют качественные различия. К каждой из них примыкают другие способы упорядочения действующих нормативных актов, поддержания их в систематизированном состоянии. Неофициальная же инкорпорация вообще близка к справочно-информационной работе.

4. Официальная инкорпорация. Это — *упорядочение системы нормативных актов путем издания компетентными органами сборников (собраний) действующих нормативных актов.*

Официальная инкорпорация содержит в себе известные правотворческие моменты. Она осуществляется компетентными государственными учреждениями по поручению правотворческих органов, которые определенным образом санкционируют сборник, и под их контролем⁸.

⁷ См.: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства, с. 21.

⁸ В литературе наряду с официальной и неофициальной инкорпорацией выделяется официозная (полуофициальная) инкорпорация — подготовка и издание сборников по поручению, но без санкции правотворческих органов. Официозные инкорпоративные сборники по своей природе ближе к сборникам неофициальной инкорпорации.

Поэтому опубликованные в сборнике нормативные акты имеют официально-достоверный характер (в официальной редакции на момент издания сборника). Хотя сборник и не является источником права, его издание есть специфический акт, имеющий правотворческое значение. На сборник можно ссылаться в процессе правотворчества и применения права. Причем результатом официальной инкорпорации является не только издание действующих нормативных актов, но и издание таких особых правотворческих актов, как, например, перечень актов, утративших силу.

Правотворческий момент в официальной инкорпорации состоит также в том, что она связана с внешней обработкой действующих нормативных юридических актов. Степень такого рода внешней обработки может быть различной. Иногда она состоит только в установлении строгого порядка расположения изданных актов. При других видах инкорпорации внешняя обработка носит более существенный характер. Например, опускаются подписи под актом, исправляются опечатки, грамматические и синтаксические ошибки, вносятся в текст актов все последующие официальные изменения, исключаются из текста статьи временного значения; кроме того, допускается, в принципе, укрупнение, консолидация близких по содержанию актов. Инкорпорация может быть связана и с некоторыми изменениями содержания и формы нормативных актов (которые, однако, производит не сам инкорпоратор, а по его представлению компетентный правотворческий орган)⁹.

Таким образом, при официальной инкорпорации в определенной мере достигаются более глубокие цели систематизации — с помощью внешней обработки (и некоторых изменений в форме и содержании) всей системе нормативных актов придается известное единство, происходит известное осовременивание ее, выведение актов, включенных в инкорпоративные сборники, на общий уровень существующей системы законодательства в целом на данном этапе ее развития.

Наличие в официальной инкорпорации некоторых правотворческих элементов не устраняет ее коренных отличий от кодификации, выражающих принципиальную

⁹ См.: Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства, с. 7—11.

специфику функций той и другой. Главная функция кодификации — существенное комплексное развитие правовой системы, изменение содержания правового регулирования (при котором попутно достигаются и цели упорядочения нормативного материала). При официальной же инкорпорации функция иная: не изменяя содержания правового регулирования, привести действующие нормативные акты в строгую систему (деятельность, в процессе которой в некоторых случаях необходимо попутно подключить правотворческую работу). По своей юридической природе акт официальной инкорпорации представляет собой такой специфический правотворческий акт, который является *способом (формой) опубликования и переопубликования действующих нормативных актов, притом в обработанном (по крайней мере внешне) и упорядоченном виде*¹⁰. Это, следовательно, санкционированный компетентным правотворческим органом официальный источник законодательства, форма упорядоченного бытия действующих нормативных актов¹¹.

Существуют два основных вида официальной инкорпорации: хронологическая и систематическая (предметная).

Хронологическая инкорпорация. Это прежде всего приведение нормативных актов в определенный порядок в процессе их официального опубликования. В настоящее время в СССР выработаны формы официального опубликования нормативных актов, которые и служат способом официальной инкорпорации. К таким формам относится, в частности, опубликование нормативных актов в «Ведомостях Верховного Совета СССР», «Собрании постановлений Правительства СССР» и в соответствующих изданиях союзных республик.

Специальными актами официальной инкорпорации являются хронологические собрания. Эта форма, по существу, развивает и продолжает инкорпорацию, проводимую в процессе опубликования. Однако здесь инкорпо-

¹⁰ См.: Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства, с. 7—11.

¹¹ С рассматриваемой точки зрения представляет интерес высказанное в юридической литературе мнение о том, что изданные в СССР Собрания действующего законодательства «значительно выходят за пределы простой систематизации, проводимой на уровне «фотомонтажа» формально действующих актов» (Система советского законодательства, с. 106).

рация носит уже не текущий, а последующий характер. Она выражает переопубликование актов и связана с более существенной внешней обработкой накопленного нормативного материала, в частности с внесением в текст актов всех последующих официальных изменений. В Советском Союзе изданы хронологические собрания законов, указов Президиумов Верховных Советов и постановлений правительства в ряде союзных республик.

Систематическая инкорпорация. Систематические (предметные) акты инкорпорации — это результат более высокой и сложной работы. Они дают возможность обстоятельней упорядочить нормативный материал, обеспечить удобства в его использовании. Нормативные акты в систематическом собрании располагаются по предметному признаку, в том числе по отраслям народного хозяйства, некоторым сферам государственной деятельности, отраслям права.

Согласно методическим указаниям по составлению Систематического собрания действующих законодательных актов и решений Правительства СССР (СДЗ), в собрание не должны включаться статьи, пункты и отдельные части актов, которые хотя формально не отменены, но должны быть признаны утратившими силу; к статьям и пунктам, которые следует применять с учетом последующих изменений в законодательстве, должны быть даны сноски с пояснительным текстом и т. д.¹²

Специфическим, в высшей степени своеобразным видом систематической инкорпорации является *консолидация нормативных актов*. Это — укрупнение, сведение нескольких близких по содержанию нормативных актов в один акт. Указанный вид систематической официальной инкорпорации близок к кодификации¹³, ибо укрупненный

¹² Подробнее о теоретических и практических вопросах систематической инкорпорации см.: Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства.

¹³ В литературе даже было высказано мнение, что консолидация представляет собой особую форму систематизации (см.: Ушаков А. А. О кодификации советского законодательства. — Ученые записки Пермского университета. Т. 14. Кн. 4. Ч. I. Пермь, 1959, с. 77—78). Этот взгляд не нашел поддержки. Большинство авторов пришло к выводу, что консолидация представляет собой прием, который может применяться при инкорпорации нормативных актов (см.: Шебанов А. Ф. Некоторые вопросы теории нормативных актов в связи с систематизацией советского законодательства. — Сов. государство и право, 1960, № 7, с. 141—142; Керимов Д. А.

акт, по существу, является новым актом, хотя он и не вносит ничего нового в регулирование общественных отношений, допуская в то же время некоторые элементы кодификации¹⁴.

В тех областях права, где отсутствует необходимость и возможность кодификации, вполне оправдано использование консолидации (издания укрупненных актов) как эффективного средства объединения нормативного материала, сокращения числа актов, упрощения и улучшения формы правового регулирования. Консолидация нормативных актов может служить также промежуточной стадией в процессе подготовки Систематического собрания действующих законодательных актов и решений правительства (СДЗ), а также Свода законов.

С официальной инкорпорацией органически связан ряд других приемов систематизации права. В общем виде они охватываются изданием актов вспомогательного и корректирующего регулирования. Это — составление и утверждение специальных перечней актов, утративших силу, и изменений, вносимых в акты в связи с принятием новых; порядок включения нового нормативного материала в систему законодательства путем изменения редакции и дополнений в кодифицированных актах; распространение актов на новые отношения или продление срока их действия и др.

5. Свод законов. Специфическое место среди актов систематизации занимает Свод законов, выступающий в виде высшей формы систематического собрания¹⁵.

По своей исторической и фактической основе он есть акт *официальной систематической инкорпорации*. Свод законов СССР является официальным изданием Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, призванным способствовать укреплению правовой

Кодификация и законодательная техника. М., 1962, с. 30—31; Теоретические вопросы систематизации советского законодательства, с. 27—28).

¹⁴ См.: Систематизация хозяйственного законодательства; Савощенко И. С. О консолидации нормативных актов. — Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 7. М., 1966, с. 88—115. В литературе выдвинута конструкция *укрупненного акта*, охватывающего и акты консолидации (см.: Свод законов Советского государства. Теоретические проблемы, с. 58).

¹⁵ См.: Шебанов А. Ф. Подготовка Свода законов Советского государства и юридическая наука. — Сов. государство и право, 1977, № 5, с. 63—65.

основы государственной и общественной жизни, обеспечить наибольшую стабильность и доступность законодательства для всех советских граждан, дальнейшее укрепление социалистической законности, усиление охраны правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан. В него включаются законодательные акты и важнейшие совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР и постановления Правительства СССР общенормативного характера¹⁶.

Вместе с тем Свод имеет ряд существенных особенностей. Применительно к Своду законов СССР они состоят в основном в следующем.

Во-первых, Свод отличается повышенным уровнем официальности: исходя от высших органов власти и управления, он не только является официальным изданием и не только имеет высокий юридический и общественно-политический авторитет, но и, в принципе, в перспективе потенциально допускает существенную переработку нормативного материала, содержащегося в нем.

Во-вторых, Свод представляет собой высшую разновидность систематической инкорпорации: охватывая всю сумму регулируемых правом общественных отношений, он предполагает наиболее широкую, глобальную классификацию нормативного материала по предметному и целевому критериям — классификацию, в принципе, однотипную той, которая применяется при кодификации.

В-третьих, формирование Свода предполагает предварительную качественную обработку действующего законодательства, устранение множественности актов, пробелов в регулировании, совершенствование и развитие и в соответствии с этим проведение довольно значительной правотворческой работы — работы по кодификации и консолидации законодательства.

В-четвертых, содержание Свода характеризуется единством: Свод состоит из Конституции и главным образом из кодифицированных, консолидированных и иных укрупненных актов, принятых или доработанных в соответствии с Конституцией и сгруппированных по основным сферам жизнедеятельности общества развитого социализма¹⁷.

¹⁶ См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1976, № 37, ст. 515.

¹⁷ Схему Свода законов СССР см.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1978, № 15, ст. 239. См. также: Система советского за-

Все это свидетельствует о том, что Свод, будучи актом инкорпоративного типа¹⁸, содержит вместе с тем кодификационные элементы или, во всяком случае, элементы, близкие к кодификационным. Отсюда и открывается (с технико-юридической стороны) возможность развития Свода как акта инкорпоративного типа в «кодекс кодексов»¹⁹ — в кодифицированный акт, являющийся высшей формой кодификации. Примеры такого, весьма интересного перехода актов систематизации из одного ранга в другой известны²⁰. Принятая в Своде организация нормативного материала на разъемных тетрадах²¹ и осуществление последующего текущего законодательства главным образом путем внесения дополнений и изменений в Свод²² делают перспективу указанного развития статуса Свода весьма вероятной.

6. Неофициальная инкорпорация. Справочно-информационная работа. Неофициальной является инкорпорация, которая проводится организациями и конкретными

конодательства, с. 106—107. Подробнее об особенностях Свода законов см.: Свод законов Советского государства. Теоретические проблемы, с. 13 и след. В книге говорится: «Свод законов СССР... является в целом инкорпорированным официальным собранием действующего законодательства СССР, в процессе подготовки которого, однако, в отличие от всех ранее бывших Сводов и в отличие от СДЗ СССР, решаются задачи совершенствования не только формы законодательства, но и вносятся изменения в регулирование общественных отношений с помощью готовящихся в этих целях кодифицированных и иных новых актов» (с. 17).

¹⁸ В упомянутой выше книге о Своде законов о нем говорится как об инкорпоративном издании «лишь в конечном счете» (см. там же, с. 14).

¹⁹ См.: Самощенко И. С. О Своде законов Советского государства.— Труды ВНИИСЗ. Т. 8. М., 1977, с. 11 и след.; см. также: Свод законов Советского государства. Теоретические проблемы, с. 64.

²⁰ См.: Зивс С. Л. Развитие формы права в современных империалистических государствах, с. 143 и след. В частности, Свод законов США, сформированный первоначально в качестве акта инкорпоративного типа, по сути дела, превратился ныне в кодифицированное издание.

²¹ Об особенностях поддержания Свода в действующем состоянии при помощи разъемных тетрадей см.: Пиголкин А. С., Чернобель Г. Т. Свод законов СССР — теоретические и практические проблемы.— Правоведение, 1978, № 6, с. 30—31.

²² См.: Самощенко И. С. Проблемы Свода законов Советского государства.— В сб.: Конституция СССР и дальнейшее развитие государственного и теории права. М., 1979, с. 109.

лицами по своей инициативе, без специального поручения и контроля правотворческого органа.

В отличие от официальной инкорпорации (и тем более кодификации) нормативные акты не подвергаются здесь какой-либо обработке. Они остаются такими, какими были приняты. Неофициальная инкорпорация не санкционируется правотворческим органом, имеет частный (авторский) характер. Поэтому неофициальные сборники, например сборники законодательных актов о труде, жилищных законах, не являются источником законодательства, формой опубликования или переопубликования нормативных актов. На них нельзя ссылаться в процессе применения права.

Неофициальная инкорпорация может проводиться как по хронологическим, так и по систематическим (предметным) критериям.

Значение неофициальных инкорпоративных сборников связано с ролью *справочно-информационной работы*. В результате этой работы, в том числе неофициальной инкорпорации, устанавливаются, так сказать, внешние связи между отдельными актами (и это отражается в сборниках, справочниках, каталогах, журналах и т. д.), а также вводятся определенные способы дополнительного оснащения действующих нормативных актов (в виде приложения постатейного материала, алфавитно-предметных указателей, системы «вклеек»).

Подготавливаемые для справочно-информационной работы материалы могут быть стадией для последующей инкорпорации нормативных актов, а также для кодификации. Они могут быть и дополнением к инкорпорации и кодификации в виде постатейных материалов, предметно-алфавитных указателей, системы «вклеек» к актам. Особый, официальный характер приобрела оснащающая работа при поддержании в действующем состоянии Свода законов СССР, при пополнении или переиздании разъемных тетрадей.

Справочно-информационная работа имеет и самостоятельное значение. Оно наиболее отчетливо проявляется, когда инкорпорация и кодификация не получили еще необходимого развития. Тогда справочно-информационная работа может в известной степени ослабить отрицательные последствия, связанные с отсутствием надлежащих систематизированных актов и сборников. Но и при достаточном развитии инкорпорации и кодификации

необходимы учет и согласование систематизированных актов и инкорпоративных сборников, учет и согласование актов, не вошедших в сборники, учет изменений и дополнений в систематизированных актах. В перспективе целесообразна организация единой автоматизированной государственной справочно-информационной службы по социалистическому праву — службы, создание и функционирование которой в СССР, несомненно, связано с подготовкой и изданием Свода законов в СССР.

Большие возможности для организации такой единой системы справочно-информационной службы открываются в связи с использованием кибернетической техники, электронных счетно-решающих устройств. Справочно-информационная работа является как раз той областью, где уже сейчас использование кибернетической техники может принести немедленный и ощутимый эффект. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. При ВНИИСЗ организован Научный центр правовой информации, который ведет практическую работу по организации единой государственной справочно-информационной службы.

Глава 37

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

1. **Понятие юридической техники.** Это — совокупность средств и приемов, используемых в соответствии с принятыми правилами при выработке и систематизации правовых (нормативных) актов для обеспечения их совершенства. Важнейшая ее разновидность — законодательная (правотворческая), в частности кодификационная, техника, которой в основном и будет посвящена данная глава.

Содержание средств и приемов юридической техники связано главным образом с определенной организацией правового материала и его внешним изложением, в первую очередь с выражением структуры права¹. Есть до-

¹ По мнению А. Нашиц, законодательная техника выступает как комплекс методов и приемов, призванных придавать соответствующ-

вольно веские основания полагать, что структура права — это именно та *первооснова*, которая предопределяет состав и содержание средств и приемов юридической техники. Однако связь между структурой права и юридической техникой не непосредственная, а опосредованная. Непосредственно же юридическая техника касается главным образом *внешней формы* права, и прежде всего нормативных юридических актов, проявляясь как в собственном специально-юридическом содержании акта, так и во внешнем словесно-документальном изложении выраженной в нем воли.

По своему содержанию юридическая техника складывается из двух элементов: а) технических средств и б) технических приемов. Здесь можно провести аналогию с материальной техникой, где тоже, с одной стороны, выделяются средства техники, т. е. машины, оборудование, а с другой — методы, приемы их использования, т. е. технология. В области права техническими средствами являются, в частности, юридические конструкции, терминология; правовой технологией — способы изложения норм, система отсылок.

Юридическая техника отличается многогранностью, многоаспектностью. Она имеет три основных проявления, три формы существования. ✓

А. Юридическая техника выступает как *совокупность средств и приемов нематериального, технического характера*.

Средства и приемы здесь технические, потому что являются, так сказать, внешними инструментами и способами организации правового материала. Как и все техническое, они с одинаковым успехом используются при выработке, оформлении и систематизации многих и разных актов. Их значение по отношению к содержанию права служебное.

В то же время эти средства и приемы имеют нематериальный характер. Они выражены в определенных идеологических явлениях и категориях (юридических конструкциях, приемах изложения норм и др.)².

щую форму содержанию правовых норм (см.: Нашиц А. Правотворчество. М., 1974, с. 144).

² Правотворчество и применение юридических норм в настоящее время все более связываются также с достижениями материальной, «вещественной» техники (криминалистическая техника, ЭВМ и т. п.). Но это уже не юридическая техника в указанном выше значении.

Б. Юридическая техника *выражается в правилах (нормах), в соответствии с которыми она и используется.* Ее средства и приемы действуют не сами по себе, не автоматически. Правильное и целесообразное использование технических средств и приемов закрепляется в правилах юридической техники, которые относятся к особой разновидности технических норм, касающихся области правового регулирования. Они могут быть выражены в нормативных актах, в том числе особых инструкциях по подготовке и оформлению законопроектов. Тогда они выступают в качестве технико-юридических норм, представляющих законодателю, иным субъектам общественных отношений определенные требования, от соблюдения которых зависит совершенство актов.

Использование средств и приемов юридической техники внешне выражается главным образом в применении соответствующих правил. Вот почему на практике, а иногда и в теории она понимается как совокупность правил наиболее рационального составления и правильного изложения правовых актов (что, однако, нельзя признать достаточно точным).

Правила юридической техники вырабатываются прежде всего в практической работе по подготовке и оформлению правовых актов. Решающая роль в выработке совершенных правил юридической техники принадлежит правовой науке³. Высокий технический уровень законодательства и индивидуальных актов может быть достигнут только на основе проверенных жизнью и теоретически отработанных научных рекомендаций. Уровень юридической техники зависит и от данных неюридических наук (в частности, приемы изложения нормативных актов в письменных документах построены в значительной мере на данных наук, занимающихся законами языка и стиля изложения). Таким образом, высокая юридическая техника является одним из тех юридических инструментов, через которые данные науки превращаются в своеобразную, в пределах правовой надстройки производительную силу.

³ В законодательной технике, пишет А. С. Пиголкин, как и в любых других технических приемах, сочетаются элементы науки, мастерства, искусства, опыта (см.: Пиголкин А. С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР.— Автореф. докт. дисс., с. 17).

В. Юридическая техника *внешне материализуется в уровне совершенства правовых (нормативных) актов* в качестве формы права. Как только средства и приемы юридической техники реально воплощаются в правовых актах, они становятся свойством данной системы законодательства. Уровень юридической техники в той или иной стране определяется прежде всего по реальному использованию технических средств и приемов в законодательстве, в правовых актах.

Обращаясь к социальной характеристике юридической техники, надо отметить, что ее средства и приемы сами по себе не имеют классовой направленности, безразличны к общественным классам⁴. Реакционное законодательство в буржуазных странах может быть довольно совершенным по уровню технической обработки. В социалистическом праве, не имеющем по содержанию какого-либо преимущества с эксплуататорскими типами права, используются определенные средства и приемы юридической техники прошлого. Юридическая техника играет существенную роль в обеспечении эффективности социалистического права, в укреплении социалистической законности. Полное и правильное использование всех средств и приемов на основе отработанных правил юридической техники обеспечивает точное выражение содержания правовых актов, их доходчивость и доступность, возможность наиболее рационального их использования в практической работе. Уровень юридической техники — один из показателей уровня юридической культуры в стране. Необходимость полного и всестороннего использования юридической техники, выражающей передовой опыт законодательства и прогрессивные рекомендации науки, является *объективной закономерностью*, недоучет которой приводит к определенным отрицательным последствиям, издержкам, недостаткам в форме права.

С правовой стороны юридическая техника образует главное и, пожалуй, исходное в той части техники юриспруденции, которая связана с правовыми актами; другая ее важная часть — техника правоприменительной

⁴ См.: Красавчиков О. А. Советская наука гражданского права. — Ученые труды Свердловского юридического института. Т. VI. Серия «Гражданское право». Свердловск, 1961, с. 121; Пиголкин А. С. Подготовка проектов нормативных актов (Организация и методика). М., 1968, с. 7.

деятельности (II.39.1). При этом хотелось бы обратить внимание на органическое единство вопросов данной темы, а также темы о систематизации с вопросами толкования. Под известным углом зрения толкование права — это как бы продолжение юридической техники, это техника, выраженная в деятельности по установлению действительного содержания юридических норм.

В советской юридической литературе проделана значительная работа, направленная на выяснение понятия юридической техники. По этому вопросу высказаны различные, на первый взгляд, довольно разноречивые мнения. Многие авторы дают такое теоретическое истолкование юридической техники, которое сводит ее к «совокупности правил»⁵, «системе правил и приемов»⁶.

Как уже отмечалось, юридическая техника — явление многогранное. Это и порождает то, что те или иные авторы рассматривают в качестве юридической техники лишь один ее аспект — одну из форм, в которой она проявляется.

И все же, думается, при теоретическом истолковании юридической техники на первый план следует выделить ее субстрат, так сказать, ее субстанциональную сторону — средства⁷, а вслед за тем и приемы, используемые при выработке, систематизации правовых актов⁸. Это помимо иного соответствует тому высокозначимому месту, которое занимает в правовой действительности юридическая техника как важнейшая часть техники юриспруденции, месту, не сводимому к словесно-документальному оформлению актов. Правила же — это такая ее сторона, которая характеризует *использование* технических средств и приемов, относящееся в основном к внешней форме.

Следует обратить внимание на взгляд, связывающий юридическую технику со структурой права⁹. И дело не только в том, что структура права предопределяет состав, содержание и характер

⁵ См., например: Керимов Д. А. Кодификация и законодательная техника, с. 47; Шебанов А. Ф. Вопросы теории нормативных актов в советском праве.— Автореф. докт. дисс., М., 1965, с. 41; Законодательная техника. Под ред. Д. А. Керимова. Л., 1965, с. 5.

⁶ См., например: Пиголкин А. С. Подготовка проектов нормативных актов, с. 10.

⁷ См.: Красавчиков О. А. Советская наука гражданского права, с. 121. Вместе с тем автор, как представляется, неоправданно исключил из арсенала юридической техники приемы составления и формулирования юридических норм, их изложения в нормативных актах (юридическую терминологию). См. также: Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972, с. 249 и след.

⁸ По мнению М. К. Юкова, в юридическую технику включаются средства и операции (см.: Юков М. К. Место юридической техники в правотворчестве.— Правоведение, 1979, № 5, с. 46 и след.).

⁹ См.: Ковачев Д. А. О понятии законодательной техники.— Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 18. М., 1969, с. 31—39.

юридической техники (ее средства). Главное заключается в том, что, выражая особенности структуры права, средства юридической техники являются как раз тем нематериальным инструментом, при помощи которого на основе надлежаще отработанных научных данных возможно строительство структуры права. Однако такое строительство в рамках присущих праву объективных свойств и закономерностей может происходить только через форму права и ее собственное содержание, форму, в отношении которой только и могут «работать» средства и приемы юридической техники.

И еще одно замечание. При всей многогранности понятия юридической техники к ней все же не относятся процедурные (процессуальные) действия и операции, связанные с использованием технических средств и приемов. Организационно-технические вопросы подготовки проектов нормативных актов, порядок внесения в них изменений, их отмены и т. д. — все это можно охарактеризовать в качестве юридико-технической стороны правового регулирования. Но здесь техническое выражает лишь организационно-вспомогательное значение действий и операций, которые образуют материальное содержание процедурно-процессуальных правоотношений, т. е. иного (хотя и связанного с техникой) правового явления¹⁰. В каких бы формах ни проявлялась юридическая техника, ее границы строго очерчиваются техническими средствами и приемами, образующими ядро рассматриваемого правового явления.

2. Виды юридической техники. Юридическая техника классифицируется: а) по видам правовых актов, которые обслуживаются данной совокупностью технических приемов и средств; б) по содержанию этих приемов и средств.

По видам правовых актов юридическая техника подразделяется на 1) законодательную (правотворческую) и 2) технику индивидуальных актов.

Техника индивидуальных актов изучается в основном в конкретных юридических дисциплинах (науках процессуального права, гражданского права и др.). Для общей теории права решающее значение имеет законодательная техника.

По своему содержанию технико-юридические средства и приемы подразделяются на две качественно различные группы: во-первых, средства и приемы юридического

¹⁰ См.: Ковачев Д. А. О понятии законодательной техники, с. 31—34. В литературе юридическую технику иногда подразделяют на «внешнюю» и «внутреннюю» (см.: Ушаков А. А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах.— Ученые записки Пермского университета. Т. 19. Вып. 5. Пермь, 1961, с. 81—82). Следует, однако, заметить, что правила и приемы, причисляемые к «внешней» технике (порядок внесения и учета предложений по законодательству, составления и редактирования законопроектов, получения виз и др.), относятся, скорее, к самому содержанию правового регулирования.

выражения воли законодателя (или воли субъекта индивидуального акта) и, во-вторых, средства и приемы словесно-документального изложения содержания акта.

Первая из указанных групп относится к специально-юридическому содержанию права — собственному содержанию акта как формы права, а в конечном итоге представляет собой «технические моменты» конструирования правовых (нормативных) актов как явлений юридического порядка.

Вторая группа средств и приемов касается только внешней формы — правовых актов как документов.

Проводя строгое различие между рассматриваемыми разновидностями юридической техники, следует учитывать вместе с тем их взаимосвязь. Весьма важно, в частности, то, что юридическое выражение воплощенной в акте воли неизбежно находит известное внешнее изложение в тех или иных особенностях словесно-документальной формы. Следовательно, то, что относится к юридическому выражению воли, имеет «двойное» бытие: существуя как самостоятельная разновидность правовой реальности, оно проявляется и во внешней форме.

3. Юридическая терминология. Это — выраженное непосредственно в тексте акта словесное обозначение определенного понятия. Относясь к средствам словесно-документального изложения, термины вместе с тем служат исходным материалом для строительства норм, их общностей.

Таким образом, юридическая терминология имеет общее, сквозное значение в юридической технике, выступает в качестве начального звена при юридическом выражении воли законодателя.

При формулировании юридических норм используются три вида терминов: общеупотребляемые, специальные технические и специальные юридические.

К юридической технике принадлежит специальная юридическая терминология. Здесь термины — это обозначение юридических понятий, выражающих природу норм, юридические конструкции, отраслевую типизацию норм, т. е. иных средств техники, относящихся к более глубоким пластам юридической материи, к содержанию права. Поэтому специальные юридические термины имеют свой, особый смысл. И, следовательно, юридические термины являются как бы мостиком от непосредственно

воспринимаемых элементов текста ко всему комплексу технико-юридического инструментария.

Необходимыми условиями рационального использования терминологии являются: а) *единство* терминологии. Одинаковые термины, используемые при формулировании юридических норм, должны иметь тождественное значение; недопустимо для обозначения одних и тех же понятий использовать разные термины; б) *общепризнанность* терминологии. Используемые термины должны получить признание в науке и практике; в) *устойчивость* терминологии. Недопустимо без особо веских причин отказываться от ранее используемой терминологии, вводить наряду с принятыми другие, по мнению некоторых авторов, более «удачные» термины¹¹.

Ряд терминов нуждается в расшифровке непосредственно в тексте нормативного акта. Такая обязательная расшифровка дается в дефинитивных нормах, а также в содержании элементов иных норм (в описательных гипотезах, диспозициях, санкциях).

4. Средства юридического выражения воли законодателя. Государственная воля, чтобы она стала правом, должна быть возведена в закон. Для этого необходимо выразить ее на языке права. Это и осуществляется на основе юридической терминологии при помощи специальных средств юридической техники.

Средства юридической техники данного вида — это нематериальные формы, при помощи которых возможно строить право — создавать его скелет, конструкции, облекать в юридический вид его содержание. Это — соответствующие в основном идеальной структуре права (I.15.7.) своего рода типовые схемы, которые позволяют отливать из воли законодателя юридические нормы, входящие в действующую систему права.

Главными средствами юридической техники рассматриваемого вида являются: а) нормативное построение, б) системное построение, в) юридические конструкции, г) отраслевая типизация¹².

¹¹ О других требованиях к юридической терминологии см.: Пиголкин А. С. Юридическая терминология и пути ее совершенствования. — Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 24. М., 1971, с. 23—29.

¹² О. А. Красавчиков к средствам юридической техники причисляет: 1) терминологию; 2) юридические конструкции; 3) презумпции и фикции; 4) систематизацию (см.: Красавчиков О. А.

Нормативное построение. Перевод воли государства на язык права состоит прежде всего в том, что она на основе категорий правосознания (категорий «право» и «обязанность» и др.) при помощи юридической и иной терминологии излагается в виде нормативного предписания — конкретного, формально закрепленного государственно-властного веления нормативного характера¹³ (регулятивного, охранительного, дефинитивного и т. д.). Изложение государственной воли в виде нормы-предписания и есть та первичная типовая схема, с которой начинается юридико-техническое строительство права.

Системное построение. Нормативная организация воли законодателя не ограничивается только ее выражением в виде норм-предписаний. Последние должны быть построены и системно, прежде всего так связаны, чтобы выявлялись государственно-регулятивные, принудительные свойства права. А это значит, что нормативные предписания должны быть выражены также в виде логических норм. Особо важно, чтобы при нормативном изложении были неразрывно связаны регулятивные и охранительные нормативные предписания.

Юридические конструкции. Это — более высокий уровень технико-юридического выражения воли законодателя, отражающей характер (модель) связи между элементами и сторонами логических норм¹⁴. Юридические конструкции представляют собой специфическое пост-

Советская наука гражданского права, с. 124—132). Отмечая плодотворный характер самого подхода автора к вопросам юридической техники, следует указать, что его позиция нуждается в дополнениях и уточнениях. Наряду с иным, вытекающим из последующего изложения, надо видеть, что систематизация есть правотворческая по своей основе, юридически содержательная деятельность и с этой точки зрения она не может быть поставлена в один ряд с терминологией и юридическими конструкциями. В то же время, если связывать юридическую технику со структурой права (а это крайне существенно), необходимо среди технико-юридических средств выделить нормативное и системное построение воли законодателя, а также отраслевую типизацию норм (к тому же, как уже говорилось, юридическая техника включает приемы построения нормативного материала).

¹³ А. А. Ушаков пишет, что самым важным творением юридической техники является сама правовая норма (см.: Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967, с. 15).

¹⁴ Характеристику юридических конструкций как модели см.: Черданцев А. Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике. — Правоведение, 1972, № 3, с. 12 и след.

роение нормативного материала, соответствующее определенному типу или виду сложившихся правоотношений, юридических фактов, их связи между собой.

В каждой отрасли социалистического права существуют устоявшиеся конструкции, выраженные главным образом в кодифицированных нормативных актах. Таковы типические схемы (модели) составов преступлений в уголовном праве, в том числе разнообразные общие и специальные составы. Тщательностью отработки юридических конструкций отличается гражданское право (разнообразные конструкции договоров, например таких, как иррегулярная поклажа и иррегулярный заем; конструкция «ответственность без вины»; конструкция «присутствующие и отсутствующие» субъекты и т. д.). Состав и разработанность юридических конструкций является одним из показателей технико-юридического уровня развития данной отрасли права, степени развития в ней нормативных обобщений, их отработанности.

Таким образом, юридические конструкции представляют собой как бы готовые типовые образцы, схемы, в которые облекается нормативный материал. Их использование облегчает формулирование юридических норм, придает нормативной регламентации общественных отношений четкость и определенность, обеспечивает, следовательно, необходимую формальную определенность права. Важнейшая задача при создании юридических норм состоит в том, чтобы подобрать такие конструкции, которые соответствовали бы содержанию нормативного материала, позволяли бы с максимальной эффективностью обеспечить поставленные законодателем задачи.

Юридические конструкции складываются на основе опыта правотворчества (в основном кодификационного), в ходе которого отбираются наиболее целесообразные и отбрасываются устаревшие модели построения нормативного материала. Большую роль в их выработке играет правовая наука. Она не только теоретически закрепляет и осмысливает сложившиеся на практике типовые конструкции, но и ставит вопрос об их дальнейшем развитии.

Отраслевая типизация. Специфической конструктивной моделью, обеспечивающей изложение воли законодателя на языке права, является структурный тип правоотношения. Нормативные предписания для их системной организации должны быть изложены таким образом,

чтобы они не только образовывали логические нормы и стройные юридические конструкции, но включались в строго определенную отрасль права, соответствовали типическим чертам отраслевого правоотношения. Это достигается путем помещения данного предписания в отраслевой кодифицированный акт, подчинения его определенной системе общих норм, применения отраслевой терминологии и др.¹⁵.

5. Средства словесно-документального изложения содержания нормативного акта. Воля законодателя не только должна быть выражена на «языке права»; она нуждается и во внешнем, документальном изложении.

Средства юридической техники данного вида тоже связаны со структурностью права. Но они касаются не содержания нормативных актов (юридического выражения их содержания), а текста акта, его внешнего, документального построения, внешней архитектоники.

Средства юридической техники рассматриваемого вида — это формы, позволяющие закреплять, фиксировать надлежащим образом выраженную волю законодателя. К ним относятся составленный с помощью юридической терминологии *текст документа* (его реквизиты и структурное построение). С документальным изложением воли законодателя связан также *стиль* правовых актов (законодательная стилистика).

Текст документа как внешняя форма изложения содержания нормативного акта характеризуется: а) реквизитами, б) структурной организацией.

Реквизиты текста нормативного документа. Каждый нормативный документ должен иметь такие внешние реквизиты, которые свидетельствовали бы о его официальном характере, отражали его содержание, юридическую силу, место и дату издания. К внешним реквизитам относятся, в частности, наименование акта, его заголовок, обозначение даты. Все эти реквизиты подчиняются требованиям юридической техники, обеспечивающим надлежащее осуществление свойственных нормативному до-

¹⁵ Наряду с приведенными средствами юридической техники, имеющими общее значение для нормативных актов, следует указать на особые средства, используемые в некоторых областях права главным образом для обеспечения формальной определенности права — презумпции и юридические фикции. Известные особенности имеют средства изложения воли в индивидуальных актах (II.37.7.).

кументу функций. Так, основные требования к заголовку нормативного документа — это точность и краткость. Слишком длинные, громоздкие заголовки создают известные трудности при применении актов и их систематизации, а также при их толковании. Следует вместе с тем заметить, что заголовки документов (частей, разделов, глав и статей) — это не чисто технико-юридический прием.

Заголовок представляет собой одно из средств выражения содержания данной группы юридических норм или одной нормы. Поэтому заголовки могут быть использованы при толковании актов.

Структурная организация текста нормативного документа. Необходимым средством юридической техники являются расположение нормативного материала в тексте акта в определенном порядке, его расчлененность и согласованность. К основным требованиям юридической техники здесь относятся:

1) *последовательная дифференцированность нормативного материала в тексте нормативного документа.* Подавляющее большинство нормативных актов нуждается во внутреннем распределении нормативного материала в тексте документа, отражающем структуру отрасли, подотрасли, института. Наиболее существенную роль дифференциация нормативного материала играет в кодифицированных актах — Основах, кодексах.

Структура текста нормативных актов (в особенности кодифицированных) должна обеспечить максимальные возможности для формулирования нормативных обобщений. Это достигается прежде всего при помощи выделения *общей части* (общих положений). Выделение общей части позволяет сконцентрировать в одном месте текста документа общие нормы, избежать повторений, с надлежащей четкостью сформулировать наиболее принципиальные нормативные положения, ведущие юридические принципы.

В кодифицированных актах конкретный нормативный материал распределяется по *разделам и главам* текста документа. Каждое из этих подразделений охватывает определенный институт или группу институтов. Распределение нормативного материала по разделам и главам — такое технико-юридическое средство, которое неразрывно связано с содержанием правового регулирования. Вот почему вопрос о структуре нормативного акта

в ряде случаев приобретает принципиальное значение. Например, при кодификации советского гражданского законодательства возник вопрос, выделять ли правовые институты только по специальным юридическим признакам или, кроме того, по признакам, отражающим сферу регулируемых отношений (в частности, обособить все правовые институты, регулирующие отношения в области социалистического хозяйства). Законодательство пошло по первому пути. Между тем есть основания полагать, что обособление хозяйственных гражданско-правовых институтов в особый раздел позволило бы сформулировать ряд обобщающих нормативных положений, придало бы данной ветви гражданско-правового регулирования необходимые стройность и четкость, соответствующие потребностям социалистического общества.

Первичной структурной единицей текста нормативных актов является *статья* (или даже, что характерно для развитых, специализированных правовых систем, *подразделения статьи* — абзацы, пункты, части, иногда фразы текста статьи).

Статья (или ее подразделение) является первичной структурной единицей потому, что она соответствует основной первичной единице самого права — юридическому нормативному предписанию¹⁶. Вместе с тем в развитых, специализированных правовых системах статья все более становится типической формой выражения и закрепления первичной группировки — ассоциации нормативных предписаний (II.25.6.).

Отмечая принципиальное единство нормативных предписаний и первичных единиц текста акта, необходимо обратить внимание на то, что выделение новых статей (если это не является разукрупнением статей, содержащих несколько предписаний) возможно лишь постольку, поскольку одновременно в результате нормативного обобщения формулируются новые предписания, в том числе охранительные и специализированные. Произвольно дробить одну норму-предписание и размещать ее в

¹⁶ Идея о принципиальном соответствии статьи и нормы дает четкое представление о юридической норме, показывает разнообразие ее содержания, облегчает анализ законодательства (см.: Пиголкин А. С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР. — Автореф. докт. дисс., с. 23).

нескольких статьях или их подразделениях объективно невозможно¹⁷.

Основная задача при фиксировании юридических норм в тексте нормативного документа состоит в том, чтобы с надлежащей четкостью указать на условия действия и содержание властного государственного веления. Кроме того, следует иметь в виду и необходимость обеспечить охрану юридических норм принудительной силой государства, т. е. документального закрепления логических норм. Поэтому либо в данной статье, либо в иных статьях нормативного акта (а иногда и в другом акте) должны быть сформулированы охранительные нормы, которые бы с исчерпывающей полнотой охраняли действие всех норм, включая регулятивные предписания;

2) *единство и внутренняя логика в тексте нормативного документа*. Материал в тексте нормативного документа должен быть согласован во всех своих частях и расположен в логической последовательности.

Нормативный документ нуждается также во внешнем единстве. Одним из выражений этого единства является сквозная и стабильная нумерация статей.

На практике с определенным номером статьи или ее подразделением связывается представление о содержании соответствующих юридических норм в кодифицированном акте. Поэтому важное требование юридической техники состоит в том, чтобы при последующих изменениях, вносимых в нормативный акт, не перестраивать каждый раз нумерацию, а менять редакцию статей; новые же нормативные положения вносить в качестве дополнительных статей (с добавлением букв или цифр к основной нумерации);

3) *обеспечение необходимых удобств в пользовании нормативными документами*. В тексте нормативных документов следует избегать примечаний к статьям. Наоборот, дополнения и приложения постатейно-систематизированного материала к кодифицированным актам в ряде случаев оказываются необходимыми. Облегчают

¹⁷ Это обстоятельство не учитывают авторы, которые утверждают, что норма права и статья нормативного акта не совпадают и что многие нормы раздроблены на ряд статей (II.24.2). Они не замечают того, что статьи, которые, по их мнению, содержат часть нормы, на самом деле закрепляют самостоятельные нормативные обобщения.

пользование кодифицированными нормативными документами алфавитно-предметные указатели.

Достижением кодификационной техники последнего времени является снабжение заголовками не только разделов и глав, но и статей кодифицированных актов. Заголовки в нормативном акте имеют не только техническое значение, но и являются своего рода официальным резюме о содержании нормативного акта, его части или статьи. Облегчая правильное понимание содержания нормативного акта, заголовки содействуют точному применению его нормативных положений.

В кодифицированных актах целесообразно обозначать (номера, помещенными в скобках, или буквами) части статей. Такой прием кодификационной техники использован, например, в ГК Эстонской ССР.

6. Техничко-юридические приемы. Если средства юридической техники — это инструментарий юридического выражения и внешнего изложения воли законодателя, то технико-юридические приемы (юридическая технология) представляют собой порядок, способы рационального использования указанных средств.

Вполне понятно поэтому, что данная выше краткая характеристика средств юридической техники в известной мере содержала и упоминание о соответствующих технико-юридических приемах (таких, например, как использование сплошной нумерации статей в тексте акта, обозначение номерами частей статей кодифицированного акта). В конечном счете последовательная цепочка элементов юридической техники такова: средства техники — технико-юридические приемы — правила техники.

Техничко-юридические приемы, относящиеся к обоим разновидностям юридической техники, — и приемы юридического выражения и приемы внешнего изложения воли законодателя — во многом совпадают: все они связаны с терминологией, так или иначе затрагивают внешнюю документальную форму нормативного акта, его текст и в то же время нередко касаются нормативного построения воли законодателя, юридических конструкций, системного изложения правовых предписаний.

В большинстве случаев приемы юридической техники, отражая накопленный опыт правотворчества и уровень юридической культуры, способствуют полному,

точному, экономному, строго юридическому изложению содержания нормативных предписаний, их четкой словесной фиксации в нормативном документе.

Среди основных приемов юридической техники следует выделить те, которые характеризуют степень обобщения конкретных показателей нормы и способ изложения ее элементов.

По степени обобщения конкретных показателей различаются два приема: абстрактный и казуистический.

Абстрактный (обобщающий) — это такой прием формулирования юридических норм, при котором фактические данные охватываются обобщающей формулировкой, т. е. родовыми признаками. Например, в нормативном положении «лицо освобождается от ответственности при отсутствии в его действиях вины» слова «отсутствие вины» являются обобщающей формулировкой, которая охватывает все случаи, когда лицо не предвидело и по обстоятельствам данного дела не могло предвидеть противоправные результаты своего поведения.

Казуистический — это такой прием формулирования юридических норм, когда фактические данные указываются и при помощи индивидуальных признаков, в том числе путем перечисления конкретных, индивидуальных фактов, обстоятельств. Например, в Уставе железных дорог СССР основания освобождения от ответственности сформулированы следующим образом: «Грузоотправитель освобождается от уплаты штрафа за невыполнение плана перевозок: а) по причине явлений стихийного характера... б) при запрещении и прекращении или ограничении погрузки грузов...» и т. д. Этот перечень, включающий несколько пунктов, прямо и конкретно указывает на фактические обстоятельства, освобождающие лицо от юридической ответственности.

Конечно, в настоящее время казуистический прием изложения не встречается в чистом виде (например, в таком, в каком он применялся в древних системах права). Нормативное изложение, каким бы оно ни было конкретным и индивидуализированным, всегда содержит определенные обобщения. Однако и сейчас нормативные положения, в которых достигнута максимально широкая в данных условиях степень обобщения, существенно отличаются от нормативных положений, в

которых вместо обобщенной формулы, а иногда и наряду с ней приводится перечень конкретных фактов, обстоятельств и т. д. В последнем случае и можно говорить о казуистическом приеме.

Абстрактный прием изложения нормативного материала соответствует более высокому уровню юридической культуры и развития юридической науки. Он позволяет в кратких формулировках охватить все факты данного рода. Однако не все фактические данные могут быть во всех случаях изложены в обобщающих формулировках; иногда необходимо прямо и конкретно указать на индивидуальные обстоятельства, факты, конкретных лиц, т. е. использовать казуистический прием. Кроме того, казуистический прием в какой-то мере удобен на практике, а главное, соответствует формальной определенности права. Он позволяет без особых трудностей применять юридические нормы к фактическим обстоятельствам (например, значительно легче решить вопрос об освобождении от ответственности на основании конкретного перечня, чем на основе обобщающей формулировки). Но все это не может устранить существенного недостатка казуистического приема: каким бы ни был совершенным перечень конкретных фактов, он не может охватить всех фактов данного рода.

По способу изложения элементов юридической нормы различаются три приема: прямой, ссылочный и бланкетный. В зависимости от этого выделяются и соответствующие разновидности юридических норм, в том числе прямые, ссылочные и бланкетные.

При *прямом* изложении все элементы нормы прямо формулируются в данной статье нормативного акта.

При *ссылочном* изложении отдельные элементы нормы не формулируются в данной статье; в ней делается отсылка к другой норме, где содержатся нужные предписания. Этот прием изложения применяется для установления связи между частями нормативного материала и для избежания повторений.

При *бланкетном* изложении отдельные элементы норм тоже прямо не формулируются, но недостающие элементы восполняются не какой-либо точно указанной нормой, а правилами определенного вида, которые со временем могут изменяться. Иными словами, здесь как бы дается «открытый бланк», ссылка на вид пра-

вил. Например, ст. 213 УК РСФСР предусматривает определенную меру наказания за «нарушение действующих на транспорте правил об охране порядка и безопасности движения, если это повлекло гибель людей или иные тяжкие последствия». Бланкетное изложение позволяет не только устранить ненужные повторения, но и обеспечить стабильность правового регулирования при изменении текущего законодательства (правил).

Применение ссылочного, а тем более бланкетного приемов изложения во многих случаях вполне оправданно. Однако обилие отсылок, в особенности отсылок к нормам других нормативных актов, может создать определенные трудности при пользовании нормативным материалом. Кроме того, обилие ссылочных норм нередко свидетельствует о структурном несовершенстве акта, о недостатках в расположении нормативного материала.

7. Законодательная стилистика. Это — *система приемов наиболее целесообразного использования языковых средств в нормативных документах.*

В стиле правовых актов концентрируется воедино и использование юридической терминологии, других средств юридической техники (юридических конструкций), и применение в области права требований современного литературного языка, требований к языку официальных документов.

Главное, что определяет стиль нормативных (а также индивидуальных) актов в социалистическом обществе, состоит в том, чтобы *обеспечить сочетание, с одной стороны, доступности и убедительности нормативных документов, а с другой — их точности, определенности и высокой юридической культуры.*

Доступность и убедительность правовых актов. М. И. Калинин говорил: «Наша задача, чтобы то, что мы говорим, было воспринято; восприятие же в значительной степени зависит от формы, в которую мы облачаем наши выступления»¹⁸. Для обеспечения беспрепятственного восприятия содержания нормативных актов необходимо «особенно обратить внимание на то,

¹⁸ Калинин М. И. Избранные произведения. В четырех томах. Т. 2. М., 1960, с. 132.

чтобы законы излагались понятным для широких трудящихся масс языком»¹⁹.

Требование доступности предполагает, чтобы язык правовых документов был прост, ясен и понятен для каждого, к кому документ обращен. Фразы правового документа должны быть несложной конструкции, без перегрузки их придаточными предложениями. Большое значение имеет также правильное употребление различных соединительных или разъединительных союзов, знаков препинания, сравнений, образных выражений. При составлении текста правового акта нужно избегать употребления узкоспециальных терминов или терминов, употребляемых только в определенной местности²⁰.

Стиль нормативных актов обеспечивает предельную убедительность содержащихся в нем предписаний. В ряде случаев в нормативные акты включаются преамбулы и пояснения, но, главное, сами формулировки юридических норм должны обладать и обладают большой силой убеждения. Четкие, энергичные формулировки нормативных актов призваны донести до всех лиц глубокую убежденность законодателя в необходимости и целесообразности проводимых мероприятий. Таким образом, совершенная языковая форма нормативных актов является одним из средств, обеспечивающих идеологическое воздействие норм права.

Точность, определенность, высокая юридическая культура стиля правовых актов. Правовой акт — это не обычное выступление, речь, статья. Язык закона, писал академик Л. В. Щерба, требует прежде всего точности и невозможности каких-либо кривотолков; быстрота понимания не является уже в таком случае исключительно важной, так как заинтересованный человек без всякого понукания прочтет всякую статью закона и два, и три раза²¹. Иными словами, доступность и убедительность не являются в нормативных ак-

¹⁹ СУ РСФСР, 1929, № 60, ст. 600.

²⁰ См.: Ковалев М. И. О технике уголовного законодательства.— Правоведение, 1962, № 3; Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики.

²¹ См.: Щерба Л. В. Современный русский литературный язык.— Русский язык и школа, 1939, № 4, с. 20—21. См. также: Ушаков А. А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах.— Ученые записки Пермского университета. Т. 19, с. 75.

тах самоцелью, это — доступность и убедительность в выражении воли законодателя²².

Стиль нормативных актов должен обеспечить функционирование права как властного регулятора, и в частности точность и полноту выражения воли законодателя. Нужно, чтобы нормативные акты по возможности содержали в себе исчерпывающие ответы на все могущие быть выдвинутыми жизнью, практикой вопросы, связанные с их применением²³.

Важнейшие требования стиля правовых актов — строгая определенность фраз, выражений, терминов. Каждая фраза, каждое выражение, каждый термин должны пониматься только в одном значении. Недопустимы какая-либо двусмысленность, расплывчатость формулировок, позволяющих истолковывать смысл нормативных актов по-разному. Как правильно подчеркивается в литературе, «едва ли возможно назвать какую-нибудь иную область общественной деятельности, где неверно или неуместно употребленное слово, ошибочно построенная фраза, разрыв между мыслью и ее текстуальным выражением влекут за собой такие серьезные, а иногда и тяжелые последствия, как в области правотворчества»²⁴.

Достоинством стиля нормативных актов являются краткие формулировки. Максимальная краткость, разумеется, не самоцель: она позволяет сочетать доступность и точность юридических текстов с необходимым уровнем нормативных обобщений. Краткие и ясные юридические формулировки, выражающие с исчерпывающей полнотой мысль законодателя, становятся характерной особенностью современного стиля правовых актов²⁵.

²² Как подчеркивает А. А. Ушаков, доходчивость и простота советских законов зависят не только от простоты словесных выражений, но и от того, насколько слово точно отражает законодательную мысль. Обращая внимание на единство между законодательной мыслью и словом, необходимо подчеркнуть приоритет законодательной мысли. Главное — это раскрытие юридических понятий (см.: Ушаков А. А. Указ. статья, с. 75).

²³ См.: Васильков П. Т., Волков Ю. Е. О точности и определенности формулирования правовых норм. — В сб.: Вопросы кодификации советского законодательства. Свердловск, 1957, с. 23—24.

²⁴ Керимов Д. А. Кодификация и законодательная техника, с. 91.

²⁵ Ряд других особенностей языка законодательства как самостоятельного стиля литературной речи освещен А. С. Пиголкиным.

Можно ли говорить об особом языке права (законодательства)? Конечно, противопоставлять язык права общелитературному языку было бы неправильно. Вместе с тем надо видеть, что законодательство с языково-стилистической стороны имеет *своеобразный, самостоятельный стиль литературной речи*. Его особенности обусловлены назначением права — быть властным регулятором общественных отношений, а также единством регулятивно-волевой и интеллектуальной сторон содержания нормативных предписаний, необходимостью технико-юридического выражения воли законодателя.

Выражение «язык права» имеет еще один смысловой оттенок. Язык права — это язык, концентрирующий особенности и достоинства стиля правовых актов как духовной ценности; это чеканные, ясные и строгие формулировки, в которых доступно и кратко, в обобщенной форме выражен смысл определенных положений. В указанном смысле язык права является одним из элементов высокой духовной культуры. И ему как ценности, как явлению культуры большое значение придавал В. И. Ленин.

Вопросы законодательной стилистики получили весьма основательную разработку в советской юридической науке (Д. А. Керимов, А. С. Пиголкин, А. А. Ушаков)²⁶.

Вместе с тем ряд проблем, поставленных в науке, нуждается в дальнейшем обсуждении, а некоторые выводы требуют проверки.

Так, А. А. Ушаков рассматривает законодательную стилистику (стилистику законодательной речи) в качестве теории, одновременно относящейся и к юридической науке, и к лингвистической науке, к литературоведению²⁷. Действительно, на стыках наук воз-

Особенностями языка законодательства, по его мнению, являются: его официальный характер, логичность, законченность и последовательность изложения; намеренная сдержанность; отсутствие эмоциональной окрашенности; максимальная точность изложения; формализация языка; ясность и простота формулирования юридического предписания; экономичность, лаконичность выражения мысли законодателя; отсутствие резко выраженной индивидуализации стиля (см.: Пиголкин А. С. Теоретические проблемы правотворчества в СССР.— Автореф. докт. дисс., с. 29—30).

²⁶ А. А. Ушаков указал на ряд аспектов использования категорий «форма» и «содержание» для решения проблем правотворчества. Автором поставлен вопрос о необходимости формирования специальной юридической науки — законографии (см.: Ушаков А. А. Содержание и форма в праве и советское правотворчество.— Автореф. докт. дисс. Свердловск, 1970). По мнению А. С. Пиголкина, особой наукой должна быть юридическая техника.

²⁷ См.: Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики, с. 13 и след.

никают специфические научные дисциплины. Однако это не должно приводить к смешению научных аспектов в теоретическом анализе. Ведь дисциплины, возникающие на стыках наук, имеют комплексный характер: в их рамках строго различаются науковедческие ракурсы (планы). А каждая наука имеет свою систему понятий, свой категориальный аппарат, при помощи которого теоретически осваиваются факты действительности.

Когда А. А. Ушаков утверждает, что нормативные документы можно рассматривать в качестве литературы *sui generis* и исследовать их при помощи категорий «тема», «идея», «проблема», «композиция», «сюжет», то не следует упускать из виду, что подобный анализ возможен не в рамках юридической науки (а именно так ставит вопрос А. А. Ушаков), а только в рамках литературоведения.

В пределах же юридической науки (учений о юридической технике законодательной стилистике) требуется использование *специфических правовых категорий*. Такие категории выработаны и продолжают вырабатываться: «предмет», «цель», «логика», «структура» и др. Распространение понятий, сложившихся применительно к анализу художественных произведений, на правоведение может не только исказить природу нормативных актов, но и привести к тому, что специальные правовые категории окажутся неразработанными, вытесненными из юридической науки и, следовательно, будет устранен юридический аспект при исследовании нормативных документов. Да и сама возможность использования в юридической науке литературоведческих категорий (приспособленных, надо повторить, для анализа художественных произведений) вызывает серьезные сомнения. Интеллектуальный момент в содержании права носит подчиненный характер по отношению к волевой стороне, и поэтому, думается, здесь нужен специфический подход, принципиально отличающийся от подхода к литературным художественным произведениям.

При рассмотрении вопросов законодательной стилистики возможно лишь такое применение категорий общей стилистики, лингвистики, литературоведения, которые совместимы, однопорядковы с правовыми категориями, составляют с ними единое целое и только в той мере, в какой это необходимо для более глубокого понимания нормативных юридических документов. Но и здесь надо отчетливо различать, что в том или ином случае относится к понятийному аппарату юридической науки, а что — к общей стилистике, лингвистике, литературоведению.

8. Техника индивидуальных актов. Техника индивидуальных актов, в том числе правоприменительных (судебных, прокурорских и др.), договоров и т. д., по своей основе и по многим характеристикам едина с законодательной техникой.

В том и другом случаях перед нами — юридические акты-документы. К тому же немало индивидуальных актов, включая договоры, выполняет индивидуально-регулятивную функцию, причем велик удельный вес актов (правоприменительных), имеющих государственную-властную природу.

В соответствии с этим при принятии правоприменительных актов-документов, договоров и т. д. могут быть использованы многие средства, приемы и правила техники, выработанные в отношении нормативных актов. Более того, некоторые из них следует признать для техники индивидуальных актов обязательными. Так, обязательное значение при выработке индивидуальных актов имеет общепринятая юридическая терминология, причем именно та, которая используется прежде всего в законах, иных нормативных актах. Индивидуальные акты (например, гражданско-правовые договоры) строятся с помощью юридических конструкций законов. Примечательно, однако, что некоторые юридические конструкции, такие, как договор услуг в гражданском праве, выработаны в индивидуальных актах, и это служит толчком к их исследованию в науке и к последующей постановке вопроса о включении соответствующих институтов в законодательство.

Могут быть использованы при составлении индивидуальных актов-документов и некоторые средства и приемы законодательной техники, относящиеся к внешнему, словесно-документальному изложению (подразделение содержания документов на части, статьи, сплошная нумерация статей и др.).

Вместе с тем техника индивидуальных актов нуждается в особом подходе. Техничко-юридические средства и приемы не сопряжены здесь с нормативным регулированием и имеют свои аспекты, связанные с многообразием актов, с необходимостью постоянного, повторяющегося их совершения в практической жизни и с вытекающей отсюда потребностью обеспечить их законность, обоснованность и эффективность.

С этим связано, в частности, применение при выработке индивидуальных актов такого специфического технико-юридического средства, как *типизация*, получающего выражение в *формулярах* (образцах) актов-документов, которые создаются практикой, наукой, а в ряде случаев закрепляются в нормативных актах в виде типовых формуляров и конструктивных схем.

Подобного рода формуляры, составленные в соответствии с требованиями юридических норм, отражают накопленный опыт документального оформления актов применения права, договорных соглашений и т. д. Они значительно облегчают работу по составлению соответ-

ствующих актов-документов, вносят в практику применения закона необходимое единообразие, обеспечивают с документальной стороны соответствие актов требованиям юридических норм.

Глава 38

ТОЛКОВАНИЕ В ПРАВЕ

1. Понятие юридического толкования (интерпретации). Это — *деятельность по установлению содержания правового акта для его практической реализации.*

Главное значение в праве имеет толкование *нормативных* юридических актов. Оно и будет в основном рассмотрено.

Исходное в толковании нормативных актов состоит в том, чтобы познать, выявить и тем самым установить тот смысл, то содержание, которые заключены в нормативных юридических предписаниях.

Вместе с тем толкование (интерпретация) — это не само познание, а *деятельность* по установлению содержания нормативных предписаний¹. Эта деятельность, как и вообще юридическое толкование, складывается из двух основных элементов: а) уяснения содержания нормативного предписания и б) его разъяснения.

Уяснение — первый и обязательный элемент толкования, выражающий его познавательную функцию. Здесь лицо раскрывает содержание нормативного предписания для себя. В полной же мере значение толкования как деятельности проявляется в разъяснении, когда лицо в той или иной форме внешне выражает свое понимание

¹ А. Ф. Черданцев отмечает, что «под толкованием понимается, с одной стороны, определенный мыслительный (познавательный) процесс, направленный на объяснение знаковой системы, а с другой — результат этого процесса» (Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М., 1979, с. 5). В настоящей главе термин «толкование» употребляется в смысле деятельности, т. е. в смысле хотя и ориентированном на указанные А. Ф. Черданцевым значения данного термина, но имеющем в то же время такой аспект, который соответствует месту и функциям толкования как особого правового явления.

содержания нормативного правового предписания, определенным образом интерпретирует его.

Такой характер толкования в праве обусловлен тем, что правовой акт интерпретируется *для его практической реализации*². Это не только определяет объем познания и особенности его содержания, но и приводит к тому, что сам процесс познания выражается в виде деятельности, а его результаты так или иначе проявляются вовне, т. е. выступают в виде разъяснения.

Каковы основания, вызывающие необходимость толкования?

Эти основания заключены в особенностях непосредственного предмета толкования — формы права, правовых актов. В отношении нормативных юридических актов таким непосредственным предметом выступает нормативное юридическое предписание. Последнее представляет собой государственно-властное веление, существующее только в таком виде, когда оно формально выражено и закреплено в нормативном юридическом акте. Следовательно, для того чтобы практически реализовать нормы права, необходимо раскрыть содержание нормативного предписания. Необходимо как раз потому, что оно существует лишь в определенной форме — в нормативном юридическом акте. Значит, нужно как бы проникнуть внутрь формы права. Это и достигается путем юридического толкования.

Необходимость толкования органически связана с использованием при выработке правового акта средств и приемов юридической техники, в свою очередь обусловленных обоими аспектами внешней формы права, а именно: и формой внешнего, словесно-документального изложения содержания правовых предписаний, и нормативным, специально-юридическим выражением этого содержания.

Обусловленность толкования словесно-документальным изложением правовых предписаний в нормативном акте. Необходимость толкования правового акта про-

² Конечно, толкование нормативных предписаний осуществляется и при теоретическом исследовании права, его институтов, норм. Однако значение специальной деятельности (а не обычного теоретического исследования) оно имеет лишь постольку, поскольку интерпретация нормативных предписаний *рассчитана на обеспечение нужд юридической практики*, т. е. в конечном счете на установление содержания предписания *в целях его реализации*.

диктована прежде всего теми же причинами, которые обуславливают необходимость уяснения любой формы речи. В частности, уяснение любого документа требует определенной мыслительной деятельности, связанной с пониманием данной знаковой системы — слов, предложений, их логической связи и т. д. В указанном отношении толкование в значительной степени универсально; оно широко используется в литературоведении, истории, этнографии и других науках, имеющих дело с документами и иными формами письменной речи.

Обусловленность толкования особым (нормативным, специально-юридическим) выражением правовых предписаний в нормативном акте. Так как в нормативном акте государственная воля выражена на языке права, то для обеспечения реального действия юридических норм нужен, условно говоря, обратный перевод. Ведь воля, содержащаяся в нормативном правовом акте, выражается с использованием средств и приемов юридической техники — терминологии, юридических конструкций и т. д. Полное и точное уяснение содержания правовых актов нуждается в применении юридических знаний, требует в ряде случаев разъяснения смысла терминов, своеобразия тех или иных норм, их специфического нормативного и системного построения и т. п.

Указанные основания, вызывающие необходимость толкования, носят, так сказать, естественный характер. При уяснении любого нормативного акта интерпретатор имеет дело с определенной знаковой системой — со словесно-документальной, языково-логической формой изложения воли законодателя, которая к тому же получила особое юридическое выражение.

К рассмотренным основаниям надо добавить и такую причину толкования, как истечение подчас значительно времени после издания акта. Формулировки, выражающие нормативные предписания, нередко ориентированы на фактические ситуации, которые в той или иной степени конкретности может предвидеть законодатель. Между тем при длительном действии нормативного акта возникают новые факты и обстоятельства, которые хотя и охватываются предусмотренной нормой ситуацией и, следовательно, соотнобразовываются с волей законодателя, но не подпадают под буквальные формулировки акта.

Кроме этих естественных оснований, необходимость толкования обусловлена в ряде случаев известным несо-

вершенством изложения воли законодателя. При разработке правовых актов не всегда удается достигнуть адекватного использования средств юридической техники, ясного и точного стиля, понятного языка. Отсюда — неясности некоторых формулировок, расплывчатые, а иногда и двусмысленные выражения, термины.

Толкование является необходимым (хотя и не основным) элементом МПР. Его значение как элемента МПР состоит главным образом в том, чтобы *обеспечить полное и точное раскрытие функций правовых актов* как источника и формы существования юридических норм, других содержательных элементов правовой системы (II.32.2.).

Особо должна быть выделена роль в МПР толкования нормативных актов. Здесь отчетливо проявляется связь юридического толкования с режимом законности. Если в эксплуататорских обществах толкование нередко служит корректированию и исправлению смысла действующих норм в соответствии с интересами господствующего класса, то в социалистическом обществе цель толкования — обеспечить действие и эффективность нормативной основы МПР в условиях строгой социалистической законности.

Толкование нормативных актов *завершает процесс регламентации общественных отношений*. В результате толкования нормативные юридические предписания готовы к реализации, к практическому осуществлению.

В то же время своеобразие толкования состоит в том, что это — деятельность, которая, реально завершая процесс регламентации общественных отношений, является одним из начальных элементов процесса реализации юридических норм.

Толкование правовых актов *способствует устранению (точнее, смягчению) недостатков в их форме*. Неправильное или неполное использование средств и приемов юридической техники, недостатки стиля правовых актов могут быть устранены путем толкования. Под известным углом зрения толкование можно рассматривать в качестве своеобразного продолжения юридической техники, направленного на достижение тех же задач — обеспечить полноту и точность выражения воли, содержащейся в актах, ее полное раскрытие, надлежащую эффективную реализацию.

Вопросы толкования относятся к числу тех общетеоретических проблем, которые имеют непосредственно практическое значение. Один из секретов высококачественной работы юриста состоит в такой подготовке и уровне профессионального мастерства, которые позволяют ему полно, точно и быстро толковать нормативные и иные правовые акты. Поэтому весьма примечательно, что в последние годы советская юридическая литература сконцентрировала внимание не только на общих вопросах толкования, но и на разработке приемов и правил, полезных для практической работы³.

Вместе с тем ряд вопросов толкования нуждается в дальнейшей разработке. Наряду с более широким использованием достижений современной (нормативной) логики, теории языка, лингвистики и других неюридических наук представляется в высшей степени важным осмыслить толкование как *своеобразное юридическое явление* и под этим углом зрения увязать проблематику толкования с фундаментальными выводами нашей юридической науки, в том числе выводами, касающимися применения права и внешней формы права (различая при этом внешнее, словесно-документальное изложение предписаний и, что особо важно, их нормативное, специально-юридическое выражение).

Некоторые авторы толкование правовых актов анализируют примерно в том же плане, в каком вообще возможно говорить о толковании документов (необходимость толкования обосновывается известным несовершенством языка; в качестве приемов толкования указываются грамматический, логический и другие, имеющие, в принципе, общий характер, и т. д.). Конечно, при толковании любых документов возникают общие вопросы, которые существенны и в юридической науке. Однако толкование правовых актов имеет и особые черты. Они же определяются, в частности, тем, что воля в правовых актах юридически оформлена, т. е. выражена с помощью средств и приемов юридической техники. А это означает, что одна из задач юридической науки состоит в том, чтобы, рассматривая вопросы толкования, не упускать из поля зрения указанные своеобразные черты и видеть в толковании специфическое правовое (именно — правовое!) явление. Отсюда и вытекает необходимость решения некоторых специальных проблем (например, официального и неофициального толкования), особого подхода при рассмотрении приемов толкования. Следует также учитывать, что в толковании нуждаются и индивидуальные акты (в частности, приговоры и решения судов). Поэтому есть все основания рассматривать толкование и с более широких позиций, т. е. применительно к правовым актам в целом.

2. «Двойная» природа толкования. Толкование и применение права. Основные функции толкования связаны с

³ Среди книг, посвященных рассматриваемой проблеме, следует, например, указать на: Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М., 1960; Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962; Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972; Он же. Толкование советского права; Лазарев В. В. Применение советского права. Казань, 1972.

внешней формой права, необходимостью проникновения посредством ее в содержание правовых предписаний, в понимание воли законодателя.

В этой плоскости толкование имеет в процессе правового регулирования общее, универсальное значение. В каждом случае, реализуя юридические нормы, субъекты так или иначе усваивают их содержание. Такого рода интерпретация может происходить и вне процесса правового регулирования (в ходе научного исследования права, правового обучения, ознакомления граждан с законодательством)⁴.

Существенные особенности приобретает толкование в случаях, когда оно является элементом властной индивидуально-правовой деятельности компетентных органов, т. е. применения права. Применение права — такая специфическая государственно-властная деятельность, которая оказывает существенное воздействие на процесс правового регулирования. Когда толкование входит в состав применения права, то это неизбежно накладывает на нее свою печать. Происходит то же, что происходит при включении любого явления в определенную систему: оно приобретает интегративные качества, присущие системе в целом⁵.

Таким образом, рассматривая теоретические и практические вопросы толкования, необходимо каждый раз учитывать, что перед нами — просто толкование (природа которого обусловлена внешней формой права) или же правоприменительное толкование (природа которого связана, кроме того, с применением)⁶.

В эксплуататорском обществе правоприменительное толкование приобретает особое политическое значение.

⁴ См.: Лазарев В. В. Применение советского права, с. 67; Во пленко Н. Н. Акты толкования норм советского социалистического права.— Автореф. канд. дисс. Саратов, 1972, с. 8—9.

⁵ Надо полагать, что не менее существенные особенности приобретает толкование, если оно включается в другую систему — правотворческую деятельность. Помимо прочего эти особенности проявляются в легальном и аутентическом толковании.

⁶ П. С. Элькинд справедливо указывает на то, что не следует «смешивать толкование норм уголовно-процессуального права как условие их непосредственного применения с уяснением таких норм вне органической связи с их применением или хотя бы и в такой связи, но не органами (лицами), их непосредственно применяющими» (Элькинд П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967, с. 57).

Оно призвано обеспечить классовую направленность эксплуатации права — истолковывать нормы права в угоду классу эксплуататоров. Ярко и наглядно классовая направленность правоприменительного толкования проявляется в буржуазном обществе, когда путем толкования сводится на нет прогрессивное содержание тех законов, которые принимаются в странах капитала в качестве уступки рабочему классу, трудящимся. В. И. Ленин писал: «Есть тысячи буржуазных адвокатов и чиновников... умеющих истолковать законы так, что рабочему и среднему крестьянину никогда не прорваться через проволочные заграждения этих законов»⁷.

В социалистическом обществе не существует особого политического толкования в отличие от юридического толкования советских законов⁸. В условиях строгой социалистической законности толкование, в том числе и правоприменительное, должно обеспечить установление действительной воли, содержащейся в нормативном правовом акте. Политическое значение толкования в социалистическом обществе неотделимо от его юридической роли. Но именно потому, что юридическая роль применения права существенна (она состоит, в частности, в индивидуальной поднормативной регламентации), правоприменительное толкование имеет глубокое правовое значение.

В процессе применения юридически важно не только точно интерпретировать то или иное формально закрепленное правовое положение, но истолковать право в целом — его смысл, его принципы, социально-политическое содержание и т. д. Лишь такое (более глубокое) толкование права может служить в соответствии с требованиями социалистической законности основой для индивидуального поднормативного регулирования, конкретизации юридических норм, аналогии права, субсидиарного применения.

Таким образом, уже на данном этапе рассмотрения вопросов толкования необходимо констатировать, что его специфические правовые аспекты опираются, во-первых, на то, что воля законодателя получает нормативное, специально-юридическое выражение, и, во-вторых, на то,

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 285.

⁸ См.: Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм, с. 331.

что юридическое толкование выступает в качестве элемента правоприменительного процесса.

3. Объект толкования. Толкование и содержание права. Ряд особенностей толкования как юридического явления сопряжен с его объектом, со спецификой содержания права.

Объектом толкования является право, выраженная в нем государственная воля. При этом в процессе толкования *установлению подлежит только государственная воля (воля законодателя), которая объективно выражена и закреплена в нормативных актах.* Иными словами, объект толкования — не то, что законодатель, по мнению интерпретатора, думал, предполагал, а воплощенная в нормативных актах воля законодателя, т. е. воля законодателя, которая выступает в качестве воли закона *в виде нормативных предписаний.*

Это значит, что воля, выраженная в правовых предписаниях, приобретает, так сказать, относительно самостоятельное существование. В частности, смысл и содержание закона перестают быть зависимыми от воли и желания лиц, его составивших. Органы, применяющие закон, исходят из его действительного содержания.

Что же является непосредственным (ближайшим) предметом толкования?

Это прежде всего, разумеется, внешняя форма права — текст акта, а также связи между данным текстом и другими текстами, иными внешними данными, с которыми сопряжено издание и функционирование нормативного акта (политические документы, материалы практики и др.), т. е. все то, из чего путем прямого наблюдения, анализа и т. д. интерпретатор получает *первичные данные.*

Вместе с тем право в целом (а не только его внешняя форма и иные внешние обстоятельства) есть объективная реальность. Вслед за внешней формой права и другими внешними обстоятельствами, в которых проявляется право, к предмету толкования должна быть отнесена и его внутренняя форма — все то, что входит в технико-юридический инструментарий и обеспечивает юридическую организацию воли законодателя, его логическое и технико-юридическое построение, структуру. Это — своего рода второй слой предмета толкования, который на основе первичных данных осваивается интерпретатором. Причем здесь, кроме логического пост-

роения, особо должно быть выделено технико-юридическое содержание (I.6.1.), которое характеризует наличие права как институционального образования.

Примечательно, что особенность толкования с рассматриваемой стороны хорошо согласуется с основаниями толкования, с тем, что его необходимость обусловлена, в частности, особым технико-юридическим выражением.

4. Толкование как познание. Толкование по своему главному содержанию — это один из видов познания, т. е. сложного процесса чувственного восприятия и абстрактного мышления, основанного на практике и проверяемого ею, — процесса, в результате которого происходит переход от незнания к знанию, воспроизводится действительная, истинная картина объективного мира.

Познание может быть трех основных видов:

а) *теоретическим*, когда осуществляется систематическое и всестороннее познание сущности явлений, их закономерностей и т. д.;

б) *специальным*, когда на основе известной суммы специальных знаний осуществляется познание фактов для решения определенных практических задач, например врачебная диагностика;

в) *бытовым, житейским*, когда люди познают окружающий мир в ходе повседневной жизни.

Конечно, все эти виды познания (когда предметом его являются правовые нормы) могут быть охарактеризованы как толкование права. Толкование представляет собой один из моментов научного познания права, частно-научный прием, входящий в состав технико-юридического метода. Происходит также и уяснение людьми содержания юридических норм в обыденной жизни (обыденное толкование).

Но все же познание, осуществляемое при толковании, является особым видом познавательной деятельности, который отличается как от теоретического, так и от бытового, житейского познания. Как *особое юридическое явление*, включающееся в МПР, оно должно быть по своей основе отнесено к *специальному* познанию.

В отличие от теоретического познания толкование ограничено сравнительно узкими задачами — установить действительную волю законодателя для практической реализации нормативных предписаний. Своеобразие толкования как специального познания особо

ярко проявляется в случаях, когда оно выступает в качестве элемента применения права. Здесь толкование вообще есть составная часть юридического познания (другая часть юридического познания — установление фактических обстоятельств юридического дела).

Специальный характер познания, свойственный толкованию, проявляется помимо прочего в том, что оно осуществляется при помощи особых способов, которые основаны на своеобразии предмета познания (права) и обеспечивают достижение задач в познании, необходимых для реализации юридических норм⁹.

5. Способы толкования. Это — *относительно обособленные совокупности приемов, которые в соответствии с особенностями права позволяют раскрыть содержание правовых предписаний для их реализации.*

Выделение того или иного способа толкования обусловлено двумя факторами. Во-первых, особенностями права как объекта познания, наличием специфических «моментов жизни» права¹⁰ и, во-вторых, особенностями содержания данной совокупности приемов познания, позволяющих использовать для установления воли законодателя специфическую область знаний, понятий, правил (филологии, логики, специальных юридических знаний, истории и др.).

Каковы же способы толкования?

Для ответа на этот вопрос необходимо вспомнить особенности объекта толкования — главные моменты, через которые выражается жизнь права и, следовательно, осуществляется его познание. Здесь принципиально важно различать два слоя в предмете толкования: во-первых, осязаемую реальность права — внешнюю его форму, иные внешние обстоятельства и, во-вторых, то, что относится к логической и технико-юридической организации содержания права, к его структуре, т. е. к внутренней форме. Первый слой: а) словесный, грамматически организованный текст нормативного ак-

⁹ О толковании как познании см.: Черданцев А. Ф. Толкование советского права, с. 17—34. О критериях толкования (в том числе о неправовых социальных нормах как критерии толкования и восполнения пробелов в праве) см.: Янев Янко Г. Правила социалистического общежития. М., 1980, с. 74 и след.

¹⁰ См.: Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права, с. 76.

та, б) выраженная в тексте связь данного предписания с другими, в) обстоятельства генезиса и функционирования права, выражающие социально-политическое содержание правовых предписаний; второй слой: г) логическая структура мысли, в которой заключена воля законодателя, д) специально-юридические средства и приемы выражения воли законодателя¹¹.

С таким подразделением «моментов жизни» права в полной мере согласуется подразделение основных сфер знаний, которые включаются в процесс интерпретации правовых предписаний. В сущности, каждому «моменту жизни» права соответствует специфическая сфера знаний, понятийный аппарат которой участвует в толковании нормативных предписаний. Это — филология, логика, история, специальные юридические знания и др.

С учетом указанных факторов в качестве наиболее общих и специфических можно указать на такие способы толкования: грамматический, логический, специально-юридический (техничко-юридический), систематический, историко-политический (функциональный)¹².

¹¹ В юридической литературе была предпринята попытка связать способы толкования лишь с внешними моментами (формами) проявления воли законодателя (см.: Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права, с. 76; Он же. Толкование советского права, с. 19—20). Однако не все широко признанные способы толкования (например, логическое толкование) имеют свои особые внешние формы. Да и такие способы (например, систематическое толкование), которые, казалось бы, опираются на специфические внешние формы, на поверку затрагивают в значительной мере внутреннюю форму права, его структуру. Вместе с тем есть такие внешние обстоятельства, используемые при толковании (политика, мораль, обстоятельства издания и т. д.), которые вообще не являются внешними формами жизни права. Главное же — качество объективной реальности имеют в праве не только внешние формы, но и самая материя права, другие его характеристики, в том числе особое логическое построение, специфическое технико-юридическое выражение (техничко-юридическое, специально-юридическое содержание права), которые не в меньшей мере, чем внешние формы, являются его «моментами жизни».

¹² А. Ф. Черданцев разъединяет историко-политическое толкование на два самостоятельных способа — историческое и функциональное (см.: Черданцев А. Ф. Толкование советского права, с. 82—116). Вряд ли такое разъединение качественно однородных приемов толкования обоснованно. И там и здесь перед нами, в сущности, одни и те же факты (внешние, имеющие социально-политическое содержание), которые лишь проявляются в различных плоскостях: одни — в исторической, другие — в процессе функциониро-

6. Соотношение способов толкования. Способы толкования занимают в процессе познания нормативных предписаний *неодинаковое, неоднорядковое положение*. Это связано с многоступенчатостью познания, с разным значением его этапов, что в свою очередь обусловлено сложностью, многослойностью объекта толкования — права, его содержания и формы.

При толковании мысль интерпретатора идет от анализа буквального, т. е. словесно-документального (языково-логического), текста к исследованию специально-юридического и социально-политического содержания нормативного акта. Как правильно подмечено в литературе, толкование юридических норм представляет собой в известном смысле процесс, обратный тому, который осуществляется законодателем при принятии закона. Толкуя юридическую норму, мы идем от грамматического анализа текста закона к анализу, основанному на логике человеческого мышления, а от него к анализу тех условий экономического и политического порядка, которые обусловили издание и действие данного закона¹³.

Толкование — такого рода деятельность, при которой интерпретатор слой за слоем вскрывает то, что юридически выражено и изложено в тексте нормативного акта. С этой точки зрения процесс толкования имеет три главные ступени:

а) анализ буквального текста, т. е. буквы нормативного акта, внешнего, словесно-документального изложения воли законодателя;

б) догматический анализ, т. е. анализ юридических особенностей предписаний, выраженных в специфически правовом, в частности в технико-юридическом, содержании данных норм;

в) социально-политический анализ, т. е. анализ социально-политического содержания предписаний.

Нетрудно заметить, что эти главные ступени про-

вания. К тому же и все историко-политическое толкование имеет функциональный характер: оно состоит в установлении значения нормы с учетом ее функционального контекста. Что же касается интерпретации оценочных понятий и юридической практики, отнесенных А. Ф. Черданцевым к функциональному толкованию, то они вообще принадлежат к иной области толкования — специально-юридическому анализу.

¹³ См.: Явич Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, с. 145.

цесса толкования соответствуют особенностям содержания и формы права. В процессе толкования интерпретатор идет от внешней формы (словесно-документального изложения) к внутренней форме, а от них — к содержанию права: специально-юридическому и социально-политическому.

К каждой ступени привязаны свои способы толкования. К анализу буквального текста («а») — грамматическое, логическое, систематическое; к догматическому («б») — специально-юридическое, систематическое; к социально-политическому («в») — историко-политическое толкование.

Весьма существенно указать на различное значение в процессе толкования его ступеней.

Первой и безусловно обязательной ступенью толкования является анализ словесно-документального текста. На практике этот анализ во многих случаях вполне достаточен для того, чтобы уяснить смысл нормативного акта. Но и здесь не следует исключать все другие способы толкования: они призваны подтвердить, упрочить полученные выводы. К тому же к анализу буквального текста сразу подключаются все другие способы. Они тем незаметнее (автоматически) «работают», чем выше уровень общеобразовательной и политической подготовки, юридической культуры интерпретатора.

На практике после анализа буквального текста вовсе не требуется строгое соблюдение очередности способов толкования, вытекающих из особенностей его предмета и указанных ступеней. Так, тщательный анализ буквального текста позволяет сразу же включать логическое и специально-юридическое толкование. При этом подчас происходит использование способов по спирали. Например, во многих случаях особо важно при применении юридических норм получение полной и развернутой специальной юридической характеристики их содержания; поэтому, хотя историко-политическое толкование является наиболее глубоким и, казалось бы, завершающим, в ряде случаев требуется возвратиться на его основе к уточнению специально-юридических сторон нормативных предписаний.

Наконец, во многих случаях «последующие» способы толкования как бы присоединяются к начальным и первичным способам — грамматическому, логическому, причем не в полном объеме, а лишь в той части, которая

касается сопоставления законодательных текстов. Здесь же, а также при анализе логического построения воли законодателя нередко необходимо провести специально-юридический анализ (в частности, толкование юридических терминов, оценочных понятий, использование данных юридической практики).

7. Логическое и специально-юридическое толкование. Это — весьма действенные совокупности приемов толкования, которые соответствуют специфике предмета, а также особой стадии осуществляемого при толковании специального познания; они позволяют в полной мере использовать потенциал логики и, что особо важно, юридической науки.

Логическое толкование представляет собой исследование логического построения нормативных предписаний, основанное на непосредственном использовании законов и правил логики. Специально-юридическое — исследование технико-юридических средств и приемов выражения и изложения в акте воли законодателя, основанное на специальных знаниях юридической науки (перевод описательного предложения в юридико-нормативное; уяснение юридической конструкции; отраслевой принадлежности норм и т. д.).

Логическое и специально-юридическое толкования являются *вторичными* по отношению к грамматическому и к той части систематического толкования, которое состоит в сопоставлении законодательных текстов. Здесь происходит логическая и специально-юридическая обработка первичных данных, полученных при непосредственном восприятии текста нормативного акта.

Вместе с тем если точно определять границы грамматического и систематического толкований и не придавать им всеобъемлющего значения¹⁴, то весьма четко обна-

¹⁴ Достаточно точная характеристика способов толкования в известной мере связана с их наименованием. Так, термин «грамматическое толкование», конечно, условен, но он все же имеет содержательную определенность, ибо означает исследование текста акта на основе положений и объективных законов грамматики, лексики, семантики. На такую же содержательную определенность ориентирует и другой термин, используемый при обозначении грамматического толкования, — «филологическое». Когда же рассматриваемый способ именуется языковым, то ему терминологически придается всеобъемлющее и в известной степени неопределенное значение (с языком связаны все приемы и способы толкования, в том числе логическое, юридическое толкование).

руживается самостоятельность и обособленность рассматриваемых способов толкования. Ведь и тот и другой способы толкования имеют своим предметом особые стороны права как объективной реальности. К тому же в объект специально-юридического толкования вовлекаются и иные элементы правовой системы, в частности юридическая практика. А главное: обособление логического, и в особенности специально-юридического, толкования учитывает сложившуюся специализацию наук и открывает возможность широкого, без смешения различных аспектов, использования специализированных научных данных при уяснении нормативных предписаний. Причем специально-юридическое толкование, прямо «выводя» на конечный результат толкования, дает точную и детализированную «правовую картину» юридического материала — именно такую, которая необходима для юридически правильного применения нормативных предписаний.

Существует, пожалуй, лишь один случай прямого совпадения способов толкования. Это — совпадение специально-юридического и систематического толкований (в той части последнего из указанных способов, которая относится к внутренним структурным и функциональным связям между правовыми предписаниями). Действительно, в этой части систематическое толкование представляет собой продолжение специально-юридического анализа. Но происходит это, по-видимому, потому, что интересы юридической практики уже давно потребовали при исследовании нормативных предписаний учитывать важнейшее свойство права — его системность и связанные с ним технико-юридические приемы и средства. Отсюда и происходит уже давно происшедшее объединение в одном способе качественно различных приемов: во-первых, приемов, выраженных в исследовании текста акта путем его сопоставления с другими, и во-вторых, приемов, нацеленных на анализ глубинных структурных и функциональных связей права. Возможно, в дальнейшем, коль скоро будет признано оправданным обособление специально-юридического анализа, окажется целесообразным сохранить за систематическим толкованием то первичное и исходное, что является однопорядковым с грамматическим толкованием (сопоставление текстов актов, нахождение их места в законодательной системе), и отнести остальную часть система-

тического толкования, имеющую качественно иную природу, к специально-юридическому способу.

И последнее. Есть достаточные основания рассматривать специально-юридическое толкование в качестве такого способа, который занимает центральное, ключевое положение во всей сумме способов толкования. В единстве с социально-политическим толкованием оно представляет собой своего рода *вершину науки и искусства толкования*, где в области права смыкаются специальное и теоретическое познание. Примечательно, что именно здесь открывается возможность широкого использования на практике, при толковании права общетеоретических знаний философского (общесоциологического) уровня.

До недавнего времени характеристика процесса толкования в советской юридической науке ограничивалась в основном вопросами изложения воли законодателя в нормативных документах, истории их издания и политического значения. В соответствии с этим и сложился традиционный «набор» способов толкования, который с теми или иными вариациями, в том числе терминологическими, присутствует в специальных исследованиях данной проблемы.

Однако для социалистического правоведения характерно проникновение в глубины юридической материи, в сложный и тонкий юридический инструментарий, в технико-юридические способы и приемы выражения воли законодателя. Все это и потребовало учета специализированных данных юридической науки в процессе толкования.

Каким образом, через какие каналы, способы возможно использование такого рода данных при интерпретации нормативных предписаний?

Один из таких путей, по которому и пошли многие авторы, — насыщение традиционных способов специальными юридическими приемами. Например, отнесение к грамматическому толкованию юридического анализа специальной терминологии, к систематическому — анализа глубинных структурных и функциональных связей, к историко-политическому (функциональному) — анализа оценочных понятий и юридической практики. Несомненный успех в учете новейших научных данных при толковании права продемонстрирован в книге А. Ф. Черданцева «Толкование советского права».

Вместе с тем внедрение специализированных данных юридической науки в традиционные способы, выработанные в основном в связи с исследованием нормативных документов, их истории и политического значения, имеет и свои минусы. Эти способы не могут полностью охватить углубленные специализированные знания о правоведении (например, дать интерпретацию нормативных положений с точки зрения особенностей юридических конструкций, типов регулирования — общедозволительного или разрешительного, индивидуально-правового воздействия). Далее, поскольку специализированные правовые данные рассыпаны подчас по чуждым для них способам, внимание при толковании не концентрируется на спе-

циализированном юридическом анализе. И, наконец, при насыщении традиционных способов углубленными правовыми данными ускользает специфическое, первичное в традиционных способах — исследование текста с точки зрения грамматики, лексики, сопоставления с другими текстами и т. д.

Вот почему есть основания для поисков в ином направлении — в обособлении специально-юридического способа толкования. Тем более, что такое решение проблемы согласуется с рядом фундаментальных положений общей теории права, в том числе — с положениями об особенностях права как социальной реальности, содержании права, юридической технике, формах юридического выражения воли законодателя.

Конечно, и такое решение проблемы требует, по-видимому, известных уточнений. Необходимо с большей определенностью обрисовать автономию каждого способа толкования, их иерархию, очередность использования. Возможно, нуждается в уточнении и сам термин при обозначении рассматриваемого способа (не следует ли признать более удачным термин «технико-юридическое толкование»).

Ясно одно: на современном уровне развития юридической науки использование при толковании ее углубленных специальных юридических данных — настоятельная необходимость. И как бы ни был решен вопрос о составе и наименовании способов интерпретации нормативных предписаний, развиваемая в науке теория толкования должна выработать такие научно-конструктивные решения, которые бы обеспечили применение современных углубленных данных науки в юридической практике.

8. Результаты толкования. Буквальное, распространительное и ограничительное толкования. Толкование приводит к раскрытию содержания нормативного акта, к такому пониманию юридических предписаний, которое позволяет обеспечить их полную и точную реализацию (применение).

Результатом толкования должна быть *полная определенность* смысла нормативного акта.

Определенность смысла — это его точность, безоговорочность, отсутствие каких-либо параллельных решений; результатом толкования не может быть вывод «и то и другое», «и да и нет»: здесь действует логический закон исключенного третьего. К. Маркс отмечал «Jus знает только: или—или»¹⁵.

Результат толкования не должен выходить за пределы толкуемых норм. Вместе с тем он выражает *новое знание* — конкретизирующее суждение о нормах. В результате же правоприменительного толкования в правовую материю могут быть привнесены некоторые новые

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 649.

моменты, выражающие конкретизацию нормативных предписаний. Таковы вырабатываемые в ходе юридической (судебной) практики правоположения (I.20.3.).

Результаты толкования могут быть рассмотрены с точки зрения их соотношения с выводами, которые непосредственно вытекают из буквального текста (буквы) нормативного акта. С этих позиций результаты толкования подразделяются на виды *по объему* — соответствуют ли они буквальному тексту (буквальное толкование), или шире буквального текста (распространительное толкование), или уже его (ограничительное толкование).

Как правило, в социалистическом обществе в соответствии с требованиями строгой законности толкование является буквальным. Буква и дух нормативного акта, его текстуальное выражение и действительный смысл полностью соответствуют друг другу. Это значит, что применение после грамматического анализа всех иных способов толкования приводит к таким же выводам, какие вытекают из буквального текста. Буквальный характер толкования позволяет в условиях социализма строго и последовательно проводить начала социалистической законности, не допускать каких-либо отступлений от воли законодателя, закрепленной в нормативных актах.

При режиме строгой законности распространительное и ограничительное толкования являются исключениями из общего правила, выражающего соотношение буквального текста и действительного смысла акта. Указанные разновидности толкования не следует понимать так, что происходит распространение нормы на новый круг отношений или же исключение отношений, охватываемых нормой, из-под ее действия. Это обстоятельство важно подчеркнуть, тем более что выражение «толкование по объему» может создать впечатление о том, будто путем толкования «расширяется» или «ограничивается» действительное содержание норм, их объем. Вовсе нет! Как и вообще при толковании, в данных случаях задача состоит лишь в том, чтобы раскрыть действительное содержание нормативного акта. Объем воли законодателя определяется только по отношению к буквальному тексту (действительный смысл, содержание нормы шире или уже по сравнению с буквальным текстом и буквальными выводами, из него вытекающими).

Именно этим распространительное толкование отличается от аналогии закона (применения к определенным фактам сходного нормативного акта). При распространительном толковании данные факты охватываются смыслом нормативного акта; законодатель их имел в виду, хотя воля законодателя и не нашла точного и ясного выражения в тексте акта. При аналогии же закона определенные факты не охватываются ни буквальным текстом, ни смыслом нормативного акта; законодатель их не имел в виду (зачастую в силу неправильного или недостаточного применения средств юридической техники). Здесь происходит распространение нормативного акта на новый круг общественных отношений, что возможно только при определенных условиях в процессе применения права¹⁶.

Распространительное и ограничительное толкования свойственны толкованию как таковому (т. е. независимо от того, входит ли оно в правоприменительный процесс). Вместе с тем следует иметь в виду, что в рамках применения права распространительное и ограничительное толкования являются начальной ступенью к конкретизации юридических норм. Вырабатываемые в юридической практике правовоположения нередко базируются на распространительной или ограничительной интерпретации правоприменительным органом тех или иных нормативных предписаний¹⁷.

9. Разъяснение нормативных актов. Обязательность толкования. Толкование как акт специального познания, включающееся в процесс правового регулирования, неизбежно получает определенное внешнее выражение. С

¹⁶ При аналогии закона (а также субсидиарном применении и аналогии права) выполняются задачи, во многом сходные с задачами толкования. Они направлены, в частности, на то, чтобы устранить отрицательные последствия неправильного или недостаточного использования средств юридической техники, касающейся главным образом юридических конструкций. Но решаются эти задачи иным путем, нежели при толковании. Аналогия в праве связана с творческими элементами в деятельности правоприменительных органов, характеризует одну из особенностей правоприменительной деятельности.

¹⁷ По мнению Н. Н. Вопленко, толкование и конкретизация соотносятся как средство и цель (см.: Вопленко Н. Н. Официальное толкование и конкретизация советских правовых норм.— В сб.: Вопросы теории государства и права. Вып. 2. Саратов, 1971, с. 175, 178).

этой стороны (т. е. со стороны определенных форм выражения вовне) оно выступает и в качестве разъяснения¹⁸.

В условиях эксплуататорского общества разъяснение нормативных актов может расходиться с их действительным смыслом: в ряде случаев органы эксплуататорского государства, представители буржуазной юридической науки и официальной пропаганды дают неправильную интерпретацию нормативных актов, в частности относительно прогрессивных законов.

В социалистическом обществе разъяснение нормативных актов неотделимо от уяснения, от установленного интерпретатором подлинного смысла нормативного акта.

Разъяснить нормативный юридический акт или его отдельные положения могут все субъекты. Но значение такого разъяснения, его юридическая обязательность неодинаковы.

Разъяснение может быть: 1) официальным, когда оно носит властно-обязательный, категорический характер (официальное толкование), и 2) неофициальным, когда оно лишено обязательной юридической силы (неофициальное толкование).

Официальное толкование. Это — властно-обязательное разъяснение, которое содержится в актах специально уполномоченных на то органов (государственных, а иногда по уполномочию государства общественных). Оно является толкованием, которое входит в состав применения права или даже правотворчества. Официальное толкование выражается в форме тех актов, которые издает данный орган. В соответствии с этим определяется их юридическая сила. Официальное толкование имеет юридическую силу того акта-документа, в котором оно закреплено. Причем оно может быть выражено в виде самостоятельных или смешанных актов, содержащих наряду с разъяснением самостоятельные нормы права или индивидуальные веления.

¹⁸ В юридической литературе высказан взгляд (Ю. Г. Ткаченко), в соответствии с которым толкованием является только разъяснение нормативных положений (см.: Теория государства и права. Под ред. А. М. Васильева. М., 1977, с. 392). Вряд ли это правильно. Разъяснение есть лишь внешнее выражение явления, сущность которого заключается в ином — в уяснении того или иного нормативного юридического предписания.

Официальное толкование подразделяется на нормативное и казуальное (индивидуальное).

Нормативное толкование — это разъяснение, которое, как и норма права, обладает общим действием: распространяется на неопределенный круг лиц и в принципе на неограниченное количество случаев («неисчерпаемость» разъяснения). Оно неотделимо от самой нормы, не может применяться независимо от нее и в принципе разделяет ее судьбу.

Нормативное толкование выражается в виде конкретизирующих нормативных предписаний. Иными словами, будучи результатом толкования юридических норм, эти предписания сами являются нормами, общими правилами¹⁹. Вместе с тем юридическая природа таких правил неодинакова. В одних случаях они выступают в качестве результата правотворческой деятельности компетентных органов и, стало быть, являются конкретизирующими юридическими нормами, в других — только выражают юридическую практику и могут быть охарактеризованы в виде специфических правовых явлений — правоположений, норм правоприменения (I.20.3.).

Нормативное толкование, как правило, применяется в случаях, когда толкуемые акты недостаточно совершенны по своей форме, имеют неясные места, неточности, а также, когда необходимо уточнить или усовершенствовать практику применения данных актов. Нормативное толкование призвано обеспечить эффективность нормативной регламентации общественных отношений, единообразие в понимании и применении юридических норм.

К нормативному толкованию относятся: *аутентическое толкование* (разъяснение, исходящее от того же самого органа, который издал толкуемый акт); *подзаконное делегированное*²⁰ *легальное толкование* (разъяснение, имеющее правотворческую природу и исходящее от компетентных правотворческих органов, в отношении нормативных актов, изданных иными органами); *правоприменительное нормативное толкование* (разъяснение юридических норм, содержащееся в актах центральных

¹⁹ См.: Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм, с. 488; Сабо Имре. Социалистическое право, с. 262 и след.

²⁰ См.: Черданцев А. Ф. Толкование советского права, с. 145.

юрисдикционных органов). В настоящее время руководящим разъяснением Пленума Верховного Суда СССР законодательно придано значение актов, юридически обязательных «для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение» (ст. 3 Закона о Верховном Суде СССР). На основе обобщения юридической практики центральные органы юрисдикции вырабатывают правовоположения, нередко имеющие значение временных конкретизирующих правил, призванных обеспечить правильное применение юридических норм. Эти правила в отличие от конкретизирующих норм аутентического и легального толкования не являются результатом правотворчества; они функционируют в рамках применения права.

Казуальное (индивидуальное) толкование — разъяснение нормативного акта, обязательное только для данного конкретного случая²¹.

Если нормативное толкование неотделимо от толкуемой нормы, то рассматриваемая разновидность официального толкования неотделима от данного случая (казуса). Оно дается только применительно к конкретному юридическому делу и не имеет какого-либо общеобязательного значения²². При решении же других дел казуальное толкование является образцом, примером, помогает раскрыть смысл юридической нормы, а не играет роль общего категорического разъяснения.

Казуальное толкование может быть выражено в специальных указаниях разъясняющего характера, которые содержатся в актах надзора юрисдикционных и административных органов. Так, в постановлениях (определениях) судов второй и надзорной инстанций нередко прямо разъясняется смысл применяемых нормативных актов. В то же время казуальное толкование не сводится только к прямым разъяснениям; оно может быть дано и в скрытом виде — в самом решении юрисдикционных

²¹ Некоторые авторы казуальное толкование называют судебным. Такое наименование недостаточно точно. И дело не только в том, что индивидуальное разъяснение может быть дано любым правоприменительным органом, но и в том, что толкование, проводимое судами и иными правоприменительными органами, имеет различную юридическую природу: оно может быть как казуальным, так и нормативным.

²² Более важное юридическое значение актам казуального толкования придает В. В. Лазарев (см.: Лазарев В. В. Применение советского права, с. 98 и след.).

и административных органов по конкретным делам. Поэтому важнейшей основой для толкования нормативных актов служат не только акты судебного и административного надзора, где можно найти прямые разъяснения, но и все юрисдикционные решения, т. е. вся судебная и иная практика применения норм социалистического права²³ (I.20.4.).

Неофициальное толкование. Это — толкование, не имеющее формального, юридически-обязательного значения, лишенное властной юридической силы (авторитета власти). Влияние неофициального толкования на правовое регулирование зависит главным образом от его правильности и убедительности (компетентности). Здесь нет авторитета власти, но есть власть авторитета. Некоторые разновидности неофициального разъяснения оказывают существенное влияние на практику применения норм права.

Неофициальное толкование, как и всякое другое, выражает специальное познание права и с этой точки зрения всегда выступает в качестве компетентного. По данному признаку оно должно быть отграничено от того, что может быть названо *обыденным толкованием* — уяснением юридических норм в житейской практике, в повседневной жизни. Обыденное толкование не представляет собой какого-либо специфического правового явления: оно является составной частью массового правосознания. Компетентным является прежде всего толкование, которое исходит от людей, вооруженных политическими знаниями, опытом применения социалистического права, овладевших практикой, и которое непосредственно опирается на практический опыт.

Компетентно, в частности, толкование нормативных актов, производимое общественными и государственными деятелями, а также толкование, осуществляемое юристами — должностными лицами (прокурорами и судьями на приемах граждан, консультантами в судах и арбитражах и т. д.), работниками юридической служ-

²³ По мнению А. С. Пиголкина, говорить о казуальном толковании можно лишь там, где ставится *специальная* цель разъяснить смысл правовой нормы (см.: Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР, с. 151). Такое понимание казуального толкования не учитывает разнообразия форм разъяснения нормативных актов.

бы и адвокатами, редакциями юридических журналов в специальных консультациях и обзорах.

Особой разновидностью компетентного толкования является *доктринальное*. Это — толкование, даваемое научными работниками, преподавателями, квалифицированными практиками непосредственно в результате теоретического анализа права, т. е. в связи с обоснованием и применением теоретических концепций (доктрин).

Компетентное, и в частности доктринальное, толкование, хотя юридически необязательно, оказывает существенное влияние на практику реализации норм права. В особенности следует указать на значение доктринального толкования. Глубокие и проверенные теоретические выводы, основанные на познании закономерностей права, обобщающие опыт законодательства и применения юридических норм, служат надежным компасом для правильного понимания нормативных актов.

10. Интерпретационные акты. Это — *акты-документы, которые содержат конкретизирующие нормативные предписания, выражающие разъяснение юридических норм.*

Характерная особенность интерпретационных актов состоит в том, что они действуют в единстве с теми нормативными юридическими актами, в которых содержатся толкуемые юридические нормы, находятся от них в зависимости и в принципе разделяют судьбу закрепляемых ими юридических норм.

В этом отношении все интерпретационные акты (в том числе акты аутентического и легального толкования) образуют *подсистему* правовых актов, всецело зависимую от главной подсистемы — нормативных юридических актов, которую призваны обслуживать интерпретационные акты.

В то же время правовая природа интерпретационных актов неодинакова. Здесь следует различать:

А. Интерпретационные акты правотворчества. Это — нормативные юридические акты, изданные в порядке аутентического или легального делегированного толкования (интерпретационные указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР и Президиумов Верховных Советов союзных республик, разъяснения ряда государственных комитетов Совета Министров СССР). Эти интерпретационные акты имеют «двойную» юридическую природу: будучи органической частью системы

(подсистемы) интерпретационных актов, они в то же время являются результатом правотворческой деятельности компетентных органов и представляют собой источники права, содержащие конкретизирующие юридические нормы (сохраняя одновременно свои интерпретационные качества, в частности зависимый характер от толкуемых норм).

Б. Интерпретационные акты правоприменения. Это — специфические правовые акты, содержащие правила применения норм права (постановления Пленума Верховного Суда СССР и Пленумов Верховных судов союзных республик). Данная разновидность — особый вид правовых актов, отличающийся от нормативных юридических актов (актов правотворчества). Интерпретационные акты рассматриваемой группы не являются результатом правотворческой деятельности компетентных органов, а представляют собой своеобразную форму юридической практики, обобщения опыта применения юридических норм.

Таким образом, при рассмотрении соотношения нормативных и интерпретационных правовых актов необходим дифференцированный подход. Акты аутентического и делегированного легального толкования, будучи интерпретационными, в то же время являются актами правотворчества (только всецело зависимыми, привязанными к актам, содержащим толкуемые нормы).

Акты же правоприменительного нормативного толкования являются интерпретационными в строгом, узком смысле этого слова: функция разъяснения — для них единственная, и, следовательно, только она определяет их юридическую природу.

По мнению А. С. Пиголкина, нормативное разъяснение оформляется в виде специальных актов, но последние не могут рассматриваться в качестве самостоятельного вида актов. Автор, в принципе, прав, когда утверждает, что интерпретационный акт разделяет судьбу нормативного (точнее, норм, в нем содержащихся) и по своим существенным главным чертам сходен с ним²⁴. Более того, акты аутентического и легального толкования вообще являются актами правотворчества.

Однако возражения А. С. Пиголкину оказались не полностью снятыми (как мне представлялось в книге «Социальная ценность права в советском обществе», с. 121). Ряд интерпретационных ак-

²⁴ См.: Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР, с. 121, 125.

тов действительно по своей правотворческой природе не отличается от нормативных юридических актов. Но все же правовые акты, выполняющие интерпретационную функцию, образуют «третье звено» системы правовых актов. Они вплотную примыкают к нормативным юридическим актам, имеют родственные черты, частично перекрещиваются с ними, но с ними не сливаются.

Здесь уместно еще раз обратить внимание на конструктивность обобщающей категории «правовой акт». Нормативные, интерпретационные, индивидуальные правоприменительные акты и акты реализации прав и обязанностей образуют подсистемы единой системы правовых актов. Место каждой из этих подсистем, их субординация, взаимозависимости обусловлены свойствами тех активных содержательных элементов правовой системы (юридических норм; правоположений юридической практики; индивидуальных велений и волеизъявлений при реализации), которые они закрепляют и выражают. Вместе с тем не вдаваясь в более подробную характеристику структурных и функциональных связей в системе правовых актов — а такой анализ в теоретическом отношении весьма перспективен, — принципиально важно подчеркнуть, что ядром, стержнем в этой системе являются нормативные акты правотворчества.

11. Толкование индивидуальных актов. В толковании нуждаются все правовые акты, в том числе индивидуальные, в особенности те, которые рассчитаны на длительное действие, имеют юридически сложный характер, направлены на индивидуальную регламентацию общественных отношений, на принудительное осуществление прав и обязанностей (индивидуальные административные акты, решения юрисдикционных органов, договоры и др.).

Уяснение индивидуальных актов осуществляется в соответствии с теми же началами и требованиями, которые применяются к нормативным актам. Здесь могут быть использованы все способы толкования, включая специально-юридическое толкование (интерпретация специальных терминов, установление юридических конструкций).

Разъяснение индивидуальных актов отличается тем, что оно всегда имеет разовый, относящийся к данному случаю, характер. Вместе с тем в этих актах тоже воплощаются юридическая практика, правоположения. В советском законодательстве предусмотрен в ряде случаев особый порядок разъяснения индивидуальных правоприменительных актов. Так, в соответствии с гражданским процессуальным законодательством в случае неясности решения суд вправе по заявлению лиц, участвовавших в процессе, разъяснить решение, не изменяя его содержание (ст. 206 ГПК РСФСР). По уголовным де-

лам суд, вынесший приговор, разрешает «всякого рода сомнения и неясности, возникающие при приведении приговора в исполнение» (ст. 368 УПК РСФСР).

Существенное значение принадлежит и неофициальному разъяснению индивидуальных актов, содержащемуся в научных юридических исследованиях, комментариях юрисдикционной практики, в учебниках и лекциях по юридическим дисциплинам. Осуществляемые таким путем обобщения юридической практики позволяют выявлять и с доктринальных позиций интерпретировать содержащиеся в индивидуальных актах правовые положения. А это в свою очередь способствует надлежащему толкованию нормативных актов, решению теоретических вопросов юридической науки, дальнейшему совершенствованию советского законодательства.

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Глава 39

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ

1. Правоприменительная деятельность как часть техники юриспруденции. Применение права отличается сложностью, многоаспектностью.

Главное и определяющее в применении права — социально-политический аспект, характеризующий его в качестве важнейшего компонента правового регулирования (I.19.1.). Применение права, рассматриваемое с *социально-политической* стороны, конкретизированно, по отношению к данному случаю дополняет властность юридических норм своей властностью, обеспечивает реализацию норм права, доведение ее до конца, активно гарантирует, продолжает и завершает в индивидуально-правовом, поднормативном порядке регулирование соответствующих отношений¹.

¹ См.: Дюрягин И. Я. Право и управление. М., 1981.

На основании социально-политической характеристики раскрывается и другая сторона применения права — его *организационный, технико-юридический аспект*. С этой стороны применение права выступает в виде *правоприменительной деятельности*.

Правоприменительная деятельность представляет собой систему разнородных действий основного и вспомогательного характера, имеющих творческое, организующее содержание. По своей сути правоприменительная деятельность состоит в разработке и фактическом осуществлении организационных мер, направленных на то, чтобы обеспечить претворение предписаний правовых норм в жизнь. Правоприменительный орган, распространяя юридические нормы на тот или другой конкретный жизненный случай, решает юридическое дело, принимает необходимые организационные меры по практической реализации норм права.

В соответствии с этим применение права представляет собой деятельность, осуществляемую в специальных, законом установленных формах (I.19.7.). В условиях режима социалистической законности применение права облекается в процедурно-процессуальные формы, которые обеспечивают достижение истины при реализации юридических норм, охрану прав заинтересованных лиц, защиту от возможных правонарушений².

Значение специально-юридического, технико-юридического аспекта применения права обусловлено тем, что здесь оно выступает в виде такой деятельности, которая относится к *технике юриспруденции* и потому самым непосредственным образом связана с практической работой юристов. Именно в этой плоскости в специальных юридических науках и в общей теории права сложился комплекс специальных вопросов применения права (о юридическом познании, доказывании, порядке вынесения решения и др.), которые и определяют содержание данного раздела курса.

² В последнее время в советской юридической литературе высказаны новые, весьма основательные соображения в пользу того, что необходимо с предельной четкостью выделять из всей массы разнообразных процедурных форм процессуальные формы в строгом смысле, которые концентрируют значительные юридические ценности, связанные с правосудием и неотделимые от «самого» права (см., в частности: Труды ВЮЗИ/Отв. ред. М. С. Шакарян. М., 1980).

Рассматривая правоприменительную деятельность как часть техники юриспруденции, нельзя вместе с тем упускать главное и определяющее в применении права — его социально-политический аспект. Отсюда — качественное различие правоприменительной деятельности в эксплуататорском и социалистическом обществах.

В социалистическом обществе правоприменительные органы, осуществляя управленческие, социально-политические функции, выполняют также профилактические, воспитательные задачи. Хотя осуществление такого рода задач и выходит за рамки чисто правоприменительных операций, профилактическая, воспитательная деятельность компетентных органов накладывает отпечаток и на действия по применению юридических норм (например, в предмет доказывания входят существенные обстоятельства, выяснение которых вызывается необходимостью решения профилактических, воспитательных задач)³.

Содержание правоприменительной деятельности так же, как и содержание права, может быть рассмотрено под углом зрения его *интеллектуально-волевых характеристик*.

Интеллектуальная сторона содержания правоприменительной деятельности состоит в том, что в процессе ее происходит отражение фактов объективной действительности и, следовательно, их познание. Последнее включает установление фактических обстоятельств дела, а также уяснение путем толкования содержания правовых предписаний, применяемых к данным обстоятельствам.

Волевая сторона содержания правоприменительной деятельности состоит в самом государственно-властном решении юридического дела. Наиболее ярко и выпукло она выражается в решениях, направленных на индивидуальное поднормативное регулирование общественных отношений (например, в приговорах по уголовным делам, содержащих конкретную меру наказания за совершенное преступление).

³ См.: О с и п о в Ю. К. Совершенствовать формы и методы профилактической работы по предупреждению гражданских правонарушений. — Сов. юстиция, 1967, № 9; Комиссаров К. И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства, с. 73—75.

Обе стороны интеллектуально-волевого содержания правоприменительной деятельности взаимосвязаны. Познание фактов действительности дает необходимую информацию для принимаемого решения, которое всегда опирается на данные, полученные в результате познания фактов.

2. Юридическое познание. Его особенности при применении права. Юридическое познание при применении права относится к *специальному*, т. е. такому, которое осуществляется в рамках практической деятельности и для нее (II.38.4.).

Юридическое познание не ставит своей целью выяснение закономерностей данных явлений, их социально-политической, экономической сущности; в то же время оно не является стихийно-случайным (бытовым), а имеет направленный характер, нацелено на изучение данных фактов, обстоятельств в связи с практическими задачами — применением юридических норм. Таким образом, юридическое познание имеет локальный предмет и сравнительно ограниченные задачи. Кроме того, этот вид познания (прежде всего судебное) характеризуется особыми способами, приемами, формами установления фактов, которые в той или иной мере получают регламентацию в законодательстве.

В социалистическом обществе, не будучи теоретическим (в строгом смысле слова), юридическое познание опирается на данные науки. Руководящее значение здесь, как и вообще в познании объективной действительности, имеет диалектический метод, марксистско-ленинская теория отражения. Использование диалектического метода обеспечивает уяснение содержания юридических норм, исследование и оценку всех полученных фактических данных в их взаимной связи, выделение случайного и необходимого, разграничение существенных и формальных моментов и т. д.

Юридическое познание складывается из двух главных разновидностей: во-первых, из познания правовых предписаний, образующих юридическую основу применения (толкования — II.38. 1—4), и, во-вторых, из познания фактических обстоятельств дела. В своей совокупности они образуют один из общих, сквозных элементов применения права — интеллектуальную сторону его содержания.

Юридическое познание может быть: а) непосредственным и б) опосредствованным⁴.

Непосредственное познание (когда чувственно воспринимаемый объект является предметом прямого познания) в области применения права, в особенности в судебной деятельности, имеет узкое значение. Сюда может быть отнесено, например, установление факта противоправного деяния при наложении административным органом санкции на месте правонарушения, а в судебной деятельности — восприятие судом в процессуальных формах юридических фактов, которые продолжают существовать и в момент рассмотрения данного юридического дела и которые непосредственно познаются судом (например, непосредственное установление судом характера изолированности спорной комнаты, ее положения как проходной).

Определяющая роль в юридическом познании принадлежит опосредствованной деятельности. Так, при установлении фактических обстоятельств дела воспроизведение действительности происходит при помощи других фактических данных — доказательств. И это вполне понятно. Обстоятельства дела, устанавливаемые правоприменительными органами, относятся по большей части к прошлому. Они, как правило, могут быть воспроизведены при помощи определенной информации — впечатков, следов, оставленных на вещах, и т. д. Опосредствованный характер имеет и юридическое познание правовых норм — толкование: оно осуществляется через словесно-документальную форму, форму юридического выражения воли законодателя (о доказывании см. II.40.2.).

3. Принцип объективной истины. Это — *выраженное в социалистическом праве требование, согласно которому решение правоприменительного органа должно полно и точно соответствовать объективной действительности.*

⁴ См.: Курылев С. В. Доказывание и его место в процессе судебного познания. — Труды Иркутского Государственного университета. Т. 3. Серия юридическая. Иркутск, 1955, с. 38—54; Он же. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969, с. 9 и след.; Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. М., 1969, с. 12—13.

Надлежащее (правильное) применение юридических норм обеспечивается тогда, когда юридическое познание осуществляется в строгом соответствии с принципом объективной истины. Непосредственным выражением этого принципа в социалистическом обществе является обязанность правоприменительных органов (судов, следственных органов, арбитража и др.) принять все необходимые и доступные меры для всестороннего, полного и объективного установления всех обстоятельств дела, прав и обязанностей субъектов, правового значения фактов.

Принцип объективной истины — *общий* принцип юридического познания. Не только судебные органы по уголовным и гражданским делам, но и все органы, деятельность которых связана с применением права, должны руководствоваться принципом объективной истины в качестве ближайшей цели разрешения юридических дел.

В социалистическом обществе принцип объективной истины, будучи юридическим принципом, с философской стороны обосновывается марксистско-ленинской теорией познания (отражения), в частности философскими положениями о познаваемости мира, о достоверности человеческих знаний, об их объективном характере, независимости ни от человека, ни от человечества. Понятие истины в юридических делах в полной мере соответствует такому общему философскому понятию объективной истины. Она понимается как правильное отражение в нашем сознании обстоятельств дела, включая их юридическое значение. С этой точки зрения вполне целесообразно применение для характеристики истины в юридических делах философского термина «объективная истина»⁵.

⁵ В юридической литературе истина в юридических делах иногда обозначается иным термином — «материальная истина» (см., например: Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955, с. 51; Он же. Курс советского уголовного процесса. М., 1968, с. 76 и след.). Хотя такая терминология имеет некоторые достоинства (здесь оттеняется тот факт, что истина в нашем праве не является формальной), она все же менее приемлема, чем термин «объективная истина». И не только потому, что последний из указанных терминов непосредственно связывает юридические категории с философскими, но и потому, что подчеркивает объективный характер наших знаний, получаемых при разрешении юридических дел.

Предметом истинных суждений при применении юридических норм являются все факты объективной действительности, связанные с юридическим делом. Понятие же объективной действительности охватывает не только сами по себе голые факты, но и их социально-правовое значение (в том числе общественную опасность противоправных деяний)⁶. К фактам объективной действительности относятся также самое право, права и обязанности субъектов⁷. Словом, предметом истинных суждений при применении права является все то объективное в наших знаниях, которое составляет интеллектуальную сторону содержания правоприменительной деятельности⁸.

Вместе с тем в предмет объективной истины *не входит волевая сторона содержания правоприменительной деятельности*. Государственно-волевое решение правоприменительного органа основывается на истинных суждениях о фактах объективной действительности, но само по себе оно выражает творчески-организующие (и, следовательно, субъективные) моменты применения права. Это относится, в частности, к волевой стороне решений, направленных на индивидуальное регулирование общественных отношений (например, при определении меры наказания по уголовным делам)⁹.

Истина в юридическом деле должна быть *полной, точной, действительной, т. е. объективной* истиной в са-

⁶ По мнению В. Н. Кудрявцева, установление истины по уголовному делу включает и решение вопроса о квалификации содеянного (см.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972, с. 51).

⁷ См.: Гурвич М. А. Принцип объективной истины советского гражданского процессуального права.— Сов. государство и право, 1964, № 9, с. 100—101. П. Е. Недбайло писал, что «юридическая значимость фактов общественной жизни является объективным их свойством, которое должно получить отражение в сумме знаний, составляющих объективную истину» (Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм, с. 228).

⁸ Авторы, которые относят принцип объективной истины только к самим по себе (голым) фактам, не учитывают того обстоятельства, что и социально-правовое значение фактов, и правоотношения, да и само право относятся к явлениям объективной реальности.

⁹ Как полагает большинство авторского коллектива книги «Теория доказательств в советском уголовном процессе» (М., 1966), в содержание объективной истины по уголовному делу входят не конкретная мера наказания, а вид и характер наказания в пределах санкции, предусмотренной уголовным законом (с. 96).

мом строгом, философском значении этого слова; знания правоприменительного органа об обстоятельствах дела должны полно и точно соответствовать реальным фактам объективной действительности в их правовом значении¹⁰.

Вместе с тем следует учитывать два существенных обстоятельства.

Во-первых, в соответствии с особенностями познания, осуществляемого в процессе применения права, объективная истина в юридическом деле носит ограниченный по предмету и содержанию характер. В отличие от теоретического познания здесь не ставится задача выявить все свойства, связи и опосредования фактов, установить объективные закономерности явлений, их социально-политическую, экономическую сущность. В литературе правильно обращено внимание на то, что истина в судебном исследовании с точки зрения содержания устанавливаемых в ней явлений имеет строго определенные, очерченные законом рамки и не является безграничной и всеобъемлющей¹¹.

Кроме того, известная ограниченность содержания объективной истины в области права обусловлена действием всей совокупности свойственных данной правовой системе принципов, правовых начал (например, действительный гуманизм социалистического права не допускает использования во имя истины таких средств, как пытка). В некоторых же областях права (в частности, гражданском процессуальном) в соответствии с принципом допустимости доказательств может случиться так, что действительный факт отвергается судом в связи с отсутствием доказательств определенного вида (например, письменных доказательств, удостоверявших факт заключения договора). И хотя в конечном счете, в правосудном, правоприменительном процессе в целом принцип объективной истины торжествует¹², в данном кон-

¹⁰ См.: Осипов Ю. К. К вопросу об объективной истине в судебном процессе.— Правоведение, 1960, № 2, с. 123.

¹¹ См.: Старченко А. А. Проблемы объективной истины в теории уголовного процесса.— Вопросы философии, 1956, № 2, с. 111.

¹² Как писал М. А. Гурвич по рассматриваемому вопросу, угрозой отказа в судебной защите не оформленных надлежащим образом юридических действий достигается такое их в массовом масштабе оформление, при котором отказ в защите прав за их недоказан-

кретном случае перед нами все же определенное отступление от рассматриваемого принципа¹³.

Во-вторых, в отдельных случаях возможны отступления от принципа объективной истины в силу определенных внешних и субъективных причин. Решающее здесь — социально-политический строй, характер и строгость требований законности.

Так, в эксплуататорских обществах судебные и другие правоприменительные органы во имя классовых интересов далеко не всегда стремятся доказать объективную истину по делу. В социалистическом обществе принцип объективной истины — основополагающее начало правоприменительной деятельности, выражающее гуманные основы социалистического строя, требования строжайшей социалистической законности.

Но даже в условиях строгой законности возможны случаи, когда отдельные работники правоприменительных органов могут проявить ненадлежащую тщательность при решении юридических дел. Порой отрицательно сказывается на результатах юридической работы то, что в отдельных областях применения права (например, в области административного процесса) еще нет достаточно четкой правовой регламентации, направленной на обеспечение принципа объективной истины. Все это может привести к ошибкам при решении юридических дел, к тому, что объективная истина не будет достигнута.

С учетом этого в советском законодательстве предусматриваются процессуальные *гарантии*, которые обеспечивают достижение в конечном счете объективной истины по каждому юридическому делу и которые, будучи

ностью допустимым доказательством становится величиной, не подлежащей учету. Торжествует принцип объективной истины, а не исключительные по значению и ничтожные по количеству отступления от него (см.: Гурвич М. А. Принцип объективной истины советского гражданского процессуального права, с. 104).

¹³ Кроме того, применительно к фактическим обстоятельствам дела факты в пользу подсудимого, а также некоторые другие обстоятельства могут быть установлены на основе вероятности (например, оправдательный приговор по уголовному делу по мотиву недоказанности). Причем вероятностные суждения, как показал С. В. Курылев, являются здесь не просто догадками, а формой знаний о явлениях и связях объективной действительности (см.: Курылев С. В. Установление истины в советском правосудии. — Автореф. докт. дисс. М., 1967, с. 13).

воплощены в деятельности суда, в значительной степени и объясняют особенности процессуальной формы, необходимость ее обособления от иных юридических процедур. К таким гарантиям относятся, в частности, установление строгой юридической обязанности правоприменительных органов принимать все необходимые меры для всестороннего, полного и объективного выяснения всех обстоятельств дела; уголовная ответственность свидетелей за заведомо ложные показания, экспертов — за заведомо ложные заключения и т. д.; институты обжалования и опротестования решений правоприменительных органов, а также пересмотра решений по вновь открывшимся обстоятельствам. В советском законодательстве предусмотрен порядок отвода судей, прокурора и некоторых других участников процесса, если они лично заинтересованы в решении дела.

В литературе, посвященной процессуальному праву, идет спор о природе объективной истины, устанавливаемой по юридическим делам. В самом деле, какова эта истина, если рассматривать ее с позиций общеправового учения об абсолютной и относительной истинах. Абсолютная? Относительная?

Мнения ученых разделились (многие авторы считают истину в юридических делах абсолютной, но есть и такие авторы, которые склонны считать ее относительной). И это обстоятельство само по себе вынуждает задуматься над тем, не справедливо ли мнение ученых, полагающих, что категории «абсолютная истина» и «относительная истина» неприменимы к истине, устанавливаемой правоприменительными органами (судом).

В самом деле, познание, осуществляемое в процессе правоприменительной деятельности, относится к специальному познанию, имеющему строго определенные, сравнительно ограниченные практические задачи. Категории же «абсолютная истина» и «относительная истина» выработаны применительно к теоретическому познанию. Они призваны отразить глубину познания объективной действительности, степень проникновения в закономерности явлений на данном этапе развития науки. Причем абсолютная истина — это истина, которая дает всестороннее, исчерпывающее знание окружающего нас мира «сразу, целиком, безусловно, абсолютно»¹⁴.

Авторы, решающие рассматриваемый вопрос по принципу «или — или» (или абсолютная истина, или относительная истина), упускают из поля зрения помимо всего прочего те практические выводы, которые вытекают из отстаиваемых ими концепций. Если признавать истину в юридических делах абсолютной, то это не только противоречит ее характеру («самая простая истина, самым простым, индуктивным путем полученная, всегда неполна, ибо опыт всегда незакончен»¹⁵), но и лишает какого-либо смысла

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 123.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 162.

существование системы обжалования и опротестования юрисдикционных решений, требует от них того, чего они не могут дать да и не должны давать. Вместе с тем если считать истину в юридических делах относительной, то это явно подрывает авторитет юрисдикционных решений, дает основания предположить, что истина в юридических делах может быть неточной, приблизительной.

Видимо, если признать правомерной постановку вопроса об абсолютной и относительной истинах применительно к юридическим делам, то наиболее приемлем вывод, согласно которому истина по юридическим делам представляет собой диалектическое единство абсолютной и относительной истин¹⁶. Но такого рода вывод, по существу, снимает поставленную выше проблему (не говоря уже о том, что и здесь не учитывается своеобразие познания, осуществляемого в ходе применения права). Как писал Н. Г. Александров, при применении норм права речь идет не о решении философского вопроса о полной познаваемости мира, не о соотношении абсолютной и относительной истин в таком познании, а об объективной истине конкретного жизненного факта, который может и должен быть установлен именно с объективной достоверностью¹⁷.

Есть еще один вариант использования категории «абсолютная истина» для характеристики юридического познания. Это вариант — признать, что самое понятие «абсолютная истина» имеет два значения: оно может пониматься не только в смысле философском, но и в смысле знания применительно к какому-либо фрагменту действительности, в смысле истины-факта¹⁸. Но и такой подход снимает указанную выше проблему, ибо абсолютная истина-факт в указанном втором значении есть не что иное, как знание, объективно верно отражающее факты действительности. И ничего больше. Стало быть, и здесь устраняется сама постановка вопроса о соотношении абсолютной и относительной истин, вопроса, который и вызвал к жизни понятие абсолютной истины.

Следует думать, что спор о природе истины в юридических делах имеет в значительной степени искусственный характер. Философские категории, выработанные в отношении теоретического познания, не всегда можно непосредственно распространять на частные случаи человеческой деятельности. С этой точки зрения, как отмечено в литературе, применение категорий абсолютной и относительной истин к результатам судебного познания, как и к частным результатам любого рода познания вообще, не оправдано¹⁹.

С практической же стороны существенное значение имеет обоснование того, что истина по юридическим делам объективна

¹⁶ См.: Чечот Д. М. Развитие принципа материальной истины в советском гражданском процессуальном праве. Материалы межвузовского научного совещания. Л., 1957, с. 54; Осипов Ю. К. К вопросу об объективной истине в судебном процессе. — Правоведение, 1960, № 2, с. 127—129; Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1961, с. 68.

¹⁷ См.: Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма, с. 163.

¹⁸ См.: Курылев С. В. Установление истины в советском правосудии. — Автореф. докт. дисс., с. 10.

¹⁹ См.: Иванов О. В. Принципы объективной истины в советском гражданском процессе. М. 1964, с. 51.

что она правильно, объективно верно отражает действительность, т. е. является полной и действительной истиной по делу²⁰.

Прав Ю. К. Осипов в том, что в вопросе о характере истины в судебном процессе практически важно не то, является ли она абсолютной или относительной (такая постановка вопроса в данном случае практически вряд ли уместна), а то, что она является объективной истиной, т. е. представляет собой соответствие выводов суда, содержащихся в приговоре или решении, действительности²¹.

4. Юридическое дело. Для характеристики правоприменительной деятельности в отношении конкретного фрагмента действительности на практике и в советском законодательстве выработано особое понятие *юридическое дело*.

В соответствии с этим правоприменительная деятельность рассматривается обычно в качестве *ведения* юридического дела (производства по делу).

Юридическое дело — это жизненный случай, в отношении которого осуществляются правоприменительные действия, т. е. жизненная ситуация, которая не только нуждается в юридическом рассмотрении и, следовательно, уже получила оценку как юридическая, но и фактически стала предметом юридических действий со стороны правоприменительного органа. Под юридическим делом понимается также совокупность документов, фиксирующих факты и действия данного случая.

Как правило, при признании того или иного случая юридическим делом осуществляется его отраслевая привязка, т. е. решается вопрос об отраслевой принадлежности данного случая. Поэтому указание на юридическое дело обычно сопровождается упоминанием о соответствующей материальной отрасли права (законодательства) — уголовное дело, земельное дело, гражданское дело и т. д.

²⁰ А. Ривлин справедливо отмечал, что истина в уголовном процессе представляет собой полное и правильное отражение в судебном приговоре фактов объективной действительности во всей их общественно-политической сущности, и в правовом значении, и тогда это объективная истина, либо не представляет собой такого отражения — и тогда это не истина вообще (см.: Ривлин А. Понятие материальной истины в советском уголовном процессе. — Соц. законность, 1951, № 11, с. 52).

²¹ См.: Осипов Ю. К. К вопросу об объективной истине в судебном процессе. — Правоведение, 1960, № 2, с. 129.

5. Основные стадии применения права. Это — относительно обособленные группы правоприменительных действий (*операций*).

Стадии применения права соответствуют стадиям любой управленческой деятельности. Они охватывают: 1) сбор и оценку информации, 2) принятие решения (команду), 3) обеспечение его реализаций²². Вместе с тем здесь необходимо учитывать, что применение права представляет собой весьма специфическую, специализированную управленческую деятельность.

Прежде всего применение права — само лишь *стадия сложного процесса реализации юридических норм*. Его функции обеспечительные, индивидуально-регулятивные. Кстати сказать, поэтому фактические действия по реализации правоприменительного акта уже находятся за сферой применения: они входят в более широкое явление — в общий процесс реализации юридических норм, включаются в его завершающую фазу, состоящую в осуществлении прав и обязанностей субъектов²³.

Далее. Перед нами — *применение права*. Компетентный орган не просто принимает решение на основе определенной информации. Основным источником принимаемого решения — юридические нормы, в которых выражены решения общего значения. Поэтому исходным компонентом применения права является не просто познание его фактической основы — установление фактических обстоятельств, но прежде всего познание его юридической основы — действующей системы юридических норм.

Наконец, применение права представляет собой *единый процесс*. Здесь не всегда удастся даже разделить отдельные правоприменительные действия во времени. На практике действия, совершаемые в процессе применения права, «очень близки друг к другу, взаимно переплетаются и обуславливают друг друга»²⁴. Для того чтобы выбрать и проанализировать норму права, необходимо опираться на определенные факты. Круг же этих фактов может быть правильно установлен только тогда, когда уже известно, что они имеют юридическое

²² См.: Основин В. С. Основы науки социального управления. Воронеж, 1971, с. 141 и след.

²³ См.: Лазарев В. В. Применение советского права, с. 7, 36.

²⁴ Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР, с. 26.

значение. И, таким образом, правоприменительные действия представляют собой непрерывный, все более углубляющийся и все более обогащающийся процесс юридического познания, в ходе которого происходит обращение то к фактам, то к юридическим нормам: на основе анализа норм возникает необходимость более глубоко исследовать фактические обстоятельства; анализ же фактических обстоятельств вынуждает вновь обращаться к нормам, уточнять отдельные юридические вопросы и т. д.

Вместе с тем логически не только возможно, но и необходимо подразделить правоприменительную деятельность на стадии, что позволяет обстоятельнее рассмотреть процесс применения права, подробнее изучить его детали.

Все правоприменительные действия можно подразделить на три основные стадии:

1) *установление фактических обстоятельств (установление фактической основы дела)*. Сюда относятся действия, касающиеся анализа фактов — доказательств, процесса доказывания и др., т. е. информации о фактах;

2) *выбор и анализ норм права (установление юридической основы дела)*. Эту стадию образуют действия с самими юридическими нормами — нахождение точного текста нормативного акта, проверка его юридической силы, толкование акта и др. К данной стадии примыкают действия, связанные с восполнением пробелов в праве;

3) *решение дела, выраженное в акте применения права*. Здесь на основе анализа фактов и юридических норм выносится решение по юридическому делу, которое выражается в правоприменительном акте. Решение облекается в определенную форму и практически проводится в жизнь.

Первые две из указанных стадий имеют в значительной степени подготовительный характер. Они выражают главным образом юридическое познание и образуют основу для применения права — фактическую (первая стадия) и юридическую (вторая стадия). Завершается процесс применения решением дела, которое и является, собственно, применением права как таковым.

Весьма интересно, что указанные основные стадии

в общем соответствуют структуре правового предписания. Два основных элемента правового предписания (гипотеза, с одной стороны, диспозиция или санкция — с другой) совпадают с двумя стадиями применения права подготовительного характера²⁵.

Кроме указанных основных стадий применения права, необходимо указать на *дополнительные стадии*. Ими являются, например, правовосполнительные действия правоприменительного органа при пробелах в праве.

Некоторые авторы рассматривают действия по исполнению правоприменительного акта в «одном ряду» с указанными выше этапами применения права²⁶. Между тем в той мере, в какой исполнение решения правоприменительного органа вообще относится к применению права, оно неотделимо от итоговой, заключительной стадии правоприменительной деятельности — решения дела, выраженного в правоприменительном акте²⁷. Особо ярко это проявляется в области правосудия, которое завершается вынесением правоприменительного решения. К тому же дополнительные действия по организации применения права нередко представляют собой особые, самостоятельные акты применения пра-

²⁵ См.: Курылев С. В. Установление истины в советском правосудии, с. 6—7.

²⁶ См.: Михалык Я. С. Применение социалистического права в период развернутого строительства коммунизма. М., 1963, с. 42; Коренев А. П. Применение норм советского административного права. — Автореф. докт. дисс. Л., 1971, с. 14.

²⁷ Здесь важно обратить внимание на то, что основные стадии призваны выразить главные стороны правоприменительной деятельности. Они представляют собой своего рода пункты сосредоточения разнообразных действий по применению права. Так, толкование (уяснение) юридических норм, несомненно, является самостоятельным действием в процессе воплощения правовых предписаний в жизнь. Однако оно входит в круг операций по выбору и анализу юридической нормы. Существенное значение в процессе применения права имеет юридическая квалификация фактов. Но и она не составляет основной стадии, так как юридическая квалификация — это существенный момент как на стадии выбора и анализа нормы, так и на стадии решения дела (причем в зависимости от того, к какой стадии относится юридическая квалификация, меняется и ее правовая природа).

Основные стадии выражают *логику применения права* — те узловые моменты, которые отражают и ее специально-юридические функции, и ее организующее, творческое содержание. См. по этому вопросу: Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе, с. 192.

ва²⁸. В остальном же, как уже отмечалось, исполнение решения является обычной, выходящей за рамки правоприменения, реализацией права, осуществлением субъективного права, исполнением юридических обязанностей²⁹.

Глава 40

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

1. Стадии применения права и правоприменительные действия. Правоприменительные действия представляют собой составные части правоприменительной деятельности в целом. Из них и складывается живая ткань применения права.

Правоприменительные действия группируются по стадиям процесса применения права и, следовательно, состоят из трех основных групп: а) действия по установлению фактических обстоятельств дела; б) действия, выражающие выбор и анализ юридических норм; в) действия, из которых складывается решение юридического дела.

В такой последовательности они и будут в основном рассмотрены. Вместе с тем следует учитывать, что одни правоприменительные действия (доказывание) имеют относительно самостоятельное значение, а другие (юридическая квалификация) — являются сквозными, охватывающими две или даже все три стадии; есть, наконец, правоприменительные действия (действия по вос-

²⁸ Аналогичного взгляда придерживаются В. М. Горшенев и И. Я. Дюрюгин. Они пишут, что хотя «последующей организацией» обычно занимается сам орган, вынесший правоприменительный акт, тем не менее ее проводят и другие органы, которые в связи с выполнением предписаний первого акта нередко принимают новые правоприменительные акты (см.: Горшенев В. М., Дюрюгин И. Я. Правоприменительная деятельность. — Сов. государство и право, 1969, № 5, с. 23).

²⁹ Не образует самостоятельной стадии толкование нормативных предписаний: оно включается в стадию выбора и анализа норм (см.: Элькин П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права, с. 63).

полнению пробелов, исполнение решений), которые носят дополнительный характер.

2. Установление фактических обстоятельств. Установление фактических обстоятельств дела представляет собой в значительной степени подготовительную стадию в процессе применения права.

Фактические обстоятельства являются той основной, фактической базой, в отношении которой затем применяются юридические нормы. Вместе с тем анализ фактов на определенной ступени (в частности, когда происходит оценка доказательств) неразрывно связан с решением юридического дела по существу¹.

В процессе применения права компетентные органы имеют дело со многими фактами действительности. К фактической же основе применения права принадлежат лишь обстоятельства дела, т. е. факты самого случая, события, к которому применяются юридические нормы. В конкретных юридических науках обстоятельства дела иногда получают и иное терминологическое обозначение. Нередко они называются «главный факт» или «обстоятельства, подлежащие доказыванию». Термин «главный факт», широко используемый в уголовно-процессуальном праве, оттеняет значение обстоятельств дела как фактов, образующих само содержание данного события².

Существо фактов, образующих обстоятельства дела, в значительной степени зависит от основания применения юридических норм. В области правоохранительной деятельности (при устранении препятствий в реализации права, при установлении юридической ответственности) это — главным образом определенные *юридические факты*, в частности правонарушения (преступления и проступки). Однако обстоятельства дела не могут

¹ Этого не учитывают авторы, которые пытаются вывести установление фактических обстоятельств дела из сферы применения права (см., например: Курылев С. В. Установление истины в советском правосудии. — Автореф. докт. дисс., с. 6—7). Да и вообще своеобразие познавательного процесса, в результате которого устанавливаются обстоятельства дела, обусловлено как раз тем, что он в качестве составного элемента входит в систему применения права. Отсюда — специфика юридического доказывания, проблемы юридических доказательств, их относимости и т. д.

² О ценности конструкции «главный факт» см.: Белкин Р. С. Собираание, исследование и оценка доказательств. М., 1966, с. 20.

быть сведены только к юридическим фактам. В особенности это касается правоприменительной деятельности, направленной на индивидуальное поднормативное регулирование общественных отношений в сфере управления, планирования. Здесь в фактическую основу правоприменительной деятельности входит более широкий круг фактических обстоятельств, включая такие объективные явления, как, например, социально-политическая обстановка, объективные закономерности общественного развития. Так, в частности, при издании актов планирования компетентные органы опираются не только на такие факты, как заявки, разнарядки и т. д., но и на факты более широкого социального значения — спрос населения, тенденции в уровне потребления и ряд других³.

Рассмотрение применения права в качестве своеобразной разновидности социального управления дает возможность охарактеризовать установление фактических обстоятельств дела с точки зрения *теории информации*⁴. Как и всякая управленческая деятельность, применение права должно основываться на полной, достоверной, надлежащим образом оцененной информации, призванной раскрыть обстоятельства дела, «реконструировать» факты прошлого, обеспечить предвидение последствий правоприменительной деятельности.

3. Юридические доказательства. Доказывание. Под доказательствами следует понимать *фактические данные (сведения), которые используются для установления обстоятельств дела в соответствии с принципом объективной истины.*

В советском законодательстве в теории и на практике особо выделяются судебные доказательства — важнейшая разновидность юридических доказательств,

³ См.: Вахтер В. В. Общетеоретические вопросы понятия фактической основы применения норм советского права. — Автореф. канд. дисс. Свердловск, 1979. Автор при этом обосновывает мысль о необходимости разграничения фактической основы правоприменительной деятельности и фактической основы правоприменительного решения (с. 7 и след.).

⁴ О значении для установления обстоятельств дела теории информации (правда, вне связи с проблемами социального управления) см.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М., 1966, с. 250 и след.; Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание, с. 167—215; и др.

используемых в предусмотренных законом процессуальных формах.

Главная функция юридических доказательств, как и вообще любых доказательств, состоит в том, чтобы установить *объективную истину* и тем самым предопределить обоснованность принимаемого решения. Разумеется, не следует абсолютизировать понятие «доказательство». Так, при совершении ряда актов применения права, направленных на индивидуальное регулирование общественных отношений (например, актов планирования в области народного хозяйства, актов, касающихся распределения жилья в домах государственного фонда, и др.), соответствующие фактические данные обычно и не рассматриваются в качестве доказательств. Однако по своей главной функции они близки к юридическим доказательствам по существу, так как и здесь фактические данные являются средством и источником сведений, информацией о фактах. Они направлены на то, чтобы воспроизвести действительную картину нужных объективных фактов в соответствии с принципом объективной истины.

Наряду с указанной общей чертой (направленность на достижение объективной истины) юридические доказательства характеризуются и рядом специфических признаков:

1) юридические доказательства направлены на то, чтобы *установить обстоятельства юридического дела*. Они потому и называются юридическими, что используются в области права; ими оперируют заинтересованные лица при рассмотрении юридических дел, при их помощи устанавливаются те фактические обстоятельства, которые кладутся в основу принимаемых решений. Указанная черта определяет некоторые особенности юридических доказательств, в частности применение к ним принципов относимости и допустимости;

2) юридические доказательства — это *фактические данные*. Если охарактеризовать юридические доказательства в общем виде, то можно сказать, что это — *сведения о фактах (обстоятельствах дела), охватываемых понятием «информация»*. Простые, логические доказательства (аргументы) могут выражаться в чисто логических приемах доказывания, опирающихся, в частности, на законы формальной логики. В области же права доказательствами выступают (как это записано

в законе применительно к судебным доказательствам) фактические данные — данные информационного порядка. Слова «фактические данные» свидетельствуют о том, что здесь речь идет не о всяких аргументах, а о данных, касающихся фактов, т. е. сведениях о фактах, информации о них.

Если при наиболее общей характеристике доказательства можно рассматривать в качестве сведений (информации) о фактах, то при более детальном анализе единое понятие доказательства как бы разъединяется на два: с одной стороны, оно охватывает сами факты (доказательственные факты), а с другой — источники сведений о фактах. И то и другое подпадает под общую формулу закона (применительно к судебным доказательствам) — «фактические данные».

Наряду с указанными выше признаками *судебные* доказательства имеют еще один, специфический признак, относящийся к их форме. Для судебных доказательств характерна *особая процессуальная форма их использования*, которая обеспечивает наиболее эффективное достижение объективной истины.

С доказательствами как общетеоретической категорией органически связана другая категория — «*доказывание*», т. е. *сама деятельность, направленная на установление с помощью юридических доказательств обстоятельств дела*.

Доказывание представляет собой исследовательскую деятельность, образующую самое содержание опосредствованного юридического познания. Ее результатом являются воспроизведение того или иного фрагмента действительности, реконструкция всех обстоятельств дела, которые необходимы для применения права. Следовательно, доказывание в рассматриваемом смысле выражается в таком использовании юридических доказательств, в результате которого выявляются обстоятельства дела и, стало быть, завершается первая стадия процесса применения права — устанавливается его фактическая основа.

Доказывание (в рассмотренном выше специальном значении) — сложная, многозвенная деятельность. Она включает: 1) определение круга фактов, подлежащих установлению; 2) собирание и процессуальное закрепление доказательств; 3) исследование доказательств, включая их проверку; 4) оценку доказательств. Субъек-

том доказывания в таком специальном значении являются только правоприменительные органы, обеспечивающие установление обстоятельств дела.

Доказывание может рассматриваться и в логическом (близком к общеупотребляемому) смысле. В советском законодательстве на практике и в теории под доказыванием нередко понимают *деятельность, которая заключается в представлении доказательств, участии в их исследовании и оценке.* В таком смысле понятие доказывания довольно близко к понятию аргументирования⁵, когда оно состоит в деятельности, обосновывающей выдвигаемые доводы и возражения, убеждающей в их истинности тех или иных лиц⁶.

Именно в таком, логическом, смысле употребляется понятие доказывания в законодательстве, когда речь идет о бремени доказывания (т. е. распределении обязанностей по доказыванию), о субъектах доказывания. Действительно, если субъектом установления обстоятельств дела в процессе применения права является правоприменительный орган, то представлять доказательства, участвовать в их исследовании и оценке, логически оперировать ими могут и другие субъекты. Так, субъектами доказательственной деятельности в гражданском процессе являются стороны, третьи лица, их представители, органы государственного управления, представители общественности, прокурор. В уголовном процессе наряду с субъектами, на которых лежит обязанность установления фактических обстоятельств дела, выделяются субъекты, которые обязаны лишь участвовать в доказывании (адвокаты, представитель обвинения, потерпевший и др.), и субъекты, которые могут участвовать в доказывании, но которые не обязаны делать это (обвиняемый, подозреваемый, гражданский истец и ответчик).

Необходимость такого понимания доказывания, когда различаются его специальный юридический и логический смыслы, не

⁵ О логической стороне доказывания при установлении фактических обстоятельств см.: Эйсмэн А. А. Логика доказывания. М., 1971.

⁶ Вместе с тем и здесь нельзя сводить доказывание только к мыслительным действиям. Это — все же внешне объективированные процессуальные действия по представлению и получению определенных данных для установления истины (см.: Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии, с. 29—32).

всегда учитывается в литературе. Некоторые авторы пытаются свести рассматриваемое понятие только к одному из двух указанных значений.

Так, по мнению С. В. Курылева, доказывание не охватывает оценку доказательств, а представляет собой деятельность участников дела и суда по представлению и исследованию доказательств⁷. Близкую позицию занимает А. А. Эйсмэн, полагающий, что доказывание является такой формой передачи мыслей, знаний, при которой всякое утверждение обосновывается доказательствами и в силу этого приобретает достоверный, убедительный характер⁸.

Такое понимание доказывания, имеющее весьма важное практическое значение, не исключает конструирования специального юридического понятия доказывания. Последнее совершенно необходимо, если рассматривать доказывание с точки зрения процесса применения права, его первой стадии (установления фактических обстоятельств). Доказывание здесь не может быть сведено только к представлению и исследованию доказательств, оно охватывает в данном случае само содержание процесса опосредствованного юридического познания, установления истинных обстоятельств дела.

4. Выбор и анализ юридических норм. Действия правоприменительного органа, относящиеся к выбору и анализу юридических норм, носят разнородный характер.

Они могут быть подразделены на четыре основные группы: а) выбор юридической нормы, подлежащей применению; б) проверка подлинности и юридического действия нормы; в) проверка правильности текста акта, в котором выражена норма; г) уяснение содержания нормативного предписания.

Выбор юридической нормы — это деятельность правоприменительного органа, *неразрывно связанная с установлением обстоятельств юридического дела*. Установление юридически значимых фактов невозможно без выбора необходимой нормы и, наоборот, отыскание нужной нормы немыслимо без установления обстоятельств дела. Как правильно писал П. Е. Недбайло, «фактически процесс применения правовых норм начинается с установления фактов, требующих правового

⁷ См.: Курылев С. В. Доказывание и его место в процессе судебного познания. — Труды Иркутского государственного университета. Т. 13. Серия юридическая, с. 67.

⁸ См.: Эйсмэн А. А. О понятии вещественных доказательств в их соотношении с доказательствами других видов. — В сб.: Вопросы предупреждения преступлений. Вып. 1. М., 1965, с. 84.

решения, а логически он начинается с выбора нормы, в соответствии с которой квалифицируются факты, то есть идет от нормы к жизненным фактам»⁹.

Порядок (последовательность) действий по применению права на первых двух стадиях практически не вызывает затруднений, так как установление фактов и отыскание нормы представляет собой длящийся процесс, в ходе которого приходится обращаться то к фактическим обстоятельствам, то к нормативному материалу.

В результате этой деятельности шаг за шагом идет процесс юридического познания, происходит углубление знаний, относящихся к фактическому материалу, с одной стороны, и юридическим нормам — с другой.

Проверка подлинности и юридического действия нормы, а также правильности текста акта нередко именуется термином «критика» нормы (акта).

«Критика» нормы (акта) — это специальный термин, заимствованный из исторической науки и филологии. Несмотря на определенные возражения, сделанные в литературе¹⁰, следует думать, что такая специальная терминология (если придать ей надлежащий смысл) может быть использована. Да она и правильна по существу, ибо при проверке нормы (нормативного акта) главное — это ее критическая оценка, обеспечивающая правильное применение права. Помимо выигрыша, происходящего от всякой специальной терминологии, указанный термин полезен потому, что он нацеливает работников практики на тщательное и внимательное рассмотрение каждой юридической нормы (нормативного акта). Он как бы говорит: прежде чем применить норму, следует ее «покритиковать», тщательно, всесторонне, с разумной придирчивостью проверить возможность ее применения к данному случаю, и это явится одним

⁹ Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм, с. 221. Трудно, однако, согласиться с автором, утверждавшим, что установление фактов и выбор нормы — это одновременный акт, одна, единая и исходная стадия процесса применения правовых норм (там же, с. 223). Установление фактов и выбор нормы, несмотря на существующую между ними неразрывную связь, находятся в разных плоскостях правоприменительных действий и потому логически относятся к разным стадиям применения права.

¹⁰ См.: Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм, с. 280—281.

из условий, обеспечивающих высокое качество работы правоприменительных органов.

Критика при выборе и анализе юридических норм в соответствии с отмеченными выше особенностями правоприменительных действий может быть высшей и низшей.

Высшая критика охватывает: а) проверку подлинности нормы; б) проверку правомерности акта, содержащего норму; в) проверку юридического действия нормы с точки зрения времени, пространства, распространения на тех или иных лиц.

Низшая критика касается лишь текста акта, словесно-документального изложения его содержания. В результате проверки правильности текста, по существу, решается один вопрос — устраняются погрешности, допущенные при напечатании (перепечатывании) текста нормативного акта, т. е. погрешности полиграфического или машинописного порядка. Это — опечатки, искажения слов или фраз, пропуски в тексте.

Завершающее правоприменительное действие при выборе и анализе нормы — ее уяснение (толкование).

Уяснение нормы так же, как оценка доказательств, вплотную примыкает к самому решению юридического дела. Здесь уже начинает формироваться та государственно-властная воля, которая составляет содержание правоприменительного акта. В правоприменительном акте, кроме того, и внешне выражается то понимание нормативного акта правоприменительным органом, которое нередко имеет характер специального разъяснения.

Важно подчеркнуть, что в процессе выбора и анализа юридической нормы осуществляется не толкование вообще, а *особое, правоприменительное толкование*, органически вплетающееся во властноорганизующую деятельность компетентного органа, обеспечивающую реализацию юридических норм (II.38.2.).

5. Правовая квалификация. Это — *юридическая оценка всей совокупности фактических обстоятельств дела путем отнесения данного случая к определенным юридическим нормам.*

Правовая квалификация представляет собой одно из главных чисто правоприменительных действий, имеющих в процессе применения права сквозное значение.

Здесь происходит оценка доказательств, которая органически связана с решением юридического дела¹¹.

Более того, окончательная правовая квалификация фактов в конечном счете воплощается в решении юридического дела, образует его важный конститутивный момент¹². При решении дела окончательно выбирается юридическая норма, подлежащая применению. На первых же стадиях применения права осуществляется предварительная квалификация, в результате которой определяются круг обстоятельств (предмет доказывания) и общим образом нужная юридическая норма. Здесь происходит лишь первая примерка фактов к норме и, наоборот, нормы — к фактам¹³.

Правовая квалификация выражается в следующих трех основных правоприменительных действиях:

а) *определение отрасли права*, нормы которой регламентируют данный случай (например, при установлении факта причинения вреда, подлежащего возмещению, необходимо сначала установить, в рамках режима какой отрасли должно происходить возмещение — гражданского права, трудового права, права социального обеспечения);

б) *определение общей юридической конструкции* правоотношений, что приводит к установлению вида отраслевого института, охватывающего данный случай (например, при возмещении вреда в гражданско-правовом порядке — либо института страхования, либо института гражданской ответственности);

в) *установление точной нормы*, распространяющейся на данный случай (например, при гражданской ответственности — либо общей нормы по возмещению внедоговорного вреда, либо нормы, предусматривающей ответственность, возникающую вследствие причинения

¹¹ По мнению К. И. Комиссарова, в гражданском судопроизводстве чисто правоприменительная деятельность подразделяется на два основных этапа: юридическую квалификацию спорного правоотношения и решение дела (см.: Комиссаров К. И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства, с. 114).

¹² Квалификация, пишет В. Н. Кудрявцев, ближе всего стоит к последней стадии процесса применения норм права: принятию решения и изданию акта, закрепляющего это решение (см.: Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений, с. 15).

¹³ См.: Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм, с. 254.

вреда источником повышенной опасности, либо нормы, распространяющейся на причинение вреда несовершеннолетними)¹⁴.

Таким образом, отыскание точной нормы предполагает уже достаточно полное установление фактических обстоятельств дела, знание отдельных их сторон, особенностей¹⁵.

Правовая квалификация сопряжена с отнесением данного случая к тому или иному виду юридических фактов¹⁶. Вместе с тем главным в правовой квалификации является *нахождение точной юридической конструкции* для рассматриваемых отношений, а затем конкретная норма.

В ходе (или при завершении) процесса установления фактов и выбора точной нормы возможна переквалификация фактов, когда на основании тщательного исследования обстоятельств дела оказывается, что последние подпадают под иную норму, чем это было определено при первоначальной квалификации¹⁷.

¹⁴ Процесс правовой квалификации может быть подразделен и на более дробные этапы. Так, по мнению В. Н. Кудрявцева, поиск правовой нормы при решении уголовного дела распадается на: 1) упорядочение установленных фактических данных и выделение в них юридически значимых признаков; 2) выявление всех возможных конструкций, которые соответствуют фактическому материалу; 3) определение смежных составов; 4) выбор одного состава, признаки которого соответствуют содеянному (см.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 199—202).

¹⁵ Отметив, что правовая квалификация является тем самым рубежом, на котором определяется правовое значение объективно совершающихся событий и действий, К. И. Комиссаров пишет: здесь в своих рассуждениях суд идет от частного факта к предположению, что он является правовым, а затем, следуя путем дедукции, сначала устанавливает отрасль права, к которой относится спорное правоотношение, а потом уже находит конкретную норму, подлежащую применению в данном случае (см.: Комиссаров К. И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства, с. 115).

¹⁶ А. Ф. Черданцев полагает даже, что алгоритм для общей юридической квалификации дает нам классификацию юридических фактов (см.: Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права, с. 59).

¹⁷ По мнению А. Ф. Черданцева, кроме позитивной, следует выделять негативную квалификацию, на основе которой компетентные органы применяют юридические нормы (в частности, отказывают в иске, восстанавливают на работе незаконно уволенного работника и т. д.) (см.: Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права, с. 115—116).

Итак, правовая квалификация — это сложная, длящаяся деятельность, которая охватывает разнообразные правоприменительные действия, связанные с установлением обстоятельств дела, выбором нормы, ее толкованием, вынесением решения.

6. Решение юридического дела. В массе разнообразных операций, которые совершает правоприменительный орган в процессе применения права, постепенно выявляется цепочка таких действий, которые могут быть названы чисто правоприменительными.

Эта цепочка начинается с оценки доказательств и толкования юридических норм и ярко обнаруживается в квалификации фактических обстоятельств. Завершается процесс применения права решением юридического дела, в котором выражается государственно-властное веление компетентного органа¹⁸.

По своей социальной природе решение юридического дела может быть охарактеризовано как управленческое решение. Так же, как и в любом управленческом процессе, в данном случае решение представляет собой главное, определяющее звено правоприменительной деятельности.

Однако сразу же нужно указать на принципиальную особенность решения юридического дела.

Применение советского права — своеобразная управленческая деятельность, выполняющая строго специализированные задачи. Она направлена на обеспечение

¹⁸ Решение юридического дела — одна из наименее изученных стадий процесса применения права. Внимание исследователей обычно концентрируется на правоприменительных действиях, имеющих подготовительный характер, — на установлении обстоятельств дела, выборе и анализе юридических норм, а само решение нередко как бы ускользает, предполагается в качестве само собой разумеющегося.

Между тем решение дела — не просто рядовая стадия процесса применения права. Это — стадия, которая занимает центральное положение, характеризует само применение как таковое.

В последнее время в научных исследованиях по рассматриваемому вопросу наметился поворот. С необходимой отчетливостью выделяет стадию решения юридического дела К. И. Комиссаров. Установление фактического состава правоотношения и его юридическая квалификация, подчеркивает он, лишь подготавливают решение дела, окончательно же защита субъективного права или охраняемого законом интереса достигается на итоговой стадии. Именно здесь норма права, если можно так сказать, из статического положения приводится в динамическое (см.: Комиссаров К. И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства, с. 143).

реализации юридических норм, а также в случае необходимости на индивидуальное поднормативное регулирование общественных отношений.

Поэтому если в «обычном» социальном управлении решение образует срединное (а по мнению некоторых авторов, даже начальное звено управленческого процесса), то применение права завершается, как только вынесено государственно-властное решение. В остальном же идет (продолжается) процесс реализации права: соблюдение и исполнение обязанностей, использование субъективных прав — процесс, в который вплетается исполнение юридического дела.

Решение юридического дела может быть охарактеризовано с трех сторон: а) как формально-логический процесс; б) как творческий процесс; в) как государственно-властная деятельность компетентных органов.

С формально-логической стороны решение юридического дела представляет собой *умозаключение, в котором конкретные факты (обстоятельства дела) подводятся под норму права*. Решение, таким образом, является как бы сведением воедино двух предварительных стадий, когда фактическая и юридическая основы применения права совмещаются.

С точки зрения правил формальной логики решение юридического дела строится в соответствии с силлогизмом, в котором большой посылкой является юридическая норма, малой посылкой — обстоятельства дела, а заключением — решение юридического дела.

Характеристика решения как заключения, совершаемого по правилам силлогизма, имеет существенное значение для последовательного утверждения начал законности, суть которой состоит в соответствии поведения всех субъектов требованиям юридических норм. А такое соответствие при применении права может быть достигнуто лишь тогда, когда правоприменительный орган точно и правильно распространяет юридические нормы на данные конкретные случаи, т. е. решает юридические дела по правилам силлогизма.

Решение юридического дела как творческий процесс означает прежде всего то, что здесь происходит *распространение общих правил на своеобразные жизненные обстоятельства, привязка норм к этим обстоятельствам*.

Такое распространение общих правил на конкретные жизненные обстоятельства связано с *конкретизацией*

нормативных предписаний (понимаемой в самом широком смысле).

При применении права общие правила (законы, которые всеобщие) раскрываются лишь в связи со своеобразными, подчас неповторимыми, жизненными обстоятельствами. Вот почему правоприменительный орган обязан толковать закон в применении к отдельному случаю¹⁹. В этом специфическом раскрытии всеобщего закона применительно к данным конкретным обстоятельствам, осуществляемом в соответствии с требованиями законности, и выражается прежде всего творческий характер применения советского права.

Вместе с тем компетентный орган на основании, в пределах юридических норм и в направлениях, предусмотренных ими, осуществляет индивидуальное регулирование общественных отношений.

В социалистическом обществе именно в решении юридического дела, совершаемого на основе строгой законности, проявляются созидательная роль применения права в правовом регулировании, его функции, направленные на то, чтобы довести до конца процесс юридического опосредствования общественных отношений. Компетентный орган, осуществляющий применение права, выступает в качестве активной силы, обеспечивающей его действие, воплощение в реальных жизненных отношениях, достижение целей правового регулирования.

Наконец, решение юридического дела представляет собой явление *государственно-властного* порядка. Оно содержит не только мысль, но и *веление*²⁰.

В результате решения юридического дела в механизм правового регулирования включается дополнительный элемент, гарантирующий достижение целей правового регулирования, полное и точное исполнение юридических обязанностей, осуществление субъективных прав, доведение до конца правового регулирования.

Результат решения юридического дела выражается в индивидуальном государственно-властном велении

¹⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 67.

²⁰ См.: Вильнянский С. И. Применение норм советского социалистического права. — Ученые записки Харьковского института. Вып. 7. Харьков, 1956, с. 10.

(предписании). Непосредственно в правовую материю включается этот результат правоприменительной деятельности — индивидуальное веление. Именно с ним связаны юридические последствия решения, применения права в целом.

Индивидуальные государственно-властные веления в какой-то степени схожи с нормативными юридическими предписаниями. И те и другие воплощают властную государственную волю, являются юридически обязательными, авторитарными. И те и другие образуют содержательные части правовой системы, проводят реальную юридическую энергию, идущую от государства (все это дает основание для выработки единой обобщающей теоретической конструкции «правовое предписание», охватывающей общие черты и нормативных, и индивидуальных велений).

Вместе с тем индивидуальное предписание представляет собой специфическое правовое явление. Оно качественно отлично от нормативных правовых предписаний. Отличие состоит в том, что предписание, выражающее решение юридического дела, имеет *индивидуальный характер*. При самой общей характеристике его роль заключается в выполнении *функции юридического факта*, так как именно с ним юридические нормы связывают определенные юридические последствия. И хотя такая характеристика неполна, недостаточна (она не отражает обеспечительной и индивидуально-регулятивной функции применения права), ее все же следует признать ключевой, свидетельствующей о том, что перед нами — иная плоскость МПР, принадлежащая к области правоотношений.

Таким образом, индивидуальные государственно-властные веления — это особые, причем вполне самостоятельные, части правовой системы. Существовая и функционируя на основе и в пределах юридических норм, индивидуальные государственно-властные веления как бы присоединяются к ним, продолжают их дело. Через индивидуальные веления компетентные государственные (а в ряде случаев и общественные) органы обеспечивают индивидуализированное действие МПР, учет конкретной обстановки, устранение препятствий в процессе реализации нормативных предписаний. Они, следовательно, представляют собой канал, через который усиливается, подкрепляется властность юридических

норм, конкретизированно подтверждаются права и обязанности, а в ряде случаев в индивидуальном порядке частично регламентируется их содержание.

7. Акт применения права. Это — акт-документ, в котором формально закрепляется решение компетентного органа по юридическому делу.

Поскольку акт применения права выступает как нераздельное единство содержания и формы, в нем существенное значение приобретают формальные моменты. Понятие «акт применения» в этом смысле в известной степени отлично от понятия самого решения юридического дела и его результата — индивидуально-го веления. Иначе говоря, перед нами — не само по себе действие по применению юридических норм, не сам по себе его результат, а действие и результат действия, выраженные в обязательной, как правило, письменной форме, т. е. единый акт-документ. Основные вопросы, касающиеся техники юриспруденции по отношению к актам применения, были рассмотрены в предшествующем изложении, при характеристике правовых актов (II.32.5.; II.37.8').

8. Правоприменительные действия при пробелах в праве. Наличие пробела в праве вызывает необходимость особой деятельности при его применении, специфических правовосполнительных операций.

В данном случае фактических обстоятельств ничуть не больше и не меньше, как и в том случае, если бы пробела в праве не было. Но оценка обстоятельств, их правовая квалификация и в особенности принимаемое решение требуют *дополнительных действий* со стороны правоприменительного органа.

Содержание и особенности этих дополнительных действий во многом сопряжены со спецификой способов восполнения пробелов в советском праве — аналогии закона, субсидиарного применения, аналогии права. Правоприменительные действия в рамках каждого из указанных способов должны строиться таким образом, чтобы учитывалось их юридическое своеобразие.

При *анalogии закона*, т. е. при распространении на данные отношения конкретных норм, регулирующих сходные отношения в рамках данной отрасли права, решающим основанием, предопределяющим возможность применения той или иной конкретной нормы, является *существенное сходство* между теми отноше-

ниями, которые прямо не предусмотрены правом, и отношениями, которые урегулированы конкретными юридическими нормами. Причем «существенность» сходства охватывает и область права: оно предполагает однотипность правового режима — принадлежность отношений к определенной отрасли права. Существенное сходство и дает правоприменительному органу возможность распространить на данный случай юридическую норму в форме логического умозаключения по аналогии.

Субсидиарное применение (межотраслевая аналогия), т. е. такое, когда правоприменительный орган исходит из конкретных предписаний смежной (родственной) отрасли права, так же как и аналогия закона, основано на сходстве отношений, которые прямо не урегулированы нормами данной отрасли²¹. При этом это сходство должно затрагивать юридические стороны регулируемых отношений, методы правового регулирования²². Если между рассматриваемыми отношениями нет сходства в методе регулирования, применение норм смежной отрасли права в субсидиарном порядке исключается²³.

При *аналогии права*, т. е. таком применении, при котором правоприменительный орган исходит из общих начал и смысла законодательства, решающее значение имеют *принципы права*, в особенности специально-юридические правовые начала — принципы справедливости, юридического равенства, ответственности за

²¹ По справедливому мнению В. И. Леушина, субсидиарное применение есть как бы аналогия закона на более высоком специально-правовом уровне (см.: Леушин В. И. Динамичность советского права и восполнение пробелов в законодательстве. — Автореф. канд. дисс. Свердловск, 1971, с. 19).

²² См. там же, с. 18.

²³ Возможность субсидиарного применения норм права основана на структурных (генетических и функциональных) связях между родственными отраслями. Формирование и развитие отраслей права выражается помимо иных моментов в сложных процессах, в ходе которых происходит восприятие отдельных элементов методов регулирования, свойственных основным, и прежде всего профилирующим, отраслям. Не случайно вопрос о субсидиарном применении касается главным образом молодых отраслей права, причем в характере субсидиарного применения проступает последовательность формирования отраслей, их зависимость по генетической линии (например, зависимость трудового права от гражданского, колхозного — от трудового).

вину и другие выраженные в праве аксиомы²⁴. Принципы права нередко закрепляются в нормативном порядке, прежде всего в конституциях. Поэтому правоприменительные органы (суды) при аналогии права подчас ссылаются на соответствующие статьи Конституции.

Какие же дополнительные действия совершают правоприменительные органы при пробелах в праве? В число таких действий входят: определение юридического характера фактических обстоятельств (это предполагает необходимость найти в юридических нормах надежные свидетельства того, что соответствующие обстоятельства входят в сферу правового регулирования); отыскание сходной нормы или принципа права (оно нередко сопряжено с более глубоким анализом начал, на которых строится правовое регулирование в смежных отраслях права); принятие решения о конкретизированном регулировании данных отношений (это связано с конструированием индивидуального веления, основанного на действующем праве).

9. Исполнение решения по юридическому делу. Здесь мы встречаемся с еще одной группой дополнительных правоприменительных операций.

Само по себе применение права заканчивается вынесением компетентным органом надлежаще оформленного акта применения, содержащего индивидуальное государственно-властное веление. Вынесен акт применения — значит юридическое дело решено, компетентный орган на основании своих властных полномочий выразил свою волю по отношению к данному конкретному случаю, в МПР включились новые элементы, которые обеспечивают реализацию юридических норм.

²⁴ Именно при пробелах в праве проявляется непосредственное регулирующее значение правовых принципов. При этом, однако, следует иметь в виду, что главная роль применяемых принципов права — обеспечить властный авторитет принятого решения, «опору» праву, выражающему общенародную волю, в то время как функция регламентации общественного отношения выполняется лишь частично: принципы права обуславливают характер и пределы индивидуальной регламентации прав и обязанностей спорного правоотношения (см.: Леушин В. И. Динамичность советского права и восполнение пробелов в законодательстве, с. 21).

Последующее фактическое осуществление субъективных прав и исполнение юридических обязанностей происходят за рамками правоприменительного процесса. Дальше происходит обычная нормальная реализация в виде использования субъективных прав, соблюдения и исполнения юридических обязанностей. Все дело лишь в том, что в ход реализации права включается правоприменительное решение: юридическую основу фактических действий субъектов образуют теперь не только нормативные предписания, но и принятые на их основе индивидуальные государственно-властные веления.

В тех же случаях, когда нужны дополнительные действия принудительного характера, направленные на исполнение правоприменительного решения, каждое из них представляет собой самостоятельный процесс применения юридических норм. Этот процесс воплощается в относительно обособленных правоприменительных операциях, включающих и установление фактических обстоятельств, и выбор — анализ юридических норм, и вынесение решения.

Последнее десятилетие знаменует собой новый этап в развитии социалистического правоведения. Именно сейчас перед правоведением, и в особенности перед общетеоретической правовой мыслью, все более разворачивается теоретическое богатство марксистско-ленинской правовой теории, и на этой основе открываются дальние перспективы, намечаются решения, сопряженные с новым видением существенных сторон, свойств, закономерностей права, всех элементов правовой действительности. В связи со все большим постижением социальной ценности права при социализме развитие взглядов на правовую действительность, обогатившееся в нашей науке, касается понимания роли и места в правовой системе сложного, многообразного юридического инструментария, действенных правовых механизмов — тех технико-юридических сторон правовой культуры, которые, будучи выражением правового прогресса, являются ключевыми при разработке проблем совершенствования нормативно-правового воздействия на общественные отношения.

Важнейшие исходные предпосылки, предопределяющие столь значительное развитие социалистического правоведения, коренятся в объективных требованиях современного социально-политического развития, в факте всемирно-исторического характера — приобретении правовой системой развитого социалистического общества качества общенародного права. Ведь именно в общенародном праве сообразно социально-политическим условиям зрелого социализма первостепенную роль приобрели его особенности как действенного, высокоэффективного нормативного регулятора. А коль скоро общенародное право — преемник и форма выс-

шего выражения и развертывания юридических ценностей, развитых юридических механизмов, совершенного юридического инструментария, то акцент, который делается на них при освещении общетеоретических вопросов, и есть направление общетеоретических исследований, в полной мере отвечающее современным социально-политическим требованиям; и оно должно привести к углубленному пониманию важнейших сторон, закономерностей и перспектив совершенствования советского законодательства, практики его применения.

Одна из главных задач, поставленных при подготовке настоящего курса, и заключалась в том, чтобы в соответствии с указанным направлением общетеоретических исследований сосредоточить внимание на характеристике юридических ценностей, механизмов нормативно-правового воздействия на общественные отношения.

При этом автор отдавал себе ясный отчет в том, что при таком подходе и в соответствии с намеченной в курсе теоретической концепцией другие общетеоретические характеристики права не получают во всех случаях достаточно широкого освещения.

И еще одно замечание.

Эту книгу нужно рассматривать в контексте развития социалистического правоведения в целом. В ней сделана попытка как можно основательней опереться на достижения нашей общетеоретической мысли, отразить все новое, позитивное, что внесено в социалистическое правоведение за последние годы, и на этой базе в единстве, в комплексе осветить главные общетеоретические проблемы. Подготовка настоящей работы была бы невозможна, если бы не впечатляющие успехи, достигнутые при разработке правовых проблем в таких, в частности, центрах советской юридической науки, как ИГПАН СССР, ВНИИСЗ, ВЮЗИ, юридические факультеты государственных университетов

Москвы, Ленинграда, Киева, Казани, Алма-Аты и др., юридические институты Саратова, Харькова, Свердловска. Тем более, что многим ученым-правоведам, коллегам и сотрудникам по Свердловскому юридическому институту, кафедре теории государства и права СЮИ автор обязан и прямой помощью при подготовке настоящего курса.

Абстрактное изложение 282—283

Абсолютное правоотношение 84, 106—107

Абсолютное событие 175

Абсолютно определенные нормы 73—74

Автоматическая справочно-информационная служба 267

Акт *см.* Правовой акт

Акт-директива 47—49, 221, 225

Активная правосубъектность (компетенция) 122, 144—145, 148, 152—153

Акт применения права 199, 330, 347

Альтернативные нормы 74

Ассоциации норм 77, 279

Аутентическое толкование 310, 313, 314

Бланкетное изложение 182—183, 283—284

Буквальное толкование 307

Вариантные нормы 76—77

Ведомственные нормы 78—79

Ведомственный акт 229—230

Внешнее и внутреннее действие акта 229—230, 234

Внутриорганизационные нормы (акты) *см.* Локальные нормы (акты)

Временные нормы 79

Выбор и анализ нормы 330, 332, 338—340

Гипотеза нормы 54, 57—58, 59—61

Государство (как субъект права) 153—154

Грамматическое толкование 300—303

Дееспособность 146—147

Дозволение 12—15, 16—21, 50—52, 69—70

Действие акта

понятие 237—238

— во времени 238—247

— в пространстве 247—248

— по лицам 248—249

Декларативные нормы 71—72

Делегированное (легальное) толкование 310, 313, 314

Деликтоспособность 147

Детализирующие нормы 76—77

Дефинитивные нормы 58, 71—72, 274

Диспозитивные нормы 73, 75—76

Диспозиция нормы 54, 57—58, 59—61

Догма права 7—8, 10, 23—24, 29—30, 54, 64

Доказательства 321, 334—336

Доказывание 321, 332, 336—338

Доктринальное толкование 313

Документ 7—8, 192—193, 194, 196, 197, 201, 205, 237, 277—282, 288—290

Должностное лицо (как субъект права) 148

Закон 215, 219—225
Законодательная стилистика
см. **Стилистика**
Запрет 12—15, 16—21, 50—52,
60—61, 69—70
Запрещающие нормы 69—70,
109

Императивные нормы 73, 75
Индивидуальный акт (как документ) 199—201, 288—290
Индивидуальный акт (как юридический факт) 168—172
Индивидуальное предписание
27—28, 46—50, 345—347
Индивидуальное регулирование 72—73, 165—166, 184,
190, 323, 334—345
Индивидуальные субъекты
147—151

Инкорпорация
понятие 217, 221—222, 253,
258—259
виды 259—267

Интерпретация см. **Толкование**
Интерпретационные акты 29,
199—200, 313—315

Истина 321

Историко-политическое толкование 300—302

Источники права 194, 212—
213

Казуальное толкование 311—
312

Казуистическое изложение
282—283

Квалификация 331, 332, 340—
343

Кодификация 33—34, 253—258

Кодифицированный акт 198,
203, 215, 217, 232—233, 257—
258, 276, 278—279

Коллизионные нормы 71, 238,
248, 249—250

Конкретное правоотношение
103—105

Конституционные законы 224—
225

Конституция 224, 264

Консолидация 262—263

Критика (при применении права) 339—340

Логическое толкование 300—
306

Локальные акты 230—231

Локальные нормы 78—80

Местные акты 229

Местные нормы 78—79

Механизм правового регулирования (МПР)

понятие 9—10, 11—12, 24—
25

аспекты проблемы 10—12
социальный механизм действия права 11, 21—23
подсистемы МПР 28—29

— специально-юридический 11,
12—15, 23—24

— функциональный 12—15

— психологический 11, 15—21

Немедленное действие акта
241—244

Неофициальное толкование
309, 312—313

Неправомерное действие см.
Правонарушение

Норма логическая 42—46, 51,
54, 55—59, 65—67, 275, 280

Норма права
понятие 10, 31—33, 46, 48,
50

отправные моменты 33—36
виды 53—54, 64—81

— в МПР 26—28

— и специализация права 36—
38

- Норма-предписание** 35—36, 38—42, 43—46, 51—52, 54, 55—56, 59—63, 65—66, 275, 279—280
- Нормативное построение** 54, 274—275
- Нормативное толкование** 310—311
- Нормативный акт**
 - понятие 199—203, 225, 251, 310—315
 - система 214—219
 - виды 218—219, 231, 233—236
- как источник права 203—208
- в социалистическом обществе 208—210
- как форма права 210—212
- Нормативный договор** 236
- Обобщения в праве** 33—34, 38—39, 72, 255, 279—280, 282—283
- Обратная сила** 243—246
- Общественные образования (как субъекты права)** 149—150, 153—154
- Общие нормы** 71—72, 77—79, 255
- Общие подзаконные акты** 228—229
- Общие правоотношения**
 - понятие, общая характеристика 84, 95, 102, 116—117, 122
- как состояние 103, 104—105, 143
- общедозволительные 103—105
- общезапретительные 103—105
- Объективно - противоположное действие** 173
- Объект правоотношения**
 - общая характеристика 99—100, 154—155, 156, 162—163
 - определение 156—159
 - значение проблемы 159—160
 - особенности ОП в отдельных отраслях 160—162
 - и объект правового регулирования 155—156
- Объективная истина** 321—328, 335
- Обыденное толкование** 298, 312
- Обязанность (юридическая)** 85—87, 125—135
- Обязывание (позитивное)** 12—15, 15—16, 69—70
- Обязывающие нормы** 68—70, 109
- Ограничительное толкование** 307—308
- Оперативные нормы** 71—72, 238
- Организации (как субъекты права)** 148—150, 151—154
- Основания ответственности** 173, 188—189, 189—191
- Основные нормы** 76—77
- Основы законодательства** 224—225, 257
- Ответственность (позитивная)** 128—129
- Относительно определенные нормы** 73, 74—76
- Относительные правоотношения** 83—84, 107—108
- Относительные события** 175
- Отраслевая типизация** 276—277, 341
- Отраслевые нормы** 81
- Отраслевые правоотношения** 111—112
- Отрасли законодательства** 231—232
- Отрицательный факт** 176—177

Официальное толкование 309—310

Охранительные нормы 37, 53, 59—61, 67—68, 255

Охранительное правоотношение 67, 107—108, 113, 125, 127—128, 188

Пассивная правосубъектность 122, 144—145, 148

Переживание акта 246—247

Плановые нормы (план как юридическая норма) 47—50, 225

Подзаконный акт 219, 227—231

Положительный факт 176—177

Поощрительные нормы 19—20, 80—81

Право (субъективное) *см.* Субъективное право

Правовая связанность 185

Правовой акт
значение термина 192—193
основные черты 194—195
место в МПР 26—28, 29, 195—196
значение проблемы 197—199
виды 199—201, 313—315

Правовое регулирование
механизм *см.* МПР
стадии 25—28
типы ПР и виды норм 70

Правовой статус 142—143, 151

Правомерное действие 168—172

Правомочие
понятие 117—118
виды 118—123

Правонарушение 172—174, 188

Право на свои действия 69, 109, 115, 119—124, 128—129

Правообразующий (-изменяющий, -прекращающий) факт 165, 175—176

Правоотношение

понятие 82—85

состав 98—100

научная разработка проблемы 100—102

виды 102

— в МПР 26—28, 93—95

— как правовая связь 85—89
о правах и обязанностях вне П. 87—89, 95, 104, 120—121, 124—125, 131

— в системе надстройки 89—93

закономерные связи в со-
держании 132—135

функции 93—94

— и регулируемое правом от-
ношение 95—98

Правоохранительные нормы *см.* Охранительные нормы

**Правоприменительная деятель-
ность** 166, 308, 317—320

Правоприменительное действие 329—333

**Правоприменительное толкова-
ние** 310—311

Правопрепятствующий факт 127, 166, 176—177, 183—184

Правоприменительный акт 188—189, 244

Правоспособность 142—145, 146—147

Правосубъектность
общая характеристика 29, 121—122, 139—140, 143—144, 146—147

виды 144—146

— в МПР 140—144

Правотворческое решение 204—205

Право требования 115, 118—119

Презумпция 52, 277

Преступление 173—174

Преюдициальное правоотношение 92, 150
 Прецедент 204—208
 Применение права 26—28, 295—297, 317—320, 329, 345—347
 Принципы права 38, 50—52, 53, 58
 Притязание 117, 124—125, 134

 Распространительное толкование 307—308
 Регулятивные нормы 37, 59—61, 66, 67—68
 Регулятивные правоотношения 67, 107—108
 Результативное действие 170—172
 Реквизиты акта 277—278
 Рекомендательные нормы 79—80
 Решение юридического дела 319, 330, 332, 340—347

 Санкционирование 234—235
 Санкционированный обычай (обычай) 204—208
 Санкция нормы 54, 57—58, 59—61, 80—81
 Свод законов 263—265, 267
 Секундарное правомочие 122—123, 185—186
 Система законодательства 215—219, 251—252
 Систематизация в праве
 понятие 29, 251—254
 формы 253
 Систематическое толкование 300—305
 Системное построение 275
 Системность права 34, 42, 72, 210, 214, 251
 Ситуационные нормы 74
 Совместные акты 235—236

Содержание правоотношения 90, 96—97, 99—100, 112—114, 136
 Состав правонарушения 173, 189—191
 Состояние (как юридический факт) 77—78
 Специализированные нормы 70—72
 Специализация права 37—39, 51, 55, 58, 65, 67, 72, 238, 255
 Специальная правосубъектность 144—145
 Специально-юридическое толкование 300—306, 315
 Специальные нормы 77—78, 248—249
 Справочно-информационная работа 266—267
 Статья 40, 55—56, 279—280
 Стадии применения права 329—332
 Стилистика (законодательная) 277, 284—288
 Структура нормы
 понятие 53—54, 63—64
 — логической 56—59, 62—64
 — нормы-предписания 59—63, 64
 Структура правоотношения 136—138
 Ссылочное изложение 283
 Субъективное право
 общая характеристика 85—87, 114—115, 117—118, 123—124, 128—129
 — и интерес 115—117, 157
 Субъекты правоотношения
 — как элемент состава правоотношения 99—100, 138—140
 — и субъект права 140
 — в МПР 140—144
 виды 147—154

Текст акта 36, 41—42, 55—56,
273—274, 277—281

Техника юридическая см. Юри-
дическая техника

Техника индивидуальных актов
272, 288—290

Техника юриспруденции 7—8,
10, 23—24, 29—30, 198—199,
270—271, 318—319

Технико-юридические приемы
268, 271, 272, 273, 281—284,
289

Типизация 289—290

Тип правоотношения

— активный 68, 96—97, 108—
111, 117, 121, 122, 124—125,
127, 128, 131, 134—135,
158—159

— пассивный 69, 96, 108—111,
117, 120, 124, 127, 128—129,
134—135, 157—158

Толкование

понятие 290—294, 308—309,
340

природа 271, 294—297

объект 297—298

способы 299—300

соотношение способов 301—
303

результаты 306—308

— как познание 298—299

— индивидуальных актов
315—316

Управомочивающие нормы 69—
70, 109

**Установление фактических об-
стоятельств** 330, 332, 333—
334, 335, 338—339, 343

Фактическая конструкция 189

Фактическая ситуация 187—
188

Фактический состав

понятие 119, 126, 178—180,
186—187

виды 180—184

последствия 184—187, 244

Факультативные нормы 74—75

Фикции 52, 277

Функции права

— и функциональный МПР
12—14

— и виды юридических норм
65, 67, 68—69

— и типы правоотношений
107—111

Юридическая конструкция 52,
275—276, 289, 341—342

Юридическая терминология
273—274, 289

Юридическая техника

понятие 211—212, 267—272,
293

виды 272—273

средства 268, 271, 273, 274,
276—277

Юридические действия 165—
166, 168—174

Юридический поступок 170—
172

Юридический факт

понятие 163—164, 333, 346

значение проблемы 166—167

классификация 167—168

— в МПР 26, 29, 164—166

Юридическое дело 328

Юридическое лицо 144, 152—
153

Юридическое познание 298—
299, 319, 320—321, 326—328,
329—330

Юридическое событие

понятие 174—175

разновидности 175

Язык права 287

Сергей Сергеевич Алексеев

„ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА“

(Курс в двух томах, том II)

Редактор Л. А. ПЛЕХАНОВА

Художник В. И. ПАНТЕЛЕЕВ

Художественный редактор Е. П. СУМАТОХИН

Технический редактор Н. Л. ФЕДОРОВА

Корректоры О. В. АЧКАСОВА, А. А. ЛАММ

ИБ № 1122

Сдано в набор 25.06.81. Подписано в печать 19.11. 81.
А-05870. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская
№ 1. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Объем: усл. печ. л. 18,9; усл. кр.-отт. 18,9;
учет.-изд. л. 21,19. Тираж 11 000 экз. Заказ № 4839.
Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Юридическая литература»,
121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14.

Областная типография управления издательств,
полиграфии и книжной торговли Ивановского
облисполкома, 153628, г. Иваново, ул. Типограф-
ская, 6.

